

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВACHEB

БИЧ
ВРЕМЕН

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEB
БИЧ ВРЕМЕН

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEB

БИЧ ВРЕМЕН

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВACHEВ
БИЧ ВРЕМЕН

РОМАН

«ЭКСМО»
1997

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Разработка серийного оформления
художника *И. Г. Саукова*

Серия основана в 1997 году

Иллюстрации художника *Julie Bell*

Г 61 **Головачев В. В.**
Бич времен: Роман. — М.: ЭКСМО, 1997. — 480 с. (Серия
«Классика приключений и научной фантастики»).

ISBN 5-251-00458-3

Далеко шагнувшая земная наука позволила ученым задумать и взяться за реализацию суперпроекта по бурению временных пластов протяженностью в миллиарды лет. Но внезапно объявившиеся хронокиперы повернули ход эксперимента в опасное для существования Вселенной русло. В результате этого вмешательства природа словно сошла с ума, освободив жуткие и таинственные стихии, способные стереть в порошок не только нарушителей пространственно-временного баланса, но и целые вселенные со всеми их обитателями.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Головачев В. В., 1997 г.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО», 1997 г.

ISBN 5-251-00458-3

Настеньке

Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...

М. Тарловский. Иронический сад

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАМ ЗВЕРЬ...

Глава 1

Первое предупреждение Павел Жданов получил еще на Земле, перед очередным инспекционным вояжем в систему Каптейна. Но в табели о рангах службы безопасности УАСС¹ он был грифом, то есть гранд-инспектором формирования безопасных зон, не боялся ни Бога, ни черта и звонок по видео, без обработки (абонент не представился), принял за чью-то недобрую шутку. Тогда он еще не знал, что такие же точно предупреждения получили все грифы галактической службы и лучшие оперы на Земле.

Второе предупреждение было более ощутимым и серьезным и заставило Павла переоценить качество своей интуиции. Он родился паранормом и должен был почувствовать глубину опасности и угрозы еще во время первого звонка.

Произошло это событие в системе звезды Гевелия — альфы Рыси, куда Жданова направили для расследования обстоятельств гибели исследовательской станции и пропажи модуля с грифом Геворком, который начал расследование и исчез.

¹ УАСС — Управление аварийно-спасательной службы.

Система Гевелии состояла из центральной звезды, двух планет с атмосферами из азота и водорода, кометных облаков и широкого пылевого пояса с четырьмя сгущениями. Ученые подозревали, что сгущение — протопланеты в стадии образования ядер, и интерес их был понятен.

Исследовательская станция, запущенная в пылевой пояс, прекратила связь спустя трое суток. Перестала работать и система метро, соединяющая станцию с базовым кораблем «Рысь». Таким образом, одиннадцать членов экипажа станции, защищенной от всех мыслимых катаклизмов, канули в неизвестность, как и Алим Геворк, гриф из группы «Астро-аскер», посланный в систему Рыси через двое суток после того, как безопасники «Рыси» признались в бессилии разгадать тайну молчания станции. Ушел в поиск Геворк на модуле типа «Коракл», способном окунуться в атмосферу любой звезды, не то что в пылевой пояс. И замолчал.

Жданов появился на базовом корабле в тот момент, когда техникам удалось нащупать в облаке пыли модуль «Коракл», ведомый Геворком. К модулю он стартовал в составе тревожной группы из трех шлюпов, но по уровню ответственности имел право руководить группой и действовать самостоятельно. Что он и сделал, отправившись к модулю Геворка один, после того как шлюпы обнаружили двадцатиметровый граненый цилиндр пропавшего аппарата.

Подстыковаться к модулю удалось со второй попытки, автоматика его не сразу сообразила, что от нее требуется. Это указывало либо на отсутствие пилота на борту, либо на потерю пилотом сознания, и Павел рискнул проникнуть в шлюп один, оставив обойму сопровождения ждать сигнала.

Его встретили в кокон-рубке модуля.

Распахнув «лотос» люка, Павел в невесомости вплыл в рубку — генератор тяготения не работал — и получил мощный удар по сознанию (стреляли из суггестора «слон», подавляющего волю), от которого пришел в себя уже через несколько секунд, но сделал вид, что воля его подавлена. Сквозь прищуренные веки он увидел лежащего ничком у распахнутого кресла Геворка, а над ним двух

молодых людей в стандартных кокосах¹, один из которых держал в руке суггестор, а второй — «универсал». В глазах обоих безжалостное равнодушие и деловитая сосредоточенность — ни угрозы, ни ненависти, ни злобы. Именно это обстоятельство и заставило Павла собраться.

— Кто... вы? — вяло спросил он.

Молодые люди переглянулись, причем один из них озабоченно посмотрел на гипноизлучатель.

— Я думал, он получит нокаут, — сказал брюнет с тонкой ниточкой усов. — Добавить?

— Он уже не опасен, хотя и держится.

— Кто... вы? — повторил вопрос Павел.

— Санитары, — без улыбки ответил брюнет. — Вы не вняли первому нашему предупреждению, как и этот парень, — брюнет кивнул на Геворка, — и нам пришлось применить определенные усилия, чтобы выйти на вас обоих здесь.

— Он... жив? — Павел попытался на расстоянии определить состояние инспектора, но не услышал ни шума его мыслесферы, ни стука сердца.

— Он в коме, но спасти его еще можно... если вы согласитесь последовать совету: не вмешивайтесь!

— Во что?! — изумленно спросил Павел.

— Ни во что! Не соглашайтесь ни на одно задание, которое вам попытаются дать по службе, сошлитесь на усталость, улетайте на отдых куда угодно и будете жить долго.

— Я привык решать вопросы своего досуга сам. Пока не узнаю причины, ничего обещать не буду.

— Тогда вы умрете!

— Ребята, я не уважаю такие шутки. — Голос инспектора зазвучал уверенно. — А вы плохо представляете, с кем имеете дело. Попрошу сдать оружие и следовать за мной. Шлюп окружен обоймой поддержки.

Брюнет шевельнул стволом суггестора, но выстрелить не успел: Жданов туго толкнул от себя воздушную волну, заставившую двух террористов отлететь назад, вогнал организм в режим ускорения и прыгнул к «сани-

¹ Кокос — компенсационный костюм спасателя, универсальный защитный скафандр.

тарам», в доли секунды отнимая оружие у обоих. Сражаться в невесомости молодые люди не умели.

Однако боя не получилось. Оба тоже владели темпом и ускользнули от новой атаки, ловко выбираясь в тоннель выхода «Коракла».

— Третьего предупреждения не будет, — услышал Павел обещание брютета, после чего парни исчезли в транспортном отсеке модуля, где им был установлен микроблок метро. Когда Жданов проник в отсек, его встретила тусклая зеленая вспышка сработавшего канала. И лишь после этого в чхе пискнула рация обоймы сопровождения:

— Инспектор, что там у вас стряслось? Почему молчите? Мы регистрируем всплеск энергии.

— Пилот без сознания, — ответил Павел, глядя, как тает установка метро, и понимая, что ему никто не поверит. — Забирайте его. — Он перешел на другую частоту, связываясь с прима-пилотом «Рыси». — Командир, в составе экипажа станции был кто-нибудь из опытных безопасников?

— Шеф сопровождения Борисов из отряда «Астроаскер».

Павел вспомнил кряжистого медлительного здоровяка с седой шкиперской бородкой и седой шевелюрой, мощного и спокойного. Кивнул сам себе: видимо, Борисов тоже не внял предупреждению «санитаров» и его «выключили» вместе со всем экипажем станции... Павел покачал головой, не находя причин превентивной и столь жестокой деятельности неизвестных террористов.

— Бред!

— Что? — не сдержал удивления прима-пилот.

— Это я не вам, — вздохнул Павел, — извините. Пилота модуля сейчас доставят на борт, организуйте линию метро в клинику Управления. Я продолжаю поиск.

— Только что получен циркуляр «три девятки» по треку: «Инспектору Жданову срочно убыть на Землю в распоряжение комиссара-два Ромашина».

Павел присвистнул про себя, чувствуя, как сжимается сердце, и подумал, что «санитары», кто бы они ни были, предупреждали его, очевидно, не зря. Оставалось выяснить, во что он не должен был вмешиваться.

Глава 2

Осветители погасли, и колонна хроноквантового ускорителя, называемая в обиходе исследователей и строителей просто Стволом, растаяла на фоне ночного неба.

Атанас Златков, начальник хронолаборатории и научный руководитель эксперимента, разгладил ладонями уставшее лицо, снял с головы дугу экмана и встал из-за пульта. Тотчас же огни на вычурной панели пульта побледнели, стали гаснуть, втягиваться в толщину доски, пока не остались редкие огоньки дежурных смен. Дуга экмана превратилась в струйку металла, влившаяся в панель, а сама панель изменила форму, преобразовалась в «ромашку ожидания». Свернулись и остальные пульта, кроме одного, за которым остался дежурный оператор Толя Шкодан.

— Я тоже останусь, — буркнул в спину Златкову инженер-хрономеханик Игорь Марич. — Поколупаюсь в бункере Н.

Начальник лаборатории глянул на часы — шел третий час ночи, пожал плечами.

— Начало эксперимента в десять часов утра, вряд ли ваше присутствие здесь до этого момента целесообразно. Однако, если хотите, оставайтесь.

Марич глянул в непроницаемые глаза ученого, не увидел в них ничего, кроме усталости и ожидания, и заготовленную язвительную реплику проглотил.

Златков еще раз пробежал глазами по панели дежурного пульта, попрощался со Шкоданом, медленно поплелся из зала, а затем из здания лаборатории, расположенной в полукилометре от хроноускорителя-Ствола. За ним, поколебавшись немного, ушел и Марич, но потом вернулся в бункер независимой аппаратуры, за работу которого отвечал лично. Утром их ждал Большой эксперимент — включение хроноквантового бура, который, по мысли ученых, должен был «просверлить» время в прошлое на сотни миллионов лет. До этого момента выходы Ствола в прошлое соответствовали тысячам и де-

сяткам тысяч лет, да и бур при этом включался «шепотом», в режиме хронопризрака.

Здание лаборатории, простое и незатейливое по форме, как кирпич, окончательно оделось в саван полутьмы. Погасли последние окна различных отделений и служб, разошлись по домам возбужденные специалисты, ответственные за проведение эксперимента в своих зонах контроля. В лаборатории остались всего несколько человек за пультами связи и мониторов охраны. Все шумы и звуки стихли, лишь ночные птицы продолжали перекликаться в лесах вокруг комплекса зданий, да и они вскоре замолкли.

Толе Шкодану шел двадцать восьмой год, и работал он со Златковым уже пять лет, с момента окончания университета. Был он человеком флегматичным, упрямым, любил во всем разбираться до мелочей и потихоньку вырастал в ученого, имеющего свои концепции устройства Мироздания. Эксперимент он готовил со Златковым давно, хотя пришел в Центр хронобурения, когда Ствол уже был практически законченным сооружением. Со многими идеями начальника лаборатории Толя согласен не был, особенно в области прогнозирования работы хронобура, многие его собственные идеи были отвергнуты Златковым, однако это не мешало ему чувствовать такой же подъем, как и у остальных участников эксперимента, и жажду сравнить точность расчетов и адекватность подходов — своего и шефа.

В четвертом часу ночи Шкодан очнулся от непонятного шума за спиной. Оглянувшись, он увидел надвигающуюся на него полупрозрачную фигуру и потерял сознание от импульса суггестора, не успев ни задать вопроса, ни сообразить, что происходит.

Точно таким же образом были обезврежены еще двое дежурных в недрах здания, обслуживающие энергетические и обрабатывающие системы. А затем в залах лаборатории объявились группы существ, из которых лишь трое-четверо были людьми. Они развернули пульты управления хозяйством лаборатории провели короткий контроль функционирования ускорителя и привели

в чувство Шкодана, который знал коды включения всей гигантской системы Ствола.

Когда Анатолий понял, чего от него хотят, он не стал выяснять, кто перед ним и зачем им коды, он просто ответил «нет» и продолжал говорить, несмотря на последовавшие гипнодопросы и пытки электрошоковым аппаратом. И тогда пришельцы развернули нейрохирургический бокс, сделали молодому ученому лазерную терапию черепа и вошли в его мозг с помощью сканера, применявшегося для лечения пациентов с обширным поражением мозга. Вряд ли разработчики медицинской аппаратуры предполагали, что их идеи, спасшие жизни миллионам людей, могут быть использованы как средства казни или оружие.

Спустя минуту после подключения сканера к мозгу Анатолия террористы знали все, что им было нужно для запуска хроноускорителя. Еще через несколько минут начался «разгон» хронобура. Эксперимент, которого ждали десятки знаменитых ученых, сотни инженеров и тысячи людей на всем земном шаре, начался на шесть часов раньше, чем было запланировано, и не в расчетном режиме.

Катастрофа произошла через две минуты после включения хроноускорителя-Ствола, проколовшего время в прошлое на миллиарды лет.

Автоматические видеокамеры высотной капсулы метеопатруля, обозревавшие просторы европейской тайги, включились именно в тот момент, когда двухкилометровая башня хроноквантового ускорителя внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская голубая молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев. На крыше башни набухла опухоль голубого сияния, пролилась по стенам на землю, как вода через край стакана, и покатился по лесу кольцевой вал голубого пламени, оставляя за собой спекшуюся от жара лесную почву...

Булькающий гул, грохот и невероятный свистящий вой раскатились по холмам и равнинам на многие десят-

ки километров, будя спящих, вызывая у бодрствующих недоумение и тревогу...

Здание лаборатории времени возле башни ускорителя уцелело, но выглядело странно — будто стены покрыли белой святащейся краской, зато провалы окон в них стали черными. Башня перестала светиться, потемнела, вершина ее потеряла плотность, превратилась в зыбкий дрожащий столб, исчезающий на высоте двух с половиной километров.

Гул стих, и на ночную землю, в уцелевшие леса, пришла пощелкивающая кастаньетами неестественная тишина...

Глава 3

Вездеход выгрузил их на лесной поляне, краем выходящей на покинутую деревню с необычным названием Скрабовка. В деревне уцелело всего несколько домиков, крытых соломой, серой от непогод и времени. Веяло от них запустением и старостью, неприкрытой крестьянской бедностью начала века, хотя водитель вездехода, местный старожил, рассказывал, что деревня покинута недавно, года четыре назад. Когда-то через нее тянулся Дятьковский тракт, обходивший болото и приток Ветьмы Пожну, но потом болото пересохло, через Пожну построили мост, тракт опустел, а когда люди, соблазненные благами цивилизации, перебрались в район-центр, деревня захирела и умерла совсем.

— Не скучайте, — сказал белобрысый, словно в соломенном парике, водитель. — Через пару дней доставлю остальное ваше барахло. Ну, ни пуха...

Вездеход взревел по-бычьи, всплыл над землей, почти касаясь травы резиновыми бортиками воздушной подушки, и, ускоряя ход, пополз по дороге. Тугая воздушная волна пригнула траву, сдула пыль с поросшего подорожником и снытью тракта и сорвала с головы Рузаева берет.

Когда вездеход скрылся за деревьями, Сурен Гаспа-

рян, одетый как на прием в посольстве, поставил на землю рюкзак, сел на него верхом и хмыкнул:

— Барахло! Слышали, как он о нашей аппаратуре?

— Кстати, — хладнокровно сказал Рузаев, подбирая и надевая берет, — в этом рюкзаке вся наша оптика.

— Правда? — удивился Гаспарян, продолжая сидеть. — То-то я чувствую своим сидалищем что-то твердое...

Был он человеком, склонным к сдержанной насмешливости, и привыкнуть к его манере поведения удавалось не всем.

— А чуете, как здесь тихо? — сказал третий участник экспертной группы, высокий жилистый Иван Костров. — Благодать-то какая, эксперты! Соскучился я по лесной тишине.

— Да и я тоже, — признался Гаспарян. — Давненько нас не посылали в поиск. Только птиц здесь почему-то не слышно. Нас испугались, что ли?

Костров окинул взглядом груды снаряжения.

— С чего начнем? Может, сразу пойдем к месту происшествия?

Гаспарян в раздумье покачал головой.

— Сначала поставим палатку, наведем порядок.

— У меня идея. — Рузаев посмотрел на низкое солнце. — Выберем одну из хат, и дело с концом.

— Ну уж нет, палатка лучше, — возразил Гаспарян. — Лично я не люблю спать с клопами и тараканами.

— Какие там клопы-тараканы! — махнул рукой Костров. — В домах уже четыре года никто не живет, насекомые давно сбежали. А вот сырости там хватает.

Через час они поставили две палатки: одну, четырехместную, для себя, другую для груза, который состоял из хрупкой аппаратуры и продовольствия.

— Теперь так. — Гаспарян поправил свою модную и строгую джинсовую двойку: сизо-синюю куртку с эмблемой «Вязники», расшитую бахромой и серебряной нитью, и такие же брюки. — Мы с Иваном пройдемся по лесу, а ты подежуришь в лагере, — обратился он к Рузаеву. — Все равно будешь битый час тупо смотреть в стенку палатки и вспоминать, зачем нас сюда послали.

Возражений не последовало. На монголоидном лице

Миши Рузаева не дрогнула ни одна черточка. Характер у него был невероятно сдержанный, ровный и спокойный. К жутким выпадам Гаспаряна, которых поначалу пугались все в отделе, пока не разобрались, что за этим кроется избыток юмора, Рузаев относился так же хладнокровно, как философ к зубной боли.

Оставив Михаила хозяйничать в лагере, Костров и Гаспарян пересекли полянку, окруженную смешанным лесом, прошли мимо вросших в землю домов Скрабовки и оказались на заброшенной проселочной дороге, украшенной коровьими следами и узорчатыми полосами от велосипедных шин.

— Метров двести налево, — сказал Гаспарян. — И в лес?

— Вроде бы так, — согласился Костров, вспоминая, с чего все началось.

Два дня назад в Центр по изучению быстропеременных явлений при АН России пришла телеграмма из Брянска, в которой сообщалось, что над лесом возле деревни Скрабовка Жуковского района потерпел аварию вертолет энергохозяйства. Причины аварии расследовались линейным отделением милиции и были отнесены к компетенции научных органов. Что это были за причины, Костров толком не знал, но, будучи экспертом Центра, привык к неожиданным командировкам, зачастую не приносящим научных результатов.

— Черт! — сказал Гаспарян, сдирая с лица паутину. — Это уже четвертая.

Костров тоже дважды задел головой паутину, висящую между деревьями и кустами, но как заядлый грибник, давно привыкший к лесному неуютю, не обращал на это внимания.

Сегодня на лесной поляне,
Среди широкого двора,
Воздушной паутины ткани
Блестят, как сеть из серебра, —

торжественно продекламировал он стихи Бунина и добавил с удовлетворением: — А грибы тут есть. Я уже два подосиновика нашел. Гарантирую завтра суп с грибами.

Лавируя между стволами редких осин и кустами ака-

ций, они подобрались к краю болота, заросшего ивняком, осотом, ракитником и рыжим мхом. Болото пересекла цепочка ажурных мачт линии электропередачи, исчезающая в просеке недалеко от того места, где вышли эксперты.

Гаспарян ступил на пружинистый мох, остановился, предупреждающе поднял руку. Костров сразу понял, что привлекло внимание начальника группы.

Рядом со старой сосной высился могучий полуметровый муравейник. Однако он был безжизнен и оплетен паутиной до самого верха. На вершине муравейника лежала кверху лапами мертвая птица с серо-желтым оперением.

— Сорокопут? — неуверенно сказал Костров.

Гаспарян осторожно приблизился к муравейнику, осмотрел его, потрогал птицу и пробормотал:

— Как тебе это нравится?

Костров пожал плечами и пошел вперед.

Ближайшие кусты перед ним были почти сплошь оплетены паутиной да в траве кое-где виднелись серебристые паутинные вуали, похожие на пятна изморози. Лес стоял мрачный, молчаливый, будто притихший перед грозой, и в его глубине кое-где виднелись на ветвях все те же паутины. Костров шагнул было к кустам, но Гаспарян поймал его за рукав.

— Не спеши, дорогой, к славе, она сама тебя найдет.

— Я только посмотрю, интересно же...

— Не спорю, но сегодня ничего смотреть не будем. Заметил, какая тут прорва паутин?

— Трудно не заметить, — пожал плечами Костров. — Михаила бы сюда, это больше по его части. Давай хотя бы поищем разбитый вертолет, из-за которого начался сыр-бор. Он где-то здесь.

Гаспарян посмотрел на небо — солнце вот-вот должно было зайти, но перечить не стал, сказал только:

— Вертолет не причина, а следствие. Неужели не догадался, из-за чего нас сюда прислали?

— Ты же знаешь, что меня вытащили из отпуска, и я в институт не заходил, прямо из дома — на вокзал. Паутины?

— Они самые.

— Не вижу ничего загадочного.

Краем болота они вышли к просеке и молча остановились, разглядывая открывшуюся картину.

Просека была опутана паутиной так, что совершенно скрывалась в белесом «тумане», сквозь который проступали смутные контуры кустов, пней и опор. Некоторые узорчатые полотнища пересекали просеку от одной стены деревьев до другой и даже взбирались на опоры ЛЭП. Дальний конец просеки скрывался в сплошном белом мерцании, и смотреть туда было жутко и неприятно.

Гаспарян передернул плечами и стряхнул с куртки остатки паутины.

— Понял теперь? На районной подстанции диспетчер обнаружил утечку энергии, сначала небольшую, потом она возросла до... В общем напряжение упало. Послали вдоль линии бригаду на вертолете. Дальше ты знаешь.

— Понятно. Значит, утечка была в этом районе?

— Именно. Электрики в паутинник сунуться побрезговали, посбивали кое-где паутину с проводов, а улетаая, напоролась на дерево.

— Живы?

— В больнице. К ним полетел Ивашура и кто-то из начальства — узнать подробности. Милиция в общем-то разобралась в аварии, ну а нам придется разбираться во всем остальном. Кстати, я пауков с детства не люблю.

— Странно...

— Что не люблю?

— Нет, что именно нашу группу послали сюда. Мы же атмосферники, а не биологи. Разве что Михаил когда-то, в дремучем детстве, был не то зоологом, не то энтомологом.

— Он как-то иначе называл свою бывшую профессию... Но неважно. А послали нас сюда потому, что, в первых, мы специалисты широкого профиля — я имею в виду группу, — а во-вторых, в Центре толком не знали, с чем нам придется столкнуться. О паутинах, например,

я узнал только от электриков. В крайнем случае привлечем к работе узких специалистов.

Обратно шли молча, внимательно высматривая просветы между деревьями, чтобы не влезать в паутины, частота которых явственно указывала на биологическую аномалию. Откуда-то пришло ощущение, будто из лесной чащи за ними наблюдает затаившийся хищник.

— Интересно, — сказал Костров, невольно понижая голос, — волки здесь водятся или всех переохотили?

— Гнать бы их надо! — ответил задумавшийся о своем Гаспарян.

— Волков?!

— Пауков. Вызвать бригаду санэпидемстанции и...

В тот же момент сзади, у просеки, раздался гортанный, с металлическими модуляциями, страшный и странный крик. Длился он несколько секунд, взорвав тишину на осколки эха, и были в этом леденящем душу крике смертельная тоска, злоба и ужас!

Костров споткнулся от неожиданности и замер, прислушиваясь.

— Кто это?! — пробормотал Гаспарян, меняясь в лице.

— Упырь, — хрипло ответил Костров. — Ну-ка погоди...

Где-то недалеко послышался еще один крик, человеческий:

— ...а-ан!.. ре-е-ен!..

— Наверное, Миша зовет!

Не стовариваясь, оба бросились сквозь чащу к дороге, но вскоре выяснилось, что тревожились они напрасно. Рузаев звал их в ответ на чужой вопль. Толком не поняв, кто кричит, он вскочил и опрокинул в костер котелок с чаем.

— Один-ноль в пользу крикуна, — прокомментировал Гаспарян, переводя дух. — Мне казалось, тебя ничем не проймешь.

— Мне тоже так казалось, — проговорил Рузаев. Он был эвенком, но по-русски говорил чисто, разве что чуть замедленно. Однако сейчас в его речи явственно звучал акцент.

— Кто кричал?

— Леший, — предложил вторую свою гипотезу Костров и пошел умываться.

Чай в этот вечер они пили поздно.

Глава 4

Под утро Кострову приснилось, будто он взобрался на высокую скалу, ощущая восторг от распахнувшейся дали, и шагнул с нее прямо в воздух. С минуту он парил на той же высоте, вольный и легкий, как луч солнца. Под ним в синей дымке расстился лес, теряющийся за горизонтом, извилистой фиолетовой лентой текла река, выпирали из леса рыцарские шлемы сопок... Деталей он не различал, был занят собой, общим состоянием сказочной легкости и управляемости тела. С легкой грустью Костров подумал, что видит Красноярский край, вспомнил отца, умершего семь лет назад. «Надо навестить родственников, скажут — забыл... Вот прямо сейчас и полечу, чего откладывать?» И вдруг с ужасающей отчетливостью внизу показалась огромная паутина, накрывшая лес на несколько километров. «Откуда здесь паутина?» — успел подумать он и сразу же начал падать, быстро и неудержимо. Со страшной скоростью засвистел мимо воздух, мир сжался до размеров глубокого колодца, в который он влетел стремительным болидом. А когда удар о землю казался неминуемым, тяжелое сердце в диком ускорении оторвалось, пробило грудную клетку и взорвалось впереди огненным фонтаном...

Осторожно пощупав левую сторону груди, Костров выглянул из палатки. В трех метрах от нее горел костер, у которого возился Рузаев. Пахло дымом и ухой.

— Незаменимый ты человек, Рузаев! — с чувством сказал Костров. Но тут ему на голую спину стекла с пола палатки холодная струйка воды. Он взвыл и разбудил Гаспаряна.

Через час, позавтракав и поразмышляв о причинах вечернего крика, все трое шагали по мокрой, седой от росы траве к дороге, увешанные своей драгоценной,

осточертевшей за долгие месяцы экспедиций аппаратурой. Недалеко от места, где вчера экспертов застал крик, они совершенно случайно обнаружили останки разбитого вертолета.

Здесь тоже было полно паутины: на траве, на кустах орешника, на ветвях берез и нежнокорых осин. Стальной винт вертолета успел покрыться густой ржавчиной, хотя авария произошла всего два дня назад, и все кругом было буквально нашпиговано паутинами разных сортов и рисунков.

— Откуда их здесь столько, братцы? — удивился Рузаев, отбросив на мгновение свою природную невозмутимость.

— Оттуда, — пояснил Гаспарян, сдирая с лица удивительно прочные нити, и прошипел: — Гадость! Ты, кажется, зоолог по образованию? Классифицируй, тебе и карты в руки. Кстати, обратите внимание: в лесу полностью отсутствуют насекомые.

— Что же тут удивительного? — буркнул Костров. — Начало осени. Но вот птиц действительно не слышно.

Ступая по жухлой осенней траве, он приблизился к вертолету.

Стабилизирующий винт машины валялся в стороне, лонжероны заднего стабилизатора были погнуты, лобовое стекло отсутствовало, кабина была смята.

— Ударились они прилично! Слышишь, металловед? — обратился Костров к Гаспаряну. — Ржавчина уже по твоей части. Кабина тоже насквозь проржавела, даром что дюралевая.

— Ладно, ладно, — произнес Сурен. — Металловед я бывший, но распределять обязанности положено мне. Разбирайте аппаратуру. От вертолета наметим границы спокойной зоны, а дальше к просеке надо держать ухо востро, без датчиков не вздумайте шагу ступить.

— Не чересчур? — спросил Рузаев, останавливаясь рядом с Костровым. — Никогда не видел такой паутины! Смотри, Иван, белая как снег!

Он дотронулся до края паутины и резко отдернул руку.

— Ах ты! Жжется! — пояснил он в ответ на удивленные взгляды товарищей.

Гаспарян подошел ближе, сунул палец в паутину и тут же отдернул. Потом достал электрометр и приблизил чувствительный элемент прибора к паутине.

— Электрический заряд, — сообщил он через минуту, — мне добавить нечего. Миша, обычная паутина проводит электричество? Или она диэлектрик?

— Не знаю, — подумав, сказал Рузаев. — Скорее проводник.

— Специалист, — в тон ему ответил Гаспарян. — Вот что, дорогие мои, давайте уясним себе правило: с этой минуты ничего не трогать руками. У нас есть щупы, зонды, пинцеты, перчатки... Договорились?

— Как прикажете. — Рузаев вдруг шарахнулся от вертолета. Сверху, с козырька над дверцей, метнулось к нему круглое черное тело диаметром около пятнадцати сантиметров, пролетело над головой, сочно шлепнулось в центр паутины и мгновенно исчезло, оставив после себя слабый запах эфира.

— Вот и паучок пожаловал, — сказал Сурен со смешком. — Симпатичный такой!.. Птиц, значит, они уж сожрали, теперь очередь за нами.

— Я, конечно, не разглядел как следует, — проговорил Рузаев, придя в себя, — но скорее всего это сольпуга, а не паук.

— Соль... что? — спросил Костров.

— Сольпуга — фаланга из семейства паукообразных. Сольпуги неядовиты, так что бояться их нам вроде бы нечего.

— А паутину они, эти сольпуги, плетут? — осведомился Гаспарян.

— Н-нет... кажется, нет.

— Вот видишь! — Гаспарян с треском захлопнул футляр электрометра. — Эксперты! Специалисты, так сказать! Помощнички!.. Надеюсь, ты прав и пауки неядовиты. Как вы думаете, сюрпризы еще будут?

Рузаев с иронией развел руками.

— Гарантировать не могу, но кажется мне, что все еще впереди.

— Михаил-пророк! — фыркнул Костров.

Гаспарян посмотрел на часы.

— Ну-с, джентльмены, за работу.

Солнце поднялось уже высоко, исчезла с кустов и травы роса, день обещал быть по-летнему жарким.

Вскоре эксперты закончили измерение локальной полевой обстановки в радиусе километра вокруг просеки с ЛЭП, произвели соответствующие записи в журнале и полюбовались на свои вытянутые физиономии. Радиационный, а также магнитный, электрический и прочие фоны оказались в норме. Приборы не фиксировали аномалий электромагнитного характера вроде тех, что были отмечены возле разбитого вертолета и у линии электропередачи. В последнем случае это было нормальным явлением: ЛЭП работала и гнала свои двести пятьдесят тысяч вольт потребителям в городах и поселках района.

Правда, одна аномалия все же была — биологическая. Концентрация паутины в одном месте на трассе ЛЭП — в районе просеки — была очевидной. Она не отражалась электронными символами на экранчиках приборов и обладала только одним достоинством — наглядностью.

— Сядем покурим, — предложил Рузаев, доставая сигареты.

Костров отказался, Гаспарян машинально взял одну и тут же вернул: он не курил, как и Иван.

В целях безопасности они вышли из «паутиной зоны» и расположились отдохнуть на берегу Пожны. Здесь она была лишь ручьем шириной метра полтора.

— Что же мы имеем? — пробормотал Гаспарян. — А имеем мы без малого нуль информации. Странное нашествие пауков — раз, утечку электроэнергии на линии — два, самих пауков, не похожих на пауков, — три, крик ночью — четыре. Все?

— Ржавый вертолет — пять, — подсказал Костров. — Отсутствие живности в лесу — шесть, да еще сверхпрочная паутина-диэлектрик! Больно ты пессимистичен, начальник. У нас материала уже на приличную сенсацию, а ты — «нуль информации»!

Во время ужина у Кострова разыгралось воображение, и он выдал две гипотезы, которые Рузаев уничтожил неторопливо, методично и основательно, словно «съпал» завравшегося диссертанта.

— Ну а у тебя самого есть собственная гипотеза? — спросил задетый за живое Костров.

— Есть, а как же, — невозмутимо проговорил Рузаев. — Я лично считаю, что *Carthafginem esse delendam*¹.

Ошеломленный познаниями товарища в латинском языке, Костров повертел головой и не нашелся, что ответить.

Так как на следующий день дежурить по биваку была его очередь, а от судьбы, как известно, не уйдешь, Иван решил заранее сходить к реке и набрать два ведра воды.

Закат пламенел на полнеба, предвещая ветер, глухо шумел лес, наполненный тысячерукими тенями, покинутый зверем, птицей и насекомыми. Это отсутствие живого мира действовало на нервы больше, чем паутины в лесу. Дома на краю деревни казались угрюмыми склепами, стерегущими сон покойников, и Костров, далеко не робкий по натуре, под влиянием таинственной и мрачной атмосферы засвистел.

Дойдя до речки и зачерпнув воды, он не сразу понял, что на его свист откликается довольно необычное эхо. Он остановился, перестал свистеть и прислушался. Это было не эхо. Из леса, слева от тропинки, доносился тихий прерывистый свист, даже не свист — писк. Он смолк почти сразу, как только Костров прекратил свистеть, и дважды возобновлялся в ответ на переливчатые рулады полонеза Огинского. Кто-то помогал Кострову солировать.

Продолжая насвистывать, Иван поставил ведра с водой, нашел подходящий сук и метнул его в чашу, откуда доносился писк. И тут же из леса раздался вопль, похожий на тот, что поразил их в первый вечер. Он прозвучал резко и сильно, полный тоски и злобы, и Костров

¹ «Карфаген должен быть разрушен» (лат.) — слова римского полководца и государственного деятеля Катона Старшего, которыми он обычно заканчивал свои речи в Сенате.

невольно отскочил на середину тропинки, прямо на ведро.

С минуту он прислушивался к шорохам леса, готовый бежать или драться, потом подобрал ведро и снова пошел за водой.

— Кто-то кричал? — спросил его сонный Рузаев, когда он принес воду и молча залез в спальный мешок.

— Я, — ответил Костров.

Гаспарян пришел поздно ночью, усталый, злой и возбужденный.

Костров, спавший вполсна, повернул голову в сторону негромких проклятий, доносившихся сквозь храп Рузаева, и спросил:

— Ты, Сурен?

— Спи, спи, дорогой, — отозвался Гаспарян. — Хорошо хоть в палатке пауков нет. Вот ведь дряни наплодил Господь Бог при сотворении мира! Кого он хотел этим удивить — ума не приложу.

— Что случилось?

— Да ничего особенного. Устал как собака, километров двадцать отмахал туда и обратно да еще драпал километра три...

— От пауков? — засмеялся Костров.

— Кто его знает. Где старый брод через Пожну, помнишь? Проезжали, водитель показывал... Нет? Впрочем, все равно. Темно, понимаешь, кругом, жутко — птицы молчат... А возле дороги что-то светится в кустах, как два глаза... И такая в них тоска — не передашь!.. Кинул я туда камешек...

— А оттуда как заорет! — досказал Костров.

— Точно! Как догадался? Слышал?

— Слышать не слышал, но со мной тоже произошел случай.

Гаспарян прыснул.

— Ну и мчался же я! Наверняка установил рекорд в беге с препятствиями! Ты тоже?

— Нет, я прыгнул в длину метров семь без разбега, прямо в ведро с водой.

Они засмеялись вдвоем, всхлипывая, давясь, и хохотали до тех пор, пока не проснулся Рузаев.

— Нужна аппаратура физико-химического анализа, — сказал Рузаев, затягиваясь. — Иван прав, проблем достаточно. Но тем интереснее с ними работать. И неплохо бы достать какие-нибудь комбинезоны или спецовки, что ли, а то лазить по лесу в наших костюмах несподручно. Хорошо хоть сапоги догадались взять. Я их достал из мешка, можете надевать.

— Вечером схожу в райцентр и позвоню Ивашуре, — пообещал Гаспарян. — Спецовки он привезет. Что касается моего пессимизма, то обосновать его я не могу. Тревожно что-то на душе, друзья мои. Не нравится мне паучье нашествие.

— Обычная вспышка биологической активности, — предложил идею Костров. — Вы не хуже меня знаете о таких вспышках среди леммингов, крыс, саранчи. Вспомните «красные» приливы в Атлантике, когда по каким-то причинам начали бурно размножаться красные водоросли. Вот и здесь нечто подобное: нарушилось где-то экологическое равновесие, и среди пауков вспыхнула «эпидемия» размножения.

— Не годится даже в качестве прикидочной гипотезы, — покачал головой Рузаев. — Слишком много несоответствий. Во-первых, трудно представить, из-за какого экологического фактора начали плодиться пауки. Во-вторых, судя по виду, это не пауки вовсе, а сольпуги, хотя утверждать не берусь — разглядеть не было времени. Да и родина сольпуг — юг Туркмении, так что непонятно, откуда они взялись в умеренной зоне России. И в-третьих, обычная паутина непрочная, а эта словно соткана из шелковых ниток! К тому же накапливает электрические заряды!

— Чувствуется профессионал! — сказал Гаспарян. — Да, Иван? Зоолог я хреновый, но меня Михаил убедил. Что будем делать дальше, джентльмены? Ваши предложения?

— Давайте попробуем пробиться к просеке со стороны леса, — предложил Костров, спокойно отнесшийся к разгрому своей идеи.

Он был самым высоким в их компании и самым молодым. Лицо открытое, слегка скуластое, курносое, гла-

за карие. Друзья любили его за добрый нрав и бесстрашие, когда дело касалось критических ситуаций в экспедициях Центра: надежен, смел и удачлив. И не было случая, чтобы он дрогнул перед опасностью, спасовал или струсил. Фамилию свою Костров целиком и полностью оправдывал: он был виден издалека, и не столько из-за роста, сколько из-за огненно-рыжей шевелюры.

— Зачем тебе просека? — спросил Гаспарян.

— Может быть, найдем причину скопления паутины именно в том месте. Судя во всему, там паучий центр.

— Резонно, — заметил Рузаев. — Только поход к просеке я бы отложил: нужна, как я уже говорил, спецодежда, да и рация для связи. А вот экземпляр паука нам бы не помешал. Пожалуй, я займусь ловлей. Если ты не возражаешь, — добавил он дипломатично.

Гаспарян кивнул.

— Согласен. В крайнем случае сфотографируйся с пауками вместе на память, а мы с Иваном нанесем на карту особо запаутиненные места и начнем исследовать свойства паутин. Кстати, кто у нас сегодня дежурный по кухне? — Он посмотрел на Кострова.

— Михаил начал — ему и кончать, — быстро среагировал тот.

Гаспарян хмыкнул, посмотрел на каменное лицо Рузаева.

— Логично мыслит, да, Михаил?

— Подежурю, — коротко ответил Рузаев.

К вечеру они закончили намеченные работы только наполовину: Рузаев истратил цветные пленки и километр кинопленки, снимая паутины, пауков и лес, но поймать паука не смог. Костров и Гаспарян определили координаты паутинных скоплений, однако на изучение паутин не хватило времени. Начальник группы в половине седьмого ушел в райцентр, надеясь засветло вернуться.

Костров, не обращая внимания на мрачные пророчества Рузаева относительно его здоровья, с наслаждением искупался в Пожне, найдя неподалеку от лагеря бочаг глубиной около двух метров. Вода была холодная и чистая до полной прозрачности.

— Вы что, с ума посходили? Два часа ночи, а они ржут! Анекдоты травите, что ли?

— Извини, Михаил, — сказал изнемогший Гаспарян, вытирая слезы. — Разрядка за день.

— Звонил Ивашуре?

— Звонил. Шеф передал всем привет. Завтра вечером или послезавтра утром обещал привезти комбинезоны или штормовки. Так что надо успеть составить хотя бы общую картину.

— Да, Игорь Васильевич не любит туманных формулировок.

Костров выполз из спального мешка и, поеживаясь от холода, выбрался из палатки. Спустя минуту раздался его голос:

— Братцы, смотрите-ка!

— Что там еще? — всполошился Гаспарян, высовывая голову из-под полога, и тихо выругался по-армянски.

Над лесом, в стороне злополучной просеки, заросшей паутиной, вставало мягкое, переливчатое, серебристо-пепельное сияние.

Глава 5

Завтрак прошел в молчании. Собрались также молча, только Гаспарян, выглядевший, несмотря на плохо проведенную ночь, как всегда, аккуратным, подтянутым и свежим, сказал Кострову:

— Иван,хвати-ка на всякий случай ружье.

Кострову не хотелось тащить на себе лишние килограммы железа, но он вспомнил свое вчерашнее приключение и без слов нацепил на шею ремень ивашуринской бескурковки. Рузаев лишь головой покрутил, протирая объектив своего знаменитого «Киева-10».

В лес вошли по тропинке, протоптанной ими за два дня. Не успели миновать заросли жимолости, как шедший впереди Гаспарян вдруг остановился, словно наткнулся на змею. Костров обошел его сзади и увидел в

кустах, невысоко над землей, кружевную снежно-белую паутину.

— Так, — спокойно сказал Рузаев. — Пауки расширяют свои владения. Еще вчера их здесь не было.

Гаспарян молча раскрыл футляр электрометра.

— Напряженность поля — четыреста вольт на сантиметр.

Костров присвистнул. Потоптавшись у паутины, он проследил за длинной серебристой нитью, цеплявшейся за куст рябины, и увидел вторую паутину. За ней располагались сразу две, связанные между собой ажурным мостиком, а дальше, метров через десять, шло уже белое паутинное поле, опутавшее стволы сосен и берез, траву и кустарники.

Гаспарян отломал сухой сук и ударил по паутине. С отчетливым стеклянным хрустом паутина развалилась на две части и потухла — стала серой, словно ее присыпали пылью.

Костров заметил какое-то движение в траве под кустом, без долгих раздумий рванул с плеча ружье, поймал на мушку черное пятно, убегающее в траву, и нажал на спуск.

Бах!

Выстрел разнес тишину леса в клочья отголосков.

— Сдурел! — шарахнулся в сторону Гаспарян.

— Паук... — пробормотал Костров и повел стволом.

Рузаев с любопытством оглядел его, полез в кусты и, поворочавшись там минуты три, глухо спросил:

— Чем было заряжено ружье?

Костров покосился на Гаспаряна.

— Дробью, — ответил тот. — А что?

— Это был паук. К сожалению, Иван отменный стрелок, и от паука остались только рожки да ножки.

Рузаев вылез из кустов и смахнул с колен приставшие комки мха и сосновые иголки.

— Надо было целиться в ногу, — сказал он рассудительно.

Все трое переглянулись и засмеялись. Потом Гаспарян взял у Кострова ружье.

— За стрельбу тебе еще придется отвечать, стрелок,

так что не очень радуйся. Тут тебе не тир. А эхо слышал? Дразнит нас какая-то зараза...

— С чего вы взяли? — осведомился Рузаев.

Костров посмотрел на Сурена и рассказал Михаилу случай с «вечерним концертом».

— Значит, кричат, по-вашему, пауки?

— Но ведь больше некому, сам видишь — ни птиц, ни зверей.

— Ну, отсутствие зверей еще надо доказать, а вот то, что паукам нечем издавать звуки, это я знаю точно.

— Сам же говорил, это не пауки, а сольпуги. Может, и не сольпуги вовсе, а какой-нибудь новый вид?

Рузаев пожал плечами.

— Не знаю. Вообще-то на Земле известно около тридцати пяти тысяч паукообразных, открыть новый вид сложно. Но если это действительно новый вид — так и быть, приоритет за тобой.

— Дадим ему название: паук «Иванус Костровус», — предложил Гаспарян. — Звучит, не правда ли, Михаил?

Рузаев, усмехнувшись, кивнул.

— Лично у меня есть своя гипотеза. — Он прошагал к ближайшим паутинам и снял с шеи ремень фотоаппарата. — Пауки-мутанты.

— О! — Гаспарян оживился. — В этом что-то есть.

— И все же здесь нужен специалист-арахнолог. — Рузаев сфотографировал потухшую паутину и перевел пленку. — Я всего лишь зоогеограф по образованию; моя специальность, причем бывшая, заметьте, — изучение факторов, определяющих распределение животных, в частности пресмыкающихся. О пауках я знаю мало.

— Где я тебе возьму специалистов? — буркнул Гаспарян. — Я говорил Ивашуре, он обещал что-нибудь придумать, но в один день специалиста не найти, да и с оформлением командировок под конец месяца — проблема. Так что будем обходиться пока своими силами. Факты, давайте факты, ничего, кроме фактов, выводы сделают другие. Миша, ты все же попробуй поймать паука, только без этого... — он пошевелил пальцем, — без стрельбы. А мы с Иваном займемся обстановкой. Будем делать замеры трижды в день и один раз ночью. Кто знает, как нам это может пригодиться.

После обеда Костров взял метровый шуп, представляющий собой гибкий металлический стержень с керамической рукояткой, закинул за плечи рюкзак с ЗЗУ — звукозаписывающим устройством — и направился к болоту.

— Осторожней там, — по привычке пробурчал Гаспарян ему вслед. — Не подходи к просеке близко, возвращайся пораньше. Оделся хорошо?

Костров похлопал шупом по своим сапогам: экипирован он был по всем законам леса.

За обедом Рузаев поделился своими наблюдениями: он дважды видел пауков, но поймать так и не сумел — слишком шустрыми они были, зато хорошо их рассмотрел.

— Это не сольпуги, — заявил он, — но и пауков таких я не знаю. Может, действительно новый, неизвестный науке вид? Во-первых, размер тела — около двадцати сантиметров! Людоеды, а не пауки! Во-вторых, окраска фиолетовая, с металлическим отливом. В-третьих, хилицеры у них, то есть передние ноги для защиты и нападения, совершенно не развиты! В-четвертых, педипальцы — многощупальца, наоборот, увеличены. В-пятых, у них всего две пары глаз, но зато размером чуть ли не с половину головогруды! Если это не новый вид, то уж точно мутанты. Единственное, что смущает, так это причина мутагенеза. Самый мощный из известных сегодня источников мутации — радиация для пауков не страшна...

Пробираясь между деревьями, Костров продолжал размышлять над словами Михаила, и предположения товарища будили в нем такие ассоциации, от которых на душе становилось муторно.

Он вышел на край болота чуть подальше того места, где они с Суреном впервые увидели скопление пауков. Осока и камыши пересохшего болота были ржавого цвета, белые островки паутин хорошо выделялись на этом фоне. Несмотря на расширение своих владений в лесу, пауки почему-то неохотно ткали сети на болоте: паутинных полей здесь было значительно меньше.

Шурша ломкой травой и опавшими листьями, Ко-

стров начал пробираться к просеке с линией электропередачи, стараясь идти по краю болота и не заходить в лес. Даже со стороны было заметно дрожащее белое мерцание в его глубине: пауки заткали все пространство между деревьями, и чем ближе Костров подходил к просеке, тем гуще становилось паутинное плетение. Наконец идти дальше, не затрагивая паутин, стало невозможно. Костров потыкал щупом в ближайшее паутинное облако, скрывавшее под собой куст чернотала, подивился упругости паутины и углубился в болото, обходя редкие островки паутин и колдобины с грязью.

Через полчаса он выбрался к опоре ЛЭП и вытер пот со лба: ветер стих и было довольно жарко. Вокруг царила странная тишина, будто все живое в радиусе нескольких километров от паучьего логова бежало, спасаясь от непонятого соседства, затаилось, спряталось. Не было видно даже длинноногих комаров — карамор, живущих на болотах до поздней осени, что Костров отметил еще раньше. Он впервые оценил этот факт как сигнал тревоги. Заныло под ложечкой, стало зябко и неудобно, пришло ощущение чьего-то незримого присутствия...

Костров передернул плечами, снял рюкзак и достал продолговатый футляр ЗЗУ. Вскрыв панель, вставил в отверстия по бокам решетчатые диски антенн, включил питание, подумал и поставил переключатель режимов в положение «инфразвук». Вложив прибор в рюкзак, он снова закинул его за плечи и побрел в сторону просеки, придерживаясь линии электропередачи.

Через полкилометра линия привела его к просеке, и идти дальше Костров не решился. Построения паутин здесь приобретали странные, вполне осмысленные формы: арки, столбы, шпильи, башни и даже целые крепостные стены, так что за ними не было видно ни леса, ни опор, ни самой просеки. Зато оттуда ощущался ток чистого и свежего теплого воздуха, щедро сдобренного запахом эфира.

Тишина угнетала. Костров поймал себя на том, что норовит оглянуться через плечо, пытаясь хоть краем глаза поймать какое-то движение: ему казалось, что пау-

тины по сторонам едва заметно колеблются, но, как только он бросал в том направлении взгляд, это движение замирало, пряталось куда-то вглубь, чтобы возникнуть уже в другом месте. Лес казался насыщенным странной жизнью и в то же время был неподвижен и мертв.

Рассердившись, Костров ткнул щупом в ближайшую паутинную башню, серую у подножия и ослепительно белую вверху, на высоте шести-семи метров. Щуп с трудом преодолел ажурную преграду, и в тот же миг Костров почувствовал сильный удар по руке. Башня сердито зашипела, засияла вся сверху донизу. Костров выпустил щуп и отскочил назад.

Щуп остался висеть в воздухе, потом вдруг раскалился до желтого свечения и... осыпался каплями расплавленного металла. Запахло жженой пробкой и горелой виниловой изоляцией.

— Ч-черт бы вас побрал! — в сердцах сказал Костров. — Хотя бы предупреждали!

Кому адресовались эти слова, он сам не знал.

Он постоял некоторое время, потирая ушибленные пальцы, и вдруг подумал о спичках, представил, как горит сухая трава на болоте, полыхают деревья и жухнет в огне паутина... Додумать до конца Костров не успел: ему внезапно стало плохо. Голова закружилась, заломило виски, в ушах поплыл тихий, но все усиливающийся звон, ноги сделались ватными, подкосились, и он, теряя сознание, упал лицом в траву...

Очнулся он от страшных размеренных звуков: «Кх-кха-а-а... Кх-кхха-а-а... Кх-кхха-а-а...» Словно где-то рядом дышал громадный зверь или шумели кузнечные мехи.

Костров открыл глаза, приподнял тяжелую голову и увидел, что лежит на голой скале, белой, как отполированная ветром и дождем кость. Вокруг, насколько хватало глаз, стояли необычные желтые колонны, пушистые, словно поросшие зеленой шерстью. Вверху они расщеплялись на несколько тонких хлыстов с кисточками на концах, некоторые заканчивались свернутыми в спираль пучками зеленых листьев. Колонны соединялись

между собой белыми ажурными мостиками, в которых Костров узнал паутины. Он резко сел и почувствовал, что вокруг стоит небывалая жара, что воздух здесь душный, густой, как кисель, и полон незнакомых ароматов...

Обливаясь потом, Костров соскользнул со скалы, потрогал ее гладкий горячий бок, обошел кругом. На высоте его роста в скале обнаружили два отверстия, напоминающие пустые глазницы черепа, а чуть ниже зияла щель, в которой смутно угадывались ряды треугольных пластин.

Костров отошел от утонувшей в земле скалы, потом, движимый неосознанной тревогой, оглянулся. Скала.

Холодея, он понял, что эта скала — не что иное, как череп какого-то исполинского зверя! Сомнений быть не могло. Костров хорошо помнил изображения ящеров палеозоя и мезозоя, в его домашней библиотеке было несколько книг из серии «Возникновение жизни на Земле».

Попятившись, он наткнулся спиной на зеленую колонну, стрелой вонзавшуюся в густо-синее, без единого облачка небо, и отскочил в сторону. Это была, конечно, не колонна, это было дерево... «Псилофит, — всплыло в памяти название одного из самых древних растений, — или... сигиллярия?»

Озираясь, он пошел между «псилофитами», чувствуя, как рубашка липнет к телу.

Прекратившиеся было звуки снова возобновились. Иван направился в ту сторону, ошеломленный своим пробуждением в неведомой местности. Вопросов — почему, где и как? — он себе не задавал: ответов все равно искать было не у кого.

Внезапно он вышел на край громадной воронки, скрытой под вогнутой белой пленкой, в которой не сразу угадал... колоссальную паутину! Звуки шли оттуда, но разглядеть в глубине воронки что-либо, кроме тусклого оранжево-желтого мерцания, было невозможно. С каждым «кх-кхха-а-а» из воронки волнами наплывали запахи, в том числе и запах эфира, от которого кружилась го-

лова и слегка подташнивало. Жара вблизи нее стояла совершенно невыносимая.

Костров отступил, шатаясь, прошел несколько шагов и наткнулся на бугристый черный «ручей», бесшумно и неудержимо скатывающийся в воронку. Это были пауки!

Костров зачарованно смотрел на «ручей», пока тошнота не подступила к горлу с новой силой. Тогда он попятился за ствол «псилофита», нечаянно задел паутиный мостик, что-то сверкнуло в воздухе, и наступила темнота.

Сознание вернулось не сразу, а очнувшись от непонятного забытья, он увидел перед глазами знакомые жесткие стебли осота, коричневую губку мха и за кочкой — черное паучье тело с четырьмя громадными прозрачно-фиолетовыми глазами. Паук поводил в воздухе двумя передними лапами, видно, размышляя, что ему делать с непрошеным гостем.

Костров отмахнулся, встал и побрел прочь от просеки — бежать не было сил. Лишь свалившись в скрыгую подо мхом яму, к счастью, сухую, он опомнился и перевел дыхание. Ноги дрожали, в голове стучало, словно он отравился газом. Кое-как уняв дрожь в ногах, Костров осмотрелся. Никто его не преследовал. Кругом расстился знакомый ландшафт, жара исчезла, как и страшная обстановка с «псилофитами» и черепом ископаемого динозавра. Но рубашка была мокрой и неприятно липла к телу.

— Бред! — вслух сказал он. Выкарабкавшись из ямы на невысокий бугорок, он погрозил кулаком в пространство и пожалел, что не захватил с собой ружье. В то же мгновение новая волна слабости чуть не свалила его с ног. Задохнувшись от боли в голове, Костров, спотыкаясь, побрел в глубь болота и остановился, когда последние паутиные пятна скрылись из глаз...

В лагерь он вернулся только через два часа, к заходу солнца, обойдя местность с пауками пятикилометровым крюком.

Выслушав его сообщение, Гаспарян долго смотрел на пляшущие над костром языки пламени...

— Что ты об этом думаешь? — спросил он наконец Рузаева.

— Ничего, — ответил тот. — Когда я ловил пауков, у меня тоже несколько раз появлялась головная боль, хотя и не такая сильная, как у Ивана. Да и неземные пейзажи мне не снились, но чувствовал я себя скверно. Потом все прошло, и я забыл...

— Что ж ты молчал? Мимо таких ощущений нельзя проходить спокойно. Пауки отгоняют нас от своих владений — это очевидно. Но чем? Ты какую аппаратуру с собой брал?

— Звукозапись, — сказал Костров и стукнул себя по лбу. — Тьфу, совсем выбило из головы! Я же включил ЗЗУ на инфразвук.

Он встал, нырнул в темноту к палатке и через несколько минут вернулся с прибором.

— Удивляюсь, как я его не поломал, когда падал. Сейчас посмотрим беднягу.

Проверив настройку, он включил прибор на воспроизведение. Некоторое время из динамика доносилось только шуршание фона, потом раздался длинный вздох и долгое, постепенно затухающее, пульсирующее гудение.

— Частота? — встрепенулся Гаспарян.

— Восемь герц, — посмотрел на шкалу Костров. — Мощность — десять децибел.

Гаспарян медленно встал с пня.

— Что?! Восемь герц?!

— Фликер! — хмыкнул Рузаев. — Инфразвук с частотой семь-восемь герц — это фликер. Будь частота равной трем герцам, а мощность в полтора раза больше, ты, Иван, уже не встал бы. Три герца — это биоритм смерти.

— Значит, восемь... — глухо повторил Гаспарян. — Однако это уже не игрушки... Твои галлюцинации тоже, вероятно, следствие излучения. Вот так паучки! Придется вызвать тревожную группу Центра, пока не случилось беды.

— Подождем Ивашуру, — сказал Костров и виновато посмотрел на руководителя группы. — Он же обещал приехать завтра?

— Обещал. — Гаспарян не заметил оговорки Ивана, выразившей недоверие к нему как к руководителю. — Давайте ложиться спать, владыки мира. Отдых наш кончается. Утром перетащим лагерь подальше от болота, я видел паутины уже в деревне. И займемся систематизацией данных...

Они полюбовались мягким голубоватым сиянием над лесом, где пауки соткали свое «государство», и улеглись спать. Спали, однако, недолго. Ночью всех разбудил сильный грохот.

Они выскочили в трусах из палатки, спросонья не зная, за что хвататься и куда бежать. Но в темноте ничего не было видно, даже сияния над лесом. Только со стороны деревни доносился удаляющийся грохот, словно по лесу неслась дьявольская кавалерия, круша деревья и сшибая недругов с седел, да мелко вздрагивала земля. Вскоре грохот утих, в последний раз громыхнуло, и в лес вернулась перевозданная тишина, сквозь которую послышалось нарастающее журчание воды.

Они стояли и всматривались во мрак, пока не продрогли.

— Сходим? — предложил Костров, хотя желания идти вслепую, в ночном мраке, неизвестно куда у него не было. Как и у остальных.

— Утром, — принял мудрое решение Гаспарян. — Ни черта мы сейчас не увидим, даже с фонарями. Залезайте обратно, не хватало, чтобы мы схватили простуду.

Рузаев без слов залез в спальный мешок и тут же, судя по дыханию, уснул. Костров долго прислушивался к вою ветра и задремал только через час. Гаспарян уснул последним. Он еще два раза вылезал из палатки с ружьем и смотрел на притихший лес, вслушивался в ночные шорохи, сняв на всякий случай ружье с предохранителя...

Глава 6

Утром стала понятна причина ночного переполоха. От просеки с пауками через лес, дорогу и деревню проходил громадный ров! По пути он задел две крайние

избы и разметал их по бревнышкам, а дойдя до Пожны, остановился, и речка, изменив русло, теперь почти вся текла по этому рву в лес, к болоту.

Они молча стояли на метровом валу вывороченного дерна и разглядывали обмелевшую ниже по течению Пожну. По дну рва бежал уже посветлевший поток воды, направленный чьей-то волей к скоплению паутин.

— М-да, — сказал Гаспарян, теребя выбритый подбородок. Когда он умудрился побриться — никому ведомо не было. — Кто-нибудь может сказать, что это такое?

— След от сохи Никиты Кожемяки, — буркнул Рузаев. — Он со змеем ночью землю делил...

— Канал, — произнес Костров, настроенный более прозаично, со вздохом трогая щетину на щеках. — Глубина метра два да ширина столько же... Пауки наши, оказывается, умеют строить каналы не хуже нас. Д-р-р-р — и готово! Только зачем им вода? Миша, паукам вообще вода нужна?

— В мизерных количествах. Насколько мне известно, необходимое количество жидкости пауки высасывают из своих жертв. Но чтобы целая река... Кстати, почему ты решил, что этот канал построили пауки?

— А кто же еще?

— Вот что, — сказал Гаспарян. — Давайте-ка определим точно, куда идет ров. Если вода течет к просеке, там скоро будет потоп. Тогда придется переносить лагерь еще выше по дороге.

— Переносить надо в любом случае. — Рузаев обвел взглядом лес, свежую двухметровую борозду, проделанную неизвестно кем и неизвестно зачем за одну минуту. — Вдруг паукам вздумается проложить еще один канал? Пройди он по лагерю...

— Точно, — кивнул Костров, — костей не соберем!

Гаспарян поморщился и махнул рукой.

— Я же сказал: перенесем. Пошли.

— А завтрак? — спросил Костров. — Может, лучше после завтрака?

— Успеем, перекусим консервами. Не отставайте.

Они потянулись гуськом друг за другом: впереди Гаспарян, потом Рузаев и Костров. Не успели пройти и

полсотни шагов, как в лесу раздался треск и на берег канала выскочил ошалелый пожилой дядя, одетый в заплатанные штаны времен первой мировой войны, ветхую студенческую куртку с надписью «Алтай-88» и женскую соломенную шляпу с выпцветшей розой на полях. В руках он держал просторную ивовую корзину — судя по его рыси, пустую. Заметив экспертов Центра, он круто затормозил.

— Доброе утро, — вежливо приветствовал его Гаспарян.

— Здорово! — сипло отозвался дядя, заросший мощным волосом чуть не до бровей. — Чего это вы тут?..

— Мы ученые, не пугайтесь, изучаем пауков, а вы?

— Леший, — шепнул на ухо Кострову Рузаев.

— Грибник, — догадался тот. — Я уж думал, что сюда по грибы никто не ходит. Вы, наверное, напоролись на пауков?

— Тьфу! — сплюнул дядя, достал огромный клетчатый платок и вытер лоб и шею. — Я в этих местах, почти тай, шестой десяток годков грибы собираю! Что ж это за дрянь тут деется?

— Вы же видели, пауки, — пожал плечами Рузаев. — Туда больше не ходите, опасное место. Где вы живете?

— В Жуковке, хата у меня там...

— Вернетесь, скажите соседям, чтобы сюда пока не ходили. Мол, запретная зона.

— Дак куды ж тогда за грибами?

— Лес велик, найдите еще места. А здесь... сами видите.

— Вижу. — Дядя немного успокоился, трубно высморкался и тут заметил ров. — А энто откудава?

— Откудава, — кивнул в сторону болота Рузаев.

Дядя проследил взглядом, затем издал сиплый горловой звук и снова попер в лес, ворочаясь в зарослях, как дикий кабан.

Костров засмеялся.

— Натерпелся страху, грибник, все грибы растерял!

— Страх — ладно, не было бы еще каких-нибудь сюрпризов вроде инфразвука, — сказал Гаспарян. — Места эти, видать, грибные, ждите еще гостей, особенно в вы-

ходные дни. Надо было как-то обозначить зону, не дай Бог что случится!

— Чем обозначить? Не писать же объявления на деревьях...

— Не знаю, чем и как. Думайте.

Рузаев почесал в затылке.

— Одни мы не справимся. Охватить надо зону километра три в поперечнике, это по окружности километров десять.

Гаспарян молча зашагал вперед.

— Ладно, посмотрим по ходу дела, — сказал Костров, понимая, глядя в спину начальника группы.

Они снова направились вдоль созданного ручья в лес и вскоре пришли к мнению, что ров тянется точно к просеке, к центральному паутинному скоплению. Однако никаких следов затопления местности не обнаружилось, хотя ручей тек всю ночь и должен был уже разлиться по лесу.

— Странно, — пробормотал озабоченный Гаспарян. — Никакого котлована в районе просеки вроде бы нет. Куда же девается вода?

— В болото, — предположил Костров.

Рузаев промолчал.

Они стояли в удивительном, сказочном лесу, затканном паутинами. Косые лучи утреннего солнца пронизывали его огненными стрелами, и паутины вспыхивали всеми цветами радуги, словно усыпанные драгоценными камнями. Свежая борозда разделяла лес надвое и придавала ему угрюмую материальность. Лишь один звук нарушал колдовскую тишину вокруг — едва слышное журчание воды.

Рузаев сфотографировал ров, исчезающий в туманной глубине леса, и они побрели назад, стараясь идти бесшумно, тихо, инстинктивно ожидая появления чего-то непонятного и грозного.

Их предчувствиям суждено было сбыться наполовину. Непонятное произошло уже через несколько минут, хотя, может быть, и не столь ужасное, как ожидалось.

На опушке леса их остановили трое молодых парней в странных текуче-дымчатых комбинезонах, похожие на

десантников, но вооруженные не менее странно: таких пистолетов Костров, сам бывший десантник, никогда раньше не видел.

Некоторое время две группы молча разглядывали друг друга, потом один из незнакомцев, смуглый, курчавый, с тонкой ниточкой усов, сделал шаг вперед.

— Кто вы такие? — Голос был глухой, и по-русски он говорил с неявным и не грузинским, но акцентом.

— А вы кто? — в свою очередь, буркнул Костров, оценивая ленивую грацию парня и прикидывая, какую школу боя он закончил.

— Мы исследователи из Академии наук, — миролюбиво сказал Гаспарян. — Ученые, эксперты. Изучаем аномалию паутин в здешнем лесу.

— Немедленно покиньте эту зону во избежание неприятностей. И не вмешивайтесь в события, что бы ни происходило. Поняли?

Гаспарян перестал излучать добродушие.

— Извините, с кем имею честь?

Парень оглянулся на него равнодушно, покосился на Кострова, определив в нем главного соперника, шевельнул стволом своего красивого, со множеством деталей пистолета.

— Этого вам знать не положено. Сунетесь к хроноплазму ближе чем на два километра, пеняйте на себя!

— Э-э, любезный, у нас есть карт-бланш на исследования феномена, подписанный соответствующим начальником ФСБ, — флегматично заметил Рузаев. — Так что никуда мы отсюда не уйдем.

— Пока наше собственное начальство не подтвердит ваши полномочия, — добавил Гаспарян. — Вы поняли?

«Десантник» в комбинезоне, который то становился металлическим на вид, то зеркальным, то исчезал вовсе на фоне деревьев, поднял было руку с пистолетом, но замер, заметив направленные ему в лицо стволы ружья, которое держал Костров.

— Топайте подобра-поздорову, ребята! Права будете качать в кабинетах, а здесь лес... Мало ли что может случиться.

Усатый брюнет скользнул по фигуре Ивана оценива-

ющим взглядом, кивнул. Он не был ни испуган, ни обескуражен и дело свое знал.

— Вот именно, — сказал он с пренебрежением, — здесь лес, мы вас предупредили, живите пока. Второго предупреждения не ждите.

И вся троица бесшумно растаяла в лесу.

Друзья-исследователи переглянулись.

— Ты что-нибудь понимаешь? — осведомился Гаспарян у Кострова. — Я лично нет. Кто это был?

— Явно не грибники, — ответил за Ивана Рузаев. — А пушки у них крутые, заметили? Я таких не встречал. А ты, Иван?

Костров промолчал.

В лагере обнаружилось, что в палатках побывали гости, обыскав и перевернув все личные вещи каждого. Кроме того, исчезли бинокли и видеокамера. Сделать это могли и случайные воры, гуляющие по лесу, но скорее всего здесь побывали «десантники» в странном обмундировании.

В восемь часов утра они молча позавтракали сухим пайком, попили чаю и сложили палатки, собираясь перебазироваться подальше от рва и паучьей зоны, но услышали в лесу неподалеку крик. Переглянулись и, не сговариваясь, бросились в заросли, причем практичный Рузаев успел захватить ружье.

— Везет же нам на крики! — констатировал он хладнокровно.

Это была девушка.

Она лежала навзничь у куста акации, отбросив в сторону кошелку с грибами. Правая ее рука касалась паутины, и прямо над ней сидел громадный, не круглый, а многогранный, неуловимо асимметричный черный паук, поведивший из стороны в сторону двумя передними парами лап.

Костров, бежавший первым, успел охватить ситуацию в одно мгновение, подивившись сходству с собственным случаем у просеки, и на бегу метнул в паука свой фотоаппарат. Паук исчез вместе с паутиной, повеяло странным сухим и горячим ветром. Иван подхватил девушку на руки и бегом направился назад, к лагерю.

— Фотоаппарат подбери! — крикнул он Рузаеву, отмахиваясь от его помощи.

Вместе с Гаспаряном он уложил потерпевшую на брезент, подсунув под ее голову свернутый спальный мешок, и брызнул ей на лицо водой. Ресницы девушки дрогнули, она открыла глаза. Ужас, мелькнувший в них, сменился радостью и недоумением.

— Вы кто? — спросила она, приподнялась и села, пряча ноги под себя.

Одета незнакомка была несколько легкомысленно для лесных прогулок: в небесного цвета кофточку поверх легкого сарафана, открывающего длинные стройные ноги. Смуглая, тонкая в талии, с волной каштановых волос, перехваченных у шеи лентой, она показалась Кострову лесной феей, разве что бледновато одетой для сказки.

— Мы исследователи, — сказал Гаспарян, деликатно отводя глаза. — Не бойтесь, здесь вы в безопасности. Меня зовут Сурен, а это, — он оглянулся на Кострова, — ваш спаситель Иван Костров, эксперт Центра по изучению быстропеременных явлений природы.

Костров церемонно поклонился, шаркнув ногой.

Девушка улыбнулась. Бледность с ее щек стала исчезать.

— Меня зовут Таисия... Тая... Пришла вот за грибами и... Кто это был?

— А кого вы видели?

— Сначала паутины, там их много, просто ужас! А потом паука. Он так смотрел!.. Я замахнулась на него корзиной, и... и мне стало плохо. Потом... появились вы.

Эксперты переглянулись.

— За грибами теперь сюда ходить нельзя. Вы здешняя?

— Вообще-то я живу в Днепропетровске, а сюда приехала в отпуск, мои тетки живут в Жуковке.

— Похоже, весь райцентр ходит сюда по грибы, — сказал Гаспарян Кострову. — Ну что встал? Объясни Таисии ситуацию, а я схожу к Михаилу, что-то долго он твой фотоаппарат разыскивает.

Гаспарян взял из груды снаряжения шуп и скрылся в кустах.

Костров помог девушке встать и вкратце рассказал историю их появления в Брянском лесу.

— До чего интересно! — воскликнула Тая, всплеснув руками. — Я ведь журналист по образованию, работаю корреспондентом в газете. Вот уж никак не ожидала найти здесь материал!

— Этот материал пока не для газеты, — остудил ее восторги Костров. — Слишком много необъяснимого и даже опасного. Вам здесь, наверное, и оставаться-то нельзя.

— Вот еще! — Тая упрямо сжала губы. — Я уже не ребенок, сама могу решать, где мне можно быть.

— Да я не против, — миролюбиво согласился Иван. — Только ведь и мы не решаем, кто имеет право присутствовать возле запретной зоны с пауками.

— Кто у вас начальник? Этот... Сурен? — В характере Таисии, по всей видимости, одной из главных черт была решительность.

— Сурен — руководитель группы, но скоро должен прилететь Игорь Ивашура, начальник отдела.

— Вот с ним и решим, пусть приезжает.

Таисия несколько привела себя в порядок, чувствуя взгляды Ивана, и вдруг посмотрела на него с мольбой:

— Я буду тише воды, ниже травы! Ну, пожалуйста!

Костров невольно засмеялся и махнул рукой:

— Договорились.

Из леса вышел мрачный Гаспарян, за ним бесстрастный Рузаев.

— Ну ты даешь! — сказал начальник группы, подходя и бросая на землю шуп.

— Да, природа тебя не слишком обидела. — Рузаев подкинул в руке плоский предмет. — Узнаешь?

— Что это? — удивилась Тая.

Рузаев остановился, потом подал черную мятую пластинку.

— Несколько минут назад это было фотоаппаратом. Ваш спаситель метнул его в паука так, что сплющил в лепешку.

— Ерунда, — сказал Костров. — Не мог я метнуть фотоаппарат с такой силой. Там даже деревья поблизости не было — трава и паутина с пауком, так что разбивать фотоаппарат было не обо что. А сделать из него пластину и вообще невозможно без пресса.

— Выходит, это сделал паук.

Костров посмотрел на Таю и пожал плечами.

Гаспарян заметил его взгляд и мягко отнял у девушки искалеченный фотоаппарат.

— А вам, Таисия, придется нас покинуть. Мы не имеем права рисковать чужой жизнью. Еще хорошо, что так закончилась ваша грибная охота, могло быть хуже.

— Почему это вы будете рисковать моей жизнью? Разве я сама не отвечаю за себя? Решайте свои вопросы, я вам не помешаю. К тому же я журналист...

— Ваши... м-м... полномочия не вызывают у нас сомнения, — начал Гаспарян. — Но поймите, зона леса в этом районе действительно стала опасной: Скоро здесь, я думаю, появятся воинские части, и тогда...

— Вот и прекрасно. Когда дело дойдет до официального запрещения, я возражать не стану. А пока... давайте я вам лучше помогу.

Гаспарян почесал горбинку носа, хмыкнул и сдался.

— Ну хорошо, оставайтесь, только одеты вы... м-м... не по сезону.

— Ничего, сбегая домой, переоденусь.

Через полтора часа они перенесли лагерь на триста метров от прежней стоянки, установив палатки в нескольких шагах от заброшенной дороги. А еще через полчаса приехал Ивашура.

Глава 7

Игорь Ивашура на всех производил одинаковое впечатление. Высокий, гибкий и бесшумный, он не ходил, а подкрадывался, был постоянно настороже, словно ожидал нападения со стороны своих самых близких друзей. Лицо у него было резкое, хищное, и на нем выделялись яркие, прозрачно-желтые, «тигриные» глаза...

Ивашура не удивился, встретив их в другом месте. Выгрузив с помощью своих подчиненных какие-то громоздкие ящики, выслушал доклад Гаспаряна, сходил с ним к просеке, посмотрел на «отводной канал» и, задумавшись, присел на ящик, вертя в руках останки фотоаппарата.

— Держитесь, — шепнул Костров на ухо Тае. — Как Игорь решит, так и будет.

— Я не боюсь, — шепотом ответила Таисия.

Костров покачал головой.

За что он уважал Ивашуру больше всего, сказать было трудно. Наверное, за умение ладить с людьми самых разнокалиберных характеров. У начальника экспертного отдела был какой-то особый сплав такта, доброго юмора, мягкости и желания понять собеседника, и вместе с тем он был решителен, тверд в убеждениях и обладал железной волей — качеством, столь необходимым для начальника любого ранга. По-видимому, Тая тоже почувствовала в Ивашуре человека незаурядного, что Костров отметил не без укола ревности. Она рассматривала начальника отдела с любопытством и опаской, потом тихонько отошла за палатки.

— Тут грибов в лесу тьма, — подошел к ним водитель «рафика», усатый, небритый и веселый — рубашка нараспашку. — Вы долго стоять будете? А то я полазаю полчаса с ведром...

— Ни в коем разе, — буркнул Гаспарян. — В лес ходить опасно. Можете посмотреть издали, что там творится, и назад. Миша, покажи ему.

Рузаев увел недоверчиво улыбающегося водителя и через четверть часа привел обратно, бледного и растерянного.

— Так! — подвел итоги своим размышлениям Ивашура. — Не нравится мне эти ваши... «десантники». Не похожи они на военный спецназ... или на федералов. Ладно, разберемся. Ждите к вечеру, ничего не предпринимайте и к паукам не суйтесь. А встретите снова давешних знакомцев, на рожон не лезьте, мало ли что им взбредет в голову.

Начальник отдела сел в кабину «газели», собираясь уезжать, и в это время Костров подвел к машине Таю.

— Вот корреспондент из газеты. Хочет работать с нами.

— Пусть работает, — равнодушно ответил Ивашура, почти не взглянув на девушку, — хотя вам придется отвечать за ее безопасность. Поехали, Миша.

И юркая «газель» скрылась за поворотом.

— Какой он у вас... быстрый, — сказала ошеломленная Тая со смешком.

Иван кивнул. Что-то, а решения Игорь Ивашура принимал быстро. Правда, выполнял он их еще быстрее.

Вспомнился разговор с Суреном еще в самом начале его научной карьеры в отделе.

— Красивый мужик, — со вздохом признался тогда Гаспарян после знакомства с новым начальником отдела, хотя ему-то как раз грех было жаловаться: почти все девушки отдела были в него тайно влюблены. Но Костров с ним согласился. Ивашура был красив по-мужски, целеустремленной красотой, он был гармоничен всегда и во всем, а это, по мнению Кострова, было главным в человеке. Нет, не зря Тая обратила внимание на Игоря Ивашуру — власть его над людьми была удивительна и неповторима.

— Вот так, — сказал Рузаев и повалился столбом в траву. — Приказано ничего не предпринимать, а я человек дисциплинированный. Люблю бабье лето! Воздух в лесу: дыши — не хочу! Насовсем в деревню уехать, что ли?

— От твоих сигарет деревня за неделю покроется смогом! — проворчал Гаспарян. — Вон как смолишь — пачку в час! Первый раз вижу эвенка, курящего сигареты, а не трубку.

— Брошу курить. Не веришь? Вот докурю... пачку... и брошу. Буду жить один, распашу поле, сохой, на оленях... посажу картошку, капусту...

— Ягель, — подсказал Костров.

Рузаев и ухом не повел.

— Заведу корову, пару баранов, олешков и буду покорять природу голыми руками, без техники.

— Покоритель! Владыка, так сказать, лесов, морей и рек. Города мы уже превратили в сточные ямы цивилизации, моря, кажется, тоже прибрали к рукам, очередь за деревней, за полями и лесами.

— Ты что, Сурен? — удивился Костров. — Лекцию читаешь? Или вспомнил обязанности общества охраны природы?

— От окружающей среды, — хихикнул Рузаев.

— Двое на одного? — Гаспарян расстегнул свою куртку и покосился на привезенный Ивашурой ящик. — Между прочим, Игорь был-таки в больнице и расспросил пилотов упавшего вертолета. Симптомы те же: они вдруг почувствовали себя плохо, а вертолет потерял управление и врезался в дерево. Чудо еще, что остались живы.

— Инфразвук, — подал голос из травы Рузаев.

— Очевидно. Какие еще причины могут заставить двух здоровенных мужиков потерять сознание? Так что будем делать до вечера, эксперты?

— Лично я буду загорать, — сонным голосом отозвался Рузаев.

— Надо бы разобрать новый груз, — заметил Костров. — Интересно, что привез Игорь?

— Эврика! Вставай, Михаил, отдыхать будешь в институте.

— Не хочу, — сказал Рузаев, однако спустя минуту встал.

— А я пока схожу переоденусь, — сказала Тая. — И вернусь.

— Лучше бы вы, Таисия... — начал недовольно Гаспарян, но посмотрел на Кострова и замолчал.

— Я ее провожу, — буркнул тот. — Вы тут без меня справитесь.

— Хорош! — развеселился Рузаев. — Идеи подавать мастер, а осуществлять их должна Маргарита. Я шучу. — Он похлопал Кострова по плечу, повернулся к начальнику группы. — Справимся, Сурен?

— Иди, — нехотя проговорил Гаспарян. — Только побыстрее возвращайся. И уговори ее остаться дома.

— Не прощаюсь, — звонко засмеялась Тая и взяла Кострова под руку. — Пойдемте, рыцарь.

Они ушли.

— Красивая девочка, — вздохнул Рузаев. — И видеть, еще не испорчена мужским вниманием.

— Да, — согласился Гаспарян и подумал об Ивашуре. — Они с Иваном чем-то похожи, да? Волосами особенно.

— Миша, — через некоторое время позвал он, — у тебя дети есть?

— Дочка Галина. — Рузаев, прищурясь, посмотрел на товарища. — А что?

— Да это я так, к слову... Сколько ей?

— Двадцать четвертый пошел.

— Да ну? — поразился Гаспарян. — Это сколько же тогда тебе?

— Сорок семь. Что, хорошо выгляжу?

Гаспарян покачал головой.

— Я думал, ты мой ровесник, мне тридцать четыре...

Костров вернулся к обеду без Таисии. Она пообещала прийти к вечеру и побежала на вокзал сдавать билет.

Подходя к биваку, Иван заметил за редким сосняком у дороги двухвинтовой вертолет и поспешил к палаткам. За время его отсутствия возле лагеря побывала какая-то автомашина, это он определил по отпечаткам шин, а вертолет был двухместный, легкий — «Ка-18».

Возле их оранжево-синей палатки стоял Гаспарян и разговаривал с двумя незнакомцами в серых брезентовых спецовках.

— Понятно, — сказал один из них — плотный, с ежиком седых волос. — Доложу начальству, пусть решат. Поехали, Витя.

Очкастый долговязый Витя мотнул головой, отвечая на приветствие Кострова, и зарысил к вертолету.

— Это наш сотрудник Иван Костров, — представил Ивана Гаспарян.

— Матвеев, — протянул руку седой. — Странные тут у вас дела творятся, товарищи ученые. Ну да ладно, еще не раз сюда приеду, чует мое сердце. Пока...

Вертолет улетел.

— Электрики? — спросил Костров.

— Начальник дежурной смены Жуковской подстанции, — буркнул Гаспарян. У него отчего-то испортилось настроение.

— А еще кто приезжал? Я видел на дороге следы машины...

— Случайные гости. Проехали мимо, в лес.

— А где Михаил?

— Тут я, — ответил из палатки Рузаев. — Пришли?

— Я один.

Рузаев выглянул.

— Уговорил-таки остаться? Молодец! Я был о тебе лучшего мнения.

— Не уговорил, обещала прийти вечером.

— Тогда другое дело, — хмыкнул Рузаев и снова скрылся.

— Зачем хоть электрики прилетели?

— Утечка возросла, — очнулся от раздумий Гаспарян. — Напряжение в сети село почти на десять процентов. Если так пойдет и дальше, придется воевать с пауками всерьез, иначе район останется без электричества.

— А те «десантники» не появлялись?

— Нет. Отстань, Костер, я же тебе не справочное бюро.

Костров изучающе посмотрел на озабоченное лицо Сурена. Таким он его еще не видел. Сдержанная насмешливость Гаспаряна куда-то исчезла, уступив место угрюмой нерешительности и тревоге. В подобной ситуации никто из них не был, но Гаспарян интуитивно чувствовал серьезную опасность паучьего нашествия и мучился сомнениями относительно правильности своих действий, хотя уже понимал, что инициатива перешла в руки Ивашуры, а сам он, по сути дела, ничего толкового не придумал и не сделал.

Костров сунул голову под полог палатки и шепотом спросил Рузаева, перезаряжающего фотоаппарат:

— Что это Сур ходит как под наркозом? Что тут произошло?

— Ничего, — сказал из-под одеяла Рузаев и добавил, понизив голос: — Просто в нем сейчас умирает лирик.

Костров почувствовал в словах Михаила дружеский совет не мешать и буркнул:

— Понял.

Взяв из ящика складывающийся электрозонд и электрометр, он сказал в спину Гаспаряну, что идет в лес.

В паучьем логове ничего не изменилось, если не считать того, что площадь, занимаемая паутинами, увеличилась. Пауки принялись застраивать Скрабовку и кое-где еще пересекли дорогу недалеко от старого места расположения лагеря.

Костров понаблюдал за каналом, снабжающим паучий город водой, пробрался к просеке со стороны болота, стараясь думать о пауках «приятно», и долго всматривался в белое мерцание паутиновых башен, взобравшихся по опорам линии электропередачи до гроздей керамических изоляторов. «Вот откуда утечка из линии, — подумал он. — Паутина проводит ток в землю...»

Ни одно движение не нарушило мертвой неподвижности леса и паутинового царства, и это было странно, потому что Кострова не покидало ощущение, что за ним наблюдают чьи-то внимательные глаза. Сторожат, подумал он, преодолевая искушение швырнуть в кусты зонд. Пусть сторожат, я мирный прохожий... Повернувшись к просеке спиной, он не спеша двинулся обратно, ожидая оклика или выстрела в спину. Напряжение постепенно ушло, неслышимое ворчание страха втянулось в лес, ощущение взгляда со стороны прошло.

Костров вытер холодный пот со лба и ускорил шаг.

И в этот момент из-за штабеля почерневших от времени и непогоды бревен вышел знакомый смуглолицый, с усиками а-ля опереточный злодей «десантник» все в том же «пльвущем», меняющем цвет и рисунок ткани комбинезоне.

— Мы же предупреждали, — сказал он негромко, — чтобы вы не совались сюда и ни во что не вмешивались. Неужели не поняли?

У Ивана засосало под ложечкой, но вины за собой он не чувствовал и огрызнулся:

— Да пошел бы ты сам... куда подальше! Мы имеем

полное право здесь находиться и не уйдем, пока вы не докажете свои полномочия. Причем не нам, исполнителям, а начальству. Я понятно выражаюсь?

— Доказывать нам не обязательно, а наказывать за неповиновение мы умеем. Встречу еще раз — умрешь! А пока получи на память... — Брюнет поднял руку, в которой вдруг оказался пистолет, и Костров, давно готовившийся к подобному обороту событий, прыгнул к «десантнику», подныривая под его руку и выбивая пистолет в жесткой манере полузахвата-рывка-слома.

«Десантник», однако, драться умел, хотя стиль его боя был Ивану неизвестен. Пришлось вспомнить все навыки рукопашника, которые в гражданской жизни казались ненужными.

За три минуты схватки Иван получил три хороших удара в голову и грудь, смягченных блоком, но все же хлестких, тяжелых, и сам провел ответные атаки, потрясшие усатого незнакомца, который не ожидал встретить профессионала. Особенно хорошо получился ён-соль — прием в стиле хапкидо, соединяющий жесткий удар голенью с не менее жестким броском. «Десантник» улетел под обрыв старого дренажного рва и, хотя тут же взлетел обратно как на крыльях, словно ему помогал комбинезон, в драку больше не полез. Да и Кострову надоел поединок, превратившийся в бой не на жизнь, а на смерть. Поэтому он в прыжке достал выпавший из руки противника пистолет, удобно легший в ладонь, и направил дуло с какими-то ребристыми выступами и штырьками в грудь усатого.

— Достаточно, вояка! Я к тебе не лез, и ты не приставай. Гуляй, откуда пришел, я могу и рассердиться. И не дай Бог тебе еще раз встретиться со мной!

— Отдай ручник, — сказал «десантник» без выражения.

— Его я оставлю пока у себя, дабы не возникало недоразумений. Придешь в лагерь со своим начальством для выяснения полномочий, тогда и отдам.

Усатый безмолвно исчез в кустах, затем издали прилетел его тихий, но отчетливый голос:

— Мы встретимся, рыжий, хотя и в других временах...

Размышляя над этой фразой, Иван закончил прогулку и подошел к палаткам лагеря, когда уже завечерело. Откуда-то из-за деревьев доносилось бормотание мотора, и стало ясно, что вернулся начальник отдела. А так как Ивашура приехал не один — вместе с ним на зеленом с синей полосой «уазике» прибыл невысокий худой майор милиции с двумя рослыми молодыми людьми в штатском, — Иван решил не показывать свой трофей, а лишь рассказал в двух словах о новой стычке с «десантником».

Действовали приехавшие расторопно, записали рассказы всех троих — Гаспаряна, Рузаева и Кострова — на диктофон, и Рузаев, свыкшийся с ролью проводника, увел их в лес.

— Только недолго! — крикнул им вслед Ивашура. — Скоро стемнеет, мало ли кто еще может здесь шататься. — Он повернулся к Ивану, разглядывая его лицо пронизательными глазами. — О чем умолчал?

— Так, о пустяке. — Костров протянул начальнику отдела отобранное оружие.

Ивашура повертел в руках тяжелый, хищно-красивый, необычной формы пистолет, поднял брови.

— Никогда ничего подобного не видел.

— Я тоже. Давай испытаем?

— Позже, пусть уедут. Спрячь пока. Предъявить его мы всегда успеем. Но никому ни слова.

— Само собой.

— А что нам делать? — подошел Гаспарян, несколько повеселевший после прибытия гостей.

— Сегодня — только регистрация фона вокруг зоны с паутинами, а завтра — посмотрим. Хорошо бы, конечно, отловить пару экземпляров, специалисты быстро разобрались бы, откуда эти пришельцы. Не пытались ловить?

— Пробовали, однако, — вмешался вынырнувший из леса Рузаев. Но встречаются они довольно редко, и реакция у них поистине космическая, да и ловить их небезопасно.

— Куда ты дел районное начальство УВД? — вполголоса спросил Гаспарян.

— Они пожелали остаться одни, дальше обещали не ходить.

— А почему пауков ловить небезопасно? — поинтересовался Ивашура. — Из-за инфразвука?

Рузаев напомнил ему случай с фотоаппаратом Кострова.

— Ну, это не аргумент, — махнул рукой начальник отдела. — Иван, как это было?

Костров рассказал, не зная, как относиться к случившемуся: с иронией или серьезно.

— Когда я его бросил, — вспомнил он вдруг, — в лицо мне пахло горячим воздухом, как из... духовки.

— Любопытно. Что скажет по этому поводу металловед?

— Насчет горячего воздуха ничего, а вообще хорошо бы этот фотоаппарат отдать в нашу лабораторию, — проговорил Гаспарян, раздувая костер и умудряясь при этом оставаться чистым и франтоватым. — Нужен всесторонний анализ. Но все же считаю, что Иван не мог с такой силой метнуть аппарат, чтобы сплющить его в лепешку. Для этого нужен удар силой в пару сотен килограммов, если не больше.

— И я сомневаюсь, — пробормотал Костров. — Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?

— Маловато, — вздохнул Ивашура. — Маловато мы еще узнали, больше сомнений, чем знаний.

— Знания — это сомнения, оставшиеся непровергнутыми, — изрек Рузаев известный афоризм, но вопреки его надеждам никто не откликнулся на шутку.

Ивашура легко вскочил с места, спрятав записную книжку в карман.

— Что ж, займемся ужином, надо накормить гостей. Я, пожалуй, пойду им навстречу, а вы тут хозяйничайте.

Рузаев с Костровым быстро приготовили немудреный ужин: консервы, малосольные огурцы, привезенные Ивашурой, сгущенное молоко. Гаспарян вскипятил чай.

Солнце зашло за щетинистый гребень леса, поляну у

дороги пересекли длинные тени от высоких сосен. С запада на небосклон набегала гряда не слишком симпатичных облаков, и Рузаев со знанием дела предсказал скорое изменение погоды.

— Если пойдут дожди, завязнем в грязи, — поморщился Гаспарян, поглядывая на часы. — Где же они там?

— Кто, дожди?

— Не издевайся, я о гостях. Зря ты отпустил их одних, Михаил, еще случится что-нибудь...

Костров тоже посмотрел на часы, но по другой причине. Таи все еще не было, и он уже начал беспокоиться, не случилось ли с ней чего-нибудь по дороге к лагерю.

Рузаев встал, собираясь пойти на розыски ушедших, но в это время из леса донесся знакомый жуткий вопль, всколыхнувший торжествующую тишину вечера.

— Эт-то еще зачем?! — изменился в лице Гаспарян. — Засекли, в какой стороне?

Однако в их помощи никто не нуждался. Через несколько минут со стороны реки послышались голоса, и к палаткам вышли все четверо: слегка улыбающийся Ивашура, растерянный майор милиции и оживленно разговаривающие парни.

— Мы уже хотели бежать на помощь, — сказал Костров.

— Дьявольщина! — хрипло произнес майор, снимая фуражку и обнажая лысину. — Вы были правы, Игорь Васильевич. Поехали, ребята.

— А ужин? — спросил разочарованный Рузаев.

— Какой там ужин?! — махнул рукой майор. — Некогда ужинать. Да, братцы, задали вы нам задачку!

— Разве мы? — весело удивился Ивашура. — Скорее уж с вас все и началось, после аварии вертолета. Так, я надеюсь, вы примете меры?

— Как и договорились.

Майор еще раз махнул рукой, попрощался и полез в «уазик». Машина уехала, эксперты снова остались вчетвером.

Поужинав, Костров отмерил по дороге несколько

километров в сторону райцентра, но Таи так и не встретил.

Укладываясь спать, Рузаев посмотрел на мрачную физиономию товарища и подмигнул остальным.

— Будь оптимистом, Иван. Не пришла сегодня, придет завтра. Однако будь осторожен, история учит, что красивая женщина — это в основном голод любви, жажда самовыражения и неоправданные надежды.

— О ком вы? — сверкнул в полутьме рысьим глазом Ивашура.

— Да о той девушке, которую Иван спас от паука, — пояснил Гаспарян. — Фотоаппарат не пожалел и нести никому не позволил. А фотоаппарат, между прочим, вещь подотчетная.

В палатке установилась тишина, нарушаемая только дыханием людей. Снаружи палатки тоже царила тишина: ветер стих, и лес перестал шуметь, замер в мертвом оцепенении.

— Нет ли тут связи? — подал через некоторое время голос Гаспарян. — Между нашими мыслями и действиями пауков?

— Поясни, — коротко отозвался Ивашура.

— Возьми случай с Иваном: он подумал, что неплохо бы поджечь лес с пауками, и... потерял сознание от инфразвукового удара. Есть даже запись в ЗЗУ. Потом эта девушка, Таисия. По ее словам, она замахнулась на паука и тоже потеряла сознание. Симптомы те же. Затем пилоты... Все совпадает до мелочей. Сегодня утром и я попробовал... — Он замолчал.

— Что ж не предупредил? — укоризненно проговорил Рузаев.

— Не хотел рисковать всеми. Сознания не терял, но почувствовал себя плохо именно в тот момент, когда подумал об уничтожении пауков. Интересно, что ЗЗУ записало вместе с инфразвуком и ультразвуковое эхо. Хочешь не хочешь, а напрашивается вывод, что паукам не нравится наше вмешательство в их дела, даже мысленное. Каким-то образом они чувствуют угрозу с нашей стороны и отвечают тем же.

— Пауки-телепаты! — фыркнул Костров, вылезая из

палатки. — Кстати, эти серые «десантники» тоже говорили о нашем вмешательстве, хотя мы ни во что не собираемся вмешиваться. Странно все это. Может быть, они и пауки — из одного лагеря. Какие-нибудь спецвойска ФСБ.

— Спецвойска предъявили бы документы, — сказал Ивашура. — Нет, история с этими спецназовцами темная, я недаром пригласил милицию и уполномоченного федеральной безопасности по району. Пусть разбираются.

— А красиво все-таки светится, — сказал минуту спустя Костров, стоя у палатки.

— Что там у тебя светится? — спросил Ивашура.

— Не у него — воздух над просекой, — пробормотал Гаспарян.

Глава 8

Разбудил их дождь, хлеставший по палатке, как из пожарных шлангов. Костров посмотрел на часы — светящиеся цифры показывали семь утра — и выглянул из палатки. Небо было затянуто сплошной серой мутью, прочерченной кое-где космами ливня. Пелена дождя размыла лес в акварельный пейзаж, вылезать в такую мокрядь не хотелось.

Однако пришлось. Предусмотрительный Ивашура достал всем армейские плащ-накидки из привезенного накануне запаса, и даже ворчливый Гаспарян примирился с непогодой.

После девяти часов колесо событий, несмотря на продолжающийся дождь, закрутилось с ошеломляющей скоростью.

Сначала из районного центра прибыли три грузовика со взводом солдат местного гарнизона. Солдаты в мгновение ока поставили рядом с палаткой экспертов две свои громадные, тридцатиместные, раскочегарили кухню, поставили умывальники, навес для столовой и, выслушав инструктаж, исчезли в лесу, растягиваясь в

оцепление. В лагере оставались только дежурные кухонного наряда и один дневальный на обе палатки.

Потом примчался вездеход на воздушной подушке и привез Матвеева, знакомого уже начальника смены с подстанции, с ним — почти всю его смену электриков, четырех человек. Настроены они были решительно, но, выслушав советы Гаспаряна, ушли в лес уже менее бодро. Сопровождал их Рузаев. А еще через полчаса прибыл громадный бело-синий вертолет и привез научного директора Центра Богаева и группу ученых из областного отделения Академии наук. Поляна запестрела разномастными плащами и даже зонтиками.

Во всех этих событиях чувствовалось влияние Ивашуры, его умение доказывать необходимость этих мероприятий, и Костров в который раз признал в душе его превосходство над собой. Ивашура в свои неполные тридцать лет был личностью незаурядной. Все эти и другие мысли промелькнули в голове у Кострова в тот момент, когда он увидел в кабине вездехода Таю. Она издали помахала ему рукой и ушла вслед за основной группой «экскурсантов».

За день еще дважды прибывали машины из города, привозили каких-то людей — видимо, представителей местной власти. Поляна, где эксперты разбили лагерь, преобразовалась и стала походить на военно-полевой штаб. Движение заметно оживилось.

Солдаты закончили растягивание трехкилометровой зоны проволочного ограждения с грозными табличками: «Стой! Запретная зона! Опасно для жизни!»

Рузаев с вертолетчиками подстанции опустил на их машине к центру просеки и сфотографировал лес сверху. Вернулся он с непривычно рассеянным видом, а на вопросы товарищей отвечал:

— Пауки строят крытый стадион...

Несколько раз в лесу слышались дикие, ни с чем не сравнимые крики, уже знакомые экспертам. Эти крики заставили гостей отнестись к странной паучьей деятельности с вниманием. К тому же двое солдат из оцепления почувствовали себя плохо, и оцепление отодвинули от проволочного забора еще на сто метров.

Однако ни одному из солдат, равно как и офицерам, и руководителям экспедиции «десантники», с которыми контактировали эксперты Центра, не встретились. Принадлежность их неким спецслужбам осталась недоказанной, и попахивало от этой истории чем-то мистическим, таинственно-грозным и опасным.

Оружие, отобранное у смуглого «десантника» Костровым, Ивашура испытал на второй же день и был поражен настолько, что еще раз предупредил Ивана никому ни о чем не рассказывать: выстрел из пистолета проделал в склоне холма метровой глубины нору диаметром в два метра, отблескивающую глазурию, а также развалил надвое ствол громадного дуба. Что такого оружия в природе не существует, Ивашура был уверен на сто процентов. Откуда оно взялось у неизвестных, гадать было бесполезно, размышления же об этом заводили мысль в дебри недоказуемых фантазий.

Вечером в одной из больших палаток состоялась пресс-конференция, подготовленная Ивашурой. На ней присутствовали ученые мужья, представители губернатора, командиры воинской части, корреспондент АПН и эксперты Центра.

— Я думаю, настало время скоординировать наши действия, — картавя, начал Богаев, низкорослый, полный, круглолицый. — Мы полагаем с завтрашнего дня начать тщательное исследование феномена с привлечением всех лабораторий Центра — имеются в виду биологические лаборатории. Но нужны специалисты в области арахнологии, экологии, палеозоологии. Надеюсь, в этом нам поможет Академия наук.

— Непременно, — быстро ответил багроволицый, тучный академик Зиновьев, то и дело вытирающий лицо платком. — Это же чудовищное, небывалое явление! Я такого не припомню за все полвека моей научной деятельности, да-с.

— Сколько же времени вы думаете исследовать пауков? — задал вопрос губернский представитель.

Богаев развел руками.

— Этого я вам сказать не могу. Явление очень ред-

кое, ранее не наблюдавшееся. Нужен осторожный, тщательно продуманный подход, всесторонний анализ.

— Да какой еще анализ! — вскочил представитель губернатора. — Район получает крохи электроэнергии, в домах нет света! Скоро останутся заводы, асфальтовый и велосипедный, лесозаготовительные комплексы! Фермеры без света тоже не смогут работать! Вы представляете масштаб вашего «научного явления»? Не строить же другую ЛЭП, пока вы будете изучать пауков!

— Что вы предлагаете конкретно? — спросил Ивашура.

— Что тут предлагать? Очистить линию от паутины, отогнать пауков, коль уж они у нас воду пьют и электричеством пользуются.

— Сделать это, к сожалению, непросто. К просеке сейчас не подойти, пауки отпугивают людей инфразвуком.

— Ей-Богу, верится с трудом, — проговорил Зиновьев, — хотя я и сам убедился. Как пауки генерируют инфразвук, каким образом отводят электроэнергию, зачем она им нужна — сплошные загадки.

— Верно... странные паутины... прочные... Вода куда-то девается... Пауки величиной с собаку! — раздавались голоса.

— Вот-вот, а вы обратили внимание на конструкцию паутины? Ведь ни в какую теорию не лезет! Паучий город, да и только! Так что, извините, исследовать сие явление нужно и должно, — повернулся академик к представителю власти. — Как вы понимаете, электрики уже пытались сбить паутину с проводов ЛЭП, и вертолет с ними потерпел аварию. Где гарантии, что с другими не произойдет то же самое?

— И все же надо что-то делать, — буркнул губернский представитель. — Так это оставлять нельзя. Нешуточное же дело, — заволновался он снова. — Да с нас же народ, общественность голову снимут, если мы обстоичим район!

Богаев усмехнулся, обвел сидящих на солдатских койках прищуренными глазами.

— Прошу высказываться, господа. Может быть, у

кого-нибудь есть гипотезы, которые смогут пролить свет на вторжение пауков? Жаль, среди нас нет арахнологов...

— Арахнологов действительно нет, — подтвердил Ивашура, — приедут завтра, но есть зоологи.

— А что с них толку? — под общий смех сказал Зиновьев. — Я тоже зоолог, ну и что? Я даже паука не видел, только паутины да ров с водой. Может, это сделали вовсе и не пауки?

— Пауки, пауки, — успокоил его Ивашура. — Тут недалеко наши сотрудники в походных условиях делают фотографии, снимали они много, скоро принесут. — Он нашел глазами Кострова. — Сходи узнай, как там дела у Михаила.

Иван сходил в палатку к Рузаеву и принес пачку мокрых отпечатков — сушить их было негде. Фотографии разошлись по рукам, в палатке раздавались удивленные возгласы, говор двух десятков людей.

— Насмотрелись? — спросил Ивашура у Зиновьева, разглядывающего не очень качественную фотографию паука.

— Насмотрелся, — вздохнул тот. — Это не пауки. По форме они близки к сольпугам из семейства фаланг, но и не сольпуги... Помесь какая-то...

— Знаете, — слегка заикаясь, сказал молодой ученый-зоолог, сотрудник Центра, — ведь этот паук похож на прапаука, древнейшего паука из верхнего силура.

— Силурийский паук? — с сомнением произнес Зиновьев. — Реликт, так сказать? Не знаю, не знаю...

— Похож, — вмешался кто-то из сидящих. — Недавно читал статью Барановского в «Природе». Там приводилась фотография, вернее, реконструкция предка современных паукообразных. Ваш паук как две капли воды похож на него.

— Не знаю, не знаю... — повторил Зиновьев, упрямо покачивая головой. — Ни один из пауков древности не достигал таких размеров.

В палатке наступила тишина.

— Ну хорошо, пусть прапауки, пусть силурийские пауки, вымершие, кстати, более четырехсот миллионов

лет назад, — продолжал академик. — Что это нам дает? Откуда они? И почему именно здесь, в Брянском лесу? Почему в зоне умеренного климата?

— Вопрос некорректен, — мягко сказал Ивашура. — Все равно что спросить: почему материальное тело состоит из атомов? Аксиома...

— Не так уж и некорректен, — не удержался Костров, чувствуя рядом локоть Таи. — Возможно, в силурийском периоде зона умеренного климата была зоной полупустынь и субтропиков, а наши пауки не знали, что климат изменился, и явились на старое место обитания...

— Это скорее фантастический экзерсис, — улыбнулся Ивашура, — нежели научное предположение. А для окончательного вывода требуется мнение специалиста-арахнолога, не в укор всем будет сказано. Что касается уничтожения пауков... — Он не договорил.

Совсем близко, за тонкими намокшими стенами палатки, пугающе громко раздался длинный пронзительный вой, прервавшийся на высокой ноте. В нем явно прозвучали угроза и холодный вызов.

Все вскочили с мест. Тая вцепилась Кострову в руку.

За стенами послышались команда и удаляющийся топот.

— Что это?! — спросил в наступившей тишине Зиновьев. — Третий раз слышу!

— Ответ пауков, — спокойно сказал Ивашура, — дружеский совет их не трогать.

Глава 9

Последующие дни были заняты суетой, связанной с размещением прибывающих специалистов всех рангов, изучением реакции пауков на действия людей и спорами ученых, предложивших несколько гипотез и отстаивающих каждый свою.

Костров, как старожил, нес службу проводника одного из малых исследовательских отрядов, в который входили немолодой кандидат биологических наук, один

из электриков, норовивший все потрогать своими руками, старик Гришин, профессор экологии Московского университета, и эксперт Валера из отдела Ивашуры, чрезвычайно энергичный и любознательный. Из-за его рассеянности Костров все время вынужден был держаться начеку, так как олицетворял собой силы безопасности отряда и отвечал за действия и здоровье каждого целиком и полностью. А Валера — маленький, кругленький, как шарик для пинг-понга, в очередной раз выброшенный стальной рукой Кострова из скопления паутин, — только помаргивал белесыми ресницами, продолжая глазеть по сторонам и забывая о самой элементарной осторожности. Зато у него была своя «выстраданная гипотеза», о которой он любил размышлять вслух.

— Вы знаете, у него в самом деле интересная гипотеза, — признался как-то Кострову сухопарый медлительный Гришин. — Я все чаще прихожу к выводу, что этот молодой человек в чем-то прав.

— В чем же? В том, что человечество нарушило тонкую структуру времени и от этого образовался канал, по которому пауки из силурийского периода прорвались в наше время?

Гришин уловил в голосе Ивана иронию, но остался спокойным.

Они стояли на бугре, поросшем тонкими дубками. Под ногами шуршали опавшие листья, сплошным слоем усеявшие землю. В ложине у одной из паутин, сплетенной пауками совсем недавно, возились с приборами биолог и электрик, а эксперт Валера стоял на коленях возле пустого муравейника и размышлял о чем-то вслух.

— Нет, в пришельцев из чужих времен я не верю, — ответил Гришин. — Много неувязок, идея бездоказательна, хотя небезынтересна. Понимаете, ни прапауки, ни пауки сегодняшнего дня не живут колониями, как муравьи, например. А тут налицо паучья колония! Нонсенс! Пауки — хищные насекомые! Главное, однако, не в этом. Вам не кажется символичным, что пауки появились в самом чистом — экологически чистом — уголке земной природы?

— Не знаю, — осторожно сказал Костров, не пони-

мая, куда клонит Гришин. — Вы считаете, что центр Брянского леса — наиболее подходящее для пауков место? Или оно выбрано ими разумно?

— Разумно — не то слово, хотя стоит задуматься над тем, что заставило пауков трудиться коллективно. Я хочу сказать, что пауки — живородящие твари, они не могли вылупиться из яиц, пролежавших в земле сотни миллионов лет. Понимаете?

— Тогда Валера прав, и пауки появились здесь через тоннель времени...

Гришин с неопределенной гримасой покачал головой.

— Дался вам этот тоннель... Вы упомянули о разумности пауков.

— Коллектива пауков.

— Разумеется. Так вот, если бы этот коллектив был разумен, он никогда бы не выбрал для развития Брянский лес, да и вообще умеренные широты. Нет-нет, пауки появились в здешних местах случайно, будьте уверены.

— Почему вы так думаете?

— Вы измеряли температуру поближе к паутинному скоплению? Вижу, что нет. А мои коллеги замерили, и оказалось, что под паутинным пологом температура на пятнадцать-двадцать градусов выше, чем в среднем по лесу!

— Микроклимат? — хмыкнул Костров, вспоминая свой бредовый сон.

— Верно, микроклимат. Пауки строят себе дом по всем правилам строительного искусства, с отоплением от линии электропередачи и водопроводом.

— Тогда следует принять за аксиому, что они таки разумны. — Костров пожал плечами. — Почему бы и нет? У Валеры есть еще одна гипотеза, что пауки пожаловали к нам из соседнего измерения.

Гришин поморщился.

— Несерьезно. Валера в этой гипотезе не оригинален, о соседних измерениях, по-моему, даже фантасты перестали писать. Пауки действуют целесообразно, это верно, но называть их действия разумными я бы не стал.

Их строительная деятельность — наверняка проявление какого-то сложного инстинкта, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Не будете же вы отрицать, что в природе существуют примеры подобных явлений, которые мы, однако, не причисляем к разумным.

— Но что строят пауки? Масштаб их деятельности не так уж мал.

— Что? Убежище, например, город, так сказать. Ближится зимний период, холода, вот они и спешат. Это самое простое и, может быть, самое близкое к истине объяснение. А может быть, они ищут способ вернуться туда, откуда прибыли, ведь появились же они откуда-то, из какой-то странной экологической ниши? Видите, и я вслед за вами начал фантазировать.

— И совсем неплохо, — похвалил Костров. — Экологическая ниша, заселенная силурийскими пауками, замороженная в веках в Брянском лесу и открывшаяся сегодня! Совсем неплохо! Только какая причина заставила ее раскапсулироваться?

Гришин развел руками.

— Чего не знаю, того не знаю. Давайте догоним наших коллег, они ушли вперед. Кстати, мне послышался возглас Валеры...

Костров огляделся и бросился в лощину. Возле паутинной башни он нашел Валеру, замершего в странном ожидании: глаза расширены, взгляд устремлен в бесконечность, лицо бледное, лоб покрыт испариной.

Костров тронул его за плечо, и Валера безвольно упал, словно мягкая тряпичная кукла. Испугавшись, Иван позвал остальных и принялся делать искусственное дыхание. Втроем они с трудом привели молодого эксперта в чувство. Очнувшись, тот бессмысленным взором обвел встревоженных товарищей, кусты и, пробормотав что-то о невыносимой жаре, древних папоротниках, пожаловался на сильную головную боль.

Пришлось возвращаться в лагерь и оставить пострадавшего под присмотром добровольной медсестры — Таи.

— Инфразвук? — спросил Ивашура, отбедя их в сторону.

— Непохоже, — ответил Костров. — Мы бы тоже почувствовали.

— Тогда электрошок. Замерили электрическое поле в том месте?

Костров переглянулся с Гришиным и виновато опустил голову.

— Не догадались.

Ивашура нахмурился.

— Несерьезно, Иван.

Костров слегка покраснел под изучающим взглядом Гришина и вдруг неожиданно для себя самого рассказал им свой странный сон — «путешествие во времени» — и присоединил слова Валеры о жаре и папоротниках.

— М-да-а... — протянул Гришин. — Как, вы говорите, выглядели эти деревья?

— Высокие стройные колонны, пушистые, словно в шерсти, с пучками больших «перьев» на вершинах.

— Похожи на кордаиты или на сигиллярии, но не совсем...

— Вы что же, всерьез полагаете, что Иван побывал в девонском периоде? — прищурился Ивашура.

— Не думаю, но... чего только не приходит в голову при близком знакомстве с пауками. А сон Кострова, кстати, не лишен здравого смысла. Наши пауки не зря создают себе микроклимат — значит, привыкли к более жаркому климату. Там же, где, по словам Ивана... э-э, Петровича, он оказался, было очень жарко. Совпадение?

Ивашура задумался, вздохнул и отошел. Как-то само собой получилось, что он стал начальником комплексной экспедиции и взял на свои плечи всю полноту ответственности. В реальность сна Кострова он не поверил, как не верил и сам Иван. Слишком уж сказочным было допущение «путешествия во времени». Скорее всего сон был галлюцинацией, вызванной инфразвуковым ударом или электрошоком. То же самое случилось, очевидно, с Валерой...

Погода не менялась. Целыми днями моросил мелкий занудливый дождь, превративший дорогу в грязевой поток. Все ходили мокрые, измазанные торфом, глиной и

зеленю. Одежда не успевала просыхать за ночь, и приходилось с отвращением натягивать на себя распаренные сырые брюки, рубашку и куртку. Один Гаспарян сохранял вид «столичной штучки» и ходил сухой, словно переодевался каждый час.

Тая раздобыла где-то палатку и переносила тяготы походной жизни вместе с остальными, не обращая внимания на уговоры новых друзей беречь здоровье в городе.

— Всем известно, что на природе здоровей, — смеялась она.

Когда в четверг, на шестой день пребывания ученых у паучьего города, Костров вернулся с вечерней бесплодной прогулки, Таи в палатке не было. Обнаружив, что Ивашуры тоже нет, он швырнул в угол свою куртку и принялся насвистывать невеселую мелодию, прикидывая, где в это время может находиться начальник отдела.

— Паук укусил? — негромко осведомился Рузаев.

— Если бы, — вздохнул Костров, залезая в сырой спальный мешок. — Миша, извини за любопытство, ты женат?

Рузаев помолчал.

— Второй любопытный. Неужели я так плохо выгляжу?

— Да нет, — смутился Костров. — Я вообще...

— Ну, если вообще, то прощаю. Кстати, как у тебя с Таей?

— А никак... не знаю, как. Мы, по сути дела, незнакомы. Закончим расследование и разъедемся в разные стороны...

Рузаев несколько минут размышлял.

— Знаешь, парень, — сказал он наконец серьезно, — есть одно мудрое изречение: «Научи меня, Господь, спокойно воспринимать события, ход которых я не могу изменить, дай энергию и силу вмешиваться в события, мне подвластные, и научи мудрости отличать первые от вторых».

Рузаев поворочался и затих.

— Философ! — раздался из-под одеяла глухой голос Гаспаряна: он тоже не спал. — Научил мудрости... Внем-

ли, Иван, иной раз даже такой липовый философ может дать хороший совет. Кстати, тех «десантников» больше не встречал?

Костров помедлил.

— Показалось однажды... но в контакт не вступали, если, конечно, это были они. Тут всяких спецназовцев сейчас навалом бродит, мог и обознаться.

Иван вспомнил об испытании Ивашурой чужого пистолета и замолчал. Улегся в спальник, стал смотреть на полог палатки, освещенный прожектором из дальнего угла поляны. Неподалеку слышались голоса, позвякивание, фырчание мотора, шаги: жизнь военизированного лагеря шла своим чередом.

«Не каждому дано мыслить глобально, — думал Костров, вспоминая свои поступки, разговоры, решения. — Не от этого ли появляется иногда смутное недовольство собой, мелкостью собственных желаний и решаемых проблем? Ну хорошо, допустим, Игорь Ивашура масштабней, умнее, сильнее и так далее, допустим. Означает ли это, что на его фоне я выгляжу бледно? Или он колдун, раз Тая все чаще обращает на него внимание? Научи меня, Господь, спокойно воспринимать события... неподвластные мне события... А какие события мне неподвластны? Разве я не могу изменить положение в свою пользу? Впрочем, изменять пока нечего, не надо спешить с выводами. Ивашура не настолько слеп, чтобы не заметить красивой девушки, а если он все-таки ее не замечает, то это не его идеал... И хватит об этом! Миша дал прекрасную идею, и единственная его ошибка в том, что на Господа Бога уповать не надо. Если я не научу себя сам, никто другой мне не поможет... Гораздо сложнее решить проблему пауков! Откуда они, почему появились в здешних местах, как с ними договориться... Да и «десантники» шастают тут странные. Чего они добиваются? Зачем и о чем предупреждают? Откуда заявились сюда? И откуда у них такое оружие, способное одним махом снести полхолма?»

Уснул он незаметно и не видел, когда вернулся Ивашура.

Начальник отдела разделся, включил фонарь и долго

разглядывал спящих в палатке, словно удивляясь чему-то. Кострову в это время снились жуткие оскалы паучьих морд, Тая, бьющаяся в паутине, а также Игорь Ивашура с ружьем, отстреливающийся от лавины пауков...

Глава 10

В четвертом часу ночи шум возле палаток заставил всех проснуться. Ивашура второпях оделся и пошел узнавать, в чем дело. Вернулся он быстро.

— Вставайте.

— Что там такое? — сквозь зевоту спросил Гаспарян.

— Район полностью обесточен. Приехали губернатор Брянска Глазунов и высокое начальство из безопасности. В общем, подъем!

Костров оделся быстрее всех и выскочил из палатки. Дождя не было, но воздух был серым и холодным, из-под ног брызгала вода. Над лесом в районе болота висело облако прозрачно-голубоватого свечения.

На дороге в отсвете фар Иван увидел «волгу», в пятне прожекторов у военных палаток сновали какие-то люди, слышался гул множества голосов. Из «гражданских» палаток выходили ученые и шли на освещенное место, как мошки на огонь.

— Такое дело, господа, — говорил высокий, узкогубый и крупноносый мужчина с непокрытой седой головой. — В районе нет света, линия электропередачи замкнута. Наши специалисты прошли по всей трассе на вертолете — не верилось, что пауки забирают всю энергию, — но обрывов нигде нет, значит, дело в пауках. Нужно принимать срочные меры! Завтра из Москвы прилетит комиссия, а мне дали полномочия решать вопросы на месте любым способом. Если надо очистить ЛЭП от пауков — значит, будем очищать.

Ивашура протиснулся сквозь толпу к говорившему. Все взоры потянулись к нему.

— Потеряем людей, — сказал он тихо.

Губернатор побледнел.

— Почему потеряем? Каким образом?

— Пауки не подпускают нас ближе чем на полкилометра. Стоит подойти — генерируют инфразвук, и человек теряет сознание. Смертельных исходов не было, но мы и не брались за дело всерьез.

При этих словах Костров вдруг почувствовал нарастающую тревогу. Словно зазвенела где-то гигантская струна, грозящая вот-вот оборваться и обрушиться на людей страшный удар, способный взрыть землю на километр вглубь!

По-видимому, многие в толпе почувствовали то же самое, потому что по ней прошло какое-то движение и люди сдвинулись теснее.

Глазунов прислушался к своим ощущениям и вопрошительно посмотрел на Ивашуру.

— Именно, — кивнул тот. — Это их реакция на наш разговор. Каким-то невероятным способом пауки слышат даже наши мысли!

— И против этого нет никакой защиты? А если подойти к ним на бронетранспортере?

— Броня не защищает от инфразвука.

— Что же тогда?

— Не знаю.

Губернатор оглядел плотно сдвинувшихся людей. Над толпой всплывали облачка пара от дыхания, температура была близка к нулевой. Костров под его взглядом опустил глаза. Да и что он мог сказать? Он тоже не видел способа избавить лес от непрошенных гостей. И еще мешало ощущение нависшего дамоклова меча — психологическое давление чужеродного, неприятного, холодного присутствия паучьего города.

— Зажечь лес? — пробормотал кто-то из сопровождавших Глазунова.

Не успел он закончить фразу, как в лесу неподалеку от людей прозвучал короткий вопль. Все вздрогнули.

— Слышите? — сказал Ивашура. — Стоит только подумать об их физическом уничтожении, как сразу раздастся такой крик. Предостережение это или нет — не знаю, но звучит достаточно впечатляюще.

— Что же делать? — повторил вопрос Глазунов.

— Решайте. Если у вас большие полномочия... Мы,

конечно, постараемся выполнить указания, но все же пауков трогать я не стал бы. Пока не научимся защищаться от них.

Губернатор вытер ладонью выступивший на лбу пот. Костров даже пожалел его, он сам испытывал чувство безысходности и злости на чудовищных реликтов, чудом вырвавшихся из тьмы веков в современную эпоху.

— Понимаете, — вмешался в разговор тот человек, который заговорил о поджоге леса, — в районе сто сорок одна больница, госпиталь на триста коек... Без тока нельзя оперировать. Случись несчастье...

— Да, это довод! — глухо сказал Ивашура. — Об этом я не подумал.

— А что, если... — начал вдруг неожиданно для себя самого Костров и остановился. Все повернулись к нему.

— Что? — коротко отозвался Ивашура.

Костров оглянулся. Начальник отдела понял.

— Господа, расходитесь по палаткам. Ночью мы все равно не будем ничего предпринимать, отдыхайте. Пошли.

Он взял Кострова за рукав и направился к «волге».

В машину сели губернатор, Ивашура с Костровым, командир взвода оцепления, подтянутый лейтенант, Гаспарян и еще кто-то в штатском. Ивашура посмотрел на него недовольно, однако Глазунов поспешно представил его: майор госбезопасности Левченко.

Майор скупно улыбнулся, понимая реакцию Ивашуры. Кострову он сразу понравился уверенностью, ненапорочным спокойствием, умением держаться.

— Пауки каким-то образом читают наши мысли, так? — начал Костров.

— Некоторым образом.

— Что, если установить с ними контакт?

— Контакт с пауками? — усмехнулся Гаспарян. — Однако, Иван, ты явно начитался...

— Подожди, — с досадой в голосе перебил его Ивашура. — Говори толком, Иван.

— Я и говорю: надо установить с пауками контакт. Приблизиться к просеке насколько можно и предста-

вить себе, что нам нужно освободить просеку от паутины... чтобы они догадались и убралась восвояси

— Чушь! — махнул рукой Глазунов. — По-вашему выходит, что пауки — мыслящие существа?

— Не мыслящие, может быть, но мысли наши все же воспринимают. Да кто знает, пауки ли? Я хочу сказать, что руководить всем этим — деятельностью паучков, например, — может кто-то другой...

— Мысль не такая уж и вздорная, — высказал свое мнение Левченко. — Думаю, стоит попытаться. Не годится нам пренебрегать даже самым мизерным шансом мирного решения проблемы. Путь военного вмешательства проще, но грубее и необратимее. Давайте конкретно обговорим все детали вашего контакта и приступим к выполнению. Времени у нас действительно в обрез. Как вы думаете приблизиться к их центру? Пешком или на машине?

Ответить Костров не успел.

Внезапно с неба на лес, на машины и палатки обрушился тугой звонкий удар, словно ударная волна давления от сверхзвукового самолета. Раздались крики, из леса прозвучало несколько выстрелов.

Ивашура с лейтенантом одновременно выбросились из машины, Костров выскочил за ними. От военных палаток бежал испуганный помкомвзвода с карабином на изготовку.

— С постов передают: вблизи зоны невозможно находиться, солдаты падают без сознания!

— Инфразвуковое нападение, — бросил сквозь зубы Ивашура и побежал в лес. — За мной, лейтенант! Остальным оставаться на местах.

Ошеломленные люди снова потянулись к прожектору.

Костров чувствовал какое-то томление, ему стало жарко, заломило в висках. Воздух стал ощутимо плотным, пропитался странным напряжением, словно перед грозой. Казалось, над лесом повисла чудовищная жара, готовая в любой миг сорваться и раздавить все живое...

Другие испытывали те же ощущения, что и Иван,

разве что реагировали по-разному. Губернатор поднес руку к голове и с силой потер лоб.

— Ну и духота тут у вас!

Костров нашел Гаспаряна.

— По площади бьют?

— Сейчас проверим.

Гаспарян умчался в темноту и скоро вернулся вдвоем с Рузаевым, тащившим тяжелый параллелепипед звукозаписывающего устройства.

— Так и есть, — сказал он через минуту, выключая прибор. — Инфразвуковое излучение, мощность невелика, всего пять децибел.

— Конечно, бьют по площади, а не векторно, — сказал Рузаев.

— Что это значит? — спросил Левченко, обращаясь к Кострову. — Я не специалист...

— Как вы себя чувствуете?

— Н-ну... голова тяжелая... и дышать трудно. Душно тут у вас в самом деле.

— Все ваши ощущения — результат действия инфразвука. Пауки включают свой генератор инфразвука — как они это делают, я не знаю, — и, будь мощность излучения на порядок выше, нам с вами не поздоровилось бы.

— Пауки излучают инфразвук во все стороны, — добавил Рузаев. — Поэтому и мощность мала.

— Солдаты оцепления стоят к просеке ближе, чем мы. — Гаспарян передал ЗЗУ Рузаеву. — Пройдись с ним по периметру зоны. На них, очевидно, инфразвук действует сильнее. Может, нужна наша помощь?

Никто ему не ответил. Инфразвук продолжал струиться из леса, действуя на людей угнетающе, подавляя волю, вызывая страх и головную боль.

Тая робко тронула Кострова за руку. В расширенных глазах ее бродили отсветы фар, и поэтому казалось, что они живут отдельно, поглощенные созерцанием внутренней боли.

— Скоро это кончится, Иван?

Костров легонько обнял ее за плечи.

Из темноты выступил полуодетый эксперт Валера. По всему было видно, что инфразвука он не чувствует,

как и того, что одет он более чем странно: в сапоги на босу ногу и брезентовую куртку на голое тело.

— Хотите гипотезу?

Никто ему не ответил, но Валеру это не остановило.

— Вспышка жизни среди древних паукообразных, — продолжал он вполне квалифицированным языком, радуясь, что нашел достойную аудиторию, — это всего-навсего маленький нарыв на теле Земли как планеты. Загрязнение экологической среды перешло в новое качество. Уже не пятна нефти на воде и смог над городом определяют уровень загрязнения, а сдвиги континуума на уровне тонкой структуры. Затронута ядерная основа пространства-времени...

— Ты конкретнее, философ, — перебил его Гаспарян. — И без терминологии, дорогой, а то мы сейчас плохо соображаем.

— Пожалуйста. — Валера заметил жест Кострова и запахнул куртку. — Пауки появились здесь потому, что произошла локальная трансгрессия времени, сдвиг одного из его гниющих пластов, и образовался временной фурункул. Кстати, этой гипотезой можно объяснить многие явления на Земле.

Костров и остальные эксперты и ученые уже были знакомы с гипотезой Валеры, поэтому никто из них не стал возражать. Глазунов же услышал ее впервые, поэтому и реагировал соответственно:

— Вы-то хоть сами понимаете, что говорите, молодой человек? При чем тут загрязнение среды?

— А я нахожу в его словах долю истины, — проговорил незаметно подошедший Гришин. — Дымящие трубы... сточные воды... вонь и дым, грязь и копоть!.. Термин «загрязнение среды», конечно, сильно избит, но вдруг мы ломаем природу не только на макроуровне, но и на уровне элементарных частиц? Помните у Фрэнсиса Томпсона: «Коснувшись цветка — потревожишь звезду»?

Губернатор дернул плечом. Было видно, что держится он с трудом — то ли из-за нервного перенапряжения, то ли его организм реагировал на инфразвук особенно сильно...

— Стоит ли говорить об этом сейчас? По-моему, у вас другие проблемы.

— Стоит, — вмешалась вдруг Тая, заставив Кострова вздрогнуть. — Еще как стоит! Об охране природы уже анекдоты ходят, не слышали?

— Общество охраны природы от окружающей среды, — тихонько подсказал Рузаев.

— Вот, пожалуйста! Вы же умные люди, оглянитесь! Биосферу Земли стремительно заполняет растущий поток химикатов, многие из них губительны для жизни: отходы промышленности, выхлопные газы автотранспорта, ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве, несбалансированные химические удобрения и тому подобные «побочные явления прогресса»! Кроме того, бесконтрольная вырубка леса как за рубежом, так и у нас, выработки полезных ископаемых, заиливание рек, атоллы, превращенные в свалки мусора, льды, черные от нефти и мазута! И все это разрушает циклы, тысячелетиями сложившиеся в биосфере! Какие нужны силы, чтобы справиться с этим тихим и самым ужасным преступлением человека против самого себя?! А вы говорите: не стоит об этом сейчас! А когда стоит? А если этот юноша прав?..

— Так его! — крикнул Левченко. — Однако сильные вы приводите аргументы! По специальности, наверное, журналист?

— Да, — смутилась Тая и спряталась за спину Кострова.

— Критиковать мы все умеем, — усмехнулся, морщась, Глазунов. — Как до дела... Э-э, что говорить! Послушайте, это безобразие с инфразвуком вашим долго будет продолжаться?

— Неизвестно, — сказал Гаспарян. — Кстати, всем, кто плохо себя чувствует, самое разумное — уйти из зоны излучения на некоторое время. Мощность инфразвука с расстоянием убывает слабо, но все же...

Люди зашевелились.

— Оденьтесь и пройдите к городу по дороге. Думаю, уже через двести-триста метров всем станет лучше.

Большинство присутствующих разбегались по палат-

кам и, одевшись потеплее, потянулись к дороге, подсвечивая путь фонарями. У машин остались только эксперты, приехавшее из города начальство, начальник смены подстанции Матвеев и Тая.

Шел уже пятый час утра, небо потеряло монолитную мрачную плотность, стало сероватым, мглистым, начал накрапывать мелкий дождик. Сияние над лесом поблекло, словно втянулось под землю. Поднявшийся ветер играл полами плащей и задувал брызги в лицо.

Костров с Гаспаряном решили было пойти к постам оцепления на поиски Ивашуры, но тут он сам появился.

— Плохо дело, — выдохнул он, откидывая капюшон плащ-накидки и вытирая разгоряченное лицо мокрой ладонью. — Кто-то из солдат спровоцировал нападение пауков.

— Рядовой Шинкаренко, — подтвердил лейтенант, переводя дыхание. — Он же и стрелял.

— Подробнее, пожалуйста, — попросил Глазунов.

— Рядовой Шинкаренко раздобыл где-то флягу с бензином, по договоренности с напарником ушел с поста, перелез через проволоку ограждения и направился к просеке. Хотел, по словам напарника, поджечь лес... Оружие его мы нашли, но дальше идти невозможно — слишком велика мощность инфразвука.

— Он что, действительно пытался поджечь лес?

— Пытался, там и спички рядом с карабином... Да что в такую погоду гореть может? Ума не приложу, зачем это ему понадобилось!

— Новичок, — извиняющимся тоном сказал лейтенант. — Ну, пусть только вернется, влеплю по всей строгости!

— Надо, чтобы еще вернулся, — серьезно сказал Левченко. — Вы говорите, глубже в лес не пройти? — повернулся он к Ивашуре.

— Я пробовал, — кивнул тот, — чуть не свалился.

— Может быть, еще разок рискнуть?

— Рискнуть можно, да что это даст?

— Ну, попытка — не пытка, а человека спасти надо.

Пошли, лейтенант, где там твои подчиненные?

Левченко с лейтенантом исчезли в лесу. Поколебавшись, за ними ушел Рузаев.

Костров заметил вопрошающий, умоляющий и укоряющий взгляд Таи, открыл рот, собираясь предупредить, что и он уходит на поиски пропавшего солдата, и в это время взгляд его упал на округлую тушу вертолета за дорогой.

Глава 11

Конечно, он не собирался брать с собой девушку, когда Кему в голову пришла идея слетать на поиски солдата на вертолете. Однако действовать надо было быстро, никого из мужчин поблизости не оказалось, а Тая сообразала не хуже любого из них.

— Я с тобой!

— Нет!

— Ты один не справишься.

Иван замедлил шаги.

— А если убьемся?

— Ты же бывший десантник.

Костров улыбнулся наивной вере Таисии в его способности, но вертолеты пилотировать ему и в самом деле приходилось в свое время, и решение созрело само собой.

Он уже включил электропанель, щелкая тумблерами запуска и проверки, когда в свете включенного носового прожектора появилась смазанная серая тень. В голове дзинькнул звоночек тревоги, моментально включивший состояние повышенной боевой готовности. Оружия у Ивана никакого с собой не было, но правая рука сама собой нащупала в кармане сиденья отличный тесак пилота, в то время как левая продолжала поворачивать тумблеры, нажимать клавиши и кнопки.

Рывком открылась дверца кабины, и в нее заглянул знакомый «десантник», вернее, его голова; тело парня казалось кисейно-прозрачным и почти пропадало на фоне леса.

— Вылезай!

Иван чуть ли не физически ощутил, как в голову ему вонзается разряд странного пистолета, точно такого же, какой удалось отобрать у незнакомца раньше, и точным движением метнул тесак из-под локтя левой руки в лицо усатого.

У «десантника» была великолепная реакция, он попытался уйти от броска, но расстояние оказалось слишком мало, и нож вонзился ему в щеку, распорол ее до виска, вырвал кусок мяса и кожи. Послышался вскрик, парень исчез. В то же мгновение двигатель вертолета взвыл, винты набрали обороты, Иван потянул штурвал на себя, и вертолет прыгнул в небо. Мелькнули и ушли вниз мокрые стволы сосен, поляна с палатками закружилась каруселью и скрылась из глаз.

Костров ожидал выстрела, ручья огня, но его не было. «Десантники» исчезли, будто их и не было, ошеломленные действиями пилота, от которого они явно не ожидали особой прыти.

— Кто это был? — спросила Тая, глаза которой стали огромными и тревожными. — Что ему было нужно?

— Ему был нужен вертолет, — буркнул Иван, вдруг сообразив, что «десантнику», видимо, действительно понадобился вертолет, а не он сам. — Держись, смотри вниз.

Посветлело настолько, что лесная «шкура» стала отличима от неба, хотя видимость из-за дождя не превышала сотни метров. Вертолет, кренясь, летел к просеке в десятке метров от верхушек деревьев.

Кострову показалось, что стало трудней дышать, сердце заработало тяжело, с перебоями, на глаза набежали слезы... «Терпи! — приказал он себе, стискивая кулаки. — Поздно отступать! Да и не простишь ты себе этого никогда! Терпи, эксперт!»

Он мотнул головой, тяжелой, будто налитой ртутью. Говорить не мог, язык жег гортань, как раскаленный кусок железа. Заныл позвоночник, волна боли прошла по суставам...

— Ах, черт! — воскликнул Костров.

Вертолет подскочил вверх, как поплавок из воды. Стало чуть легче.

— Ниже не опуститься. Тайна! Придется возвращаться.

— Где мы? Я что-то потеряла ориентацию...

— Над проволокой, под нами пост оцепления, кто-то машет руками... Видишь?

Тая с трудом обнаружила провал в лесу и увидела троих, волокущих что-то по траве. Четвертый махал руками: возвращайтесь!

— Левченко! — узнал Костров. — Молодец майор, опередил нас. Они, кажется, выгасили парня без нашей помощи.

Вертолет поднялся выше, боль в голове отступила. Костров почувствовал блаженное облегчение, вздохнул всей грудью. И вспомнил свою речь о контакте.

— Ну что, не боязно? — спросил он девушку. — Рискнем еще разок? Вдруг получится?

— Рискнем! — отчаянно кивнула Тая. — А как?

Костров засмеялся.

— Я и сам не знаю. Подлетим к их куполу и попробуем мысленно предложить им дружбу.

Вертолет набрал полтора метра высоты и медленно, словно крадучись, подобрался к заселенной пауками просеке.

Сквозь пелену дождя открылось странное зрелище: кипенно-белое облако в форме конуса придавило лес, возвышаясь над опорами линии электропередачи на добрый десяток метров. Диаметр облака достигал трех километров, края его постепенно редели, растворялись в лесу, смешиваясь с кустами и деревьями. Над конусом всплывал пар, столбом поднимался струящийся от жары воздух. Было в этом зрелище что-то нереальное, чуждое восприятию; человек двадцатого века не встречал еще на Земле ничего подобного. Гармония паутинного конуса потрясала, притягивала и отвращала одновременно. Присутствовал в ней нечеловеческий, чужой и холодный элемент, чужой и холодный расчет. И мороз пошел по коже, когда Костров вспомнил, что творцы конуса — пауки.

— Начали? Думай о пауках, предлагай им, фигураль-

но выражаясь, руку дружбы, а главное — пусть очистят доступ к ЛЭП! Держись!

Вертолет плавно пошел вниз.

Навалилась душная, жаркая тишина, снова боль толчками отозвалась в позвоночнике, в грудной клетке. Костров закрыл глаза и застыл, вцепившись руками в полукольцо штурвала.

Сквозь сомкнутые веки мелькнула бесшумная белая вспышка, потом еще и еще. Проговорила что-то Тая. И вдруг перед глазами Ивана появилось видение: бесконечный лес и белое поле паутины на нем. Оно растет, растет, поглощая лес, пока не останется ничего, кроме искрящегося паутинного покрывала...

— Нет! — крикнул Костров, а может, хотел крикнуть. Он представил себе, как у паутины встречаются человек и паук, но, кроме протянутой руки для дружественного «рукопожатия», выдумать ничего не смог.

В ответ в голове взорвалась бомба недоумения, словно по обнаженному нерву, управляющему приемом сигналов эмоционального состояния собеседника, ударили топором...

Обливаясь потом, Костров упрямо продолжал опускать машину к паутинному конусу, попытался представить рядом человеческий город и паутинный, расположил вблизи от них теплоэлектростанцию. Люди протянули от электростанции к паукам линию электропередачи, построили канал и пустили воду. Костров подождал, сосредоточиваясь и прислушиваясь к своим ощущениям, — грозный звон недоумения и угрозы слегка стих. Тогда Иван быстро «нарисовал» человека, входящего в паутину паучьего конуса, перечеркнул его, потом то же самое проделал с пауком, подползающим к городу...

Ничего не произошло...

Костров открыл глаза, посмотрел на Тая, и в следующее мгновение накатилась волна жуткой, холодной, нечеловеческой тоски и угрозы... Все померкло перед глазами...

«Не поняли! — подумал Костров, на мгновение теряя

сознание и тут же выныривая из омута тьмы. — Не поняли! Назад!»

Но назад он не успел...

Ивашура, запыхавшись, выбежал на поляну и быстро оглядел оставшихся.

— Кто полетел?!

— Костров, — тихо ответил Гаспарян.

— Один?

— С журналисткой... Я не успел на минуту...

— Ч-черт! — Ивашура стукнул кулаком о кулак. — Надо было мне с ним лететь...

Из-за деревьев вертолета не было видно, но доносился то нарастающий, то удаляющийся рокот моторов.

Несколько минут прошло в молчании. Потом двигатель вертолета взревел как-то необычно и стих. И тотчас же над лесом в стороне болота встал в полной тишине столб бледного золотого сияния. Вокруг него закружились облака, заиграли сотни крохотных радуг. Потом — люди зажмурились — невероятный золотой водопад огненных стрел хлынул с небес на землю, раздалось громкое ядовитое шипение, пахнуло горячим ветром, озонном...

Сияние над лесом сдвинулось в фиолетовый диапазон. Струна, державшая всех в напряжении, зазвенела сильнее, так что все перестали слышать обычные звуки: скрип стволов деревьев, хлопанье брезента палаток, шорохи и журчание воды.

— Что же это? — сказал Гаспарян. — Игорь, что это?

— Всем уходить! — опомнился Ивашура, оглянувшись, ища кого-то глазами. — Лейтенант, командуй: всем быстро уходить отсюда к городу, солдатам тоже! Быстро, быстро! Давай команду своим. Чего стоите? — повернулся он к остальным. И было в его голосе что-то такое, от чего все безмолвно кинулись к дороге: Матвеев, Глазунов, шофер, солдаты...

Гаспарян бросился было за ними, но остановился, увидев, что Ивашура что-то ищет у палатки с аппаратурой.

— Игорь, а ты?

Ивашура вырвал из рюкзака кинокамеру, накинул ремень на шею и снова наклонился над рюкзаками.

— Погоди-ка, Сурен.

Гаспарян подскочил к начальнику отдела, тот протянул ему фонарь и ружье.

— Держи. Зови Михаила, пойдем искать Ивана. Кажется, они с Таей упали...

— Миша! — крикнул Гаспарян, и словно в ответ на его крик под ними вдруг загремело, зарычало, земля ударила в ноги, встала дыбом... Людей отбросило к дороге на несколько метров. А в стороне болота показалась над лесом какая-то темная громада, окутанная сеткой молний, стала расти в высоту, пока не достигла низкой пелены туч. Земля снова содрогнулась, низкое рычание вырвалось из ее недр, звук становился все громче, нестерпимее. Тон его повышался, пока не превратился в свист и не ушел в ультразвук. И тогда те, кто еще не потерял сознания от звукового шторма, услышали не то плач, не то скулящий вой, полный ужаса, тоски и безнадежности, — кричали гибнущие пауки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОДНИ МЫ...

Глава 1

Сначала пришла боль: колело в боку, болела голова, ныло правое бедро. Потом пришел звук — тоненький вскрип, повторяющийся каждые полминуты. Но свет не приходил, хотя Иван уже разлепил глаза и таращился во тьму изо всех сил. От напряжения глаза заломило, в них поплыли огненные колеса и светящиеся узоры — иллюзия света.

«Где это я? — вяло подумал он и пошевелил рукой перед глазами, пытаясь разогнать темноту. — Уж не ослеп ли, чего доброго?»

Потрогал веки — целы, но тьма не рассеивалась. Попробовал сесть, и боль сразу накинута на все тело. Иван охнул, тихо выругался, но все же заставил себя приподняться.

«Вертолет, — пришла догадка, — вертолет разбился, но я остался жив. А Тая?!»

Чувствуя себя так, словно в теле рвались сухожилия, Иван с натугой встал.

— Тая!

Гулкое эхо, словно в сыром склепе.

— Таисия! Где ты!

Вскрипы и тишина. И темнота.

«Никого... Где же я, черт возьми?! В лесу, что ли?»

Ночью? Непохоже...» Иван сделал шаг. Загремело, будто по каменному полу покатались стеклянные банки.

«Нет, это не лес... Фонарь бы сюда...»

Морщась, потрогал бедро и бок, но на ощупь определить что-то было невозможно, хотя на боку, кажется, вспух здоровенный синяк. Немудрено — сверзиться на вертолете со стометровой высоты!.. Как еще жив-то остался! Но где же все-таки Тая?

— Таисия! — позвал он еще раз. Как в вату. Потоптался на месте, прислушался к хрусту под ногами и равномерному всхлипыванию — шагах в десяти, если судить по громкости звука. Похлопал себя по карманам. Спички! Достал коробок, гадая, как он к нему попал, вспомнил — разжигал костер сутки назад. Сутки ли?

Чиркнул спичкой, язычок пламени раздвинул мрак на несколько шагов. Не ослеп, слава Богу! Под ногами белесые бугры, хрупкие, как высохшая молочная пленка. Это от них такой хруст. Паутина... Паутина?! Точно, вот и характерный узор...

Спичка погасла. Иван вынул другую и остановился. Не спеши, эксперт, экономить надобно. Неизвестно, отыщется ли здесь еще коробок... Подумал, проверил карманы более тщательно. В куртке оказались расческа, ручка, носовой платок, записная книжка и конфета, в брюках — нож с выскакивающим лезвием и клочок не то от газеты, не то от тетрадного листа. Годится. Свернул в трубочку и поджег.

Колодец! Вернее, что-то вроде круглого колодца диаметром около четырех метров. Стены в густой массе склеившейся и засохшей паутины, пол покрыт слоем той же паутины и сверху другим слоем — белых, как фарфор, полых трубок. Потолка не видать — высоко, выхода тоже не заметно.

Клочок газеты догорел.

«Что еще зажечь? Записную книжку жалко, но выхода, кажется, нет. Выхода... погоди жечь спички, выход можно поискать в темноте».

Он обошел колодец кругом, спотыкаясь о стеклянно звенящие трубки и пробуя стены. «Глухо! Настоящий колодец! Хорошо, что сухой. Неужели его сделали пауки

в просеке, а я в него провалился?.. Но почему не видно неба? Тучи?»

Иван зажег свернутый в трубку листок из записной книжки и торопливо осмотрел бок и бедро. Так и есть: на боку громадный кровоподтек до ребер, на бедре ссадина. Черт с ними, заживут! Выбраться бы отсюда...

Попробовал добраться до стенки колодца сквозь шелушащийся слой паутины. Похоже, камень... или бетон. Как же выбраться? Рубить в бетоне ступеньки? Абсурд!

Иван отодвинул несколько «фарфоровых» трубок и сел, прислонившись к стенке колодца. Задумался, вспоминая последние минуты полета с Таей, но как он здесь оказался, вспомнить не мог. Ясно одно: контакта с пауками не получилось, гипотеза об их разумности не выдержала проверки делом... Иван нащупал в кармане конфету, подумал и съел. «Теперь попить бы не мешало... Пауков попросить, что ли, чтобы воды принесли?..»

В этот миг где-то рядом раздался крик, знакомый крик паука.

Он начался с жалобного завывания, поднялся на тон выше, превратился в визг и закончился хохотом гиены!.. Иван вскочил, забыв про боль в теле, приник к стене, а та почему-то вдруг поехала от него, потом с размаху ударила в лицо, затрясся пол, откуда-то из темных таинственных глубин под колодцем донесся удаляющийся гул.

«Землетрясение, — подумал Иван, вжимаясь в пол всем телом. — Задавит, как червяка, в этом склепе!»

Гул стих, еще раз дернулся пол, и в колодец вернулась тишина.

Костров полежал еще несколько минут, прислушиваясь к тишине. Соленая капля сползла на губы. Он лизнул — кровь...

— Ну вот, — сказал он вслух, сядя спиной к стене и задирая голову. — Теперь и нос разбил...

Посидел в такой позе, дожидаясь, пока остановится кровотечение. Звон в голове утих, и стал слышен знакомый тихий всхлип. Теперь Иван понял, что всхлип этот идет откуда-то из-за стены, как и крик паука только что... Значит, колодец имеет выход... или вход. Но где?

Иван повертел головой, и ему показалось, что он видит какой-то серый прямоугольник на уровне головы. Свет?!

— Да будет свет, сказал кандидат наук... — пробормотал он и встал. Руки нащупали край отверстия, полускрытого пластинами паутины.

Свет — если только можно так назвать едва видимое свечение — шел оттуда. Очевидно, землетрясение приоткрыло дверь или окно либо разрушило кладку стены. Однако уходить не хотелось. В колодце было сухо, тепло, безопасно...

«Что это я? — сказал он сам себе. — Неужели труса праздную? Вперед, эксперт! Не хватало, чтобы этот колодец стал твоей комфортабельной могилой!..»

Превозмогая боль, Иван подтянулся на руках, лег грудью на ровный край окна и кое-как протиснулся в щель, образованную наклонившейся плитой. Дальше шел коридорчик, узкий, как крысиная нора, но короткий. Иван осторожно высунул голову. То ли глаза его окончательно адаптировались к темноте, то ли здесь было светлее, чем в колодце, во всяком случае он почти разглядел большой и очень высокий — потолка не видно — зал. Определенной формы зал не имел, стены его то смыкались друг с другом под тупым углом, то шли уступами, переходили в гнутые поверхности и плоскости с рядами ниш. Дальний конец зала терялся во мраке, а слева Иван углядел звездообразный пролом или проход, более светлый, чем остальные предметы. Именно через этот проход и сочился сероватый рассеянный свет.

По залу были раскиданы какие-то предметы, кучи мусора или песка — не разобрать, холмы все той же засохшей паутины, а в центре лежала округлая туша с четырьмя свисающими лапами. Иван невольно схватился за нож и сплонул:

— Тьфу, нечистая сила!

Это был вертолет, вернее, его разрубленный пополам остов с лопастями винтов.

«Ну и абракадабра! Вертолет в зале, я сам в колодце... Чушь какая-то! Где лес, где паучья зона? Где люди, Тая? Гаспарян с Ивашурой?..»

Иван прислушался: тишина. Лишь таинственный всхлип доносился из пролома-прохода. Может, выход именно там, где свет?

Костров хотел вылезти из своего коридорчика в зал и вспомнил изречение Козьмы Пруtkова: «Попав в незнакомое место — осмотрись». Последуем совету мудреца. Иван осмотрелся и увидел, как в одной из черных ниш зажглись на мгновение и тут же погасли круглые желтые глаза! Мороз всшершавил спину. Млея, Иван вжался в пористую неподатливость своей ниши и пожалел, что, кроме ножа, у него нет никакого оружия.

Сколько пролежал в таком положении, он не помнил. Глаза больше не показывались, все было тихо, вернулось чувство одиночества. Набравшись сил, он тихонько сполз на пол, сжимая в потном кулаке рукоятку ножа. Осмелев, сделал шаг к вертолету. Никого... Тогда он зашагал, нарочно поднимая шум, пиная попадавшие под ноги предметы и гулко топая по черному полу. Ответом было только отрывистое множественное эхо. То ли хозяева глаз — пауки? — убрались отсюда, то ли вообще глаза померещились Ивану.

Он на ощупь нашел дверцу кабины вертолета, дернул на себя — безрезультатно.

— Заклинило, наверное. В таком случае зайдем с другой стороны...

Он не заметил, как заговорил вслух.

Дверца с другой стороны была придавлена, зато отсутствовало лобовое стекло кабины. Прекрасно, теперь можно поискать, что там есть внутри...

Порезав палец, он понял, что без света найти что-нибудь полезное будет трудно. Пришлось снова жечь листок записной книжки.

Кабина оказалась покореженной и забитой осколками оргстекла и пластмассы, деревянной щепой, трубками и железными гнутыми листами. «Неужели ничего, что могло бы пригодиться? Стоп! А это что такое? Это же ящичек пилота, выпавший из-под пульта. Что там? Ага, великолепно! Резиновые перчатки, аптечка, пассатижи с отверткой и фонарь!»

Иван жадно схватил фонарь, включил. Яркий сноп

света больно резанул по глазам. «Потише, счастливчик, так и ослепнуть недолго! Надо привыкнуть к свету. Но какая удача!»

Порывшись в рассеченной надвое кабине еще полчаса и ничего больше не обнаружив, Иван рассовал «сокровища» по карманам и отошел от останков вертолета. Теперь он чувствовал себя увереннее, в нем проснулся азарт охотника за неведомым, и лишь мысль о Тае мешала радоваться тому, что он жив.

Луч света выхватил из тьмы блестящий черный пол зала, кучи какого-то тряпья, непонятные предметы, похожие на помятые жестяные бочки, железные ящики, банки, цилиндры из белого материала, штабеля блестящих как ртуть стержней. Иван похмыкал, пнул ногой серую банку, словно налитую свинцом, потрогал один из блестящих стержней длиной в метр и толщиной в палец, взвесил в руке. Килограммов пять? Явно не из металла, но в качестве дубинки годится. Заметил на торце стержня выбитые буквы МК, под ними в ряд цифры 2301... Пожал плечами: кто знает, что за штука? Еще раз огляделся.

Стены зала тоже странные, черные, с красным отливом и все в белых пятнах паутины, а потолок... Иван поднял луч фонаря вверх и присвистнул. Потолка не было! Вместо него на высоте примерно в тридцать-сорок метров клубилась буро-сизая дымная пелена, похожая на дождевое облако.

«Итак, эксперт, соображения по данному поводу? — задал сам себе вопрос Иван. — Соображений нет. Ну а поскольку бесплодное ломание головы только увеличивает шанс умопомешательства, то необходимо что? Правильно, переменить обстановку!»

И зашагал к рваному пролому в стене, откуда в зал просачивались непонятные звуки и слабый сумеречный свет.

Он оказался в длинном помещении с тремя рядами пультов. Как и в оставшемся позади зале, здесь тоже царили запустение и разруха. Изящные, красивые, необычных форм пульты были разбиты вдребезги, на полу валялись горы битой пластмассы и белого стекла, футля-

ры каких-то приборов, знакомые белые и голубые цилиндры и припорошенные пылью метровые пирамиды, серые и монолитные, как бетонные блоки для строительства плотин на реках. Правда, в отличие от зала, потолок здесь был низкий, черный, словно закопченный пожаром. В одной из стен — ряд дверей, противоположная стена целиком из мутного серого стекла.

Иван выключил фонарь, минут десять привыкал к темноте и убедился, что слабый свет сочился именно из-за этой стены. Побродив по гулкому, как подвал, помещению, он потолкался у дверей без ручек, но ни одну из них открыть не смог.

«Может, вернуться и поискать другой выход?» — подумал он. Но идти обратно в мрачный зал с останками вертолета не хотелось. Зато хотелось пить. Интересно, как долго он валялся без памяти в колодце? И что это за странное помещение? Почему он оказался внутри да еще вместе с вертолетом?..

Отвечать было некому. Иван вздохнул, присел на какой-то ящик и снова выключил фонарь. Следовало экономить ресурс батарей. Поразмышляв еще некоторое время, пока глаза привыкали к темноте, он понял: пора что-то делать. Безысходность тайны требовала какого-то активного действия, а не мысленного усилия. Отвлечшись, он забыл о странных звуках, но, сидя в неподвижности и тишине, снова услышал тихие равномерные всхлипы. Тогда он начал искать направление, по которому звуки слышались отчетливей всего, и нашел — внизу у стеклянной стены. Оказалось, что между стеной и полом есть щель, в которую он мог всунуть взятый стержень.

Иван осторожно просунул его в щель, нажал и тут же отскочил.

Что-то щелкнуло, и стена стала кренииться в его сторону, пока не повернулась на невидимых осях горизонтально. За стеной открылся серый пыльный коридор, пустой и длинный, уходящий в абсолютный мрак. Иван, подивившись простоте выхода и собственному везению, перебежал в коридор, но стена так и осталась висеть параллельно полу, удерживаемая неведомой силой.

Иван искал глазами источник света: это был прямоугольный пролом в стене коридора на высоте полутора метров. Иван заглянул в пролом и увидел еще одну комнату, с потолка которой свисала густая бахрома паутины. По всей видимости, и эта комната не заканчивала здания, в котором очутился Иван, потому что и здесь источником света была лишь трещина в стене. Всклипы в коридоре слышались явственней, но определить, откуда они доносятся, было невозможно. К этим звукам прибавился еще один — еле слышное хриплое дыхание. Иван несколько минут прислушивался к звукам, склонив голову к плечу, не нашел в них ничего угрожающего, но машинально взвесил в руке дубинку. Приключение затягивалось, и пришла уверенность — впереди еще много сюрпризов и открытий. Во всяком случае, Иван точно знал, что это не сон.

Поколевшись, в каком направлении идти, он выбрал путь к свету — в коридор можно было вернуться в любой момент. Иван вошел в пролом, покачал головой. Стена была толщиной в метр. Интересно, чем можно пробить в ней аккуратную двухметровую дырку. И в это время где-то зловеще закричал паук — длинный, с завываниями крик, закончившийся визгливым лаем! От неожиданности Иван дернулся вперед и вывалился с другой стороны стены на что-то живое и мягкое. Новый крик, человеческий!

Чьи-то кулаки ударили Ивана в грудь, забарабанили по лицу!

Он поймал эти кулаки, рявкнул:

— Отставить! С ума сошел?!

Человек перестал кричать и вдруг заплакал. Женщина?!

— Вы?.. Вы?.. Я думала... Кто вы?

Иван встал, нашел выпавший фонарь и зажег свет. Перед ним сидела, скорчившись, вжимаясь в стену... Тая! По ее перемазанному сажей и пылью лицу текли слезы, оставляя светлые дорожки.

— Тая?!

Девушка перестала плакать, подняла голову. Иван поспешно отвел луч фонаря в сторону, потом направил вверх.

— Ив... Ив-ван? — заикаясь, недоверчиво спросила она. — Ты жив? О Господи! — И бросилась к нему на шею, целуя, плача, приговаривая: — Ванечка! Хороший мой!.. Живой!.. Ванечка...

Успокоилась она, только когда поблизости снова заорал паук. После крика из неведомых глубин здания донесся гул, вздрогнули стены, задрожал пол...

Они стояли, обнявшись, еще несколько минут, ожидая удара или грохота падающих стен. Потом Тая опомнилась и высвободилась, а Иван, спохватившись, выключил свет. Они сели, и девушка поведала ему свою короткую одиссею.

Очнулась она, как и Костров, в полной темноте, неподалеку от вертолета. Долго сидела неподвижно, потом решила обследовать комнату, но не закончила, потому что закричал паук...

— С тех пор и сижу здесь, — закончила она с дрожью в голосе и как бы случайно дотронулась до руки Ивана. — Как ты думаешь, где мы?

— Не знаю, — вздохнул Костров. — Я видел больше, но знаю столько же, сколько и ты. Где, ты говоришь, оставила вертолет?

— Там... — Тая взяла руку Ивана и указала направление. — У стены.

— Где?! — удивился Иван. — Вертолет здесь, в этой комнате?

— Ну да, почему ты удивляешься?

— Потому что я оставил его в большом зале.

Иван встал, включил фонарь и увидел у стены смятый корпус вертолета. Подойдя ближе, потрогал металлический корпус ротора, отдернул руку. Чепуха какая-то! Он точно помнил, где остался лежать вертолет, — в зале без потолка.

Иван молча передал фонарь подошедшей девушке и попытался открыть дверцу кабины — вертолет стоял на носу. Это удалось ему с третьей попытки, и, порывшись в кабине, он вытащил еще один ящичек из НЗ пилотов. Разложив на ящике те же предметы, что и полтора часа назад, он туло уставился на них.

— Что с тобой? — тихо спросила Тая.

Иван молча достал из кармана отвертку, пассатижи, перчатки и аптечку и положил рядом с кучей таких же вещей.

— Понимаешь?

Тая отрицательно покачала головой.

— Я тоже. Получается, что было два вертолета! Откуда взялся второй, если мы летели вместе в одном?

Помолчали. Где-то далеко кто-то всхлипывал и хрипло дышал — доносились звуки, уже привычные и ускользающие от сознания. Накатило и отхлынуло чувство одиночества, заброшенности в глубинах чудовищного подземного города... Рядом стояла Тая и ждала его решения.

— Ладно, пригодится, — сказал Иван. — Потом разберемся. Возьми фонарь и аптечку, остальное мне. Ну что, пошли?

— А куда? — понизила голос Тая.

— К свету, — решительно сказал Иван. — Нет беды, у которой не было бы конца. Не бесконечен же этот пещерный город?

Глава 2

Через полчаса они выбрались во второй коридор, уходящий, казалось, в бесконечность что направо, что налево. Этот коридор освещался слабым мёртвенно-синим светом: светились надписи на некоторых дверях. Они ровным рядом прорезали одну из стен коридора. По толстому ковру пыли Иван подошел к ближайшей двери и с недоумением уставился на светящуюся надпись.

Шрифт был какой-то странный — легкий, стремительный и красивый, и от этого русские буквы казались чужими. Впрочем, некоторые буквы и в самом деле мало напоминали буквы русского алфавита.

«Стой! — вещала надпись. — Входить без ТФЗ запрещено! Сброс координат!»

Буква «Щ» написана как латинская «W».

Иван осмотрел другие двери. Надписи на них были

такими же или еще лаконичней: «Опасно! Не входить!», «Стоять! Не входить!» и просто «Не входить!».

Иван оглянулся на Таю и встретил ее недоумевающий взгляд. «Черт возьми, где мы? — с оторопью подумал он. — Что это за здание? Старый заброшенный завод по переработке чего-нибудь радиоактивного? Чушь. Такие заводы не бросают... Тогда что же? Подземные выработки? И что делать дальше?»

— Пойдем по коридору, — сказал он хрипло и откашлялся. — Куда-нибудь да придем.

Но, прежде чем выступить в поход, они привели себя в порядок. У Ивана это заняло минуту, у Таи — пятнадцать. Одета она была по-походному: сапожки, джинсы и джемпер под зеленой штормовкой. Иван был экипирован примерно так же.

Коридор был широкий, как улица, и высокий. В стену слева равномерно через каждые тридцать шагов врезались громадные черные двери с одинаковыми металлическими полосами по центру, с надписями и без них. Стена справа была серая и шершавая, вероятно бетонная, потолок блестел как стекло, в нем карикатурно отражались их фигуры. Пол коридора был покрыт слоем пыли толщиной в палец. И лишь спустя час Иван обратил внимание на следы на этой пыли. Кто-то проходил здесь, большой и грузный, в ботинках пятидесятого размера с рубчатой подошвой, но с тех пор прошло уже порядочно времени — следы были припорошены пылью.

Иван невольно перехватил в руке свой «лом» и посветил вперед. Коридор равнодушно уходил вдаль, сходясь где-то в километре от них в точку.

— Мы отмахали уже километра четыре, — сказал Иван. — И конца этому не видно. Это, вероятно, штрек какой-то шахты. Будь мы в здании, мы бы давно вышли на волю.

— Может, нужно идти в другую сторону? — предложила Тая. Она уже обрела былую свою уверенность, и между ними снова установилось расстояние «приличного тона и благовоспитанности». Иван вспомнил объятие девушки, нежное тепло ее губ на щеке и вздохнул.

— Нет, пойдем вперед, — сказал он. — Возвратиться мы всегда успеем, а заблудиться здесь негде.

Снова потянулись минуты, скучный пыльный пол под ногами, однообразный ряд дверей. Прошел час, второй, в начале третьего Иван решил сделать привал и тут заметил, что следы, по которым они шли, повернули к одной из дверей, исчезли за ней. Тот, кто проходил по коридору задолго до них, вошел в дверь. Надписи на этой двери не было.

— Так. — Иван смахнул пыль с пола у бетонной стены и сел, хлопнув ладонью рядом. — Располагайся, перекурим.

Тая села, со вздохом прислонилась к стене. Улыбнулась в ответ на его понимающую улыбку.

— Устала чуть-чуть.

Он придвинулся к ней ближе, осторожно обнял за плечи и привлек к себе. Девушка положила ему голову на плечо, и они замолчали.

Иван закрыл глаза, вспоминая подробности своего пробуждения.

Обычная, нормальная человеческая логика во всем этом отсутствовала. Объяснений, как они с Таем оказались внутри таинственного здания или подземелья, также не отыскивалось. В том, что этого здания в Брянском лесу не было и не могло быть, Иван не сомневался, а вот насчет подземелья следовало подумать. Ведь построили же пауки шатер высотой в полсотни метров! Может быть, и подземный город они вырыли! Вертолет упал и провалился под землю...

Иван усмехнулся. Мозг искал самые простые пути решения, самые привычные. Но ведь вертолетов было два! Откуда взялся второй? И эти многокилометровые коридоры... Не могли пауки проделать под землей штреки такой длины за две недели! Да еще и заполнить комнаты подземелья битым оборудованием непонятного назначения. Не могли!

Тишина стала угнетать. Стихли тонкие всхлипы и дыханием. Тишина стояла напряженная, сулящая новые каверзы. От нее звенело в ушах, и хотелось разбить ее криком.

— Двинулись? — шепнул Иван на ухо Тая.

Девушка послушно встала.

— Пошли, а то что-то не по себе... Снова в том же направлении?

Иван кивнул и подошел к двери, у которой кончались следы размером чуть ли не в полметра каждый. Попробовал толкнуть дверь — безрезультатно. Ручек не было, и потянуть на себя было не за что. Иван потрогал металлическую полоску, потом снова налег на дверь изо всех сил. Внезапно что-то тоненько свистнуло, и дверь медленно втянулась в металлическую полоску, которая тут же исчезла, будто растаяла в воздухе.

Иван отступил на шаг, но ничего не случилось. За дверью стыл абсолютный мрак, такой густой, что казалось, его можно черпать горстями. Иван включил фонарь, направил его луч внутрь и изумленно прищелкнул языком. Луч света бесследно терялся в черноте за дверью, словно это черное нечто поглощало его полностью, не рассеивая и не отражая.

— Яма? — спросила Тая, подходя сзади.

— Непохоже. Ни пола не видно, ничего... Видишь, даже луч не виден! Чертовщина какая-то!

Иван постоял, поворачивая фонарь во все стороны, но луч света освещал все в коридоре и ничего — за дверью.

— На, брось. — Тая протянула Ивану ключ. — От квартиры, у меня остался запасной.

Иван взвесил ключ в руке и бросил в темноту, как в воду. Томительная секунда, другая, и вдруг — удар! Стены и пол коридора дрогнули, по потолку промчался стремительный ручей голубого света, где-то раздался знакомый паучий вопль, снова удар, за ним — тяжкий гул, сотрясающий все здание...

Иван толкнул Таю на пол, упал рядом и прижал девушку к себе.

Гул стих. Еще раз по потолку коридора пронесся ручей света. Вернулись тишина и неподвижность.

— Все-таки мы, похоже, под землей, — спустя несколько минут сказал Иван, поднимая голову. — В каком-то подземном лабиринте, в сейсмически активной зоне. Похоже на землетрясение...

Тая тихонько засмеялась и села, отряхивая пыль с куртки.

— А я думала, что это из-за ключа.

Иван тоже засмеялся, глянул на дверь и осекся. Дверь была закрыта, и на ней светилась надпись: «Внешняя переходная зона хронопровода. Опасно для жизни! Не входить! Не открывать!»

Они шли уже шестой час подряд с небольшими остановками на отдых. Коридор не кончался, однообразный, как тоннель метро. Примерно раз в час раздавался гул и тряслись стены и пол, причем каждый раз это предвварялось длинным тоскливым паучьим криком, то далеким, то близким, хотя сами пауки не показывались.

Обнаружились еще следы, тоже припорошенные новым слоем пыли, скорее всего собачьи, а может, волчьи. Животное бежало во встречном направлении, потопталось у двери с надписью «Смотровой колодец» и побежало обратно. Иван пробовал открыть и эту дверь, но, как и в прошлый раз, открыть — открыл, но ничего не увидел: теперь за дверью была белая мгла, похожая на молоко, луч света увязал в ней, как в плотном тумане.

Правая стена казалась монолитом, но все же они нашли в ней свежую трещину, не настолько широкую, чтобы протиснуться в нее, но достаточную, чтобы заглянуть. За стеной располагался треугольный зал с круглой дырой люка в потолке, сквозь которую в зал сочился тусклый желтый свет и доносились уже знакомые звуки: всхлипы, пыхтение и какой-то непрерывный шелест.

— Все! — сказал Иван и стукнул стержнем о пол. — Пойдем назад. Все-таки с той стороны подземный мир разнообразнее.

Тая молча кивнула и облизнула сухие губы. Она устала, хотела пить и есть, и призрак голода поманил Ивана из темноты костлявым пальцем. Пить и есть было нечего, а до пролома в стене, через который они проникли в этот коридор и который таил хоть какую-то надежду, было не меньше двадцати пяти километров — пять-шесть часов ходьбы.

— Там впереди что-то лежит...

Иван оглянулся, напрягая зрение, и далеко по кори-

дору, там, где сходились его стены, увидел какой-то предмет, холмик. До него было с километр, идти туда не хотелось смертельно, однако они нашли в себе силы преодолеть усталость и дойти до холмика. Им оказалось тело лежащего ничком человека в защитном френче и в ботинках пятидесятого размера.

Иван оглянулся на спутницу, перевернул незнакомца и отпрянул. Девушка вскрикнула, зажимая рот ладонью.

Лицо незнакомца представляло собой кровавое месиво, а в груди зияла выжженная дыра величиной с кулак. Вспомнился пистолет, стреляющий факелом огня. Не результат ли выстрела из него — дыра в груди?

— Кто его... так? — прошептала Тая.

Костров угрюмо оглядел коридор, но следов борьбы не увидел. Человека просто убили двумя выстрелами в упор, он явно не ожидал нападения.

Превозмогая брезгливость, Иван обшарил карманы убитого, но ничего не нашел, кроме махорочных крошек и пожелтевшего листка газеты с датой: 11 ноября 1942 года. Оглянулся на Таю.

— Может, возьмем его мундир?

— Ни за что! Я до него даже не дотронусь!

— Тогда поворачиваем.

Они направились обратно к началу коридора, откуда начали свое путешествие, но смогли продержаться на ногах лишь два часа. Дальше идти у Таи не хватило сил. Тогда Иван решил хоть немного поспать, устал он тоже изрядно, да и есть хотелось просто зверски. И не шел из головы убитый незнакомец в мундире времен второй мировой войны.

— Как ты думаешь, за что его убили? — сонно спросила Тая, которую мучили те же вопросы.

— За дезертирство, — ответил Иван, снимая с себя куртку. — Если бы я знал, где мы находимся...

Постелили на полу у стены куртку Ивана, легли и накрылись зеленой штормовкой Таи. Девушка уснула мгновенно, доверчиво прижавшись к Ивану и положив голову ему на грудь. Несмотря на усталость, Иван долго не мог заснуть. Так и лежал, обнимая Таю, чувствуя пья-

нящую близость горячего девичьего тела и какую-то восторженную нежность к этой красивой умной девушке, сумевшей сохраниться неизбалованной в век быстрых знакомств и расставаний без сожалений. Ему нравилось, как она говорит, ходит, улыбается, нравилось, что она понимает все с полуслова, не жалуется на усталость и голод, что она доверчива, как ребенок, и при всем при том умеет вести себя в любой обстановке. Но Иван не знал, какие чувства испытывает к нему Тая. Она была равна, дружелюбна — и только. Несколько часов в этом странном мрачном подземелье сблизили их больше, чем две недели у паучьего конуса в Брянском лесу, но что будет дальше? Иван гадать не хотел. Не удержавшись, он коснулся волос девушки губами и уснул, готовый защищать ее от любого врага.

Проснулся он от боли во всем теле. Тая спала в том же положении, ее волосы щекотали его шею. Он осторожно переменял позу, посмотрел на часы: прошло всего два часа. Оглядел пустой коридор — никого — и тут же снова уснул. И даже ежечасный гул и дрожь пола не могли их разбудить. Лишь через пять с половиной часов он проснулся окончательно.

— Ты знаешь, — сказала Тая, поворачиваясь к нему лицом, — мне было так уютно и тепло! И снилось, что ты меня целовал.

— Мне тоже, — пробормотал Иван, разминая затекшую руку.

— Что тоже? — Тая засмеялась. — Что уютно или что целовал?

— Ничего не снилось, — с сожалением признался он. — Но я бы не отказался...

Она мгновение смотрела ему в глаза, потом наклонилась, быстро поцеловала и тут же вскочила.

— Вставай, соня! Проспишь с тобой все на свете! Я такая голодная, что, если ты еще раз уснешь, я тебя съем.

Немного приободрившись, они снова тронулись в путь, стараясь не вспоминать мертвеца в коридоре. Конечно, Иван мог отбиться от любого вооруженного бандита, а то и двух-трех, но о серьезном сопротивлении группе профессионалов с огнестрельным оружием, не

говоря уж об их странных пистолетах-лучеметах, не могло быть и речи. Оставалось уповать лишь на скорую разгадку подземного феномена да на счастливый случай. Почему-то Костров был уверен, что «десантники» бродят где-то по другим коридорам и труп в этом коридоре — дело не их рук. Приключение с Таей перестало казаться Ивану романтическим, но изменить что-либо было не в его силах.

По их расчетам выходило, что они провели в залах и тоннелях подземелья уже более семнадцати часов. На воле — где именно, Иван представлял смутно, скорее всего в Брянском лесу, — была, должно быть, ночь.

Вскоре они нашли знакомый пролом в стене, сквозь который выбрались в коридор. Иван первым полез в темноту, держа наготове свою дубинку.

Вертолет, из которого выпала Тая, был на месте, ничего в этой комнате не изменилось. А вот вертолета Ивана в зале без потолка не оказалось. Иван обыскал весь зал до самых глухих тупиков, но не нашел следов.

— Все! — сказал он горестно. — Я больше ничему не удивлюсь! Присниться он мне не мог, потому что вот фонарь из него, а утащить его отсюда невозможно, в пролом и щели он бы не пролез. Может, пауки разрезали его на части?..

Тая молчала. Ей было не по себе, и она то и дело поглядывала на подрагивающую серую пелену, нависшую над залом вместо потолка.

Снова выбрались в комнату с пультами, потом в первый коридор, более узкий, чем тот, по которому отшагали с полсотни километров в оба конца. Этот коридор пострадал гораздо больше и местами был завален обломками рухнувших стен или останками каких-то непонятных аппаратов или машин. Двери здесь шли группами то с одной, то с другой стороны и почти все были распахнуты, открывая взору разгромленные комнаты, залы, клетушки и боксы. В одной из комнат им впервые повстречался паук, перепугавший Таю. Он выпрыгнул из угла, светя глазами, вбежал на холм белых цилиндров, скрипуче крикнул, вернее, даже не крикнул, а кашлянул, и исчез в какой-то щели, прежде чем Иван успел что-нибудь предпринять.

Тая отпустила плечо Ивана, виновато посмотрела на него.

— Знаешь, я, наверное, к ним не привыкну. А глаза, ты видел его глаза?

Я проснулся в ночной тишине,
И душа испугалась молчания ночи.
Я увидел на темной стене
Чьи-то скорбные очи.

Иван продекламировал стихи и грустно посмотрел на девушку.

— Что-то скорби в них я не заметила, — фыркнула Тая. — Ты любишь Блока?

Иван улыбнулся.

— А кто его не любит?

— Я отношусь к нему спокойно. Но тебя понимаю.

— Если говорить об очах, то мне, честно говоря, больше нравится Заболоцкий:

Ее глаза — как два тумана:
Полуулыбка, полуслуч...
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач...

Тая задумчиво и удивленно посмотрела на Ивана, но ничего не сказала.

Они миновали ряд темных комнат и, не сговариваясь, одновременно приникли к длинной трещине, пересекающей стену тупика наискось. Еще один зал с грудами каменных обломков, металлических предметов, цилиндров, но главное — с двумя длинными узкими окнами, через которые в зал вонзалось золотистое, без теней, сияние. И еще. Знакомые всхлипы в этом зале усилились до громкого и гулкого шипения, словно за стеной выпускали пар из котла, то закрывая, то открывая вентиль.

— Выход? — полуутвердительно сказал Иван. — Но как туда добраться? В щель нам, пожалуй, не протиснуться.

Он попробовал действовать стержнем как рычагом, но с таким же успехом можно было пытаться пробить стену голой рукой.

— Черт, не везет! Отдохнем?

Тая задумчиво побродила по комнате, рассматривая разбросанные по полу непонятные предметы. В дальнем углу она остановилась и включила фонарь.

— Иван!

Костров встал с глыбы не то камня, не то керамики с вкраплениями сверкающих шариков и подошел к девушке.

Луч света выхватил из тьмы колодец глубиной в десяток метров. На дне колодца лежали чьи-то кости, зеленовато-желтые и словно отполированные.

— Что здесь происходит, Ваня? — дрожащим голосом спросила Тая. — Куда мы попали?

Иван не успел ответить. Тяжкий удар потряс здание, качнулись стены, дрожь пола вошла в позвоночник через ноги. Вскрикнула Тая, едва не свалившись в колодец: Иван успел удержать ее за полу куртки. Снова удар и новая волна вибрации. Сквозь стихающий гул доносились далекие тревожные крики.

— Я боюсь! — шепотом сказала Тая, касаясь губами уха Ивана. — Этот страшный лабиринт, коридоры, комнаты... эти взрывы... Ваня, может, нас захватили какие-то пришельцы и увезли на свою планету? Я читала в одном рассказе...

Иван заставил себя рассмеяться, хотя ему было не до смеха.

— Чудачка ты моя, мы на Земле, а скорее всего под землей. Пришельцы не стали бы писать на дверях по-русски.

— Русский-то он русский, но шрифт не очень русский... О, смотри! — воскликнула вдруг Тая. — Кажется, мы теперь сможем выбраться в тот зал!

Щель в светлый зал стала шире в полтора раза, сейчас даже Иван мог протиснуться в нее, не рискуя застрять.

Через минуту они были в зале, пробились между гурдами обломков и мусора и подбежали к окнам. То, что открылось их взорам, они увидеть не ожидали...

Окна выходили наружу в стене колоссального здания, крылья которого плавно заворачивались полукольцом по гигантскому радиусу вправо и влево и терялись за

горизонтом, а на высоте около трех сотен метров над котловиной, заполненной золотистым маревом, постепенно становились прозрачными и исчезали! В центре котловины сияние было особенно сильным, и марево там истаявало в темном небе струями свечения, оранжевыми и малиновыми полосами. Оттуда доносились глухой рокот, равномерное шипение пара и густое астматическое дыхание.

Завороженные страшной картиной, Иван и Тая стояли полчаса, разглядывая котловину с золотым светящимся туманом, стены здания, уходящие вверх на громадную высоту и в стороны по кругу, с рядами окон и похожих на черные кляксы пятен.

— Да! — сказал наконец с чувством Иван. — На Землю это мало похоже! Но пришельцы — чушь!

— Что тогда? — тихо спросила Тая. — Где мы, потвоему?

Иван промолчал, и они с новым вниманием принялись рассматривать ландшафт с высоты в двести метров.

— Под нами вроде бы лес, — неуверенно сказал Иван. — Спуститься бы... Но как?

— Если это здание, то должны быть лифты или лестницы. Поищем, а не найдем — вернемся сюда и будем думать снова.

Иван поколебался, поглядывая на шапку светящейся субстанции в котловине, и решительно направился в глубь зала.

— Не отставай и смотри под ноги, тут колодцев хватает.

Голод и жажда, мучившие их уже более полусуток, несколько притупились, уступив место волне возбуждения и надежды.

Глава 3

Им повезло — этот коридор не был бесконечным. Уже через полчаса он вывел их в круглый зал, пронизанный в центре трубой диаметром около трех метров. С одной стороны в трубе располагалось окно или дверь из

толстого матового стекла. За стеклом ничего нельзя было разглядеть, хотя Ивану показалось, что он видит какую-то объемную решетчатую конструкцию.

— Лифт, наверное, — сказал он, постучав по стеклу и прислушиваясь к тонкому хрустальному звону.

Зал был совершенно пуст, весь в пятнах какой-то краски или копоти. Пыли здесь оказалось меньше, но это не могло скрыть следов, пересекающих пол в разных направлениях. Здесь были следы округлые и овальные, маленькие и большие, принадлежавшие собакам и другим животным, но были следы, заинтересовавшие Ивана, — человеческие. Проходили двое, причем босиком. Эти следы выходили из стеклянной двери лифта, как Иван назвал трубу в центре зала, и заканчивались у двери с металлической полоской: в зале таких дверей было две. Проход из коридора, через который они проникли в зал, так и остался открытым.

Иван попробовал открыть дверь, но одна из них приотворилась на мгновение и снова захлопнулась, а вторая, свернувшись и растаяв, открыла за собой темный провал с наклонными металлическими балками, на которых кое-где сохранились ступеньки и даже целые марши лестницы. Спуститься по ней без спецснаряжения было невозможно.

— Да-а, — протянул Иван, посветив вверх и вниз. — На веревках кое-как можно спуститься... — Он замолчал. В шахте лестницы родились какие-то звуки: далекий визг, удары и уханье, перекрывшие прежние шумы — шелест, потрескивание, шепчущее эхо... Отзвуки жизни... Внизу кипела активная жизнь, явно отличающаяся от тишины и неуютности этого мертвого горизонта.

Иван перестал светить вниз и поставил фонарь так, чтобы свет рассеивался стеной зала.

— Что будем делать дальше?

Они посмотрели друг на друга. Тая держалась бодро, но была бледна, под глазами легли тени, лицо осунулось. Иван невольно потрогал суточную щетину на щеках, усмехнулся. О бритве, видимо, надолго придется забыть.

— Надо спускаться на землю, на первый этаж, — сказала Тая. — Здесь все мертво.

— И не соблюдается элементарная демографическая установка, — подхватил Иван. — Нет достаточного для проживания количества пищи, одежды и жилья... У меня была конфета, но я ее съел. А норма для человека таких габаритов, как я, — три тысячи восемьсот килокалорий в день!

Тая красноречиво проглотила слюну, и они одновременно засмеялись. О килокалориях можно было только мечтать.

Решили поискать в ближайших комнатах хоть что-то, напоминающее веревку. Пути вниз, на уцелевшие марши лестницы, не было.

— Эх, работал бы лифт! — вздохнул Иван, обойдя трубу с дверями. — Раз! — и мы вниз. — Он стукнул стержнем, с которым не расставался, в поющее стекло и заорал: — Сезам, откройся! Я кому говорю?! — И застыл с открытым ртом.

Дверь вдруг покрылась световой сеткой и бесшумно рухнула на пол грудой стеклянных кристаллов.

— Вот те на! — хмыкнул Иван, глядя на представшую взору кабину. — Неужели я потомок Соловья-разбойника?

Кабина была собрана из решеток, сквозь которые виднелись стены лифтового колодца, и освещалась мигающим голубым светом из невидимых источников.

Тая заглянула внутрь кабины, но Иван, опомнившись, оттащил ее в сторону.

— А если застрянем, кто поможет?

Тая пожала плечами.

— Как-нибудь выберемся. Голова у тебя имеется?

Иван молча повернулся и первым вошел в кабину, предварительно испытав прочность ее белого чистого пола. Слева от двери он увидел ряд темных окошечек. Одно из них светилось, но высвечивало не цифру этажа, а какой-то непонятный значок в виде стрелы, пересекающей два кольца.

— Мы здесь, — ткнул он пальцем в окошечко.

— По логике у тебя была, наверное, пятерка, — с веселыми искрами в глазах предположила Тая.

Иван сделал вид, что не заметил в ее словах иронии.

— Где же у них нижний этаж? Вдруг здание уходит под землю?

— Я тоже об этом подумала.

— Но если судить по той высоте, на которой находится мертвый наш этаж, то здесь явно не хватает кнопок: их должно быть не меньше сотни, а тут всего десяток.

— Может, высота этажей не везде одинакова?

— Все равно что-то тут не так. — Иван оглянулся. — Рискнем?

Тая не опустила взгляда. «Что нам остается?» — понял ее Иван.

— Заходи, цепляйся за меня.

Они встали в центре кабины, Тая обняла Кострова сзади, и он тронул самое нижнее окошечко. Раздался двутональный гудок, заставивший их вздрогнуть, но кабина осталась на месте.

— Так. Наверное, на нижний этаж лифт не идет. Попробуем на второй снизу.

Снова резкий сигнал — и никакой реакции лифта.

— Может быть, механизм испортился? — робко предположила Тая. — Видишь, и дверь рассыпалась...

Иван хмыкнул:

— Может быть... может быть, это и не лифт вовсе.

Над рядом окошечек он увидел буквы ТФ и ряд цифр — 2301, подумал, что где-то уже видел эти цифры, причем недавно. Где именно?.. Вспомнил, поднял стержень и прочитал на торце буквы и цифры: «МК-2301». М-да, если бы к этим цифрам и буквам были еще и поясняющие надписи...

Иван нажал ближайшее к светящемуся окошечко, и в тот же миг на них обрушилась тяжесть, едва не свалившая с ног. Тяжесть быстро прошла, наступила невесомость, отчего Таю затошнило, она вскрикнула, уцепилась за Ивана, напрягшегося как при падении. Но и невесомость прошла быстро, сладко ныли мышцы тела, голова казалась пустой и звонкой, потрескивало в ушах, во рту появился сладкий привкус.

Окошечко, на которое надавил Иван, светилось, и на нем были нарисованы другие знаки: контур человеческой ладони, а под ней дефис и цифры: «10 000».

— Приехали, — с облегчением сказал Иван. — Наверное, лифт сверхскоростной, с дикими ускорениями. Теперь поищем выход.

Они вышли из лифта в кольцевой зал и поняли, что лифт действительно перенес их на другой горизонт здания.

Запах здесь стоял, как в зверинце. Зал некогда был отделан под розовый мрамор, но пол его был усеян птичьим пометом и так истоптан, что потерял первоначальную окраску. Впрочем, помет оказался не птичьим. Как только Иван включил фонарь, под потолком зала раздался тонкий писк, захлопали крылья, и стая летучих мышей ринулась в глубь мрачного коридора, исчезнув в темноте.

— Так и посидеть недолго! — сказала Тая со смешком, не спеша отпустить локоть Кострова. Тот прижал палец к губам.

— Тише!

Где-то далеко послышался странный звук — рев трубы с плачущим отголоском, который повторился еще и еще. Затем донеслись крики какой-то птицы, хруст ломающихся ветвей, лай, и все стихло.

«Жизнь! — подумал Иван с некоторой тревогой. — Карабин или хотя бы ивашуринское ружье не помешали бы...»

— Выключи свет, — посоветовала Тая.

Постояли, привыкли к темноте. Постепенно стали различать отсвет на стене зала, но коридор, в котором исчезли летучие мыши, остался заполненным полнейшим мраком. Иван оглянулся и сжал плечо девушки. Дверь лифта была цела, и сквозь нее было видно, как в трубе проносятся сверху вниз цепочки голубых огней, словно воздушные пузыри в воде. Промчались, и лифт снова стал тише и нем.

Они осторожно обошли трубу. Свет шел из другого коридора, дверь из полупрозрачного коричневатого материала лежала на полу и была смята как тряпка. Коридор, тоже истоптанный грязными следами, вскоре вывел путешественников в просторное помещение без окон и второго выхода, но с дырой в человеческий рост, по-хозяйски прикрытой листом полированного металла. Из

щели между листом и стеной бил желтый луч света и тянуло холодом.

Иван подбежал к щели, уперся стержнем и с натугой откинул тяжеленный лист, упавший, как чугунная чашка весом в полтонны. В лицо хлынули желтый свет, морозный свежий воздух и волна незнакомых запахов и звуков. Снаружи в нескольких шагах начинался заснеженный лес, над которым пылало желтое зарево... Завороженно глядя на лес, Иван шагнул было к дыре, но остановился, заметив необычность проделанного в стене прохода.

Дыра была пробита из помещения наружу каким-то мощным энергетическим выхлопом — лазерным, плазменным или иным, и расплавленный металл стены, застыв, образовал полупрозрачную корону из острых зубцов и нитей метровой длины.

Оглянувшись на Таю и встретив ее вопрошающий взгляд, Иван попробовал ногой прочность короны — держит — и выбрался из помещения первым.

Они стояли на снегу у стены здания, поднимавшегося над ними на недостижимую высоту. Вершина терялась в небе где-то на высоте не менее полутора километров, а насколько оно простиралось в длину, можно было только гадать.

Мороз был несильным, около пяти-шести градусов, но путешественники были одеты не по-зимнему и долго выдержать даже такую температуру не смогли бы.

— Снег! — тихо проговорила Тая. — В сентябре — снег!

— Это там был сентябрь, — так же тихо сказал Иван. — В Брянском лесу. А перед нами — не Брянский лес.

Узкая полоса свободной от деревьев земли отделяла стену здания от стены чужого, застывшего в настороженном молчании леса. Снег был разрисован звериными следами, особенно в том месте, где вышли Иван с Таей. Видимо, именно через этот лаз проникли в здание животные и летучие мыши. Сквозь неумолимый далекий рокот и ритмичное шипение доносились иногда крики птиц, треск ветвей и влаивающий рев. Земля тряслась мелкой дрожью. Тая первой обратила внимание на это — внутри здания дрожь не ощущалась.

Иван крепче сжал свою дубинку, взял за руку девушку.

— Пошли, иначе замерзнем.

— А куда идти?

— Все равно куда. Пойдем в сторону зарева, может, встретим людей, да и что-нибудь из еды поищем. Назад вернуться успеем всегда, здание видно издалека.

Тая зябко поежилась, но не возразила, хотя было видно, что идти ей никуда не хочется.

Лес был в основном лиственный: береза, ольха, верба, реже встречались осина и тополь, но попадались и сосны. Иван обратил внимание на то, что у многих берез обломаны ветви и содрана кора, а снег рядом утоптан громадными следами — круглыми, как тарелка, размером с полметра.

— Медведь? — робко спросила Тая, с опаской разглядывая следы.

Иван нагнулся, понюхал воздух.

— Непохоже, и пахнет псиной.

Неподалеку раздался рев пополам с надсадным кашлем. Тая вздрогнула, посмотрела на Кострова. Тот застыл, прислушиваясь.

— Странный крик, — сказал он медленно. — Где-то я слышал его раньше... Кажется, в зоопарке. По-моему, так кричат рассерженные слоны.

— Слоны?! Откуда они здесь?

Иван промолчал: он знал столько же, сколько и Тая. К тому же его больше занимали мысли о еде, потому что желудок уже в который раз напоминал о себе.

Дальше пробирались молча, утопая в снегу по щиколотку, режé по колено. Набрели на рябину, сохранившую несколько кистей ярко-алых ягод. Съели по пригоршне, хотя челюсти сводило от кислоты и горечи. Тая захватила несколько гроздей с собой — все же какая-никакая, а еда. Иван заел ягоды снегом, вспомнив, что давно хочет пить.

Через полчаса заметили впереди просвет между стволами берез, ускорили шаг. Иван пролез под ветвями разлапистой ели, вышел на край поляны и замер. Посреди поляны стоял... мамонт! Гигантское буро-коричневое тело, крутой лоб с выпуклыми надбровьями, загнутые

двухметровые бивни, хобот, вытянутый в их сторону... Мамонт смотрел на застывших людей, пошевеливая ушами и словно размышляя, что с ними делать. Мрачный вид и неподвижность неожиданных гостей, видно, успокоили его. Мамонт фыркнул, повернулся к людям боком и стал рыгаться хоботом под снегом, извлекая пожухлую траву и закидывая ее в пасть.

Совсем близко раздался короткий визгливый рев, мамонт вздернул хобот и ответил лающим криком.

Тая потянула Ивана за рукав, и они обошли поляну порядочным крюком. Остановились отдышаться под поваленным тополем.

— Мамонты, — сказал Иван, отогревая Таины пальцы в руках. — Вымершие, насколько я знаю, около десяти тысяч лет назад. Это шерстистый мамонт, живший в верхнем плейстоцене, около тридцати тысяч лет назад.

— Что будем делать дальше, капитан?

Тая с сомнением посмотрела на стержень в руке Ивана, и ее спутник понял ее взгляд. «Против мамонта с этой палкой не пойдешь, — говорили глаза девушки. — И кто еще встретится?»

— Пробежимся? — предложил Иван. — Хоть согреемся.

Они побежали, проваливаясь в снег.

Местность заметно понижалась — начался, очевидно, спуск в ту котловину, которую они увидели из окна сверху. Бежать было все легче, словно они теряли в весе. Заметив это, Иван замедлил бег. Деревья становились ниже, тоньше и почти все, будто под напором ветра, наклонялись вершинами в сторону центра котловины. Здесь было светло как днем, но свет был какой-то странный — золотистый, не дающий теней.

Тая тоже заметила перемены в окружающем ландшафте и посматривала на Ивана искоса, ожидая его решения. Наконец деревья пошли в рост человека, поредели, и впереди показалась голая снежная равнина до горизонта. Иван остановился, глядя на золотую сияющую пелену в половину небосклона. Рокот исходил из этой пелены, иногда оттуда доносились более громкие басовитые удары, вызывающие заметные колебания земли. После каждого удара над золотым заревом вста-

вал факел белого пламени и расплывался сияющим зонтиком, из которого начинал идти золотой дождь, тускнеющий до малинового свечения. Чтобы слышать друг друга, здесь приходилось повышать голос.

— Мне кажется, туда идти опасно, — сказала Тая.

Иван и сам думал о том же. Он заметил, что по снежному полю метет поземка — в безветрии! Причем она пульсирует — то усиливается, то ослабевает, и в такт этим пульсациям из золотой бездны долетает густое шипение, словно там на гигантскую раскаленную жаровню ритмично льют воду.

— Ты, безусловно, права, — сказал Иван. — Туда мы не пойдем. — И вдруг сжал руку Таи до боли. — Смотри!

В сотне метров от них катился из леса черный ручей. Он распался на струи, осмысленно обтекающие кусты и деревья, и, не сбавляя скорости, понесся по снежному полю. То были пауки!

Через несколько минут поток пауков иссяк и вскоре исчез в снежной коловерти. Иван опомнился и отпустил руку девушки. Они молча посмотрели друг на друга. У обоих мелькнула одна и та же мысль: это был мир пауков или кто там они были на самом деле, и люди попали в него случайно. «Но где этот мир? — подумал Иван. — Под землей Брянского леса или?.. Впрочем, что значит «или»? Мы же трезвомыслящие люди, надо просто найти правдоподобное объяснение всему этому безобразию! Самое простое объяснение... самое простое... Сон? Бред? Господи, насколько это тривиально! Я же уверен, что не сплю...»

— У меня замерзли ноги, — совсем тихо сказала Тая.

Иван очнулся, огляделся по сторонам и направился в глубь леса.

— Сейчас, Тая, потерпи чуток. Разведем костер и согреемся.

Костер дымил и стрелял искрами, но горел.

Сухостоя в этом лесу не было, лишь иногда встречались сухие ветки, обломанные мамонтами, поэтому Иван нарезал ножом живых ветвей с берез и тополей. Таю он

усадил на лапник, благо сосны и ели росли рядом с костром.

Вскоре они согрелись, и, если бы не сосущее чувство голода, настроение было бы значительно лучше.

С небес продолжал литься на землю приятный золотистый свет, почти не дающий теней. Глухо клокотал неведомый вулкан, дрожала земля. Где-то продолжали трубно переключаться мамонты, а один раз донесся пронзительный визг дикой свиньи и утробное уханье не то зверя, не то птицы.

Они молчали. Говорить было не о чем. То, что с ними случилось и что происходило вокруг, пересекло горизонт восприятия необычного, душевных сил на постоянное удивление не хватало, да и физические убывали с каждым часом. Иван со страхом подумал, что может свалиться без сил прежде, чем они найдут пищу. Приключение затягивалось, и надо было беспокоиться о будущем, не надеясь на скорое возвращение из необычного плена или на чью-нибудь помощь.

— Помыться бы, — сказала вдруг Тая грустно. — В бане. Я грязная, как замарашка. А у теток такая прекрасная баня!

— Не мешало бы, — согласился Иван. — Кстати, слово «баня» в переводе с тюркского означает: изгонять боль и грусть.

По лесу раскатилась частая дробь, словно кто-то стучал колотушкой по стволам деревьев. Иван повернул голову, но не двинулся с места. Снова деревянная дробь, затем вскрик, шум, возня, рычание...

Иван вскочил, настороженно прислушался к шуму борьбы.

— Наших бьют. Помочь, что ли?

Тая не улыбнулась шутке.

Глухие удары, гопот, треск сучьев, снова рычание, и все стихло, доносилось лишь ставшее привычным далекое громыхание.

— Посиди, я сейчас. — Иван подумал, взвесил в руке стержень и отдал его Тае. — Держи на всякий случай. Пойду посмотрю, что там за возню устроили.

Тая только кивнула, сил возражать у нее не было.

Лицо девушки еще больше побледнело, нос заострился, губы потрескались. У Ивана сжалось сердце, он вернулся, поцеловал ее в щеку, отчего девушка виновато улыбнулась, и быстро направился в сторону источника недавнего шума.

Через несколько минут он вышел на вытоптанную мамонтами тропу и увидел необычного зверя, похожего на льва и на тигра одновременно. У него была короткая желтоватая шерсть, мощные лапы и великолепные клыки, которыми он разрывал плоть небольшой лошади. Зверь повернул к Ивану окровавленную морду, прятнул ушами и низко рыкнул, как бы предупреждая: не мешай, прошу по-хорошему!

Несколько минут они смотрели друг другу в глаза, потом тигролев еще раз рыкнул и принялся доедать добычу. Иван отступил за ствол березы и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. У него был нож, но считать его оружием против зверя было невозможно.

Через четверть часа тигролев насытился, оглянулся на человека, словно приглашая к трапезе, и гордо удалился прочь, ступая тяжело, но бесшумно и мягко. Вскоре в той стороне раздался тревожный вопль мамонта. «И все же на тигра он не похож, — подумал Иван, выжидая. — Скорее лев, пещерный лев, но без гривы. Где-то я читал, что у пещерных львов не было гривы... и таких клыков... разновидность какая-то. Но откуда он здесь? Впрочем, оттуда же и мамонты. Это их мир, и пришельцы в нем мы, а не они...»

Подождав еще несколько минут, Иван подбежал к убитой лошади и торопливо вырезал несколько кусков мяса из нетронутых лодыжек и крупа.

Тая ждала его стоя, судорожно сжимая в руке стержень и напряженно прислушиваясь к новому звуку: повизгиванию и поскуливанию в десятке шагов от костра. Иван успокаивающе погладил ее по спине, шагнул в сторону звуков и рывкнул:

— Пшел вон!

Кто-то шаррахнулся по кустам, потрещал ветками, и все стихло.

Иван невольно засмеялся, бросая мясо на снег.

— Выходит, мы не самые слабые в этих краях. Наверное, собака...

Они жарили ломтики конины, насаженные на прутья, и ели, обжигаясь. К этому рациону не хватало хлеба и соли, но оба понимали, что им, возможно, предстоит еще привыкать и к сырому мясу, чтобы остаться в живых. На помощь рассчитывать пока было нечего...

Глава 4

Несмотря на то что в этом страшном мире стоял вечный желтый день, их потянуло ко сну: биологические часы организма были настроены на привычный двадцатичетырехчасовой цикл. В лесу спать было холодно, да и небезопасно — костер еле горел, а у них даже не было зимней одежды.

— Придется идти спать в крепость, — сказал Иван, вскидывая глаза на стену здания, нависшую над ними. — Там хоть тепло, а повезет — так и уют найдем.

О том, что по зданию где-то, возможно, бродят «десантники», убивающие людей, он старался не думать.

Тая согласилась. Она была сыта, сил заметно прибавилось, к тому же на настроение благотворно влиял небольшой запас жареного мяса, завернутый в бересту и отягощавший карманы куртки Ивана. На пути к зданию они встретили мамонта, обгладывавшего кору березы. Мамонт был космат и явно ниже первого. Один бивень у него был сломан, и мамонт дрожал крупной дрожью, что было заметно даже сквозь густую бурую шерсть.

— Замерз, бедняга, — пожалела его Тая.

Иван отрицательно покачал головой.

— Они не боятся холода, тут что-то другое. Может, заболел.

Постояли, глядя на гиганта с явным сочувствием. Ветер донес издали долгий тоскливый вой. Мамонт вздернул голову, хлопнул ушами, прислушался и молча подался в чашу, оставляя на кустах и ветках деревьев ключья шерсти.

— Паук? — нерешительно спросила Тая.

— Непохоже, крикунов тут достаточно и без пауков. Пойдем, незачем ждать приключений.

Они пробрались сквозь кустарник к стене здания — странно пятнистой, ячеистой, с рядом слепых черных пятен. Никаких дверей видно не было, а окна начинались метрах в двадцати от земли, и, насколько хватало глаз, все были целые, без трещин и пробоин. Эти проемы Иван называл окнами больше по привычке, на настоящие окна они походили мало.

— Наверное, мы уклонились от дыры, — пробормотал Иван. — Поищем? Она должна быть недалеко.

Тая первой двинулась вдоль стены. Эксперт с невольной жалостью посмотрел на ее короткие сапожки. Тая часто проваливалась в снег до колен, и ноги, наверное, были совершенно мокрые. Как и у него, впрочем.

Они прошли около километра. Ячей сменились выпуклостями, окна то пропадали совсем, то шли длинными рядами, а входа все не было. Пока шли, было тепло, но стоило остановиться, как холод возвращался под одежду... Посмотрели друг на друга и повернули обратно. Не успели пройти несколько десятков шагов, как впереди вдруг бесшумно отъехала в сторону часть казавшейся монолитной стены, и на снег вылился черный ручей. Снова пауки!

Тая подалась назад. Иван поспешил закрыть ее телом, поднимая вверх руку с дубинкой. Но паукам было не до них: ни один не свернул в сторону и не посмотрел на замерших людей. По снегу они передвигались так же быстро и плавно, как и по твердой земле, словно скользили по нему на невидимых лыжах, и, лишь приглядевшись, можно было заметить, как работают их членистые ноги. Странные это были пауки. И не потому, что размеры их превышали размеры любого паука на земле. Было в них нечто от гибкости змей, и от механической равномерности и целеустремленности машины, и что-то еще — неуловимое изящество геометрических форм, запах мысли и опасности, что всегда отличало живое от неживого...

Ручей пауков исчез за деревьями, на снегу остался только странный дырчатый след, не похожий на след

живого существа. «Противоречие, — подумал Иван. — В них много и от живого, и от неживого...» Он вспомнил — дверь! И потянул Таю за собой.

— Бежим.

Через несколько секунд они оказались в здании, и тут же блок стены совершенно бесшумно и без помощи каких-то видимых механизмов стал на место и закупорил проход. Наступила темнота и тишина. Иван зажег фонарь и зажмурился от брызнувших со всех сторон искр.

Они стояли в ледяном гроте — таково было первое впечатление. Слегка наклонные стены — в пластах хруптального, с белыми прожилками льда, сводчатый потолок — сплошной искрящийся слой снега со льдом. Однако это был не лед. Материал стен грота был теплым и щипался электричеством. Лишь пол не создавал иллюзий насчет своей основы — металл, похожий на хромистую сталь.

— Тепло, но слишком жестко, — сонным голосом сказала Тая.

Было видно, что дальше идти ей смертельно не хочется, но право решения она оставляла мужчине. Иван невольно улыбнулся.

— Ты права, к тому же здесь шастают пауки. Поищем более укромное убежище, и вообще у меня идея — попробовать выйти на другую сторону здания.

У Таи загорелись глаза, но тут же погасли.

— Мы же пробовали в коридоре, помнишь?

— Плохо пробовали. Но отложим поход на утро...

Иван не договорил. Где-то внутри здания родились шорохи и скрипы, гулко ударил невидимый гонг. Стены грота стали потрескивать, искриться. Иван выключил фонарь, но темнота не наступила, они были окружены призрачным холодным сиянием стен. Шорохи приблизились, распались на дробное постукивание сотен быстрых ног.

Иван затравленно огляделся — бежать было куда — и отступил, насколько смог, с середины грота к стене. В ту же секунду дальний тупик грота раскололся щелью, из которой выкатился знакомый черный поток пауков. Пахнуло свежестью и эфиром.

Бесшумно отошел в сторону блок выхода наружу, передний отряд пауков выкатился на снег, а остальные равнодушно бежали следом, не обращая внимания на людей. Они бы так и проскочили мимо, но Тая вдруг пошатнулась. Иван едва подхватил ее на руки. Последний из замыкающих колонну пауков замедлил бег и остановился, обернувшись к ним блюдцами глаз и приподняв переднюю пару лап. Иван опустил Таю и угрожающе поднял свое оружие. Паук, казалось, раздумывал, что делать, потом вдруг испустил тонкий лучик света, ощупал им фигуры людей, повернулся и припустил за своими собратьями. Блок выхода встал на свое место, потемнело. Сияние уходило в глубь стен, запах озона исчез.

Иван снова включил фонарь, с тревогой глядя на Таю. Девушка побледнела еще больше, глаза ее лихорадочно блестели. «Не заболела бы!..» — озабоченно подумал он.

— Сможешь идти?;

— Наверное, смогу, но куда?

Иван повел лучом фонаря и нащупал плечо Таи. Проход, через который пауки проникли в грот, остался открытым. Гадать, почему он открыт, было некогда, и они побежали, хотя Иван признался себе, что у него сил почти не было. Что же говорить о Тае?

Они выбежали в обширный зал, занятый какими-то громадами, словно покрытыми черным лаком. Одна из них тихо, как трансформатор, гудела, и над ней крутились фиолетовые огоньки. Запах здесь стоял странный — сладкий, с привкусом мяты и полыни. Пол в зале напоминал черное стекло и был теплым, почти горячим на ощупь, зато потолок отсутствовал, как в том зале, где Иван оставил вертолет. Вместо потолка на высоте полусотни метров колыхалась сизая дымная пелена.

Тая подумала, села на пол и сняла сапожки.

— Снимай и ты... тепло, согреемся.

Иван послушно снял свои когда-то щегольские фирменные сапоги и остался в мокрых насквозь шерстяных носках. Вскоре ноги и вправду согрелись, приятное тепло растеклось по всему телу.

У них хватило сил поискать нишу между одной из

темных машин и стеной зала, постелить многострадальную куртку Ивана и лечь. Оба уснули почти мгновенно и не слышали, как гудящая громада в другом конце зала трижды со странным звуком выпускала из своего чрева потоки пауков...

Спали они семь часов по часам Ивана, а проснувшись, не сразу вспомнили, где они и почему так твердо их постель.

В зале было все так же тепло, только теперь гудели и потрескивали уже четыре громады. В глубинах пола пробегали длинные голубые искры, а иногда целые дорожки непонятных символов и цифр.

Иван сделал зарядку, погладил порядком подростую щетину на подбородке и перехватил взгляд Таи.

— Что, хорош?

Тая улыбнулась.

— А борода у тебя темная, не рыжая, как волосы. Что будем делать, капитан?

— Сначала — завтракать. — Иван вытащил ломти мяса. — Потом пойдем искать противоположную сторону здания. А что, есть другие варианты?

Тая пожалала плечами и стала надевать высохшие сапожки. Иван с трудом натянул свои.

Через четверть часа они вышли в путь с новой надеждой на успех. Ивану пришло на ум изречение Бэкона: «Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин», — однако он не стал высказывать его вслух.

Выход из зала нашелся быстро. Их было несколько — многометровые арки в толще стен. Пройдя арку, путешественники вышли на узкий балкончик, опоясывающий обширную шахту, которая уходила вниз на неизвестную глубину. Верх шахты исчезал в колышущейся синеватой пелене. Иногда внизу что-то остро посверкивало, и мимо балкона пролетали снизу вверх какие-то полупрозрачные бесплотные тени неуловимых глазом очертаний.

Они посмотрели минут пять-шесть и вернулись в зал. Второй выход — узкий лаз в темноту — вывел их в затхлый каменный мешок, где они нашли светящийся человеческий скелет. Часть ребер отсутствовала, будто

их вырвали фрезой. Перед глазами встал труп человека в мундире с дырой в груди. Путешественники посмотрели друг на друга и поспешили отогнать безрадостное видение. Ситуация окончательно перестала нравиться Ивану.

Снова вернулись в зал. Иван обошел его по периметру, высвечивая каждую впадину, и обнаружил в центре колодец с белыми скобами, уходящими в темноту. Колодец был снабжен толстой прозрачной крышкой, в глубине которой светились буквы ТФМ и непонятный значок в виде стрелы, перечеркнувшей круг. Крышка была откинута.

— Влезем в какую-нибудь канализацию! — пробормотал Костров, глядя на светящиеся буквы. — Но выхода нет. Все арки ведут на балкон, а узкие трубки — в колодцы с костями. Смотри, снова те же буквы... Интересно, что они обозначают? Знаешь, мне пришла мысль, что здесь ходили люди.

— Через этот колодец?

— Не только. Вспомни лифт, разрушенную лестницу, двери, да и этот колодец с нормальной лестницей... Паукам все это не нужно: скобы, ступеньки, двери, широкие коридоры... Значит, строили здание люди?

— Логично. Но где же они? Почему встречаются только следы да пауки, непонятно как ворвавшиеся в Брянский лес?

Иван задумался, но мысль, которая, казалось, все объясняла, ушла, спряталась в ворохе впечатлений. Делать было нечего — следовало проверить, куда ведет этот колодец. Иван попробовал прочность первой скобы и полез в глубину. Опустившись на высоту своего роста, он неожиданно уперся ногами во что-то упругое. Посветил фонарем вниз, но увидел лишь продолжение колодца. Тем не менее ноги упирались в упругое препятствие, совершенно невидимое.

— Что там? — Шепот Таи отразился от стен странной трубы звонким дребезжащим эхом.

— Не понимаю... не пускает. Ничего не видно, но под ногами словно резиновая подушка.

Иван попробовал прочность «подушки», пару раз подпрыгнув, — держит.

- М-мда, кажется, и здесь нам не пройти. Влипли.
- Подвинься, пожалуйста, я тоже попробую.
- Я вылезу.
- Нет-нет, одна я боюсь.

Тая забралась в колодец, и в тот же момент крышка люка бесшумно закрылась за ними, чуть не придавив Ивану пальцы. Прозрачная преграда под ногами засветилась призрачным зеленым светом, свет собрался в облачко и превратился в пылающие буквы и цифры: «ТП-22 000».

— Мембрана семь, — раздался снизу четкий мужской голос с едва заметным акцентом. — Спуск в пределах хроноперехода. Рекомендуются инкриентная ориентация и псивеллинг.

Через несколько секунд буквы погасли, а затем неизвестная упругая субстанция, на которой стоял Иван («Силовое поле», — мимолетно подумал он), стала опускаться. Костров автоматически ухватился за скобы, но те поехали под руками с той же скоростью, что и невидимое дно. И вдруг наступила невесомость!

Тая тихо вскрикнула от неожиданности и выпустила из рук фонарь. Иван чуть не выронил свой фонарь — тоже от неожиданности: показалось, что они сорвались и полетели вниз, в глубину колодца. Но скобы были под руками, ветер не свистел в ушах, ничего не изменилось, кроме ощущения потери веса.

Падали недолго: упругая сетка поймала их и мягко опустила на твердый пол. Иван перестал поддерживать Тая.

- Не ушиблась?
- Только испугалась и, кажется, потеряла фонарь.
- И мой что-то погас.

Иван повозился, фонарь вспыхнул, но свет его был не так ярок, как прежде.

- Батарей сели, что ли?

Они висели на скобах в том же колодце! Казалось, до крышки вверху можно было достать рукой, но Иван, вытянув левую руку, встретил упругое сопротивление. Явление повторилось со знаком минус: сначала они не

могли опуститься вниз, теперь не могли подняться наверх.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Не больше твоего. О, смотри!

Вверху над их головами беззвучно таяли в воздухе светящиеся цифры: «—40 000».

— Здесь своя жизнь и своя техника. Одно знаю твердо: на Земле пока нет ни такой техники, ни таких зданий. Мне кажется, что мы еще не видели и тысячной доли того, что здесь есть.

— Не хочешь же ты сказать, что мы не на Земле? — жалобно проговорила Тая.

Иван попробовал нащупать ногой «подушку», но не нашел.

— Не знаю. Надо выбираться из здания, тогда все станет ясно. Кажется, теперь можно спуститься ниже. Я пойду первым.

Они снова начали спускаться, осторожно пробуя скобы, хрупкие с виду, но прочные, как будто из стали. И оказались... в решетчатой кабине лифта с распахнутой дверью! Дверь вела в знакомый круглый зал, похожий на тот, что окружал лифт, вынесший их в зимний лес с мамонтами.

Три выхода в темные коридоры, два из них — в старой пыльной паутине, третий вел в длинный зал с непрозрачными окнами и дверью.

— Метаморфозы на грани помешательства! — пробормотал Иван. — Похоже, мы уже под землей, я потерял ориентацию. Как ты думаешь, в какой стороне двор со снегом?

Тая беспомощно пожала плечами.

— Я тоже запуталась.

Они осмотрели сначала левый коридор, узкий и холодный, из него несло плесенью и сыростью, потом тот, что вел в длинную комнату с окнами. Иван уже имел опыт открывания дверей, разделенных металлической полосой, но на этот раз его усилия были тщетными: дверь лишь на мгновение отогнула край и гут же встала на место. Правда, они успели заметить золотистый купол неба — двор с мамонтами находился за этой дверью.

Иван прекратил попытки открыть упрямую автоматическую дверь и махнул рукой.

— Нам пока там делать нечего. Зато совершенно ясно, где расположена внешняя сторона нашей тюрьмы.

Они углубились в оставшийся коридор, широкий, но сырой, с застоявшимися лужами на грязном полу. Стены коридора были серые, с цветными разводами, и в них местами торчали концы ржавых мокрых балок, с которых капала вода.

В коридоре было тихо, пусто и мрачно, как в могильном склепе, лишь звуки падающих капель рождали дребезжащее эхо, вязнувшее в толще казавшихся бетонными стен.

Иногда откуда-то из неведомых глубин здания волнами накатывала дрожь, сначала слабо, потом все сильнее и сильнее. По лужам разбежались круги, разбиваясь в интерференционной картине, с потолка падали комки и отслоившиеся пластинки бетона. Дрожь усиливалась до такой степени, что у них начинали стучать зубы и в позвоночник, шею, грудь, в голову приникала жаркая боль. Потом дрожь уходила в пол, убывала, исчезала совсем, и в коридор вновь возвращалась капельная тишина.

Через полчаса стало понятно, что коридор тянется бесконечно, как и тот первый, сухой и пыльный, по которому невольные разведчики протопали около полусотни километров. Иван не терял направления, пока они шли, и теперь выходило, что слева — внутренняя сторона здания с ровным золотым светом, а справа — внешняя, конечная цель их поисков. Но добраться до нее не представлялось возможным: в этом коридоре не было ни окон, ни дверей, ни трещин. Надо было возвращаться. И тут Иван поймал-таки мысль, не дающую ему покоя.

— Постой... — сказал он, останавливаясь, — мы же спустились на этаж ниже...

Тая непонимающе посмотрела на него.

— Ну и что?

— А то, что мы не могли видеть дневной свет, так как опустились «по мембране номер семь» ниже поверхности земли.

— Что же мы тогда видели?

— Проще вернуться и посмотреть еще раз.

Тая с гаснущей надеждой посмотрела вперед: коридор, непропорционально, нечеловечески длинный, подавляющий своей загадочной необходимостью тем, кто его строил, как и все в этом здании, уходил в сырую угрюмую тьму, навевавшую уныние и страх.

Фонарь светил совсем тускло, пришлось выключить его и включать периодически, чтобы не наткнуться на стены. В зал с лестницей они вышли мокрые, как после дождя, и Тая вслух посетовала, что это не тот зал, где можно было обсушиться, просто сидя на полу.

Иван еще раз попытался открыть упрямую дверь в сыром и длинном зале с рядом слепых окон. Напрасно. Тогда он обошел зал кругом и нашел проход в соседнее помещение, замаскированный свисающим покрывалом серого цвета. Покрывалом оказалась паутина, мокрая и грязная. Иван сбил ее стержнем на пол и, освещивая под ноги, прошел в квадратную комнату с бугристым скользким полом и сочащимися сыростью стенами.

— Б-р-р! — содрогнулась Тая, выглядывая из-за его спины. — Все-таки это, наверное, подвал. Пошли наверх, там хоть сухо и тепло.

Иван, не отвечая, подошел к серому пятну справа на стене, с минуту разглядывал его и вдруг ударил по нему ногой. Раздался отчетливый хруст, пятно распалось и осыпалось кусками, обнажая дыру в стене с воротником из расплавленного материала стены. В комнату хлынул водопад знакомого золотистого света. Иван сбил остатки паутины, потрогал гладкую поверхность воротника и присвистнул.

Золотое зарево на горизонте не изменилось, как и рокот, идущий оттуда. Но вместо снега и лиственного леса перед изумленными путешественниками открылась болотистая низина, ограниченная слева опушкой дикого леса, состоящего из знакомых деревьев — лиственницы, секвойи, бука наряду с незнакомыми — не то пальмами, не то древовидными папоротниками. Справа низина переходила в зеркало воды, отражающее огненно-желтый световой шатер на горизонте.

— Ничего не понимаю! — пробормотала Тая. — Выходит, мы не под землей?

— Выходит, что так.

Иван первый вылез на край полупрозрачного воротника, окружающего дыру, осмотрел его и хмыкнул.

— Ну и силища! Представляешь мощь удара, способного пробить метровую бетонную стену, да еще так аккуратно! Кому-то очень хотелось выйти именно здесь, да и в первый раз тоже. Лезь осторожнее, не зацепись, края очень острые.

Они ступили на густую траву, скрывающую кое-где камни и утонувшие в земле стволы и ветви деревьев. Ветер донес из близкого леса волну приятных запахов и гулкие отголоски необычного эха.

— Может, не будем заходить далеко? — нерешительно спросила Тая. — Там кто-то ходит...

— Да я и не собираюсь, но вдруг там ходят люди?

Иван поднес руку рупором ко рту и крикнул:

— Эгей! Люди! Есть кто живой?

У опушки леса колыхнулись кусты, донесся удаляющийся топот и частый треск, в высокой жесткой траве, напоминающей осоку, зашуршало, захрустело и плюхнулось в воду. Возня в лесной чаще на минуту прекратилась, потом снова все пошло своим чередом: этот мир жил своей сопящей, чавкающей, шуршащей жизнью, и плевать ему было на пришельцев.

Они все же отважились на вылазку в глубь леса, по направлению к дымно-золотистому факелу на горизонте. Пробираться по чаще было довольно трудно, лес здесь стоял старый, полный умерших древесных исполинов, многие из которых Иван никогда не видел — ни в жизни, ни на фотографиях и рисунках. Все живое в радиусе двух десятков шагов пряталось от них, и все же они пару раз успели заметить каких-то мелких зверьков, убегающих в траву, а у расколотого надвое, почерневшего двухметрового пня увидели неторопливо уползающего в чашу питона.

Вскоре вышли на край пустыря, заросшего жесткой травой и камышом, уходящего километров на пять к светящемуся золотому столбу тумана. За полосой камыша шла совершенно свободная от растительности черная пустыня, над которой стлался странный сиреневый туман.

— Не пройти, пожалуй, — сказал Иван. — Торфяные гари...

И они побрели назад, обуреваемые противоречивыми чувствами: любопытством и жадной определенности, желанием поскорей выбраться домой, к людям. А уже неподалеку от циклопической стены здания наткнулись на группу... первобытных охотников! Те вышли на поляну и замерли, глядя на так же опешивших Ивана и Таю.

Трое. Один волосатый, запахнутый в шкуру, с копьем — впереди, двое с палкой на плечах, на которой висела туша какого-то животного, — сзади. Одинаковые лица с широкими приплюснутыми носами, низкими челюстями. Неандертальцы? Кроманьонцы? Питекантропы?..

— Гы-у! — рявкнул вдруг вожак, опомнившись, повернулся и кинулся наутек. Двое соплеменников бросили наземь свою поклажу и сыпанули следом. Шум, скулющий вскрик — и тишина.

Иван дернул Таю за руку, и они побежали было своей дорогой, но Иван тут же сообразил, что случай снова пришел им на помощь, и вернулся к брошенной охотниками добыче. Тая отвернулась, когда он начал вырезать мясо из рогатой туши, но дремучие инстинкты, напомнившие о бренности человеческого тела, помогли преодолеть брезгливость и отвращение к мясницкому ремеслу. Они оторвали от Ивановой куртки подкладку и завернули в нее мясо. Через несколько минут выбежали к стене здания, отыскиали дыру, похожую издали на зрачок исполинского глаза, опушенного перламутровыми ресницами, и залезли внутрь.

В кольцевом зале с выходом на лестничную площадку передохнули, поглядывая друг на друга. Наконец Тая сказала:

— Кто это был? Синантропы?

— Что не обезьяны — точно, — сказал ей в тон Иван. — Может, синантропы, может, питекантропы, не разбираюсь. Homo erectus¹. Предки, одним словом.

¹ Человек прямоходящий (лат.).

— У меня голова идет кругом! Ведь это... это... Питекантропы жили по крайней мере двести тысяч лет назад! И потом — куда подевался зимний ландшафт с мамонтами?

Иван покачал головой и ничего не сказал. В памяти всплыли цифры, что высветились над ними, когда они спускались по скобам в колодце «мембраны номер семь»: «—40 000»... Что это за цифры? Кто их зажег и что они означают?

— Может, я сплю, Ваня? — вдруг всхлипнула Тая.

Иван погладил ее по руке, легонько прижал к себе.

— Тогда мы спим оба.

Пол под ними завибрировал, качнулись стены зала, где-то с грохотом рухнуло что-то тяжелое, и вслед за этим далеко-далеко отозвался паук: тоскливый, с переливами, переходящий в свист крик...

Глава 5

После часового отдыха решили все-таки отыскать дорогу к противоположной стороне здания, выходящей, по идее, на «Большую землю».

Для начала тщательно обследовали другой коридор и анфиладу комнат вдоль внутренней стены здания с выходами на двор, но обнаружили только ржавые обломки каких-то машин, заросшие плесенью и паутиной колодцы и кучи белых цилиндров — все это в грязи, мокрое, сочащееся водой, зловонное и болезненное. Очевидно, весь этот горизонт здания был сырым и нездоровым, никого живого, даже пауков, здесь не встретилось. Проходов к внешней стене здания Иван с Таей не нашли.

— Придется, наверное, подниматься, — сказал Иван, с тревогой поглядывая на фонарь — тот уже еле светил. — К тому же мы скоро лишимся света.

Тая виновато шмыгнула носом.

— Сама не знаю, как выпустила из рук свой фонарь.

Иван задумчиво похлопал по карманам, достал отертку, повертел в пальцах. Хмыкнул, достал из другого кармана плоскогубцы и перчатки и принялся рыться в

остальных карманах. Потом озадаченно посмотрел на девушку.

— Странно... Я, кажется, посеял второй комплект пилотского инвентаря. Помню, что положил в правый карман...

Он снова начал обшаривать карманы, но Тая мягко остановила его.

— Ну зачем нам это, Ваня? Хватит и того, что осталось. Вот фонарь действительно жаль. У меня предложение: давай рискнем и опустимся еще ниже, в подвал.

— Мы уже опускались в подвал, а очутились... здесь.

— Ну и что, просто колодец «мембраны» попался такой — вывел нас не вниз, а в другую сторону.

— Ну, положим, я этого не заметил, но, с другой стороны, подняться мы всегда успеем. Ищи люк с крышкой.

Знакомый люк с полупрозрачной крышкой и надписью «ТФМ» удалось отыскать через час в сухом металлическом бункере с сильным запахом озона.

Они опять начали спуск по знакомым скобам, готовые к любым неожиданностям, и двумя метрами ниже произошло то же, что и два часа назад: приятный голос мягко предупредил, что это «мембрана сорок один, спуск в пределах хроноперехода, рекомендуется инкриентная ориентация и псивеллинг», потом было падение в черный колодец, волна тепла по телу, и в результате оказалось, что они держатся за скобы в том же положении, в каком их застала невесомость, а над ними медленно гаснут в темноте красные цифры: «—220 000».

— Минус двести двадцать тысяч... — пробормотал Иван. — С ума можно сойти! Или я на грани сумасшествия, или...

— В прошлый раз было минус сорок тысяч...

Тая судорожно вздохнула.

— Знаешь, Ваня...

Он подождал продолжения, но Тая молчала. Тогда он включил фонарь и увидел слезы в расширенных глазах девушки.

— Ну что ты, маленькая, — пробормотал он, поднявшись на две скобы выше, и погладил ее по волосам. — Что ты, не надо, ведь я с тобой.

Она глубоко вздохнула несколько раз.

— Уже все прошло... Извини. — Она улыбнулась. — Я, наверное, неженка, да?

— Ты молодец! Хорошо держишься! Не думал, что ты такая сильная. Хочешь, я спою тебе хриплую песню?

Иван дребезжащим голосом запел: «Ты моя королева...»

Тая снова улыбнулась, благодарно прижала его руку к щеке и вытерла слезы.

— Спасибо, Ваня. Вдвоем с тобой мне не страшно... вернее, страшно, но не так...

Ваня засмеялся.

— Вот и прекрасно. Вдвоем мы выкрутимся, вот увидишь. Не может быть, чтобы нам никто не встретился из людей... живых людей. Как сказал бы Миша Рузаев: «Не может быть, чтобы Ванька помер, он нам еще должен». — Иван осекся. Где в этот момент Рузаев, он не знал.

Они спустились по скобам вниз и оказались в кабине открытого лифта, ждущего их в стандартном круглом зале, похожем на те, что они уже проходили. Иван задержался в коробке лифта, подождал, пока спустится Тая, и успел увидеть, как пространство колодца над ним сжалось в линию и исчезло. Дыра в потолке кабины подернулась чем-то вроде льда и спустя несколько секунд заросла, будто ее и не было.

Этот зал был сух и покрыт холмиками тонкого оранжевого песка. В нем тоже было три двери: одна смята ударом в складку, две другие завалены холмами мусора.

Они обошли зал, но следов, указывающих на то, что этот зал посещали до них, не обнаружили. За изувеченной дверью открылся треугольный низкий тоннель, скорее даже лаз, потому что идти по нему можно было, только согнувшись в три погибели. К тому же песка в нем было наметено гораздо больше, чем в зале. Но выбирать не приходилось — остальные двери были до половины засыпаны холмами странного разноцветного хлама, обрывками проводов и каких-то пакетов.

Около полусотни метров прошли нормально, но дальше тоннель повернул под прямым углом, песка в нем

прибавилось, и пришлось встать на четвереньки. В иной обстановке Иван, может быть, и повернул бы обратно, но, во-первых, впереди забрезжил слабый свет, а во-вторых, возвращаться не хотелось: какое-то внутреннее чутье подсказывало, что впереди их ждут интересные находки.

Последние метры до выхода из тоннеля пришлось ползти на животе. Иван добрался первым и высунул голову из узкой щели между потолком тоннеля и слоем наметенного песка.

Он увидел круглую комнату с широкой трубой в центре, барханы песка, из-под которых высовывались тонкие гибкие хлысты, похожие на усы экзотического ракоскорпиона. Комната освещалась хорошо знакомым желтым светом, льющимся сквозь горизонтальные щели в стене под потолком.

— Ну что там? — прошептала Тая, дергая его за ногу.

Иван наконец выбрался и встал, подавая руку спутнице.

С минуту они осматривались, прислушивались к новым звукам: вою ветра за стеной, приглушенному бормотанию, скрипам и шорохам. Обошли комнату, стараясь не притрагиваться к ярко-красным усам — было в них что-то пугающее, живое и неживое одновременно.

Щели в стене шли примерно на высоте двух с половиной метров. Иван попробовал допрыгнуть, но песок гасил усилие прыжка. Тогда пришла идея подставить спину Тае. Девушка кое-как взобралась на плечи эксперта и заглянула в узкую десятисантиметровую щель.

— Кажется, мы снова не попали в подвал, — сказала она через минуту. — Там дальше, наверное, пустыня, а потом... котловина и в ней — колонна светящегося тумана. Гул идет оттуда.

Она спрыгнула на песок.

— Так, — сказал Иван. — Этот светящийся золотой туман мы видим уже в четвертый раз... Пустыню ты хорошо разглядела? Может быть, тебе показалось? Откуда ей тут быть, если во дворе лес и болото?

— Нет, там песок до горизонта, и больше ничего не видно.

Иван с силой потер лоб, усмехнулся.

— Свихнуться можно! Правда, я тут для себя уже все объяснил. Проверю, прав ли, и расскажу. А пока запишем этот факт в реестр загадок. Поищем-ка дверцу наружу, убедимся, что не грезим, что пустыня реальна.

Но двери в комнате не оказалось. Единственным выходом и входом служил тоннель, через который они попали сюда, да узкие и длинные щели, сквозь которые ветер продолжал сыпать песок и пыль.

Иван наткнулся на один из двухметровых хлыстов, внимательно осмотрел его и вдруг неожиданно для себя самого ударил по хлысту стержнем. И получил оплеуху, отбросившую его к стене помещения. Хлыст завибрировал, изогнулся, песок под ним вспучился, и на свет показалась черная полусфера с мигающим алым глазом на боку.

— Берегись! — крикнул Иван, ворочаясь на песке и не чувствуя боли. — В тоннель!

Тая не стала мешкать и пулей влетела в полусасыпанное отверстие тоннеля. Иван с трудом доковылял туда же и вполз в отверстие ногами вперед, продолжая наблюдать за действиями неожиданно ожившего чудовища.

Черная полусфера полностью вылезла из песка, поднялась на гибких шлангообразных ногах. Ног было семь, в диаметре полусфера достигала метра. Она приподнялась над песком метра на полтора, касаясь своим хвостом песка, стен комнаты, словно ощупывая их, беззвучно обошла комнату по кругу, семеня пружинящими ногами, остановилась над одной из щелей и просунула туда хвост. Алым огонек в единственном окошке на боку полусферы замигал, что-то тоненько прозвенело внутри корпуса неизвестной машины.

— Отползи подальше, Иван, — взмолилась Тая, держа Ивана за ногу. — Кто знает, что у него на уме.

— Не бойся, это кибер, — отмахнулся Иван. — Ничего он нам не сделает, он и так полудохлый.

Полудохлый автомат неизвестного назначения отошел от стены, его антенна вычертила на стене идеальную окружность, уперлась в центр круга, и... часть стены вывалилась наружу, впустив в комнату каскад желтого сия-

ния. Полусфера просеменила к проделанному проходу, занесла несколько ног на край отверстия и замерла. Потом дернулась и завалилась на бок. Альый огонек на ее боку погас. Длинные щупальца ног сократились и словно втянулись в черные выступы.

— Сдох! — прокомментировал Иван и вылез из своего убежища.

— Куда ты?! — испуганно воскликнула Тая. — А если оно снова оживет?

— Не оживет. У него, очевидно, кончился энергозапас, причем очень давно. От удара замкнуло какие-нибудь контакты, вот он и проснулся на минуту. На наше счастье. Тут их целое кладбище, штук двадцать.

Иван выглянул из круглого окна, вырезанного автоматом. Края отверстия были не горячими, как ожидалось, а наоборот — холодными, даже ледяными. Хмыкнув, Костров махнул рукой выглядывающей из тоннеля Тае и выпрыгнул на близкую песчаную зыбь под окном.

— Вылезай, прогуляемся. Да не бойся, трусиха.

Тая пробралась мимо зарывшейся краем в песок полусферы, опасливо поглядывая на ее антенну, и перелезла через край отверстия.

Они стояли на песчаном валу, утопая в песке по щиколотку. Вдоль стены дул холодный пронизывающий ветер, срывая с песчаных гребней струйки песка и пыли. Насколько хватало глаз, перед ними лежала пустыня без малейшего признака растительности. Лишь в нескольких километрах слева виднелось какое-то скопление скал и камней белого цвета. И больше ничего до самого дрожащего золотого столба на горизонте, освещающего этот угрюмый пустынный пейзаж.

Иван оглянулся на здание, ощутимо материальное, тяжелое, молчаливое, загадочное, подавляющее размерами и таинственной жизнью, снова посмотрел на песчаное море.

— Да, это не подвал... Но мы спустились по лестнице вниз, это бесспорно. Получается, что каждому этажу здания соответствует свой ландшафт во дворе. Так, что ли?

— Может быть, здание — нечто вроде дендрария?

Двор разделен на зоны, и в каждой свой экологический комплекс...

— Тогда уж не дендрарий, а экологарий, — рассеянно сказал Костров. — И все-таки мы спустились по скобам вниз. По моим расчетам, мы должны сейчас находиться под землей на глубине двадцать — двадцать пять метров по отношению к земному ландшафту с мамонтами.

Тая запахнула штормовку на груди, переступила с ноги на ногу. Спорить она не хотела, ей было холодно и неуютно, давно хотелось пить и есть.

После короткого раздумья решили пройтись до белых скал и вернуться, все равно спешить было некуда.

По песку идти было трудно, поэтому они скоро согрелись. Тая первой заметила, что здесь, в пустыне, чего-то не хватает.

Остановились, внимательно оглядели окрестности. Ни движения — кроме струек песка по склонам барханов, ни звука — кроме посвиста ветра.

— Ну, конечно, — догадался Иван. — Тишина!

В этом мире горизонт с золотистым столбом был нем, не тряслась почва, не раздавались рокот и гул. Правда, Ивану все время казалось, что рокот есть, но они его странным образом не слышат.

Пошли дальше. А когда до цели оставалось около сотни метров, из-за белой, изъеденной выветриванием скалы показался сначала громадный коричневый рог, а потом и его обладатель — огромный носорог. Он был весь покрыт бурой свалявшейся шерстью, достигал в холке трехметровой высоты, а рог животного возвышался не меньше чем на полтора метра.

Тая тихо вскрикнула, отступая на шаг. Ивана бросило в жар... Не зная, что предпринять, он только сжал «оружие», которое таскал с собой третьи сутки. Однако носорогу было явно не до них. Он только жалобно, совсем по-коровьи промычал и, шатаясь, повернул за скалы. Теперь стало видно, насколько он исхудал: бока запали так, что выступили ребра, ноги словно обуглились и превратились в костяные колонны.

— Хорош! — крикнул Иван, расслабляясь. — Не хочешь посмотреть, кто там прячется еще?

— Шерстистый носорог, — пробормотала Тая, — эламотерий... Бежим, пока он не захотел познакомиться с нами поближе.

— Во-первых, у него не хватит сил, а во-вторых, носороги — травоядные животные. И мне его жалко.

Через час они вернулись к окну в стене, вырезанному автоматом-полусферой, и только сейчас увидели, что стена в этом месте имеет полукруглый уступ на всю ее высоту, с рядами щелей через каждые пять-шесть метров. Постояли, глядя на безрадостный ландшафт, навевающий мрачные мысли. Чувство одиночества здесь усиливалось до боли, лишая душу уверенности в том, что когда-нибудь их путешествие закончится.

— А я знаю, почему носорог не ушел отсюда, — сказал Иван негромко. — В скалах, наверное, есть вода. Хорошо было бы пойти и принести.

— Нет! — быстро ответила Тая. — Ни в коем случае! Я тебя не отпущу, обойдемся.

Иван осмотрел ближайшие участки стены, но она оказалась слепой: не только без каких-либо дверей, но и без окон.

— Придется возвращаться.

Тая безропотно полезла в отверстие, забыв о своей недавней подозрительности к обесточенным автоматам.

Вернулись в зал с трубой, отдохнули.

— Жаль, не из чего развести костер, — сказал Иван. — Пожарили бы мясо. Ты не находишь, что нам здорово везет?

Тая, прислонясь к стене трубы с закрытыми глазами, отрицательно качнула головой.

— Ну и зря. Мы живы — это раз; есть кое-какие запасы еды — это два; одеты сносно — это три. Правда, с водой плоховато, но найти ее несложно, хотя бы в этом коридоре на сыром этаже...

Иван заметил, что Тая дрожит, и придвинулся ближе.

— Замерзла?

— Слегка...

— Тогда чего мы здесь сидим? Поехали вверх, на теплый горизонт. Или... рискнем спуститься ниже? У меня есть одна идея...

Тая встала.

— Как хочешь. Не обращай внимания, сейчас согреюсь. Кстати, эта труба — наверное, лифт.

Иван обошел трехметровую трубу, выходящую из пола и исчезающую в потолке, и нашел едва заметный контур двери.

— Ты не ошиблась, вероятно, это тот самый лифт. Но как открыть дверь?

— А как ты открыл в первый раз?

— Крикнул... — Иван подумал и с сомнением сказал: — Откройся!

Никакой реакции.

— Ты крикни, только не забудь сказать «сезам».

— Сезам, откройся!

Звонкий щелчок! Они вздрогнули. Но дверца осталась закрытой, если, конечно, это была дверца лифта.

— Ничего, — сказал разочарованный Иван. — Не зная, как управляется здешняя техника, мы... — Он не договорил.

Дверца посветлела, из серо-коричневой превратилась в прозрачно-голубую, стала утончаться, таять и исчезать, открыв знакомый решетчатый короб лифта с панелью окошечек. Одно из квадратных окошек светилось зеленым светом, и на этом фоне чернели буквы ПЛ и ниже цифры: «—100 000».

— Ага, — бодро сказал Иван. — Мы здесь... черт знает где! Ну, едем ниже?

Тая кивнула.

— Вперед!

Палец коснулся окошечка ниже светящегося, волна теплого воздуха прошла по телу снизу вверх, страшная тяжесть легла на плечи, хотя, по идее, должна была наступить потеря веса из-за падения вниз. Проем двери потемнел, исчез, в кабине погас свет.

Движение длилось с минуту, не больше. Тяжесть схлынула, раздался металлический щелчок, и вновь загорелись невидимые светильники. Окошечко на панели высвечивало букву М и цифры: «— 70 000 000».

— Знаешь... — Иван задумчиво разглядывал цифры. — Кажется, я и в самом деле сделал открытие. Все сходится.

Тая потянула его за рукав.

— Выходи, а то я боюсь. Что же это за открытие?

— Подожди. Вот проверим, куда мы с тобой попали, и я скажу.

Этот этаж оказался сухим, теплым, заполненным таинственным движением и жуткой механической и полумеханической жизнью. В первом же коридоре они наткнулись на отряд пауков, затем на колонну знакомых полусфер с хлыстами-антеннами и ногами-щупальцами и, наконец, на жуткую черную фигуру, внушающую ужас и отвращение. Фигура напоминала грубую скульптуру человека с намеками на голову, плечи, руки и ноги и в то же время создавала впечатление чужеродности, неземной угрюмой силы и целеустремленности. В трехметровой высоты коридор она вмещалась с трудом, и при каждом ее шаге пол ощутимо вздрагивал. На людей она не обратила внимания, вперив горящий взгляд (глаз у нее был один — горизонтальная щель на лбу) куда-то вдаль.

Проводив взглядами закованную снизу до пояса в полированный металл фигуру, путешественники переглянулись и дальше шли уже с опаской.

Коридор был светлый, широкий, со множеством дверей, преимущественно закрытых, но встречались и выломанные двери. Одна из комнат с такой дверью, куда заглянули робинзоны, была на всю глубину заткана белой светящейся паутиной, в другой лежали аккуратные ряды белых цилиндров, а в третьей ворочался густой черный дым, перехлестывая иногда через порог и растекаясь по коридору медленно редеющими струями. Пол коридора возле комнаты был сплошь металлическим, пахло здесь озоном и сгоревшей изоляцией.

Иван с помощью испытанного приема открыл наугад одну из дверей с металлической полосой и увидел громадный зал, полный летающих алых огней. Пахло горячим воздухом и озоном, а откуда-то из глубины зала вдруг забормотал гортанный голос:

— Не входить, без ТФЗ не входить! Опасность! Не входить...

Иван отступил, и дверь закрылась.

— Там люди! — прошептала побледневшая Тая.

Иван с сомнением покачал головой, снова открыл дверь. Тот же голос опять начал бормотать на одной ноте:

— Не входить без ТФЗ! Напоминаю: опасность распада! Без ТФЗ не входить...

— Кто здесь есть? — крикнул Иван. — Выйдите, пожалуйста, сюда!

Голос поперхнулся, молчал несколько секунд, потом продолжал:

— Я сто первый РК, выйти не могу, предупреждаю: без ТФЗ не...

Иван махнул рукой, отступил назад. Дверь закрылась и отрезала бормотание неведомого «сто первого РК».

— Автомат. Людей здесь нет.

Они прошли по коридору километра два и вернулись к залу лифта. Второй коридор оказался копией первого, а в третьем произошел инцидент между Иваном и пауками.

Этот коридор был, собственно, не коридором, а отполированной до блеска металлической трубой диаметром примерно в два человеческих роста. Дверей в нем не было, но через каждые сто метров по обе стороны центральной рубчатой дорожки в стенках трубы выдавались четыре цилиндра с окулярами, похожие на тубусы микроскопов. На торцах некоторых цилиндров горели крошечные зеленые огоньки.

Иван осмелился заглянуть в окуляр одного из выступающих тубусов и увидел далеко-далеко несколько искаженный пейзаж с доисторическим лесом, скалами, рекой и золотистым светящимся столбом на горизонте.

— Нечто вроде смотрового колодца, — сказал он и отодвинулся, давая спутнице возможность заглянуть в окуляр. — Или телескопа.

Тая посмотрела и разогнулась.

— Телескоп приближает предметы, а эта трубка уменьшает.

— Но все равно служит для наблюдения. Интересно, а что на другой стороне?

Они отыскивали работающий «телескоп», отмеченный

зеленым глазком индикатора (остальные трубы не просматривались), на правой стороне тоннеля и увидели далекий зеленый хвойный лес.

— Лес, — сказал Иван, и до него дошло, что смотрит он в направлении внешней стороны здания. — Это же снаружи, Тая! Это воля!

Они еще несколько раз по очереди заглядывали в окуляр смотрового устройства, словно не могли наглядеться на родной до слез хвойный простор, и побрели обратно в зал с лифтом: идти дальше по трубе не имело смысла, новых открытий она не сулила. И тут сзади раздался звонкий удар, тихое жужжание, метровый кусок тоннеля в потолке плавно пошел вниз, из образовавшегося проема на пол посыпались пауки. Они построились в колонну и, дробно цокая лапами по металлическому настилу, пронеслись мимо прислонившихся к стенке тоннеля людей. Но последний почему-то вернулся, постоял недалеко, шевеля поднятыми передними лапами и не сводя глаз с побледневшей Таи, и внезапно быстро и молча вцепился в протянутый навстречу для защиты стержень Ивана. Потянул к себе. Иван рванул свою дубинку назад, но паук держал крепко, хотя, как он ее держал, понять было нельзя. Так они тянули стержень в разные стороны добрую минуту, потом Иван не выдержал и заорал:

— А ну пошел вон, дурак!

Паук присел от акустического удара, выпустил стержень и умчался в тоннель. Тая вскрикнула в испуге — крик Ивана и для нее был неожиданным, — потом засмеялась:

— Напугал ты его!..

— Будет знать, как хватать! Кстати, что-то пауки здесь очень смирные: не кричат на нас, не пугают инфразвуком... — Иван заторопился, заметив, что Тая пытается сдержать зевок. — Давай-ка выйдем из нашей тюрьмы, зажжем костер, поедим и — спать. Бродим без отдыха уже девятый час подряд.

Они вышли в кольцевой зал с колонной лифта, нашли в его стене не замеченную ранее дверь, но она вдруг открылась сама, и навстречу, утробно урча, выползла

полусфера с гибким членистым хлыстом красного цвета. Иван с Таем отскочили к стене зала, металлическая громадина, помаргивая передним голубым глазом, бесшумно просеменила к толстой колонне лифта. Ивану почудился незнакомый запах, будоражащий и гнетущий одновременно.

— Пошли, — тихо прошептала Тая, глядя на замершую черепаху, хлыст которой ощупывал колонну лифта омерзительно живыми движениями.

Дверь осталась открытой, и путешественники юркнули в нее, не глядя, куда ведет новый путь. И тут лифт вдруг выбросил из чрева двух пауков. Первый из них явно не ожидал встретить препятствие и с ходу столкнулся с полусферой. Дальнейшее произошло в течение трех-четырёх секунд.

Хлыст черепахи мгновенно выстрелил в паука, как плеть, и часть паучьего бока вместе с лапой оказалась начисто снесенной. Паук же мгновенно отскочил назад и поднял вверх передние лапы. Второй удар плети, почти незаметный глазу — так быстро он был нанесен, и обе лапы паука упали на пол. Паук окутался белым облаком газовой продувки. Он и не думал сопротивляться, и третий удар разящего хлыста развалил его надвое. Зато его спутник, смотревший на схватку из клетки лифта словно в оцепенении, прыгнул прямо на полусферу, из его туловища сверкнул узкий лучик, вонзился под глаз полусферы. Паук увернулся от изогнувшегося хлыста, чиркнул по его основанию тем же лучом, и хлыст с шипением превратился в струйку вспыхнувшего газа.

Внутри черепахи что-то забулькало, она попятилась, неуверенно переставляя гофрированные ноги-шланги. Паук, избежавший печальной участи товарища, несколько мгновений смотрел на полусферу ничего не выражающим взглядом, потом проскрипел что-то и умчался в круглый тоннель.

Черепаха вдруг осела на пол, на ее макушке вырос желвак, из которого начал вытягиваться розовый, как коровий сосок, палец.

Таю затошнило, и Ивану пришлось поспешно увести ее от этого зрелища. Они отошли от двери, и та закры-

лась, отрезав дорогу в зал, где произошла схватка между автоматами.

Пленники оказались в пустом конусовидном помещении с гладким светящимся полом. Противоположная сторона помещения заканчивалась белым диском с тремя круглыми штурвальчиками — то ли дверь, то ли какой-то пульт. Как только люди приблизились, он тихонько клацнул и зажег уже виденные ранее букву М и цифры: «—70 000 000».

— Что они не поделили? — спросила Тая, кивая назад.

— А пес их знает! — пожал плечами Иван. — Вероятно, от неожиданности. Жалко паука...

— И мне... Я к ним как-то привыкла, а эти полусферы... какие-то чужие, неестественные... как и тот черный...

— Чужие — хорошо сказано. Они всему здесь чужие. Ты заметила, она там отращивает новый хлыст.

Тая поморщилась.

— Не вспоминай. Куда же теперь?

— Как куда? Только вперед.

Иван подошел к пульту.

— Откройся! — сказал он грозно.

На поверхности диска загорелась зеленая стрелка, указав на один из штурвальчиков.

— Техника что надо! — одобрительно сказал Иван. — Сплошь автоматика речевого приказа плюс системы безопасности.

Он потянул за штурвальчик, покрутил вправо, потом влево, снова потянул, и диск со всеми его приспособлениями отъехал в сторону.

— Что я говорил? — Иван чуть нагнулся и шагнул в проем.

Он оказался на каменистом взгорке с разбросанными тут и там валунами. Дальше начиналась утоптанная кем-то, может быть, и черепахами, тропа, переходящая в просеку в великаньем лесу, состоящем из гигантских пирамидальных деревьев с красноватой корой, похожих на секвойи, и из деревьев с чешуйчатыми стволами, напоминающих сосны и араукарии одновременно. Были и

еще какие-то деревья и кустарники, но уж и вовсе неведомого облика. Из-за леса вставало золотое зарево и доносился неумолчный приглушенный гул, скрадывающий все остальные звуки. Порыв ветра принес из леса терпкий запах смолы и зелени... смрадный трупный запах.

Иван нагнулся к низкому отверстию выхода, позвал Тая, и в это время из-за ближайших древесных колоссов на просеку бесшумно шагнул чудовищный исполинский динозавр! Ростом с трехэтажный дом, двуногий — ноги похожи на птичьи, в пупырчатой броне, с подергивающимся в такт шагам хвостом, двумя передними двупальными лапками, маленькими по сравнению с задними, и полутораметровой пастью, полной саблевидных зубов.

— Господи! — слабо ахнула Тая и юркнула обратно.

Иван, словно в столбняке, медленно нашарил рукой край двери, не спуская глаз с чудовища. В памяти всплыло название зверя — тираннозаврус рекс. Но это был близкий родственник тираннозавра — тарбозавр, самый страшный из хищных динозавров конца мелового периода мезозойской эры.

Тарбозавр птичьим движением повернул голову к человеку, глаза его покрылись слюдяной пленкой — он мигнул. И тут Иван опомнился и прыгнул в круглый проем, откуда слышался зовущий голос Таи.

Глава 6

Они нашли эту полость спустя час после бегства от динозавра.

Полость была просто глубокой нишей в стене коридора, и, хотя по коридору то и дело проносились пауки, а иногда и другие странные полуживые-полумеханические твари, путешественники решили отдыхать здесь. Во-первых, пол ниши был устлан толстым слоем похожего на поролон материала, во-вторых, здесь было тепло и уютно, и, в-третьих, Тая уже не могла идти дальше.

Иван выбросил из темной ниши в освещенный коридор бесполезный фонарь — лампочка уже еле тлела —

и сел рядом с молчавшей девушкой, ощущая, как сладко ноет поясница и гудят натруженные ноги.

— Есть хочешь? — спросил Иван спустя минуту, чувствуя, что еще немного и он уснет.

— Больше пить, чем есть, — призналась Тая. — Как ты думаешь, нас найдут?

Иван честно попытался представить, как их ищут, но у него ничего не получилось. Все же он успокоил Тая:

— Конечно, нас уже ищут. Ивашура небось поднял на ноги всю округу... — Иван замолчал. Ивашура остался в Брянском лесу вместе с Рузаевым, Гаспаряном и другими. Здание же, внутри которого они путешествовали вдвоем, не могло находиться в том же лесу. Таких циклопических сооружений, превосходящих по размерам все созданное людьми, не было на всей Земле. И все же оно стояло на Земле, в этом Иван не сомневался.

— Как ты думаешь, где мы? — тем же ровным голосом спросила Тая, словно не заметила оговорки эксперта.

Иван подумал, потом с трудом встал.

— Я сейчас, посиди.

Уже из коридора он пробормотал:

— Я знаю, что мы на Земле и в то же время внутри какой-то громадной башни... Подожди, я сейчас приду и расскажу свою идею.

Он вернулся в зал с лифтом, где сражались паук и черепаха (следы их борьбы уже исчезли), в куче мусора у запертой двери набрал разноцветных досок и приволок к нише. Тая ждала его, высунув голову и напряженно всматриваясь в глубь уходящего в неведомое коридора.

— Не оставляй меня одну, — попросила она, облегченно вздыхая.

Иван кивнул и стал разводить огонь.

Вскоре костер с некоторой неуверенностью стал поедать доски, которые принес эксперт. Теперь стало видно, что это вовсе не дерево, хотя рисунок на досках был древесный: доски горели чистым зеленым пламенем и почти без дыма. От огня попахивало жареными орехами и чем-то больничным, вроде йода или камфары. Иван поколебался, потом изжарил на пробу кусок мяса

и осторожно отведал. Мясо было вполне съедобным. Тогда он изжарил весь оставшийся запас козлятины и разделил на две порции.

— Хлебушка бы... — вздохнула Тая.

— Негоже, Таисия свет Васильевна, — проговорил Иван с набитым ртом, — перебирать харчи в нашем положении. Ешь, что Бог послал, то есть питекантропы-охотники.

Тая немного пожевала мяса и покачала головой:

— Не могу... не лезет...

— Да, водицы испить бы не мешало. — Иван спрятал остатки трапезы в карман. — Только где ее искать? Эй! — крикнул он, заметив бегущего по коридору паука: страха перед ним у Ивана никакого не было, пауки стали для него просто частью обстановки.

Паук резко затормозил у ниши, уставился глазищами, словно в недоумении перебирая лапами.

— Будь другом, принеси воды, — проникновенно попросил Иван. — А то умрем от жажды.

Паук постоял немного в позе растерянности и умчался в недра здания. Тая тихонько засмеялась, следом за ней засмеялся Иван.

— У него был такой вид, будто он знает, что делать, — произнес он сквозь спазм смеха.

— Словно он думал, что ответить...

Отсмеявшись, они вытерли слезы.

— Теперь я поделюсь своей идеей, — сказал Иван. Оглядевшись — глаза уже привыкли к полумраку, он растянулся у теплой черной стенки ниши. — Тот лифт, на котором мы катались, вовсе не лифт, а машина времени.

Тая легла у другой стенки лицом вверх, глаза ее были открыты.

— Что молчишь? Разве я не прав?

— Я думаю... Наверное, прав.

— Помнишь цифры в лифте на кнопках-окошках? Последняя была — минус семьдесят миллионов, так? А тираннозавры, кстати, жили именно в это время: шестьдесят пять — сто миллионов лет назад, в меловом периоде.

— Может быть.

— Почему «может быть»? Все сходится. Я теперь думаю, что Валера был прав. Помнишь Валеру? Наш самый молодой эксперт. Что-то произошло со временем, он говорил — фурункул времени. Вот и прорвались к нам мамонты, динозавры... питекантропы.

Тая не отвечала.

— Спишь? — вполголоса спросил Иван, подождал, потом встал и подошел к девушке. Тая спала. Он поколебался немного и вернулся обратно. Сон упал могильной плитой...

Проснулся он от крика и машинально схватился за стержень.

Кричала Тая. У ее ног сидел паук и держал в двух лапках что-то круглое.

Тая прижалась спиной к стене и выставила вперед руку.

— Пошел прочь! — Иван вскочил и замахнулся стержнем.

Паук отпрянул, секунду глядел на человека без всякого выражения, выронил на пол круглый предмет и выскочил из ниши. Дробным удаляющимся стуком отозвался пол коридора.

— Вот гад, подкрался! — Иван опустился на корточки возле Таи и погладил ее по волосам. — Испугалась?

Тая кивнула, лицо ее было мокрое.

— Ты плачешь?!

— Нет. Я спала, и вдруг что-то мокрое проползло по лицу...

— Мокрое?

Иван хмыкнул, огляделся, нашел глазами круглый предмет, оставленный пауком, взял в руки.

Это был довольно тяжелый плоский диск с небольшим ребристым выступом на боку. Иван повертел его в руках, нечаянно надавил на выступ, и в лицо брызнула струйка воды. От неожиданности Иван выронил диск и вытер лицо ладонью.

— Черт побери! Вода!

Тая на коленях подползла к нему.

— Вода? Где?

— Да вот в этой... фляге...

Он снова поднял диск, прижал пальцем выступ, и из центра диска ударила тонкая струя воды.

— Вода! Это действительно фляга! Паук принес воду, понимаешь?

Они долго и с наслаждением пили.

— Вот это сюрприз! — Иван, отдуваясь, положил флягу на пол и откинулся к стене. — Паук понял! Но тогда никакой он не паук, а самый настоящий кибер, как я и догадывался. Конечно, кибер, автомат... А раз он понял, то это еще раз доказывает, что мы на Земле.

Тая слабо кивнула, легла, глаза ее закрылись, но она тут же встрепенулась:

— Ложись рядом! Пусть паук будит тебя.

Иван улыбнулся, глотнул еще раз воды, удивляясь, что фляга не иссякает, и лег. Тая повернулась к нему лицом, обняла, провела пальцем по его подбородку.

— Знаешь, без бороды я тебя уже не помню.

Последней мыслью Ивана было: надо сказать пауку, чтобы вывел к людям...

Проснулись они от толчка — пол под ними дернулся и задрожал.

Издали донесся гул, серия свистов различной тональности.

Снова толчок и вибрация пола, заметная даже сквозь поролон, и вслед за этим снова гул и свист.

— Что это? — приподнялась Тая, протирая глаза.

Иван несколько секунд прислушивался к затихающему гулу, потом встал и выглянул в темный коридор, освещаемый кое-где мигающим красным светом. По потолку коридора промчалась алая световая стрела, снова дернулся пол, толчок едва не выбросил Ивана в коридор. Где-то близко прозвенел звонок, раздался топот. Непонятное бормотание, шорохи и металлические лязги. Мимо ниши вихрем промчался паук, за ним еще несколько.

— Что-то случилось, — пробормотал Иван, возвращаясь к Тае. Пол теперь трясся непрерывно, из глубины здания волнами накатывал тяжелый гул, прерываемый ударами гонга.

— Что будем делать?

Свет в коридоре продолжал мигать, иногда по стенам или потолку проносились огненные змеи, какие-то символы и слова. Звонок звенел не переставая, где-то хлопали двери — по крайней мере было похоже на это, что-то осыпалось со стеклянным хрустом и звоном. Кто-то скребся в стену ниши, изредка стуча в нее чем-то тупым и тяжелым.

Тая подхватила с пола и попятилась к выходу из ниши, оглядываясь на Ивана.

— Там кто-то есть!

Костров не успел ответить. Совсем рядом пугающе громко закричал паук, ему ответили такие же крики в разных концах коридора.

В потолке ниши загорелась пульсирующая алая звезда, и раздался голос:

— Внимание, хроносдвиг! Длительность — сто семь лет, коррекция сверху невозможна. Горизонт в провале, горизонт в провале. Покинуть горизонт! Всем ТФА покинуть горизонт! Даю отсчет времени: три минуты, две минуты пятьдесят девять, две минуты пятьдесят восемь, две минуты...

Иван опомнился первым.

— Бежим! Иначе тоже окажемся в провале.

Он схватил флягу с водой, стержень, помог Тае подняться, и они побежали, не обращая внимания на спасающихся бегством пауков.

До зала с лифтом, к счастью, было недалеко, но бежать по дрожащему полу оказалось непросто — хуже, чем по песку. Иван считал в уме секунды, и, когда они выскочили из коридора в кольцевой зал, по его подсчетам выходило, что до истечения минуты оставалось секунд сорок, не больше.

Дверца лифта была открыта, и кабина до половины оказалась забита пауками, а они все прибывали и прибывали. Один из них транслировал отсчет неведомого автомата:

— Сорок один, сорок, тридцать девять, тридцать восемь...

— Кыш отсюда! — рывкнул Иван, тыкая стержнем в

массу пауков и ожидая сопротивления. Те замерли, разглядывая непрошенных гостей, потом мгновенно расчислили угол кабины.

Тая было уперлась, с ужасом глядя на скопище неприятных созданий, но Иван потянул ее за собой. Гул в зале слышался все отчетливей, да и пол здесь трясся сильнее.

— Восемнадцать, семнадцать, шестнадцать... — размеренно считал равнодушный металлический баритон...

Иван поискал глазами панель управления лифтом, протянул было руку к ряду окошечек-кнопок, но его опередил один из пауков, ткнув суставчатой лапой в середину панели.

Дверь лифта проявилась из ниоткуда, словно загустел сам воздух, ударило в ноги, еще и еще раз. Кабину стало раскачивать и трясти, она то падала свободно вниз, то тормозила, то начинала вибрировать так, что в голове и позвоночнике отдавало болью.

Тая села на пол. Иван тоже был вынужден опуститься рядом.

Сколько времени они так мчались — не мог потом вспомнить никто. Кабина внезапно остановилась, будто наткнулась на препятствие. Дверь растаяла, и пауки посыпались вон, сразу исчезнув в темноте: в помещении, куда их доставил лифт, было темно, хоть глаз выколи.

Иван посмотрел на панель с окошечками, в одном из которых светились буквы ВЮ и рубиновые цифры: «—150 000 000».

— Прибыли, — сказал эксперт. — Если не ошибаюсь, мы попали куда-то в юрский период — как раз сто пятьдесят миллионов лет назад. Или около того.

Он взял Таю за руку и вывел из освещенной кабины. Дверь лифта тотчас же закрылась — стала плотной и непроницаемой, свет померк. Люди остались в полной темноте.

В помещении стоял запах плесени, сырости, где-то звонко дзинькали в пол капли воды. Издалека доносились приглушенный рокот и буханье, от которых еле заметно вздрагивал пол.

Иван подумал, достал резиновую перчатку, насадил

на стержень и поджег. Чадящее пламя выхватило из тьмы мохнатые от белесого слоя плесени стены и мокрый, серый, в зеленых и синих пятнах пол зала.

Тая передернула плечами.

— Как в погребке... Мне кажется, мы уже здесь были.

— Нет, — отрицательно качнул головой Иван. — Похоже, но не то. Грязи меньше и следов нет.

Он прошелся по залу, вспугивая дребезжащее эхо.

В зал выходили три коридора, как и на других этажах. Один из них вел на лестничную клетку, лестница была цела и уходила в неведомые глубины и высоты. Второй коридор был залит водой и походил на трубу канализации. В третьем слабо фосфоресцировал потолок, вернее — пятна какой-то нитевидной плесени и вдоль стен были проложены пучки труб разной толщины.

— А все-таки странно, что нет людей! — сказала Тая. — Одни пауки, черепахи... и черные нелюди...

Иван не ответил. Он не верил, что в здании больше никого нет. Но сомнение уже начало свою работу, и бороться с ним было все трудней. Более четырех суток прошло со времени падения вертолета, и за все это время они ни разу не встретили людей. Куда подевались хозяева этого невероятного, ужасающего размерами здания?! Ради чего оно построено? И главное — где?

Нет ответа!

А лифт? Что это за лифт, который никуда не везет, то есть остается на поверхности земли, но зато меняет эпохи? Пресловутая «машина времени»? Или нечто вроде кабины пневмотранспорта, доставляющей пассажиров в разные сектора какого-то гигантского заповедника истории Земли?..

Нет ответа!

А золотистое марево во дворе здания, вечно грохочущее и тревожащее? Что это такое? Почему к нему бегут отряды пауков?

Нет ответа!

Что же делать? Куда идти? Вверх? Вниз? Сколько они продержатся? Как велики у них запасы терпения, позволяющие поддерживать в себе уверенность в благополучном исходе путешествия и не опускаться до тезиса: выжить любой ценой?..

— Охотно бы сейчас проснулся, — сказал Иван, поднимая повыше свой факел. — А ты?

Тая улыбнулась в ответ бледной улыбкой.

— И я! Твержу как заклинание: пусть это будет сон!

Они взялись за руки и вошли в коридор, не зная, куда он выведет их на этот раз.

Выбрались из здания через громадный пролом: здесь обрушилась часть стены высотой примерно до восьмого этажа.

Тот же двор: золотое сияние за лесом, зеленоватое небо, бесконечная стена здания, плотная и осязаемая до высоты в двести метров и зыбкая, расплывающаяся в туманно-серую пелену выше двухсот. Но лес был другой и ландшафт тоже.

Справа и слева от пролома в стене вставали заросли высоких папоротников и хвощей, каких-то чешуйчатых деревьев, похожих на пальмы, и длинноствольных, с нежной розовой корой сосен. В просвете между зелеными купами виднелось озерцо с голубой водой. Ближний берег озерца был пологим и песчаным, а дальний, каменистый и крутой, порос теми же пальмами и древо-видными папоротниками. За лесом из пальм выросстал переливающийся желтым сиянием туманный столб, истекающий где-то на десятикилометровой высоте багровыми струйками и плоскими облаками.

В кустах слева что-то зашуршало, и на прогалину с шумом выпрыгнула странная птица с отливающим металлической синевой оперением, с длинным хвостом и зубастой пастью вместо клюва. Размером птица была с крупного орла. Она заметила людей, растопырила крылья, зашипела, показав длинный красный язык, и поскакала прочь.

— Археоптерикс? — ахнула Тая, прятавшаяся за спиной Ивана. Тот поднял палец к губам.

— Тише.

Сквозь шорохи леса донеслись далекие визгливые крики, шипение и тупые удары, от которых вздрагивала почва.

Иван жестом показал Тае, чтобы она осталась на месте, не замечая мольбы в ее глазах, и быстро перебе-

жал на берег озерца. Он увидел, что озеро — на самом деле язык залива, уходящего вправо до горизонта. Слева залив переходил в цепочку мелких, но широких луж, по которым бродили туши на слоновых ногах, с длинными хвостами, с осклизлой серо-фиолетовой кожей, длинными и тонкими шеями, напоминавшими змеинные тела, которые венчали крохотные головки. Длина этих громадин достигала метров тридцати. При каждом шаге раздавалось гулкое «тумм», от которого вздрагивала земля.

— Бронтозавры! — прошептала над ухом Тая.

Иван оглянулся. Девушка стояла рядом и смотрела на тяжеловесных созданий круглыми глазами.

— Это диплодоки, — поправил Иван. — Бронтозавры короче, да и шея у них была потолще.

Диплодоки окунали головы в лужи, потом по-куриному вздергивали их вверх, жуя зеленые плети водорослей. На людей они не обращали внимания, постепенно удаляясь по низине в редколесье папоротников.

— Они нам не опасны, — пробормотал Иван. — Диплодоки были растительноядными.

Издали снова донесся визг — очевидно, крик диплодока. Тая невольно вздрогнула.

— Давай вернемся, Ваня.

— Ты боишься?

— Не боюсь, но эти диплодоки — танки, а не животные! Задавит и не заметит!

— Они ушли. Предлагаю пройтись к золотому костру на горизонте. Все же интересно, что это такое. Да и пищу какую-нибудь раздобудем, коренья там, плоды... Будь с нами Рузаев, мы были бы обеспечены квалифицированными советами по части съедобных растений. Я, к сожалению, в ботанике, да и вообще в биологии разбираюсь слабо.

Они напились из чудесной фляги, принесенной пауком. Напор воды не падал, несмотря на то, что они пили уже несколько раз, а объем фляги не превышал литра. Иван повертел флягу и у края диска нашел выпуклые цифры: «2301». Это число встречалось им уже несколько раз, но что оно означает, догадаться пока было невоз-

можно, хотя у Ивана и мелькнула догадка, что цифры эти означают год изготовления.

Часа два они пробирались по первобытному лесу. Вокруг стояли стройные, похожие на пальмы деревья с расходящейся веером кроной, полутораметровые и выше папоротники, похожие на пирамидальные тополя, но с хвоей — предки секвойи, а также громадные великаны с тысячами ветвей, похожие на гинкго. Листья этих древесных исполинов были глубоко рассечены на две узкие доли.

Травы в лесу почти не встречалось, ее заменяли побеги папоротников, плети какого-то ползучего растения и мелкие злаки в виде метелок и гребней. Диплодоки больше не попадались, но бродили где-то недалеко: изредка ветер приносил их визгливые крики. Зато дважды показывались другие животные. Сначала Иван вспугнул странное двуногое существо, похожее на тираннозавра, но величиной... с курицу! У существа была вытянутая голова с зубастой пастью, короткие ручки с тремя пальчиками и куриные ноги. Динозавр выскочил из-под листьев папоротников, зашипел в сторону людей и бросился наутек.

Вторая встреча произошла на каменистом откосе заросшего хвойными пирамидами холма. Иван почти сразу узнал стегозавров в двух массивных животных, ползущих мимо. Спины этих панцирных динозавров украшали два ряда крупных костяных пластин, хвост, напоминающий булаву с шипами, волочился по земле. Один из стегозавров в два удара хвостом повалил небольшую пальму и принялся меланхолично жевать молодые верхние листья, второй протопал мимо и скрылся за деревьями.

Иван встретился взглядом с Таей и ободряюще подмигнул:

— Не дрейфь, Таисия, стегозавры, по-моему, тоже питались только растительностью. Это тебе не тираннозавр — *la bestia senza pase*¹.

Тая слабо улыбнулась.

¹ Зверь, не знающий мира (*ит.*).

— Эксперты говорят по-итальянски?

— А журналистам это в диковинку?

— Ну, все же в наше время стандартный тест на интеллигентность — знание английского. Но итальянский...

— Просто моя мама — преподаватель итальянского в университете. But I speak English too¹.

Тая засмеялась.

— Ты самородок. Не предполагала, что рыжий...

— ...рыжий Костров способен выучить иностранный, — подхватил Иван, рассмеявшись в свою очередь. Он был рад, что девушка не пала духом в этом диком путешествии.

С нею было легко и просто, и Костров благодарил судьбу за то, что именно он оказался рядом с Таей в момент испытания. Он был убежден, что основной их экзамен на терпение, выдержку и выносливость еще впереди.

Лес вскоре кончился, дальше, насколько хватало глаз, расстилалась каменная пустыня, поросшая кое-где куртинами зеленовато-бурой травы или мха. Золотистая колонна светящегося тумана возвышалась над горизонтом, как след упавшего болида. Длинные струи и волокна, шарфы и шлейфы дыма текли по ней снизу вверх, теряя яркость, и гасли, превращаясь в малиновые и багровые перья. Непрерывный гул, исторгаемый колонной, был здесь слышен лучше, чем у стены здания, и лишь там, где ничто не отвлекало внимания, он напоминал о себе.

Иван несколько раз подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Знакомое явление. Они уже испытали на себе уменьшение силы тяжести, когда пробирались к источнику света по заснеженному лесу. Идти дальше не хотелось, интуиция подсказывала, что впереди опасность. Однако стоило все-таки проверить, в чем она заключается, почему в этом странном мире меняются ландшафты, эпохи, но не меняется

¹ Но я говорю и по-английски (англ.).

таинственный грохочущий туманный столб, служащий единственным источником света.

И они рискнули пойти дальше.

Вскоре шапки мха перестали попадаться не только на вершинах увалов, но и в низинах, в ямах и рытвинах бугристого плато. Идти становилось все легче. Словно какая-то сила постепенно нейтрализовала силу тяжести, притягивая людей к световому столбу, заставляя их сдерживать шаг и пристальнее вглядываться вперед. Еще через два километра на горизонте показалась стена. Тяготение здесь уменьшилось настолько, что каждый шаг уносил людей на два-три метра. Иван замедлил движение, и дальше они передвигались чуть ли не ползком.

Стена оказалась выстроенной из частокола металлических труб диаметром с туловище человека и высотой с пятиэтажный дом. Над ней знойным маревом дрожал воздух — трубы были раскалены чуть ли не до красного свечения.

— Приехали, — сказал Иван, подавляя слабый протест желудка. У стены царила почти невесомость, и тело казалось воздушным шаром, готовым улететь в небеса.

Из-за стены доносились гул, шипение и бульканье, будто кто-то огромный парился в бане, выливая на раскаленные камни ушаты воды. Каменистая, покрытая коркой почва часто вздрагивала и колебалась, как верхний слой торфа и земли на болоте.

— Хоть бы одним глазком поглядеть, что там, — сказала Тая, пряча в глубине глаз страх перед неизвестным явлением.

Иван прикинул высоту стен и покачал головой.

— Не влезем, она гладкая и горячая. Может, стена не везде одной высоты?

Они поползли вдоль частокола труб, обливаясь потом: даже в десятке метров от стены несло невыносимым жаром.

Им повезло. Через полкилометра наткнулись на гигантский механизм, который приняли сначала за странной формы скалу. Но это была не скала, а нечто вроде колоссального кентавра, преодолевшего в прыжке препятствие, но упавшего на передние ноги и умершего в

таким положением. Конечно, механизм имел еще множество деталей, выступов и отверстий, но обводы корпуса все же превращали его в кентавра. Правда, вместо головы на человеческом торсе вырастал членистый рог длиной около пяти метров. Он был сизо-серым, а весь корпус механизма лоснился чернотой полированного металла.

— Вот это паровоз! — опомнилась Тая. — Такого мы еще не видели! Он не оживет, как та черепаха?

Вместо ответа Иван полез на колоссальную машину, цепляясь за штыри и выступы.

— Лезь за мной, только держись крепче, не то улетишь. Некоторые штыри скользкие.

Они взобрались на ногу механизма, перелезли на грудь, потом на спину кентавра. Если бы не потеря веса, вряд ли бы им удалось взобраться на колосса без веревок и страховочных приспособлений.

С крупа кентавра им открылась удивительная картина.

За стеной шла узкая, с километр, полоска черной выжженной земли, дальше над ней появлялись плоские фиолетово-сиреневые слои тумана, сливающиеся в двух-трех километрах в плотную пелену. Эта пелена начинала вспухать, расти и образовывала светящееся оранжевым светом кольцо. За ним еще одно кольцо — желтое, а уже из него вырастал ослепительно желтый столб, состоящий из туманных струй, непрерывно текущих ввысь и расплывающихся чудовищным грибом на большой высоте.

— Ой, смотри, пауки! — Тая тронула Ивана за ногу.

По черной земле неслась колонна пауков, но размерами они превосходили тех, что встречались в здании и еще раньше, в Брянском лесу.

Иван тихонько присвистнул.

— Вот это да! Они же ростом с меня!

Пауки исчезли в пелене тумана.

В толще многокилометрового текущего столба разгорелась яркая звезда, раздался гулкий удар, вздрогнула спина кентавра.

Если бы Иван не держал Таю за руку для страховки, она свалилась бы вниз.

— Держись крепче! На этом скакуне далеко не ускачешь. Давай-ка... — Он не договорил.

Сзади на крупе кентавра кто-то возник, бесшумный и опасный, как сердечный приступ. Иван замер, напрягшейся спиной чувствуя тяжелый взгляд, но сделать ничего в этом положении не мог без риска свалиться с пятнадцатиметровой высоты. Медленно повернул голову и встретил взгляд смуглолицего «десантника» с крестообразным шрамом на щеке. С ним был еще один парень в таком же комбинезоне — то зеркально-металлическом, то струящемся, как пелена дыма.

— Далековато вы нырнули в хроношахту, надо признаться, — сказал «десантник» ровным голосом. — Отваги вам не занимать. Но лучше бы вы этого не делали.

Иван сжал локоть Таи, в ужасе разглядывающей незнакомцев, вооруженных странной формы пистолетами. Сказал хрипло:

— Кто вы, черт побери?

— «Санитары», — сказал второй шипящим голосом. — И мы предупреждали.

— О чем?! — взорвался Иван, ощущая злость и бессилие одновременно. — Говорите прямо, что вам нужно. Мы ни во что не вмешиваемся и очутились здесь случайно. Где мы? Вы должны знать. Объясните наконец.

— Вы попали в экспериментальную мировую хронолинию, так сказать, в шахту хронобура, созданную вашими потомками и соединившую многие времена. Подходит вам такое объяснение? А теперь прощайте. Больше мы уже не встретимся.

— Зачем вы это делаете?! — воскликнула Тая.

— Что именно?

— Убиваете... преследуете... ведь это вы убили того несчастного... в коридоре.

— Обычная профилактика. — Усатый со шрамом от ножа Ивана пожал плечами. — Мы просто устраняем возможных конкурентов.

Он поднял пистолет, и Костров инстинктивно загордился своим стержнем, ожидая выстрела. Но его не

последовало. Лицо «десантника» изменилось, вытянулось, в глазах мелькнул страх, а может быть, так показалось Ивану.

— Брось МК!

— Что? — не понял Иван.

— Брось МК! Эту палку в руках...

Иван понял, что «санитары» действительно боятся стержня, вернее, боятся в него попасть. Что же это такое в самом деле?

— Стреляйте!

Парни переглянулись. Потом первый навел оружие на Таю.

— Бросай, иначе она умрет.

— Ваня! — слабо вскрикнула девушка.

Иван выпустил стержень из руки, проследил за его падением.

— Что теперь?

— А теперь прыгайте.

— Как — прыгать?! Там же...

— Не разобьетесь. — «Санитар» со шрамом спрятал свой пистолет. — Уцелеете — претензий иметь не буду. Но еще раз предупреждаю: не вмешивайтесь в события, кто бы что ни предлагал. Прощайте.

Он исчез за крупом кентавра. Второй «десантник» поднял свой пистолет, сверкнула бледная вспышка, один из ребристых выступов рядом с ногой Ивана исчез в ручье пламени. Зрачок пистолета смотрел ему в грудь.

— Прыгай!

Иван глянул на Таю, крепче взял ее за руку, успокаивающе кивнул.

— Все будет хорошо, Тая. Смотри под ноги.

И они прыгнули с шеи кентавра за металлический забор из труб, опоясывающий странный пожар в центре котловины.

Удар в ноги оказался слабее, чем ожидалось, сила тяжести за забором была раза в три меньше, чем в здании. Однако ни Тая, ни Иван на ногах не удержались и покатились к языкам сиреневого тумана, подхваченные не то ветром, не то силой, притягивающей их к пожару на горизонте.

Вряд ли они сумели бы остановиться: зацепиться было не за что, на голой каменистой почве не росло ни одного кустика, не торчал ни один мало-мальски крупный камень. К тому же по мере их сползания температура росла так быстро, что скоро они должны были неминуемо изжариться. И в этот момент из светящегося тумана впереди вынырнула какая-то черная тень, за ней другая, третья, десятая. Ивану почудилось что-то знакомое в их очертаниях, но лишь когда они приблизились, возвышаясь над сиреневым полем тумана, стало понятно, что это такие же кентавры, как тот, с которого спрыгнули путешественники, только живые! А на спинах «животных» сидели черные фигуры наподобие той, что встретила им в коридоре здания.

Колонна неведомых созданий надвигалась со скоростью курьерского поезда, от их тяжелого бега дрожала земля, хотя, казалось, в условиях падающего тяготения они тоже не должны были весить много. Иван с Таей попытались увернуться от копыт колонны, но тут один из всадников нагнулся, подхватил их огромной черной лапой без пальцев и опустил уже за стеной, рядом с крупом застывшего кентавра.

Колонна продолжала бег, не замедляя хода, и удалилась равномерной рысью. Рога кентавров на человеческих торсах светились мрачным фиолетовым огнем. Черные фигуры на их спинах не пошевелились, словно не заметив, что один из их собратьев спас людей от верной гибели.

С полчаса путешественники приходили в себя, пили воду, умывались, отдыхали, поглядывая, не крадутся ли «десантники». Затем Иван нашел свой стержень, упавший по эту сторону изгороди из труб, с любопытством оглядел его.

— Готов поклясться, что те два бандита побоялись стрелять в меня из-за этой штуки! Как ты думаешь, что это такое? Может быть, взрывчатка?

Тая вдруг заплакала, глотая слезы, и Кострову пришлось приложить немало усилий, чтобы ее успокоить.

— За что они нас? — прошептала девушка, прижавшись лицом к груди спутника. — Что мы им сделали?

— Темна вода во облацех, — вздохнул Иван. — Они боятся, что мы вмешаемся... хотел бы я знать, во что?

— А эти... всадники... жуть! Почему они нас спасли?

— Я думал, что это какие-то автоматы, очень необычные, чужие какие-то, неземные, но автоматы. Что кентавры, что сами всадники... а теперь не знаю, что и думать. Что же творится там, за стеной? Что горит?

Тая промолчала.

Назад идти было гораздо трудней, мешали тянущая к стене сила и ровный ветер в лицо. Но они все же добрались до леса. Отдохнули. Затем с огромным наслаждением искупались в лагуне, стесняясь друг друга, не спуская глаз с ближайших зарослей на случай появления нежелательных гостей. Вода была прозрачная, холодная, пресная, вполне питьевая. Потом Ивану пришла в голову мысль порыбачить — он заметил у берега мелькнувшую серебристую полоску.

Удочку сделали из побега папоротника, леску — из нитки, которую Тая выдернула из своей куртки, крючок — из булавки, нашедшейся, как ни странно, у Ивана. Ни червей, ни мошек на берегу не обнаружилось, и Тая вспомнила про остатки мяса. Насаживали мясную крошку, закинули удочку, посмеиваясь друг над другом, и первый же заброс оказался удачным — клюнула толстобочая рыбина величиной с ладонь. Вида ее Иван определить не смог, на языке вертелось название «латимерия» — все, что он знал о древних предках рыб, но это была не она.

Тая вполне освоилась и, пока эксперт удил рыбу, набрала полусгнивших, полусасыпанных песком обломков древесных стволов. Диплодоки ушли, и кругом стояла мирная первобытная тишина.

Развели костер и нажарили рыбы, глотая слюни. Иван припомнил рассказ О'Генри, где герой и героиня оказались на холме, отрезанном от мира водой, проголодались и начали вспоминать гастрономические блюда.

— Я тоже читала, — кивнула Тая. — Гурман я плохой, мне бы хлебушка к этой рыбке и больше ничего не надо.

— Соли и пива, — добавил Иван, обгладывая рыбьи кости.

Насытившись, прилегли у костра. Смены дня и ночи в этой стране не было, но организм сам давал знать, что нуждается в отдыхе.

— Вообще-то спать лучше в помещении, — проговорил Иван.

— Да-да, я сейчас... — сонно пробормотала Тая.

Иван собрался было по ее примеру подремать — идиллическая картина древней природы была настолько мирной и спокойной, что все тревоги и страхи отошли на второй план, — как вдруг из-за пальмовидных деревьев к ним метнулась громадная птица с голым почти полуметровым черепом. Птица имела короткое туловище, когтистые лапы, двухметровые кожистые крылья и длинный гибкий хвост.

Иван вскочил и замахал стержнем, отгоняя невиданную птицу. Она, шипя и шумно хлопая крыльями, сделала над ними круг, открывая и закрывая страшный, усаженный крючкообразными зубами клюв, хрипло проклекотала и полетела обратно, выдeldывая резкие выражи.

— Для полноты впечатлений нам только птеродактилей не хватало, — сказала побледневшая Тая, с которой разом слетел весь сон.

— Это не птеродактиль, — сказал Иван. — Птерозавр, но какой — не помню точно. По-моему, диморфодон.

— А говорил — дилетант в биологии.

— Просто интересовался когда-то историей возникновения жизни. Вот тебе и еще одно доказательство, что мы на Земле. Ну что, потопали в наш большой дом? Здесь оставаться рискованно.

Пошли пятые сутки их блуждания в неизвестном мире.

Этаж здания, примыкающий к юрскому периоду мезозоя, был слишком неуютен и сыр, чтобы искать в нем пристанище для ночлега. Но и на свежем воздухе устраиваться спать было опасно: хищников в мезозое хватало.

Иван вспомнил кентавров, их всадников, летающую машину диморфодона и с сомнением взвесил в руке ору-

жие. Увы, гарантии безопасности этот стержень дать не мог.

— Остается лифт, — сказал эксперт, не видя в темноте выражения лица Таи. — Или не будем больше рисковать опускаться?

— А чем мы рискуем? — тихо спросила девушка.

«Действительно, чем? — подумал Иван. — Ну вылезем где-нибудь в палеозое, и что? Что здесь, что там — одинаково опасно, зато, может, попадетсЯ сухой этаж...»

— Решено. Попробуем подняться вверх, может, и встретим по дороге кого-нибудь.

Лифт услужливо открыл им дверь в решетчатый куб кабины. Пахнуло незнакомым ароматом, в котором смешались запахи цветов, плодов и нагретого металла. На панели управления горело окошечко с цифрами: «— 150 000 000».

Иван поразмыслил и нажал самое верхнее окошко. Дверь закрылась, но кабина осталась на месте.

Так. На самый верх везти не хочет. Попробуем чуть ниже. Но и вторая сверху пластина не оживила лифт, лишь где-то за стенками кабины прозвенел звонок. Иван перепробовал все десять пластин-окошек до их этажа — безрезультатно.

— Придется ехать вниз, — упавшим голосом сказал он Тае. Девушка кивнула, пытаясь ободряюще улыбнуться.

Иван тронул пластину ниже светящейся, и повторились те же ощущения, как и всегда при спуске в этом странном лифте: толчок в ноги, волна тепла, давление на уши, тяжесть в теле, потом невесомость, покалывание внутри глазных яблок, слабость...

Они вышли на ярко освещенную площадку. Светились зеленые стены, светился потолок, светились пол и даже трубы лифта. Белое сияние заливало коридоры, уходящие в белесый туман свечения. Тихо, ни звука. Не тепло, но и не холодно.

— Годится? — полуутвердительно сказал Иван и первым шагнул в один из совершенно пустых и стерильно чистых коридоров. О том, что свечение может оказаться

побочным спутником радиации, он старался не думать, да и обострившаяся интуиция не поднимала тревоги.

Тая шла, спотыкаясь, но не ропща, однако было видно, что идет она через силу. Тогда Иван посадил ее у стены, дал в руки нож, а сам пошел вперед в надежде отыскать какую-нибудь нишу или комнату. Но этот коридор не имел дверей, зато имел дыру в полу, сквозь которую слышался плеск воды. Через несколько десятков шагов появилась еще одна дыра. Чем дальше Иван шел по коридору, тем труднее становилось идти, пока путь не оказался совсем перекрыт длинным провалом: пол здесь на протяжении десятка метров просто отсутствовал.

Иван с опаской приблизился к краю провала, но мрак внизу был слишком густым, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. Тогда эксперт вернулся к спутнице. Девушка спала в том же положении, в каком он ее оставил. Иван покачал головой, стянул куртку, свернул и сделал подушку. Потом осторожно уложил Тая у стены и лег сам. Тишина не нарушалась ни единым звуком, и вскоре сон сморил и его.

Глава 7

Второй коридор заканчивался чем-то вроде тамбура — кубическим помещением с двумя дверями. Стены его не светились, воздух был теплым и влажным, в нос бил неприятный запах гнили, хотя вокруг было чисто.

Иван помешкал, прежде чем открыть вторую дверь, первая уже закрылась за ними, отрезав доступ в сухой и светлый коридор. Видимо, выходом недавно пользовались, и запах гнили был запахом той местности, которая ожидала за дверью. Тая уловила его колебания, но молчала, и Костров почувствовал прилив благодарности и нежности к попутнице, тонко понимающей его состояние. Она была уверена в нем до конца и поэтому спокойна, ведь недаром же она полностью доверилась ему во всем, признав за ним право защиты. Как поется в песне: но дело мужчин — пересилить тревоги... А может быть,

это шанга — низшая форма любви, выражающаяся в спокойной уверенности, как говорит йога?

Иван уловил слабое пожатие пальцев Таи и ударил кулаком в металлическую полосу, разделявшую дверь на две половины. Дверь втянулась в полосу, исчезла.

Волна жаркого, душного и сырого воздуха окатила их. Воздух был наполнен тяжелым смрадом болота, сырой земли и зелени, дурманящим запахом гниющих трав и грибов, удушливой вонью сернистых газов. Тая закашлялась, зажимая рот рукой. Дышать было тяжело. Теплая липкая сырость невидимой пленкой легла на лица и руки, сдавила тела.

Прямо напротив двери рос из земли буро-зеленый ствол какого-то растительного великана, покрытый жесткими выпуклыми ромбами коры. За ним в зелено-желтом полумраке выступали силуэты других величественных колонн, полностью загораживая небосклон. У подножия великанов виднелись их ветвящиеся корни, похожие на кровеносные сосуды человеческой руки.

Лавина звуков, тихих, но отчетливых, влилась в уши: сопение, чавканье, вздохи, шипение, хруст... Жизнь какой эпохи воскресла перед ними? С помощью каких чудес?..

Совсем близко раздался квакающий рев, будто взревел гиппопотам, захлебываясь и пуская пузыри в болотной жиже. Ему ответил второй гиппопотам, чуть подальше, и еще один — совсем далеко.

Иван ободряюще улыбнулся потерявшей уверенность Тае и, шагнув из тамбура, оказался по колено в воде. Тыкая вперед стержнем, он двинулся в глубь заболоченного леса от ствола к стволу, то выбираясь на сушу, то снова попадая в мелкие зеленые или ржавые лужи стоячей воды.

В этом лесу встречались деревья, прямые, как столбы, без ветвей, похожие вверху на ершик с густой щетиной листьев, деревья с рубчатыми стволами и редкими, как растопыренные пальцы, ветвями, деревья чешуйчатые, с десятками ярусов звездчатых ветвей, кругами опоясывающих ствол, деревья, усыпанные иглами от комля до вершины...

Над головой плыла крыша из перистых канделябров, громадных пушистых хвостов, чудовищных шишек, листьев на концах развилин и ажурных ветвей, похожих на пальмовый веер.

Под ногами цвел ад пропитанных влагой мхов, хвощей, папоротников и грибов, пробираться сквозь который было трудно и противно.

Иван обливался потом, но упорно шагал вперед, чтобы убедиться в том, что попал в тот же двор с золотым столбом, окруженный кольцом здания. Вскоре впереди наметился просвет, и они вышли к небольшому вывалу в лесу: с десятков стволов валялись в болотной жиже, придавив друг друга. Нижние из них уже наполовину сгнили, верхние только покрылись синеватой плесенью и семьями грибов, похожих на ярко-розовые уши.

Желтое сияние в просвете зеленых крон подтвердило принадлежность леса к территории двора.

— Палеозой, — сказал Иван, дыша открытым ртом. — Здесь нам делать нечего.

Издалика прилетел знакомый булькающий рев. Где-то рядом кто-то пробежал, шлепая по воде и ломая папоротники. С дерева в двух шагах от людей упало в лужу гигантское насекомое, похожее на клопа, и тут же зарылось в грязь.

Таю передернуло. Иван ударил по грязи стрежнем и махнул рукой, подзывая девушку:

— Держись ближе.

Они вернулись к стене здания и с трудом отыскивали дверь в тамбур: стена была вся обвешана плетями каких-то ползучих лиановидных растений, пятнами плесени и мха. В тамбуре их ждал сюрприз: как только дверь закрылась, в стенах и потолке загорелись красные квадраты, волны пурпурного сияния залили помещение, повеяло озоном. Путешественники почувствовали жжение на коже лица и рук, стало невыносимо жарко, но длилось это недолго. Квадраты погасли, жара спала, и открылась дверь в знакомый коридор со светящимися стенами.

— Уфф! — сказал Иван с облегчением, когда они вы-

скочили в коридор. — Чистилище! Здесь хоть дышится нормально. Искупаться бы, как в прошлый раз.

Тая согласно кивнула. Одежда их так пропиталась грязью, что, высохнув, стала походить на жестяные доспехи.

Отдохнули в зале с трубой лифта. Этот горизонт здания был пустынен и тих, как покинутый пакгауз. Видимо, даже пауки посещали его редко. Можно было попробовать подняться по лестнице вверх, но лестничная клетка не светилась, а спичек в коробке осталось совсем мало, поэтому Иван решил еще раз попытать счастья с лифтом.

Они вызвали кабину и помчались вниз: кнопки-окошки верхних этажей здания не включали механизм лифта.

Сначала они вышли в силуре.

Взору предстала плоская равнина, усеянная бесчисленными лужами, озерами и лагунами солоноватой воды, отгороженными друг от друга полосами серо-зеленой тины, песчаными валами и цепочкой ржавых плоских камней. Растения здесь напоминали невысокие ветвящиеся трубки без листвы с закрученными спиралью верхушками.

Иван решил проверить глубину работы лифта, и во второй раз они вышли уже в царстве кембрия: та же равнина, но покрытая темной коркой такыра, широкие и мелкие водоемы, по берегам — приземистые растения. Животных видно не было, воды лагун, прозрачные и мертвые, отражали текучий желтый пламень горячего столба на горизонте. Низкий гул растекался по равнине, дрожала земля, по лужам бежала рябь. Дышалось в этом краю тяжело, хотя жары не ощущалось.

Путешественники побродили по берегу одной из лагун, по молчаливому согласию искупались по очереди в теплой и прозрачной до самого дна воде. Пока Тая занималась стиркой, Иван искал хоть что-нибудь съедобное. На пробу он выдернул одно из хилых растеньиц и обнаружил нежную белую луковицу. Попробовал на зуб: водянисто, кислогато. Съел, прислушался к ощущениям. Когда Тая позвала его, Иван притащил целую связку

луковиц, и они наелись первым из растений, почти безвкусным, но зато и безвредным.

К концу дня, отмеренного часами Ивана, решили еще раз поискать выход из здания или хотя бы встретиться с пауками. В голове эксперта засела мысль попросить паука отвести их к людям или вывести из здания на другую сторону. На худой случай, можно было просто попросить еды — принес же паук флягу с водой.

Горизонт здания, выходящий на сушу кембрийского периода палеозойской эры, был чист, светел и полон механической жизни. Коридоры в нем были не коридорами, а металлическими тоннелями разного сечения. Стены в них представляли собой то гладкие плоскости с рядами круглых вмятин, то невообразимые решетки, озаренные всполохами цветных огней из глубин здания. Воздух был напоен ароматами нагретого металла и пластика, озона и смолы, краски и каких-то неизвестных горьковатых или, наоборот, кислых и сладких испарений. Отовсюду гудело, позванивало и посвистывало, хрипело и дышало, пело на разные голоса и шелестело, словно кто-то невидимый перелистывал страницы сразу двух десятков книг.

Иван и Тая неторопливо шли тоннелем, поминутно ожидая сюрпризов, но, кроме обильного звукоизвержения, невидимая жизнь здания ничем себя не выдавала. Только однажды по стене мимо них пронесся паук, и снова лишь звуковая каша выливалась из-за стен, то сплошных, то дырявых, то прозрачных, то непрозрачных...

— Шумновато, но безопасно, — решил Иван, весь травянисто-зеленый от спрятанных в толще стен светильников. — Автоматика у них полностью самостоятельная и не должна причинять вреда живым существам, в том числе и нам. Помнишь три азимовских закона робототехники?

— Помню. Но все же здесь мрачновато. У меня такое впечатление, будто эти тоннели не предназначены для людей. Давай вернемся.

Иван задумчиво замедлил шаги.

— Наверное, ты права. Но и я тоже прав: если уж

лауки не причинили нам никакого вреда, то и остальные киберы не причинят. Я все-таки хочу попытаться выйти на другую сторону здания. Странно, что мы все время выходим только во двор.

Через несколько сотен шагов тоннель разделился на два, вернее, от него ответвился узкий ход. Иван, не задумываясь, свернул в этот ход, так как вел он, по его расчетам, именно к внешней стороне здания.

В коридорчике, настолько узком, что два человека с трудом могли разойтись в нем, было довольно жарко, стены тряслись мелкой горячечной дрожью. Коридорчик оказался коротким, около полусотни метров, и вывел в самый широкий из всех коридоров, которыми когда-либо проходили путники. Ширина его достигала двадцати метров — Иван специально измерил шагами, высота — около семи-восьми метров, и стены его от пола до потолка были забраны шестигранными выпуклыми щитами, похожими на панцири черепах. Пол коридора был коричневым и упругим, словно покрытый толстой каучуковой дорожкой, потолок казался стекляннным.

Иван вышел на середину коридора, осмотрелся. Источниками желтоватого света служили некоторые из щитов на стенах у потолка.

— Больше метра, — прошептала Тая и вдруг зажала рот ладонью, показывая вперед.

Иван машинально заслонил собой девушку, вглядываясь в сумеречную даль коридора, и увидел вдалеке... человека! Незнакомец сидел на полу, прислонясь к стене, и не двигался.

Иван встретил взгляд Таи, полный тревоги и надежды. Одно из двух, говорил этот взгляд, или это враги, или одна из их жертв.

Второе предположение оказалось верным: у стены сидел мертвый человек в необычного покроя розовом костюме. Очевидно, он долго полз по коридору, оставляя кровавый след, после того как в него выстрелили из какого-то лучемета, прожегшего сквозную дыру у основания шеи.

— Эй! — шепотом позвал Иван.

Никакой реакции.

— Он... мертв! — прошептала сзади Тая.

— Кровь еще не свернулась... — Иван тронул незнакомца за плечо и отпрянул. Человек пошевелился, открыл глаза, мутные от боли и страдания. Он был бледен до прозрачной синевы, но могуч телом, широк в плечах. Лицо вытянутое, сдавленный у висков лоб, волосы короткие, ежиком, светлые, глаза тоже бледные — не голубые и не серые, но рот жесткий, прямой, привыкший повелевать. Если бы не дурацкий костюм с рюшами, воланами и пышным жабо у шеи, его можно было бы принять за армейского командира. На вид ему было около сорока лет.

— Давайте помогу, перевяжу, — сказал Иван.

Глаза незнакомца приобрели осмысленное выражение, губы шевельнулись, но ничего не произнесли. Человек еще мгновение смотрел на Ивана из-под тяжелых прищуренных век, перевел взгляд на Таю, потом откинул голову к стене и закрыл глаза. По телу прошла дрожь, рука его, сжатая в кулак, безвольно сползла с груди на пол.

— Все! — глухо сказал Иван, отступая.

— Господи! — простонала Тая с рыданием. — Да что же здесь творится?!

Иван обнял девушку за плечи, успокаивая, повел прочь. Хоронить незнакомца было негде.

— Не плачь, ему уже ничем не поможешь.

Пройдя с полкилометра по этому коридору, они вдруг увидели еще одного человека, неподвижно сидящего у стены возле одной из дверей. Переглянулись.

— Везет нам на трупы! — со смешком произнес Иван, чувствуя ледяной озноб.

Но этот человек был жив и даже не ранен.

Не стовариваясь, они бросились к незнакомцу, нагнувшись к нему с двух сторон. Человек открыл глаза, прозрачные, как хрусталь. Лицо у него было круглое, плоское, с безвольной и капризной складкой губ, что было необычно для мужчины с внешностью чемпиона по бодибилдингу. Одет он был в оранжевую блестящую рубашу необычного покроя и ярко-желтые брюки, тоже

блестящие, словно из цветной металлической фольги. Такими же были и туфли — металлическими на вид, со множеством деталей.

— Что с вами? — спросил Иван. — Вам плохо?

Человек оглядел их равнодушно, задержавшись взглядом на Тае, и снова откинул голову к стене, закрыл глаза.

Иван и Тая переглянулись недоумевающе.

— Вам плохо? — повторил вопрос Иван. — Вы меня слышите? Кто вы?

— Мне хорошо, — неожиданно проговорил незнакомец звучным голосом с каким-то неуловимым акцентом. — Я Лаэнтир Валетов, двадцать первый. А вы — девятнадцатый? — Он приоткрыл глаза и снова посмотрел на Таю.

— Почему девятнадцатый? — не понял Иван.

Незнакомец продолжал смотреть на Таю, и она невольно спряталась за спину товарища, краснея и поправляя одежду.

— Девятнадцатый век, — без всякого выражения сказал Валетов. — Я из двадцать первого, вы...

— Из двадцатого, девяностый год. Значит, вы тоже не отсюда?

— Вопрос некорректен логически. Я спал в лесу, проснулся здесь... — Речь незнакомца была медленной, словно он говорил нехотя, через силу, акцент в ней ощущался отчетливо, но какой-то необычный акцент — не грузинский или англоязычный, а другой.

— И долго вы здесь бродите? — вырвалось у Таи.

— Месяц... может, два... не знаю... Нас было двое...

Иван и Тая обменялись красноречивыми взглядами.

— Ваш товарищ случайно не в розовом бала... костюме?

— В унике с оптимизатором, в розовом. Вы его встретили?

— Он мертв.

Глаза Лаэнтира стали совсем прозрачными, почти невидимыми, так что он стал похож на робота.

— Не повезло Марту, все-таки нарвался на контролеров.

Иван снова переглянулся с Таей.

— Вы так спокойно говорите об этом... Кто такие контролеры? Молодые ребята в странных дымящихся комбинезонах с необычными пистолетами?

— У них «универсалы». — Лаэнтир Валетов потерял интерес к разговору, замолчал, глядя в стену перед собой ничего не выражающим взглядом, потом и вовсе закрыл глаза.

— Но кто они такие? Почему охотятся за людьми?

Молчание.

— Ну хорошо, а из здания можно выйти наружу? Не подскажите?

— Какое здание вы имеете в виду? Это не здание, а шахта... и выйти наружу отсюда невозможно, я пытался.

— Так давайте попробуем еще раз, вместе!

Глаза Валетова открылись, тусклые, равнодушные и отрешенные.

— Бессмысленно. Я сделал много попыток, убедился... Идите одни, обреченные.

Иван разочарованно разогнулся.

— Но, может, вы больны? — спросила Тая робко. — Мы вам поможем...

— Чем? — Глаза Валетова остановились на рваной штормовке Таи. — Я в вашей помощи не нуждаюсь. — Гость из двадцать первого века расслабленно двинул рукой и сделал вид, что уснул.

Иван с Таей потоптались рядом, отошли в сторону.

— Что делать? — шепотом спросил Иван.

— Странный какой-то... Его нельзя оставлять в таком депрессивном состоянии. По-моему, он болен.

— Так что же, тащить его силой? Куда? Он же сказал, что не знает выхода. Вот не думал, что наши потомки будут такими... такими, — Иван искал слово, — рыхлыми, вялыми.

— Ну, не все же они такие. А ты веришь, что он из двадцать первого?

— А ты?

— Не знаю. Я уже настолько привыкла ко всему, что не удивлюсь, если он действительно оттуда. И все же оставлять его нельзя, ты только посмотри на него — он явно подавлен и пропадет один.

Иван подумал, кивнул, сделал шаг к сидящему, но тот вдруг молча вскочил и быстро пошел прочь, в глубину коридора.

— Алэн... Лаэнтир! — окликнула Тая.

Незнакомец уходил, не отвечая, и вскоре пропал вдаль, так и не обернувшись ни разу.

— Черт с ним! — хмуро сказал Иван. — Не драться же с ним.

Они прошлись в молчании по коридору в обратном направлении, переваривая необычную и не очень приятную встречу. У Ивана зрела мысль, что в здании могут бродить и другие люди, причем из разных веков, если верить словам Лаэнтира. Выходит, есть надежда рано или поздно повстречаться с ними... если только раньше не встретятся «десантники». Контролеры, как сказал Лаэнтир. Что они контролируют? Работу шахты? И устраняют всех, кто может помешать? Тогда почему сами себя они называют «санитарами»?

В левой стене коридора открылось круглое черное оконце.

Иван подошел, заглянул в него, и ему показалось, что сквозь длинную трубу он увидел далеко-далеко синее небо.

— Там! — прошептал он, тыкая стержнем в окно. — Там выход! Видишь?

Они долго смотрели в трубу, потом Костров спохватился:

— Что мы стоим? Надо лезть туда...

— Подожди. — Тая схватила его за полу куртки. — Мне почему-то страшно! Там... как пропасть!

Иван пожал плечами, перехватил удобней свою палку.

- Сейчас проверим.

Он ткнул в оконце, пытаясь нащупать стенки трубы, и в тот же момент за окном грохнуло, вспыхнуло, длинные голубые искры выплеснулись оттуда, одна обожгла Ивану щеку.

Вздروгнули стены, пол. Снова грохнуло, новый толчок отбросил людей от окна, и вовремя: толстая струя черного дыма ударила из трубы в противоположную сто-

рону коридора, и тотчас же выпуклые щиты с шипением принялись метать в эту струю электрические молнии. Запахло озоном и паленой резиной. Черный туман распался на струйки и растаял, наступила тишина, в которой где-то далеко раздался вопль паука.

Стены качнуло в последний раз, дернулся пол, из окна вылетел какой-то бесформенный сгусток, упал на пол и заскреб тонкими паучьими ногами. Паук! Вернее, полпаука, остальное отсутствовало.

Тая зажала рот руками. Иван встал, помог встать спутнице и повел ее прочь, чувствуя жжение на щеке и что-то липкое, стекающее за воротник. Потрогал рукой — кровь.

— Вот тебе и выход! — пробормотал он.

Тая заметила кровь.

— Ой! Ты ранен! — Она достала носовой платок и осторожно промокнула кровь на шее Кострова. — Царапина, да еще обожженная. Останется теперь на всю жизнь.

— Пустяки, — махнул рукой Иван и подумал: «Сколько той жизни осталось!.. А ну как придется тут жить? Сколько можно будет выдержать? Месяц? Год?.. Конечно, если основать колонию, нарожать детей, вырастить племя, то предаваться унынию будет некогда... С другой стороны, как на это посмотрит Тая?.. Безумие!»

По знакомому узкому коридорчику они вернулись в металлический вибрирующий тоннель и наткнулись на целое стадо пауков, тащивших здоровенный рулон рубчатой коричневой ленты. Один из пауков бросил свой край (на его место тут же встал другой) и подбежал к людям.

— Привет! — пробормотал Иван, выставляя вперед стержень. — Чего надо? Уставился, будто я у тебя что-то взял... Лучше бы поесть принес. Ферштейн? Ду ю спик инглиш? Еда, пища, жратва, шамовка — понял? Принеси поесть!

Паук в замешательстве закатил глаза, пошевелил передними ногами, рванул с места и пропал в ближайшей нише.

— Было бы здорово, да? — сказала Тая, проглотив слюну.

Иван кивнул, достал флягу, напился и протянул девушке.

— Пей. Пусть вода и не заменит сметаны, как утверждают оптимисты, но желудок все же не пустует.

Они вышли из тоннеля в зал с лифтом и нажали на следующую кнопку. Иван не замечал, что нажимает одну и ту же, под светящимся окошечком, но ему казалось, что количество кнопок постепенно уменьшается по мере движения лифта. Уже включив механизм лифта, Иван горестно воскликнул:

— Эх, надо было подождать! Вдруг паук принес бы поесть?..

Когда лифт остановился, в окошечке светилось: «А — 2,5 млрд».

— Ага, — сказал Иван. — «А» — это, очевидно, архей.

— А «минус два с половиной миллиарда» — два с половиной миллиарда лет назад, — подхватила Тая. — Ну и занесло же нас!

Дверь растаяла белесым облачком, и они вышли в низкий зал, сотрясаемый крупной дрожью. Стены зала были сложены из шершавых плит, на вид свинцовых или чугуновых. Потолок багрово светился, как раскаленный лист металла, но особой жары не ощущалось. Дышать было трудно из-за массы незнакомых запахов, хотя иной раз обоняние улавливало знакомую вонь сернистых газов, гнили и горечь ацетилена.

— Мне здесь не нравится. — Тая зажала рот и нос платком и говорила невнятно. — Пойдем еще ниже.

Иван отрицательно качнул головой.

— Посмотрим, куда заехали.

С полчаса они плутали в лабиринтах тоннелей и коридоров, похожих на те, что были ими обследованы ранее на других горизонтах, а затем встретили знакомого черного всадника — странное и страшное существо в черных доспехах с одним горизонтальным глазом, налитым алым свечением.

Всадник, топая так, что тряслись стены и пол, вышел откуда-то из-за угла, подошел к тупику коридора, выпростал из-под доспехов нечто похожее на обрубок

руки, и в стене образовалась круглая дыра, края которой, вскипев белой пеной, остыли молочно-прозрачным воротником. Не обращая внимания на людей, черный всадник втиснулся в дыру, а через минуту раздался равномерный удаляющийся стук — это мчался кентавр.

Подождав немного и придя в себя, путешественники подобрались к проделанному отверстию, сделав предварительно повязки на нос и рот, чтобы хоть чуть-чуть очищать вдыхаемый воздух от пыли и удушливых газов, проникавших в коридор снаружи.

Черный всадник исчез.

За стеной здания расстилалась угрюмая, коричнево-желтая, с красными и бурными холмами равнина. На вершинах холмов стояли глыбы иссеченных трещинами скал, в долинах между холмами скопились груды камней. На ближайших из них виднелись зеленоватые и черные наросты, словно корки накипи. К небу поднимались столбы испарений, что-то шипело, доносился плеск воды.

По небу неслась бурая пелена туч, сквозь которую иногда проглядывал алый светящийся столб на горизонте, откуда растекался по равнине гул, перебиваемый иногда басовитыми ударами.

Иван смотрел бы на древний ландшафт еще долго, но Тая зашлась в кашле. Пришлось возвращаться.

Искушать судьбу еще раз не хотелось, впору было плакать от отчаяния: лифт не работал на подъем, а нижние этажи наверняка соседствовали с более древними периодами истории Земли. Тая первой вспомнила о лестнице, и они тут же полезли по темной спирали со ступеньками — лишь бы выбраться к чистому воздуху: в этом горячем киселе из разнообразных газов дышать было почти невозможно.

Следующий этаж ничем не отличался от первого, и они двинулись дальше, миновали третий, четвертый, пятый, пока на шестом Тая не села на ступеньку.

— Устала, отдышись...

Иван оставил ее сидеть и выглянул с лестничной клетки в зал.

Полумрак, зал круглый, без трубы и лифта в центре. Еще жарко, но дышать уже легче.

— Пожалуй, пару этажей пропустим, и порядок.

Поднялись еще на три этажа. На лестнице было темно, но выходы из лестничного проема на этаж были видны серыми или голубоватыми прямоугольниками.

Этот зал тоже был круглый, без лифта. Иван вяло удивился — трубе лифта вроде бы некуда деваться, но тут же забыл об этом. Как и везде — три коридора, два темных, третий освещен голубым светом. Он был необычный — треугольный в сечении, причем полом служил один из углов.

Тая попросила пить, потом со вздохом села прямо на пол.

— Все, хочу спать!

Иван посмотрел на часы: семь с минутами. Утро ли, вечер, разве разберешь? Он начал стаскивать свою повидавшую виды куртку, которая потеряла былой лоск и цвет.

— Что ж, я не против, давай спать. Спешить нам некуда.

С лестничной площадки просачивались в зал тихие скрипы, шелест и бормотание, изредка подрагивал пол — дыхание неизвестного катаклизма, зажегшего во дворе чудо-здания колоссальный золотой костер.

Глава 8

Несколько часов они бродили с этажа на этаж, усталые и голодные, невольно вспоминая встречу с Лаэнтиром из двадцать первого столетия. Везде было одно и то же: пустые коридоры, то светлые, то темные, с дверями и без них, пыльные или абсолютно чистые, с надписями на дверях: «Осторожно! Не входить!» или «Опасность! Хронорадиация!» и другими предупреждающими и запрещающими.

Тая заметно пала духом и больше молчала. Иван мучился, не зная, как ее подбодрить, хотя и сам не ощущал

ни бодрости, ни решительности, только желание, чтобы их долгое путешествие побыстрее закончилось.

На сорок втором этаже, считая от «архейского», они отыскивали комнату с окнами во двор и с высоты в сто с лишним метров увидели ту же холмистую равнину с каменными россыпями, редкими озерцами, столбами испарений и малиновым свечением вечного дымного столба в центре котловины.

Молчали. Иван машинально отпил воды, предложил Тае, но та отказалась. Снова пошли бесконечными коридорами, уже не обращая внимания на перемены в их обстановке. Ивана долго мучил вопрос, почему в круглых залах, соседствующих с лестничной клеткой, нет трубы лифта. Судя по расположению залов, труба должна пронизывать их насквозь, но этого не было, залы пустовали. Но ведь лифт-то существовал! И исправно доставлял пассажиров с этажа на этаж... С этажа на этаж... вниз... Как же это получается? Прошли уже сорок второй этаж, а в залах — ни следа лифта! Выходит, лифт перебрасывает не с этажа на этаж, а сразу через десятки этажей? Какой же шаг этой дискретности? Отделяющий, кстати, эпоху от эпохи... Сто этажей? Пятьдесят? Судя по высоте здания со двора, в нем по крайней мере сто пятьдесят этажей, выше верх здания начинает расплываться и таять...

Иван остановился, повернулся к спутнице.

— Я догадался, в чем тут дело.

Тая беззвучно кивнула, потом под его взглядом попыталась приободриться.

— В чем же?

— По-моему, лифт работает избирательно, не с каждого этажа, а через какое-то количество этажей, может быть, через сто. Ты видишь, в тех залах, где он должен проходить, нет трубы.

— А ты как себе это объясняешь? Как кабина может двигаться без колодца? Или, по-твоему, она обладает свойством пронизывать межэтажные перекрытия?

— Вот именно. И не лифт это вовсе, а машина времени, вернее, машина времени и пространства.

— Ты не оригинален.

— Я и не претендую на оригинальность, я размышляю. Все же попробуем определить шаг нашего лифта, не возражаешь?

Они снова вернулись в круглый зал и полезли по нескончаемой лестнице вверх, радуясь, что не приходится пока преодолевать разрушенные пролеты. Однако много пройти они не успели. На пятидесятом этаже их настигли грозный гул, грохот рушащихся стен, дрожь ступеней. Где-то близко послышался звон бьющегося стекла, длинные тревожные звонки, удары в гонг и вопли пауков. Толчок в ноги едва не сбросил путешественников вниз.

Иван помог удержаться Тае, и они замерли, прислушиваясь к внезапно ожившей тишине.

Звонки, свисты, топот, далекий грохот, вибрация стен... И вот сквозь этот гвалт и шум донесся размеренный человеческий голос:

— Хронопробой! Глубина тысяча двести сорок три года, коррекция сверху не проходит. Горизонт в провале, горизонт в провале! Произвожу хроносброс во внешний мир. Прошу покинуть горизонт. Всем ТФА покинуть горизонт! Даю отсчет: пять минут, четыре минуты пятьдесят девять, четыре пятьдесят восемь...

— К лифту! — выдохнул Иван, спрыгивая на площадку. — Вниз! У нас в запасе всего пять минут!

И они помчались по ступенькам вниз, спотыкаясь в темноте, оступаясь, падая, не замечая боли, не обращая внимания на спасающихся бегством пауков. Они бы не успели: Иван отсчитал всего двадцать этажей, когда пошла пятая минута. Но вмешались силы, которые раньше считались если не враждебными, то индифферентными к людям, — пауки. Они вдруг подхватили Ивана и Таю, несмотря на их сопротивление, и потащили на себе с головокружительной быстротой. Иван догадался, что им хотят помочь, и перестал сопротивляться. Секундой позже прекратила сопротивление Тая.

Через полминуты их выгрузили у открытой двери лифта и оставили в покое. Кабина лифта оказалась забитой пауками так же, как и в прошлый раз, когда они спасались от неведомого провала.

Иван подхватил покачнувшуюся девушку и втиснул-

ся в кабину. Тотчас же дверь за ними закрылась, знакомое ощущение падения, жаркого ветра и навалившейся тяжести охватило людей. Лифт двигался недолго — несколько минут. Остановился. На индикаторе этажа горела волнистая зеленая линия, упирившаяся в пульсирующий голубой огонь, и больше ничего. Дверь открылась, пауки торопливо разбежались по своим делам.

Иван взял Таю под локоть и вылез из кабины в фиолетовый сумрак нового зала.

Этот зал не был похож на прежние, где останавливались лифты. Он был не круглым, а квадратным и зарос лесом колонн, подпиравших низкий потолок. Материал потолка напоминал пористую губку и местами светился упрямым фиолетовым светом. Пол был металлический, блестящий, колонны — черные, матовые, теплые и шелковистые — мелко вибрировали. В зале было холодно, гулял сквозняк, принося знакомые запахи, чаще запахи плавленого камня и асфальта.

Пол зала часто вздрагивал, из недр здания прилетал хриплый низкий рык.

Иван обошел зал по периметру и нашел только два выхода: один на лестничную клетку, другой в треугольный коридор с рядом узких окон, забранных решетками и черным стеклом. В иных стеклах мерцали отблески огня, словно за ними горели костры, на других высвечивались разные цифры или непонятные знаки. И везде было полно пауков, блестящих усатых полусфер, черных всадников и летающих морских ежей, иглы которых то удлинялись, то укорачивались, отчего казалось, будто ежи дышат.

Коридор закончился тупиком с круглым черным окном. Под окном на отогнутой панели торчали штурвальчик и несколько тонких стерженьков. Когда люди приблизились, на панели загорелся красный глаз, словно предупреждая об опасности.

— Это нам знакомо, — пробормотал Иван, пробегая глазами значки над стерженьками. — Откройте дверь!

На панели вспыхнула зеленая стрелка, указав на один из стерженьков.

Иван победно взглянул на Таю и пошевелил стерже-

нек. Красный глаз запылал ярче, из стены раздался голос:

— Прошу надеть ТФЗ. Наденьте ТФЗ. Выход без ТФЗ запрещен!

Тая улыбнулась.

— Ну что же ты? Где твой ТФЗ? Надевай и иди.

Иван смущенно почесал затылок, потом с усиленным вниманием начал изучать знаки над сенсорной клавиатурой панели.

— ТФЗ ассоциируется у меня с ПХЗ — противохимической защитой, — сказал он. — Очевидно, это тоже какая-то защита — скафандр, например. А скафандры всегда имеют место быть в специальных боксах у выхода или входа в опасную зону. Ага, может, вот эта кнопочка сработает?

Иван тронул сенсор в углу панели, и тотчас же рядом с люком распахнулись дверцы шкафа, встроенного в стену. Впрочем, «распахнулись» — не то слово, дверцы свернулись валиками вокруг невидимых осей. Взору представилась ниша, похожая на пчелиные соты. Материал сот светился зеленоватым светом, и на каждой ячейке, затянутой полупрозрачной пленкой, явственно проступали буквы: ТФЗ. Иван насчитал двадцать восемь ячеек, три из них светились, были пустые. Тогда он дотронулся своим шупом до одной из ячеек, и автоматика бокса послушно выдала ему серебристый слиток металла, опутанный стеклянной сеточкой.

— Что стоишь? Надевай, — засмеялась сзади Тая. — Это скорее похоже на окорок в фольге.

— Если бы это был окорок! Тут должна быть инструкция... — Иван взял с лопаточки манипулятора слиток. — Легкий, как из пластика... — Он не договорил.

Слиток вдруг вскипел и растекся пленкой по рукам, по груди, добрался до ног и головы Кострова. На миг перед глазами все померкло, стало трудно дышать, и в ту же секунду неприятные ощущения исчезли. Он снова стал видеть и дышать, а во всем теле появилась приятная легкость. Видимо, пленка ТФЗ играла роль экзоскелетных мышц, увеличивающих силу человека.

— Порядок, — произнес Иван, протягивая второй

слиток Тае и жестом показывая: надевай. Ее голос он не слышал, как и она его — материал шлема не пропускал звуков.

Через полминуты девушка стояла рядом, облитая бликующей пленкой скафандра. Связь установилась сразу же, как только Иван повысил голос, пытаясь докричаться до спутницы.

— Ну как?

— Нормально, — ответила слегка ошеломленная девушка. — Автоматика здесь действительно высокого уровня. Но ты уверен, что мы сможем в них долго дышать? Никаких баллонов-то с кислородом нет.

— Я тоже подумал об этом, но скорее всего в скафандр встроены фильтры или вообще синтезаторы воздуха. Ну что, пошли полюбуемся на пейзажи данного временного горизонта?

— Веди, начальник, — храбро ответила Тая.

Иван подошел к панели в тупике коридора, снова дотронулся до стерженька, на который указывала зеленая стрелка. Красный глаз на панели потух, сам собой завертелся штурвальчик, панель вместе с глыбой люка отъехала в сторону, открывая полутораметрового диаметра проход.

— Время обеспечения — сорок, — раздался в ушах равнодушный голос.

— Слышал, Ваня? — откликнулась девушка. — Сорок — чего?

— Минут, наверное, — пожал плечами Иван, в глубине души понимая, что количественная мера времени хозяев хроношахты может и не равняться минуте. — Мы не собираемся торчать там больше четверти часа.

Он первым, согнувшись, полез в отверстие люка, преодолел таким образом метров пять металлического тоннеля-тамбура и вышел из здания на пригорок.

Перед ним вырастала горная страна, хаос скал, ущелий, каменных стен и полок, гребней и провалов. Склоны гор были черного, коричневого или фиолетово-сиреневого цвета, курились сизыми дымками. А над ними дрожал колоссальный бело-золотой столб, вспухающий фонтанами, факелами и облаками оранжево-желтого

огня. При каждом появлении фонтана дергалась земля под ногами, а от столба доносился низкий раскатистый гул.

Перед людьми простирался ландшафт криптозооя Земли, жизнь еще только начинала свое шествие по океанам — в виде эобионтов, белковых капель. Впереди простирался слой времени толщиной в три-четыре миллиарда лет — именно столько отделяло узников хроношахты от родного двадцатого столетия...

— Что это там, Ваня? — раздался приглушенный голос Таи.

Иван хотел ответить: «Копье хронобура», — но вдруг понял, что слова спутницы относятся не к стене пламени на горизонте, а к неподвижной гигантской фигуре слева от стены здания. Больше всего фигура напоминала уродливого человека с короткими по сравнению с туловищем толстыми ногами, двумя парами рук и с хвостом, на который она опиралась. А вместо человеческой головы на людей смотрела голова змеи с глазами-щелями. Ростом чудовище было примерно с пятиэтажный дом.

Иван замер, чувствуя спиной вздрагивающее плечо Таи, прошептал с придыханием:

— Не бойся, мы ему в этих ТФЗ не по зубам. Отступаем потихоньку и...

Фигура монстра скрывала за собой что-то еще, какое-то сооружение, и после слова Кострова «отступаем» стало ясно, что это за сооружение. Монстр сделал быстрый — вопреки размерам и массе — шаг в сторону, открывая обзор. За ним стояли еще четыре таких же гиганта, а сооружением оказался тускло блестящий металлический купол, растрескавшийся, как панцирь черепахи. Один из очерченных трещинами участков купола стал черным, и на землю из него, не торопясь, сошла группа нормальных людей в таких же пленочных комбинезонах-скафандрах, что были и на путешественниках. До них было метров сто, но Иван шестым чувством определил, что это давешние их знакомцы — «санитары». Он поднял перед собой стержень, надеясь, что, как и в прошлый раз, стрелять в них не станут. Но ошибся.

Что-то сверкнуло в руках одного из членов группы, и

Костров кубарем покатился по земле, сбитый неведомым разрядом. Та же участь постигла и Таю. Пленка ТФЗ выдержала удар, но сотрясение все же было приличным. Пока Иван, ругаясь, поднимался сам и помогал встать Тае, по ним выстрелили еще раз, а затем стрельба прекратилась, наступила тишина.

Путешественники, отброшенные от выхода из здания метров на двадцать, поднялись на ноги, поддерживая друг друга, и поняли, почему «санитары» перестали стрелять. Справа, вдоль стены здания, куда Иван даже не глянул ни разу, приближалась шеренга черных всадников на кентаврах. Высотой они были под стать обезьянозмеям, и чувствовалась в них чудовищная, грозная, нечеловеческая по всем масштабам и параметрам мощь.

С рога крайнего кентавра сорвалось полотнище жемчужно-радужного огня, вонзилось в купол черепахи, куда за мгновение до этого скрылись «санитары», и на месте металлического купола вздулся дымный пузырь, превратившийся в странное шипастое дерево, которое стало медленно распухать, бледнеть и таять. Тотчас же монстры со змеиными головами ответили залпом из огнеметов — таково было впечатление, а всадники на кентаврах, отразив залп, метнули пронзительно-зеленые молнии в цепь монстров, которые были отбиты с той же ловкостью и силой.

— Они нас сейчас... — начала Тая. — Может, попробуем улизнуть?

— Ты же видишь, в ТФЗ нам никто не страшен, — не поддержал ее Иван. — Интересно, кто нас все время защищает и чем все закончится?

Но им не дали досмотреть финал сражения.

К прижавшимся к стене людям приблизился один из черных всадников, по-человечески понятным жестом указал на люк в стене, и Кострову пришлось повиноваться. Очнулись путешественники уже в коридоре с панелью управления люком. Пленки ТФЗ на них неожиданно растаяли, стекла лужицами расплавленного серебра, исчезли. Путешественники молча смотрели друг на друга.

Коридор заметно поехал влево, потом вправо, слов-

но закачался на волнах. Иван помог устоять Тае, проговорил задумчиво:

— Хотел бы я знать, откуда свалились в здание те змеиные красавцы? И почему они воюют со всадниками? И как «санитарам» удалось спеться со змееобезьянами? И...

— Остановись, Ваня, — вздохнула побледневшая, пригорюнившаяся Тая. — Все равно на твои риторические вопросы никто не ответит.

Иван погас.

— Ты права. И у нас, наверное, нет иного выхода, кроме одного: надо попытаться идти по лестнице вверх. Когда-нибудь да выберемся. Ниже — предыстория Земли, если судить по тому, куда нас забрасывал лифт.

Тая молча обняла его, по ее щеке скатилась слеза, отзываясь в груди Ивана щемящей болью нежности и страдания.

Они поднимались по лестнице третьей сутки, совершенно обессилив от голода и усталости. Иван насчитал сто тридцать этажей, сбился со счета и перестал считать. Вода во фляге не иссякала, и лишь одно это поддерживало силы путешественников.

Время от времени они бродили по этажам, лугая единственных их обитателей — пауков, но следов людей не встречали. Видимо, обитаемые этажи шли гораздо выше, а может быть, наоборот, ниже.

Маятник чувств кидал Ивана из одной крайности в другую: то он верил, что все обойдется, что их найдут в самое ближайшее время, то, не видя выхода из положения, проклинал все на свете в отчаянии, царапавшем горло осколками невыговоренных слов. Однако свои переживания он держал при себе, зная, что Тае будет гораздо тяжелее делить еще и его сомнения.

Приступы голода, сначала злые и длительные, становились глуше и преследовали их все реже — верный признак попытки организма бороться за жизнь. Тая похудела так, что на лице выделялись только глаза и губы. У Ивана это было менее заметно из-за бороды и усов.

Иван иногда пытался завести разговор. Тая не отвечала, но однажды Ивану послышался шепот. Он прислушался и услышал:

Вы говорите, что время идет...
 Ах, к сожалению, нет!
 Время стоит, мы же идем
 Через пространство лет...

Тая, не замечая, что говорит вслух, читала Добсона. К концу третьих суток, когда робинзоны устроились на ночь в одном из пустынных коридоров и Тая забылась тяжелым прерывистым сном, их посетили два паука. Иван безучастно смотрел на них, теряя из виду — от голода и слабости что-то творилось со зрением, потом все же решил их прогнать — не из страха, скорее по привычке. Он поднял потяжелевшую свою дубинку тонкой работы — белый стержень — и помахал им в воздухе. Пауки дружно кинулись наутек. Иван невольно усмехнулся и тут заметил, что пауки что-то оставили на полу. Он поморгал, напряг зрение и увидел небольшую плоскую коробку величиной с книгу. Подполз поближе.

Коробка была желтая, с зеленой полоской, на которой были выдавлены красные буквы НЗ. С минуту Костров тупо смотрел на нее, потом его осенило: «НЗ! Неприкосновенный запас! Неужели киберы принесли еду?!»

Он дрожащими руками поднял коробку с пола, удивляясь, что она намного тяжелее, чем можно судить по объему, повертел с боку на бок. Коробка была совершенно гладкая, без деталей, выступов и впадин, лишь на ее торце виднелись едва заметные штрихи и черная линия. Иван погладил линию пальцем, колупнул, и коробка распалась на две половины. В ней оказались разноцветные тубы, наподобие тех, в которых продается зубная паста. Иван насчитал шесть туб: красную, желтую, белую, коричневую, розовую и зеленую. От возбуждения он даже почувствовал прилив сил и приступ беспричинного, почти детского смеха. Подавив смех, взял красную тубу, отвинтил колпачок и сжал бока тубы. В ладонь ему свалилась красноватая колбаска, с шипением вскипела, так что эксперт от неожиданности от-

дернул руку. Источая дикий аромат жареного мяса, на пол упал розово-коричневый пласт.

Иван понюхал руку и уставился на этот пласт величиной с ладонь. Потом поднял его с пола. Это был кусок мяса, еще горячий, словно только что обжаренный в масле!

Зашевелилась Тая, пригнувшись, не открывая глаз.

— Знаешь, мне приснилась отбивная...

— Мне тоже, — ровным голосом сообщил Иван.

Тая открыла глаза, села, упираясь рукой в пол.

— Что это?

— Пауки принесли. — Он колебался некоторое время, откусил и добавил, жуя: — По-моему, натуральное жареное мясо.

Тая во все глаза смотрела на него, потом сильно зажмурилась, потеряла виски.

— Ущипни меня! Оно пахнет, как... как шашлык!

— Не только пахнет. Вкус — не передать!

Тая потянулась к мясу, но Иван отвел ее руку.

— Подожди, нам вредно начинать с мяса. Тут есть еще тубы, посмотрим, что в них.

Он достал желтую тубу, отвинтил колпачок, поставил ладонь и выдавил желтую массу. Мгновение масса лежала неподвижно, потом зашипела, задымилась и... превратилась в кусок сыра, ноздреватого, знакомо и влекомо пахнущего, свежего и аппетитного.

Тая красноречиво проглотила слюну, расширенными глазами глядя на чудо в руках Ивана. Тот осторожно положил рядом с мясом сыр и выгашил из коробки остальные тубы.

В белой оказался творог, в коричневой — хлеб, в розовой — сладкое малиновое желе, в зеленой — что-то стеклянное, пористое, чрезвычайно аппетитное, вкусное, тающее во рту и бодрящее. Решили, что это какой-то стимулятор или тонизирующее средство.

Для начала пожевали немного творога с хлебом и сыром, заели малиновым желе и запили водой. Уснули. Но через час проснулись и снова поели. Иван сделал бутерброды: пластина мяса, потом сыр и хлеб, снова закончили трапезу малиной. Наевшись, проспали несколько

часов с ощущением тяжелой сытости. Окончательно проснувшись, позавтракали мясом и творогом, попробовали стимулятора, нашли вкус его превосходным, хотя сравнить его было не с чем: ни Тая, ни Иван в жизни не пробовали ничего подобного.

Впервые за многие сутки странствий они почувствовали прилив сил не только физических, но и моральных. Судя по объему и весу коробки НЗ, еды должно было хватить месяца на два, так что голод им уже не грозил, как и жажда. А во-вторых, кто-то все же заботился о них, не выпуская из поля зрения, хотя Иван не понимал, почему этот неизвестный радетель не выведет их из чудовищного здания. И все-таки появилась надежда на благополучный исход скитаний, начавшихся полетом к шатру пауков в Брянском лесу. Целый час они еще оставались на месте: чинили, как могли, обмундирование, жевали и пили.

Иван выбросил пришедшие в полную негодность носки, задумался, чем их заменить, но Тая протянула ему свой платок.

— Рви, мне он не нужен.

Иван запротестовал было, потом сдался.

— Обувь странствий, — сказал он, натягивая сапоги. — Сколько им предстоит еще пройти?..

Тая встала, подошла к нему, наклонилась и поцеловала. Они постояли, обнявшись, не говоря друг другу ни слова, потом Иван подхватил свою дубинку, взял коробку НЗ, и они направились к лестнице..

Вверх, этаж за этажом, только вверх!

Сто этажей, две тысячи ступенек — те же коридоры, пустые и мертвые, гудящие и звенящие, металлические, полные пауков и странной полуживой техники. На двухсотом этаже они вышли к лифту!

— Наконец-то! — сказал Иван с интересом. — Вот, значит, какой интервал между остановками лифта — двести этажей. Странно! Помнишь, мы спускались вниз по ступенькам колодца, и там лифт был на каждом этаже. Найти бы тот колодец...

Они проверили, с каким ландшафтом соседствует лифт, и увидели знакомый мир архея. Иван прикинул, сколько им осталось идти до двадцатого века, выходило — около четырех тысяч этажей, или восемьдесят тысяч ступеней! О том, что их ждет в родном времени, думать не хотелось. Там видно будет, решил эксперт. Прежде надо дойти.

И они снова стали подниматься по лестнице, останавливаясь на отдых каждые полчаса, считая ступеньки. Этажи, эры... Им еще предстояло преодолеть три тысячи этажей без надежды на помощь, три тысячи этажей и разрушенные землетрясением пролеты лестниц, и новые провалы времени, и голод, и жажду, и другие сюрпризы, и ужас неопределенности, и приступы одиночества...

Спустя двое суток их настиг очередной провал горизонта. Они прошли около ста двадцати этажей и за те пять минут, что оставались до неизвестно чем грозящей катастрофы, от которой спасались даже пауки, добежать к лифту не успевали ни вверх, ни вниз.

— Вот и все, — очень спокойно сказала Тая, опускаясь на ступеньку лестницы.

Иван стоял рядом, удивляясь ее спокойствию и собственной заторможенности, и считал секунды.

Где-то рядом в недрах очередного коридора нарастал струнный звенящий гул, постепенно повышаясь в тоне до воя, рвущего ушные перепонки. Струны лопались одна за другой, ощутимо вздрагивали стены, издали доносились вопли пауков, но на лестнице никто не появлялся.

— Пойдем в зал. — Иван взял Таю за руку, удивляясь, что ему что-то мешает: в руке была коробка НЗ. Он аккуратно засунул ее во внутренний карман куртки и повел девушку за собой, в приближающиеся гул и грохот.

И в тот момент, когда они сошли с лестницы в круглый зал с выходами коридоров, клин золотого пламени пронзил потолок зала, тугой удар бросил людей на пол, и

наступила тишина: смолкли звонки, далекие крики, гул и вой.

Иван первым поднял гудящую голову.

В центре зала лежал на полу толстоногий и толсторукий светящийся урод с конусовидным бугром вместо головы. Его тело на глазах прошло гамму цветов: от золотистого до багрового и бурого — и погасло. И потолке над ним продолжало светиться круглое пятно — дыра не дыра, окно не окно...

— Пять минут, — хрипло пробормотал Иван. — Пять минут истекло.

— Тише, — прошептала Тая.

Издали доносился размеренный баритон:

— Пройшла коррекция сверху, но горизонт неустойчив. Всем ТФА заблокировать пространственные связи горизонта. Даю двадцатиминутный отсчет...

Тая тихонько тронула Ивана за руку.

— Кто это?

— Не знаю, — так же тихо ответил Костров. — На человека не похож. Робот? Сейчас посмотрим.

Эксперт привстал, глядя на застывшую фигуру, потом поднялся и осторожно подошел. Урод не двигался, неловко подогнув одну руку под себя. На спине, а может быть, и спереди отчетливо выделялся горб с металлическими кольцами, вложенными одно в другое. Иван пригляделся и увидел на теле пришельца множество карманов, выпуклых ромбов, «молний», дисков и прочих деталей, говоривших, что это комбинезон или скафандр.

Отверстие в потолке — или нечто похожее на поверхность льда — уже затягивалось серебристым металлом, заплывало с каждой секундой. Волны свечения охватили теперь весь потолок и были похожи на волны, бегущие по воде.

— Ну что? — подошла Тая.

Иван высвободил руку лежащего из-под невероятно тяжелого тела, и тут вдруг поверхность уroda покрылась черной сеткой и верхний слой его осыпался пеплом. Под этим слоем оказалась нормальная человеческая фигура в комбинезоне: голова с копной вьющихся волос, бледное лицо с закрытыми глазами и сжатыми губами.

— Господи, человек! — прошептала Тая.

Глаза незнакомца открылись, лицо напряглось, дрогнули губы. Шепот был едва слышен, и Тая с Иваном пришлось нагнуться, чтобы разобрать слова:

— Возьмите... скорее! В кармане... на груди...

Иван осторожно потянул «молнию» на кармане, вытащил плоскую белую коробочку с тремя черными глазками. Глазки загорелись зеленым светом, как только Иван притронулся к коробочке трепетными пальцами.

— Еще... — прошептал незнакомец, пытаясь поднять руку и царапая комбинезон на груди.

Иван вытащил тяжелый черный пистолет, похожий на тот, что он отнял у «десантника» в Брянском лесу.

— Это «универсал»... для защиты... пока я не смогу сам... — Было видно, что чужак держится из последних сил, то уходя в беспамятство, то выплывая из него. — Коробочка — информационный блок... Приложи его к виску... — Он потерял сознание.

Иван оглядел плоскую коробку с глазками, поднес к голове и получил нечто вроде легкого сотрясения мозга, ошеломившего его на некоторое время. Он не был готов к тому, что информационный блок передает информацию в одном мгновенном импульсе. Разобравшись, в чем дело, Иван опустился на колени рядом с незнакомцем. Теперь он знал историю появления в Брянском лесу гигантского здания.

— Ты что? — испуганно спросила Тая.

— Дальше тебе придется идти одной.

— Почему?!

— Мы были правы: чтобы вернуться назад, в свое время, надо отсчитать вверх десятки тысяч этажей здания, которое и не здание вовсе, а ствол хроноускорителя. В каждом своем выходе в реальность он воплощен одним и тем же кольцевым сооружением, но с разными временными и материальными эффектами.

— Хорошо, мы их пройдем...

— Этот парень послан из будущего, чтобы выключить хронобур, то есть генератор хроноускорителя. Они там доросли до экспериментов со временем, и во время

одного из запусков бура произошла авария... причем организованная какими-то существами из других времен.

— Не теми ли чудовищами со змеиными головами?

— Нет, все эти существа, которых мы встречали, всего лишь помощники разных уровней... Я не совсем разобрался в их принадлежности. В общем, мы с тобой попали в Ствол... э-э, в здание со всем хозяйством обслуживания хронобура, случайно оказавшись в месте его материального «выталкивания» в нашем веке. И таких несчастных в здании много.

— Я помню, — передернула плечами Тая.

— Я должен идти с этим парнем вниз. Он послан организовать команду из таких же, как я, и попытаться выключить этот чертов бур. Кстати, его посылали точно для встречи с нами. Этот стержень, — Иван кивнул на свою дубинку, — оказывается, на самом деле энергоаккумулятор. МК — мини-коллапсар, вот что означают эти буквы. В нем пропасть энергии, не меньше десятка Чернобылей. Он излучает в длинноволновом диапазоне, и пауки лоцируют нас где угодно, зная обо всех наших перемещениях.

— Так пауки — это все-таки роботы?

— Киберприслуга хронобура, и они же — аварийные автоматы. Если бы не они — последствия выхода бура в наше время и в другие времена могли быть ужасающими, катастрофическими.

— А что там светится во дворе здания?

— Зона хронораспада, то есть зона прямого преобразования времени в пространство и энергию.

— Я пойду с тобой!

— Таисия, ты не понимаешь...

— Я пойду с тобой! С вами. И не возражай, пожалуйста... — Голос девушки стих до шепота, потом снова окреп. — Что нам предстоит сделать?

— Он объяснит. — Иван посмотрел на тело незнакомца. — Я понял так, что придется воевать. В здании, кроме пауков, полно других автоматов, в том числе и враждебных. Не считая «санитаров» и монстров.

Из коридора прилетел гулкий удар, качнулись стены зала, из других коридоров вынесло в зал облака пыли.

— Семнадцать минут до хронодвига! — сообщил размеренный голос автомата. — Всем ТФА покинуть горизонт! Вынужден произвести хроносброс во внешний мир!

Глаза незнакомца открылись.

— Кажется, у вас появилась альтернатива. Хроносброс — это выброс масштабной пены... м-м, энергии во внешний мир. Если хотите, ищите кабину «мембраны ноль», наберите на панели двадцатый век — ваш выход — и ждите. Вас выбросит из здания наружу в ваше время. Только не забудьте надеть ТФЗ.

— Но как же вы? — неуверенно сказала Тая.

— Я не имею права. — Незнакомец попытался улыбнуться, но не смог. — Бегите, у нас мало времени!

— Я остаюсь, — коротко ответил Иван, глянул на девушку. — Беги, ты успеешь.

Тая колебалась недолго.

— Я тоже остаюсь. Один ты не справишься. Что делать?

Незнакомец хотел что-то сказать, но снова потерял сознание.

— Бери его за ноги. Удержишь? Он теперь командир отряда, а мы его подчиненные. Будем спасать командира... а заодно и Вселенную. Как там говорят крутые герои: если не мы, то кто же?

Они подхватили незнакомца и, где волоком, где приподняв, понесли к лестнице громоздкое, неподвижное, необычайно тяжелое тело.

Гул теперь доносился из недр здания непрерывно, оно тряслось, раскачивалось, лестница вздрагивала и вибрировала, толчки сбрасывали людей со ступенек, выбивали из рук не приходящего в сознание незнакомца, а они с ожесточением, яростно, борясь за жизнь — свою и чужую, ломая ногти, не замечая боли, подхватывали тело на руки и тащили, тащили вниз с одной только мыслью: «Успеть!...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НАД МИРОМ

Глава 1

Снегопад кончился, и притихший лес медленно обрел глубину и четкость, словно фотография в растворе проявителя. Тишина, завладевшая лесом, перестала быть глухой, неприветливой и настороженной, вернулось первозданное, торжественное, выразительное и чарующее безмолвие заснеженной тайги, не нарушаемое ни одним звуком. Белое и серо-коричневое, с редкими пятнами седой зелени... Белое — снег и небо, серо-коричневое — сбросившие листву деревья, зеленое — сосны и ели. И еще — машины передвижной радиостанции и домики оперативного поста управления комплексной научно-исследовательской экспедиции. И все же главным цветом был белый...

Ивашура оглянулся. Километрах в пятнадцати над лесом вставала черно-голубая громада Башни диаметром около двенадцати километров, вершина которой тонула в облаках. Стены Башни были голубыми, а черными — ряды окон и пятен, ниш и разломов, провалов и трещин. Дикое, непонятное, неизвестно как возникшее на месте паучьего шатра колоссальное строение, непрерывно растущее вширь и не разрушающееся при этом...

В одной из темных брешей в стене Башни разгорелся вдруг пронзительно-зеленый огонек, и тотчас же где-то взвыла сирена тревоги, разбив тишину на тысячи отто-

лосков: огонек означал появление блуждающего источника радиации.

Ивашура потрогал во внутреннем кармане полушубка пистолет Кострова, отобранный им у неизвестного «десантника» (пистолет назвали по-книжному бластером, и Игорь постоянно носил его с собой), и зашагал по глубокому снегу мимо остывающей коробки вездехода к одному из домиков-вагончиков, из трубы которого тянулась струйка дыма.

Бластер он испытал уже дважды, один раз еще с Костровым, второй с Рузаевым, и оба раза поражался силе чужого оружия. В зависимости от регулировки мощности разряда — в этом они разобрались — пистолет мог метать молнии и целые реки плазменного огня, способного пробить брешь в любой стене или броне. Пригодился бластер и в недавнем инциденте возле стены Башни, во время исследовательской вылазки, когда на группу экспертов напала странная шестилапая обезьяна со змеиной головой высотой в два человеческих роста. Лишь направленный на нее ствол бластера заставил обезьяну ретироваться с невероятной прытью, хотя кое-какую аппаратуру она все же успела помять. Нападение было столь стремительным и неожиданным, что с трудом верилось в его реальность. Но синяк на руке Гаспаряна от прикосновения обезьяны остался надолго. В следующий раз они вооружились уже помощней, ружьем и пистолетом-пулеметом.

Раздевшись в крохотной прихожей, Ивашура вошел в центральную комнату. В комнате было тепло, пахло сосновыми поленьями, дымом и сбежавшим молоком. У стола, застеленного коричневой клеенкой, сидели несколько человек, среди них Миша Рузаев, Сурен Гаспарян, директор Центра Богаев и только что прибывшие на вездеходе полковник федеральной безопасности Одинцов Мартын Сергеевич, молодой, поджарый, с пристальным взглядом внимательных карих глаз, и второй вице-премьер правительства Старостин Николай Николаевич, большой, рыхлый, страдающий одышкой.

В углу на столике стояла переносная радиостанция, радист с наушниками на голове что-то записывал в жур-

нал, подкручивая верньер. Возле аппаратной стойки сидел телеграфист, отдельно стояли телефоны и плоский переносной телевизор.

— Что там? — спросил хрипло Богаев.

— «Глаз дьявола», — сказал Ивашура. — Высоко, метров четыреста под облаками.

— Это и есть Игорь Васильевич Ивашура, — представил его Богаев. — Начальник экспертного отдела Центра и в данном случае руководитель экспедиции. Поскольку ситуация необычна, ему даны особые полномочия.

— Мы осведомлены, — кивнул Старостин. — Извините, что перебил.

Ивашура глянул на Гаспаряна, шелкнул ногтем по футляру проектора, стоявшего на полке. Сурен понял и выскочил за слайдами в соседний домик, где устроили фотолабораторию. Рузаев молча принялся разворачивать проектор.

— Что вас интересует прежде всего? — Ивашуров вопросительно посмотрел на Одинцова и Старостина. — Принимаемые меры, факты минувшей недели, научные гипотезы?

Старостин кашлянул, посмотрел на полковника и пророкотал:

— Через два дня мы с Мартыном Сергеевичем должны доложить правительству о фактическом положении дел, потому хотелось бы разобраться в обстановке с минимальной предубежденностью. О мерах мы слышаны, научных гипотез, насколько я осведомлен, накопилось много, но все они субъективны и больше эмоциональны, чем научно обоснованы. Так?

Ивашура улыбнулся.

— Примерно так. Что ж, я вас понял. Давайте сначала восстановим хронологию, а потом перейдем к последним данным.

В комнату вошел Гаспарян и стал заряжать кассеты проектора слайдами. Рузаев задернул занавеску на окне, выключил свет.

— Пауки появились в Брянском лесу предположительно двадцать третьего сентября. Двадцать шестого

над просекой с линией электропередачи потерпел аварию вертолет энергохозяйства района, и уже тогда просека была заткана паутиной. То есть пауки появились раньше — по нашим расчетам, именно двадцать третьего. Откуда они взялись — неизвестно, гипотез несколько, но все они пока бездоказательны. Появившись, пауки начали строить нечто вроде паутинного шатра, достигшего к третьему октября высоты сорока двух метров. Кстати, материал паутины — сложное кремнийорганическое соединение — по прочности не уступает легированной стали, а по упругости превосходит каучук. Толщина нитей — около шести микрон.

Гаспарян включил проектор, и на развернутом полимерном экране у дальней стены комнаты возник пейзаж: хвойный лес, из которого вырос снежно-белый корпус.

— Четвертого октября, ночью, произошел взрыв, — продолжал Ивашура, — уничтоживший паутинный шатер, и на его месте поднялась странная кольшущаяся, как студень, опухоль, которая потом выросла в Башню. Диаметр последней к сегодняшнему дню достиг двенадцати с половиной километров. При взрыве... — Ивашура нахмурился, помолчал, — пропали без вести двое: сотрудник Центра Иван Костров и журналистка Таисия Калашникова. Они вылетели к паутинному шатру на вертолете и... не вернулись. Найти их не удалось.

— А вертолет? — спросил Старостин. — Тоже пропал?

— И вертолет.

— Странно.

— Да, странно, хотя и без этого случая странностей хватает.

Гаспарян сменил кадр, и на месте паутинного корпуса возникло изображение паука.

Помолчали, рассматривая.

— Хорош! — нарушил молчание Старостин. — Слабонервного вполне способен довести до инфаркта.

Изображение паука сменилось изображением Башни.

— Эпицентр тайны, — сказал Богаев. — К сожалению, проникнуть внутрь практически невозможно. Она растет, и находиться возле ее стен опасно.

— И что же, так никто и не пытался проникнуть? — спросил Одинцов.

— Для этого нужна отчаянная храбрость или... — Ивашура усмехнулся, — или не менее отчаянная глупость. А вообще-то попытки попасть внутрь Башни были, но не увенчались успехом. Главная ее особенность в том, что растет она скачками. Каждый скачок прибавляет диаметр на один-полтора километра и порождает при этом колебания почвы силой четыре-пять баллов. По данным исследований, высота плотного ядра Башни достигает двух километров, выше она становится зыбкой, дымчатой, полупрозрачной и на высоте трех километров исчезает совсем. То же касается и ее фундамента: до глубины в четыреста метров он виден на экранах эхорадаров и магнитных сканеров отчетливо, а потом как бы растворяется в породах континентального щита.

Гаспарян показал виды Башни со всех сторон, в том числе и сверху, потом стал демонстрировать отдельные участки башенных стен. На одном из снимков была запечатлена длинная струя черного дыма, исторгнутая из провала в стене.

— Мертвый выброс, — сказал Ивашура. — Этот дым превращает все, чего ни коснется, в сверхстранный полиметаллический сплав, в котором соединены почти все металлы от железа до свинца.

На стене появилось изображение сверкающей металлическим блеском полосы на земле. Кое-где на полосе стояли такие же серо-свинцовые пни и поваленные деревья с отливающей металлом корой. На следующем снимке была запечатлена еще одна полоса, в конце которой стоял гусеничный вездеход «Малыш» — глыба серого металла.

Старостин переглянулся с Одинцовым, и Богаев поспешил вставить:

— Жертв не было, люди успели выскочить. С тех пор никто не подходит так близко к Башне.

— Рискуете, — пробормотал Старостин неодобрительно.

— К сожалению, риск необходим, — сказал Ивашура. — Мы стараемся свести его к минимуму, но изба-

виться полностью не в состоянии. Да и обойтись без риска нельзя, ведь никто не может сказать, что это за Башня и чего от нее ожидать?

Гаспарян сменил кассету. На экране появился участок серо-голубой стены со зловещим светящимся глазом.

— Мы так и назвали это явление — «глаз дьявола». По сути, это источник жесткого гамма-излучения — пожалуй, наиболее опасное чудо из всего арсенала чудес Башни. И, наконец, призраки.

Последние слайды запечатлели на фоне угрюмых фиолетово-синих стен и лесных зарослей светящиеся зеленые и желтые полосы, языки, жилы и ленты.

Рузаев выключил проектор, отдернул занавеску, впуская в дом сероватый свет пасмурного декабрьского дня.

Старостин покашлял, побарабанил пальцами по столу.

— Хорошо бы познакомиться с этой Башней поближе. Или нельзя?

Ивашура посмотрел на Богаева.

— Отчего же, можно. Перед вашим приездом мы планировали вылазку к подножию Башни, можем проводить.

— Километра на три, не ближе, — ворчливо добавил Богаев. — Все-таки опасно, ратуете за уменьшение риска и тут же сами подаете отрицательный пример.

— Как вы считаете, Мартын Сергеевич? — повернулся к полковнику Старостин. — Имеем мы право рисковать?

— Мы — да, вы — нет, — улыбнулся Одинцов. — Тем более у Башни стали появляться весьма необычные... объекты. Не так ли, Игорь Васильевич?

Ивашура хотел спросить: «Откуда вы знаете?» — но встретил взгляд полковника и понял, что тот осведомлен и о «десантниках», и о черных всадниках, и о шестилапой обезьяне с головой змеи. То есть обо всем. Впрочем, подумал начальник экспедиции, чему удивляться? Наблюдателей-федералов в зоне Башни полным-полно, хорошо еще, что они ни во что не вмешиваются.

— Правильно, — с опозданием согласился Ивашура, отвечая и Одинцову, и своим мыслям. — Опасность необычных встреч существует, но к Башне мы вас все-таки проведем, я сам пойду с отрядом.

Старостин встал.

— Ну и хорошо. Нас послали выяснить, чем грозит ваша Башня району, области, может быть, и всей стране. Вопрос серьезный, и подойти к нему надо со всей ответственностью.

Пока готовилась экспедиция к Башне, Ивашура рассказал Одинцову о мерах по предотвращению утечки информации, мерах безопасности и о координации научных исследований.

В исследовании феномена Башни участвовали почти все отделы Академии наук, Физический институт, Объединенный институт ядерных исследований и другие научно-исследовательские институты страны. Все группы и лаборатории этих научных организаций были подчинены Центру, а координатором комплексной экспедиции был назначен Игорь Ивашура. Его заместителями стали Богаев и академик Гришин.

Вокруг Башни в радиусе десяти километров располагались два кольца оцепления, к селу Ивановскому, в пятнадцати километрах от Башни, были стянуты войска, в которые входили подразделения противохимической и противоатомной защиты, отделения дозиметристов и локаторщиков и вертолетно-десантный полк округа. Все эти воинские части подчинялись командиру Брянского гарнизона полковнику Михайлову, входящему в руководство экспедицией.

— С полковником я знаком, — сказал Одинцов, когда Ивашура закончил. — Как вы с ним взаимодействуете?

— В основном через связь. Иногда требуется техническая помощь, привлекали к работе радиолокационные станции, бывает нужна грубая физическая сила, а иногда приходится отыскивать увлекшихся работой ученых, забывающих о режиме безопасности.

Подошел Богаев, одетый в шубу.

— Тут у нас возник спор: не спешим ли мы с допус-

ком в зону зарубежных ученых? Башня явно создана искусственно, но кем и с какой целью? Конечно, американцы здесь ни при чем, но тогда мы выходим на контакт с другой цивилизацией, как бы сказочно ни звучали эти слова. Не слишком ли серьезна проблема, чтобы решить ее на... — Богаев замялся.

— На уровне полковника, — закончил Одинцов с тонкой иронией. — Вы правы, дело серьезное, но вопрос о допуске зарубежных ученых уже решили в Москве. Через день-два сюда придут делегации ученых западных стран, в том числе и американцы.

— Это усложнит работу экспедиции.

— Знаю, но работать придется. Феномен Башни перерос рамки национальных интересов, а если перед нами встала задача контакта с иным разумом, тем более понадобятся усилия ученых и государственных деятелей многих стран. Позиция правительства по этому вопросу диалектически и политически верна.

— Я не спорю. — Богаев нахлобучил шапку. — Однако у меня есть право и на свое мнение. Готовы? Пошли.

Отряд выступил в путь.

Впереди шагали Ивашура и Гаспарян, одетый в черный замшевый полушубок, потом Богаев, Старостин и Одинцов с биноклями, а замыкал отряд Рузаев с рацией на ремне, имевшей поэтическое название «Тюльпан». Гаспарян и Рузаев захватили с собой также различные анализаторы и датчики. Ивашура нес универсальный дозиметр и поддерживал перекинутый через плечо ремень сумки с инструментом.

Снег был глубокий, и идти было трудно, несмотря на протоптанную тропу, но Ивашура уверенно лавировал между деревьями — он ходил здесь не раз. Миновали просеку с поваленными опорами ЛЭП, вышли на край замерзшего и заснеженного болота с островками травы и камыша, виднеющимися из-под снега. Стена Башни придвинулась вплотную, нависла над головой ощутимой тысячетонной громадой, хотя до нее оставалось еще километров шесть.

Остановились, с немym восхищением озирая в би-

нокли чудовищное здание, испещренное узором непрозрачных окон и дыр.

— Колоссально! — сказал Старостин, выдыхая облачка пара. — Фотографии и телепередачи не передают впечатления.

Пошли дальше и через километр встретили патруль оцепления первой линии, протоптавший дорожку в снегу вдоль проволочной ограды. У солдат на ремнях висели рации и дозиметры. Старший наряда козырнул Одинцову, попросил разрешения обратиться к Ивашуре и доложил:

— За время дежурства происшествий не случилось. Старший наряда сержант Гогиев. А вы снова туда, Игорь Васильевич? — не удержался он от вопроса. — Хоть бы раз взяли с собой.

— Еще доведется, Вахтанг, — ответил Ивашура. — Докладывайте обо всем, что покажется непонятным. Мы вернемся через два часа.

Через несколько минут Ивашура остановился и поднял руку.

— Извините, дальше мы пойдем одни.

Старостин, отдуваясь, вытер вспотевшее лицо платком и долго рассматривал Башню в бинокль. Наконец опустил бинокль и ворчливо заметил:

— Я дальше и сам не хочу идти, отсюда и так все отлично видно.

Одинцов улыбнулся, но возражать не стал.

— Что ж, будем возвращаться. Однако действительно впечатляет! Чувствуешь себя если не блохой, то уж, во всяком случае, не венцом природы. Игорь Васильевич, у меня к вам есть конфиденциальный разговор, вернетесь — загляните в мои апартаменты.

— Непременно, — кивнул Ивашура.

— Идемте, идемте, — заторопился Богаев. — Экипированы мы не для таких рискованных прогулок, а неприятные сюрпризы Башня может преподнести в любой момент и на любом расстоянии от нее.

Делегация отправилась назад, часто оглядываясь то на стену Башни, то на оставшихся экспертов.

— Вперед! — бросил остальным Ивашура. — Надо

успеть вернуться засветло, не хочу я ночью связываться с «зоной ужасов».

— Может, еще разок попробуем проникнуть в Башню? — предложил Гаспарян. — На стыке двух точек выхода призраков. Там мы еще не пытались.

— Не сегодня. Придем обратно — обсудим. Этот полковник дал понять, что все знает о наших походах и встречах с порождениями Башни. И мне это активно не нравится. Я хочу поговорить с ним, чтобы федералы не мешали и впредь. А еще лучше, чтобы они нам помогли.

Дальше шагали молча, настороженно всматриваясь в стену Башни и прислушиваясь к нарастающему подземному гулу и клокотанию — звуки эти обычно становились слышны только у самой стены, в пределах одного километра. Подрагивание почвы заметно усиливалось, тем более что болото в непосредственной близости от Башни оттаяло и слой торфа начал пружинить и прогибаться под ногами. Из часто встречающихся ям поднимались струйки испарений.

— Граница, — сказал Гаспарян. На лбу его выступили бисеринки пота. Он оглянулся на Рузаева и растянул губы в неопределенной усмешке. — Что-то сегодня не чувствуется влияния «зоны». Не боишься, Михаил?

— Иногда то, чего мы боимся, менее опасно, чем то, чего мы желаем, — ответил Рузаев изречением Коллинза. — Не стучи зубами, Сурен, за версту слышно.

— Конечно, тебе нечего бояться, ты сам как леший. А я человек интеллигентный, нервный, легко поддающийся соблазну...

— Тише ты, нервный! — негромко сказал Ивашура, останавливаясь. — Ох, и надоела мне ваша фасон де парле¹. Вот только теперь мы подошли к границе, чувствуете? Просто сегодня «зона ужасов» чуть уже, чем обычно.

То, что они называли «зоной ужасов», было всего-навсего ощущением нависшей опасности, появлявшимся у человека вблизи Башни. У каждого это ощущение сопровождалось комплексом других негативных эмо-

¹ Манера выражаться (фр.)

ций — сообразно типу нервной системы, характеру и восприимчивости. Рузаеву, например, казалось, что из-за слепых окон Башни за ними следят недобрые глаза. Гаспарян переставал узнавать товарищей, становился подозрительным и возбужденным. Ивашуре слышались чьи-то голоса, и ему очень хотелось проснуться, хотя он и сознавал, что все это с ним творится наяву.

— Да! — с чувством сказал Гаспарян и облизнул губы. — До сих пор не могу привыкнуть! Пошли, а то я сбегу.

Они двинулись дальше.

Снега здесь, вблизи стены, не оказалось совсем, земля была голой, растрескавшейся, в жесткой шкуре высохшей осоки. Чем ближе они подходили к Башне, тем труднее становилось идти: земля была взломана, разорвана на глыбы, скручена пластами. И наконец перед людьми встал громадный стометровый вал полурасплавленной, спекшейся земли вперемешку с торфом и глиной, исполосованный многометровыми трещинами. Воняло здесь серой, дымом, угольной пылью и порохом. Ощущение опасности усилилось настолько, что каждый шорох отзывался болезненным ударом по нервам.

Они с трудом удерживались, чтобы не побежать назад сломя голову и не позвать на помощь.

— Я пошел вперед, а то закричу «караул!» — быстро проговорил Гаспарян и полез на склон черного вала. Ивашура молча махнул рукой более сдержанному Михаилу и полез следом. Эффект «зоны ужасов» кончился где-то в полусотне метров от подножия стены.

— Ф-фу! — сказал на вершине вала Гаспарян и вытер лоб. — Легче с рогаткой на тигра идти!

На изуродованном ямами и буграми гребне вспученной чудовищной силой земли было жарко, воздух дрожал знойным маревом, источая ароматы паровозной топки и котельной. Стена Башни была рядом, голубая, пористая, как губка, вернее, как вспененный бетон, но Ивашура знал, что материал стены бетоном никогда не был — то же кремнийорганическое соединение, входившее в состав псевдопаутины. Здесь влияние «зоны ужасов» почти не сказывалось, что тоже было одной из не-

решенных загадок. Ученые предполагали, что ощущение ужаса возникает у людей в зоне под воздействием какого-то излучения, но какого — было трудно разобраться, потому что параметры среды у стены намного отличались от естественных в любом другом уголке Земли. Башня была чудовищной аномалией сама по себе, и вторичные эффекты, рожденные ею, еще не все были отмечены и зарегистрированы, не говоря уже об изучении и истолковании.

— Расставляйте датчики полей цепочкой, — сказал Ивашура. — Анализаторы поставим прямо под стеной, им все равно, где стоять.

Они быстро установили приборы, включили, проверили настройку и собрались у трещины, расколовшей вал почти на всю глубину. Стенки трещины отблескивали металлом. Ивашура проследил направление трещины и увидел цепочку тусклых стальных пятен на поверхности парившего кое-где торфяного слоя.

— Вот это удача! — сказал он. — Здесь недавно произошел капельный мертвый выброс! А ну-ка поищем выход.

Мертвые выбросы — струи черной субстанции, превращавшей любые вещества и материалы в полиметаллический сплав, обычно извергались струями длиной в сто — двести метров, реже — в километр, и точки извержения в стене Башни тут же затягивались, исчезали. Точки выхода капельных выбросов, когда на землю ложилась очередь черных капель, зарастали медленно, в течение нескольких часов, но и встречались они несравненно реже.

Рузаев первым отыскал на стене неровное темно-серое пятно, края которого заметно отливали металлом. Пятно диаметром в пять метров располагалось на высоте человеческого роста почти у истока трещины, и веяло от него жаром, как от сталеразливочного ковша.

Михаил быстро измерил температуру пятна.

— Триста девять градусов!

— Регистраторы РФВ сюда, — приказал Ивашура. — Пару штук. Для граничных передач останутся еще два, этого достаточно. Что еще мы забыли?

— Вроде бы все сделали.

— Образцы, — подсказал Рузаев, устанавливая у стены под пятном регистраторы физических величин.

— Правильно, собираем образцы и мотаем отсюда. У меня предчувствие дурацкое...

Не мешкая, взяли образцы почвы в разных местах. Рузаев с большим трудом отколупнул пробоотборником крошку металлизированной трещины, попытался взять соскоб темно-серого пятна, но инструмент соскальзывал, а стоять долго у пятна было невозможно — начинали тлеть воротник полушубка и рукавицы.

— Назад! — приказал Ивашура, засняв всю панораму на пленку. — Бегом! Попрошу только не ломать ноги и головы.

— Ну, меня подгонять не надо, — пробормотал Гаспарян. — Я и так побью все рекорды по бегу.

Они спустились с вала вывернутого пласта болотной почвы и припустили к лесу и белой снежной полосе в двух километрах.

Пробежав «зону ужасов», остановились отдышаться, запаренные, хватая чистый и холодный зимний воздух открытыми ртами, глядя на отодвинувшуюся гору Башни.

— Ничего, — сказал Гаспарян. — И никого. Зря пугал.

— Не зря, — возразил Рузаев, доставая бинокль. — Посмотри-ка левой Башни, за кустиками.

Ивашура вскинул к глазам свой бинокль и увидел знакомый силуэт — черный всадник на гигантском животном, напоминающем кентавра, но без головы.

— Кажется, начинается флаттер, — добавил Рузаев, от глаз которого ничего не ускользало.

Ивашура перевел взгляд и увидел, как поверхность стены Башни зарябила, по ней побежали волны, сначала редко и слабо, затем все чаще и сильнее. Потом и невооруженным глазом стала заметна вибрация стены: словно мертвое озеро, сотрясаемое крупной зыбью, поднялось вертикально. Донесся низкий стонущий гул, задрожала земля. Черный всадник исчез.

Они стояли с полчаса, смотрели на непонятное, про-

тиворечащее здравому смыслу явление и молчали. Ивашура закончил киносъёмку Башни и опустил бинокль.

— Пошли, Миша, дай отбой границе, чтобы не беспокоились. Кстати, мои часы остановились. Сколько на твоих электронных?

Рузаев поднес руку к глазам и хмыкнул:

— Невероятно, но факт! Не видно цифр!

— Сдохли батарейки, — прокомментировал Гаспарян и лизнул с ладони снег.

— Да ведь я только полтора месяца назад их поменял!

Ивашура спохватился и махнул рукой вперед.

— Дома разберемся.

Они побрели по снегу назад, к лесу, где располагался координационный центр экспедиции, или, как говорили все, штаб.

Глава 2

Ивашура не любил частых и длинных совещаний, на которых выступающие долго и нудно переливали из пустого в порожнее, поэтому старался как можно реже их созывать, зная, что время выявления истины путем мозгового штурма еще не пришло, до объяснения феномена Башни было не близко... Но Старостин попросил собрать пятиминутку, чтобы, как он выразился, ученые обменялись мнениями, высказали свои гипотезы и отношение к происходящему.

— Я многое увидел и узнал, — сказал он в качестве пролога к совещанию, — но не понял почти ничего. Поэтому прошу всех изъясняться предельно просто, чтобы я потом мог повторить ваши доводы правительству. Думаю, главной в ближайшие дни станет проблема — как остановить рост Башни, потому что через десять-двенадцать расширений — пульсаций, как вы называете, — Башня вторгнется на окраины райцентра Жуковка с населением в сорок тысяч человек! Кроме того, будут сметены с лица земли несколько поселков и деревень, леспромхоз и много мелких объектов и предприятий. Вы задумывались над этим?

— Задумывались, — сказал Богаев. — И уже обращались к властям района и области с докладом о сложившейся ситуации. Пока что самое реальное на сегодняшний день — эвакуация населения близлежащих деревень, в том числе и райцентра.

— Легче сказать, чем сделать, — подал голос представитель Жуковского райисполкома. — Район и так уже потерпел миллионные убытки.

— А вы можете предложить иной выход?

— Конечно, могу. Разбомбить эту Башню ко всем чертям! Дешево и сердито! И нам спокойней, и людям не придется покидать обжитые места, и ученым останется что изучать.

Поднялся шум. Комната штаба с трудом вместила всех начальников институтских групп и лабораторий, большинство присутствующих располагались стоя, сидели всего девять-двенадцать человек.

— Тише, господа! — Председательствующий, сухопарый Гришин, постучал по столу карандашом. — Прошу высказываться по очереди.

— К чему лукавить? — наклонился к уху Ивашуры Одинцов, кивая на представителя исполкома. — В его предложении не только желание жить спокойно, но и доля истины. Уничтожение Башни — самый простой и дешевый способ избавления всех нас, да и десятков тысяч других людей от тревог и забот. К сожалению, этот способ не гарантирует успеха.

— И другое, — добавил Ивашура. — Тут вступают в силу принципы морали и этики, обойти или нарушить которые мы не вправе. Но я согласен с вами: вопрос уничтожения или разрушения Башни еще встанет перед нами в полный рост, если она не остановит расширения.

— Предлагаю не обсуждать сегодня организационные вопросы, — сказал Богаев, — что делать руководству района, что нам и как остановить рост Башни. Об этом пусть думают соответствующие органы. Наше дело — изучение феномена, взаимодействие отрядов и их снабжение необходимым оборудованием и техникой. Дискутировать некогда, пусть начальники отрядов доложат свои мнения о тех объектах, которые они исследуют.

Он сел. Все смотрели на Старостина, но тот молчал. Ивашура дал кому-то знак, встал бородатый, круглолицый, похожий на артиста Бориса Хмельницкого, начальник группы физиков-ядерщиков из ОИЯИ.

— Наша группа изучает все электрофизические феномены, в частности мертвые выбросы, — начал он густым протодьяконским басом. — Внешне это выглядит довольно безобидно: черная струя, похожая на струю дыма длиной от двухсот метров до одного километра. Но все предметы, попадающие в эту струю, сохраняя форму, «вырождаются» в полиметаллические болванки! Цепочка ядерных превращений происходит почти мгновенно и абсолютно бесшумно, без видимых вторичных эффектов! Значение этого открытия трудно переоценить. Ведь перед нами технология будущего, причем очень далекого будущего: синтез любых тяжелых элементов из любых простых — водорода, кислорода, углерода, кремния!

— Пока что мертвые выбросы — стихийное бедствие похлеще утечки радиоактивных веществ типа чернобыльской, — подал реплику кто-то из стоящих у двери.

— Утечка радиоактивных веществ из реактора — не стихийное бедствие, — возразил чернобородый физик. — А мертвые выбросы в действительности гораздо менее опасны, чем утечки. Пользуясь случаем, прошу выделить дополнительные средства нашей группе, а именно...

Аудитория зашумела, послышались смех, восклицания, одобрительные и негодующие реплики, ворчливые замечания ученых старшего поколения.

— Но вы же объяснили, что такое эти ваши выбросы, — сказал Старостин, переждав шум.

— А я не знаю, — ответил физик под дружный смех собравшихся. — Может быть, это праматерия, легендарный апейрон древних греков, первооснова всего сущего, а может, облако кварковой субстанции с дефицитом глюонов... — Физик осекся. — Извините, проще объяснить гипотезу, пожалуй, не смогу.

Одинцов снова придвинулся к Ивашуре.

— Кто этот бородатый? Личность вроде знакомая...

— Доктор физико-математических наук Меньшов. Ваше ведомство должно опекать таких крупных специалистов.

— Наше — нет, за других не отвечаю. Просто почитываем научно-популярную литературу для общего развития. По-моему, я читал статьи этого Меньшова в физических журналах, там даются портреты авторов.

Сквозь толпу пробрался к Ивашуре лейтенант Куца, нагнулся к уху.

— У Башни полчаса назад потерпел аварию вертолет авиаконтроля.

— Пострадавшие?

— Неизвестно. Экипаж вертолета — четыре человека: пилот и трое исследователей. На вызовы не отвечают.

— Где это?

— Северо-восток, со стороны Спасова, примерно в километре от Башни. Их локаторщики вели, я узнавал, они же и сообщили.

Ивашура оглянулся на Богаева, сделал знак продолжать и выбрался из комнаты. Одинцов последовал за ним.

— Что будем делать? — Он слышал разговор.

— Тревогу, во всяком случае, поднимать рано. Вот что, Толя, — обратился Ивашура к лейтенанту. — Дай предупреждение по линии и пошли в точку падения ближайший наряд, предупреди «скорую». А мы подскочим по воздуху.

Лейтенант козырнул и скрылся в домике военного поста связи.

Возле штаба стояли два вездехода и вертолет, приданный штабу в оперативное пользование. Ивашура направился к нему, на ходу вытягивая антенну из плоской коробки рации.

— Диспетчера мне, — бросил он в решетчатое окошечко микрофона.

— Максимов слушает, — отозвался тенорком динамик «Тюльпана».

— Коля, разыщи Гаспаряна и Рузаева срочно и пришли их к штабу.

— Михаил только что направился к вам, а Сурен пошел в вычислительный. Если нужно, я туда позвоню.

— Не надо, долго ждать. Отбой.

Ивашура щелкнул выключателем, задержал шаг.

— Вы пока садитесь в кабину, я сейчас.

Он забежал в один из домиков экспедиции, на дверце которой был намалеван красный крест в белом круге, и вернулся с миловидной женщиной, врачом отряда, накидывающей на ходу пальто на белый халат. Ивашура держал в руке медицинский саквояж.

Из-за деревьев показался Рузаев. Заметив подзывающие знаки Ивашуры, он рысцой направился к ним.

— Заводи, — кивнул Ивашура пилоту и пропустил врача вперед.

Рузаев, не задавая вопросов, поднялся следом. Одинцов подвинулся, пропуская их в тесную кабину.

Пилот запустил двигатель, и через несколько минут они взлетели. Ушла вниз поляна с домиками экспедиции, машинами и радиостанцией. Горизонт раздвинулся, распахнулась палево-серая даль зимнего леса, у отодвинувшейся Башни стала заметна окружавшая ее черно-бурая полоса растаявшего грунта.

Ивашура снова включил «Тюльпан», перещелкнул диапазоны.

— Связь-два, лейтенант у вас?

— Я здесь, Игорь Васильевич.

— Молчат?

— Наряд только что пошел, пока никаких сведений.

— Я имею в виду вертолет.

— Молчат.

Ивашура наклонился к пилоту.

— Давай вокруг Башни, на румбе северо-востока снизись, будем искать.

Пилот шевельнул каменными скулами:

— Найдем, — и снова застыл, положив сильные руки на полукольцо штурвала.

В километре от Башни, закрывавшей половину небосвода колоссальной геометрически правильной горой, вертолет стало болтать в воздухе.

— Восходящие потоки, — пояснил пилот бесстрастно.

Ивашура не ответил, вода биноклем по курсу вертолета. Остальные тоже взялись за бинокли, даже врач. Смотреть было неудобно, сильно мешала болтанка, но терпели, вглядываясь до слез в бурое месиво внизу. С четверть часа длилось молчание, лишь Ивашура однажды запросил по рации лейтенанта. Наряд солдат застрелял где-то у непроходимой топи и сообщить ничего нового не мог.

— Топь, — пробормотал Одинцов. — Вертолет не мог затонуть в трясине?

Ивашура подумал о том же, но промолчал, продолжая осматривать местность под вертолетом. За него ответил Рузаев:

— Болото оттаяло только сверху, максимум на полметра — метр, так что провалиться глубже они не могли.

— Вижу! — воскликнула вдруг врач и вытянула руку вперед. — Смотрите, вот он!

Пилот тоже увидел упавший вертолет и направил машину к Башне, потому что вертолет авиаконтроля лежал на полкилометра ближе, чем говорил лейтенант.

— Оранжевый? — удивился Одинцов.

— Чтобы виден был издали, — пояснил Рузаев.

Башня приблизилась, утрюмая, голубовато-серая, в узорах черных пятен и ниш. Казалось, она кренилась в их сторону и сейчас упадет, чудовищное творение неизвестных сил, нечто небывалое по земным масштабам и человеческим меркам и поэтому противоестественное и таинственно-зловещее.

Одинцов покачал головой.

— И не бойтесь же вы здесь летать! А если появится... этот «глаз дьявола» или мертвый выброс? Как у вас соблюдается режим безопасности?

— Соблюдается, — отрывисто бросил Ивашура, готовясь открыть дверцу кабины и выпрыгнуть наружу. — Во-первых, сейчас «межсезонье» — середина между пульсациями, подвижками Башни, и активность ее низкая. То есть мертвые выбросы, «глаза дьявола» и прочие эксцессы учащаются по мере приближения пульсации, и за день до нее мы прекращаем выходы к Башне. А во-вторых, нас предупреждают пауки.

Одинцов изумленно посмотрел на начальника экспедиции.

— Пауки?! Пауки предупреждают вас о появлении «глаз дьявола»?

— Мы это сами поняли недавно, — проговорил Рузаев. — Но еще ни разу пауки не ошиблись. Как только раздастся крик — где-то что-то обязательно вылезет.

В это время вертолет коснулся колесами грунта, слегка накренился. Ивашура открыл дверцу, спрыгнул на желто-бурую плешь сухой травы и, пригибаясь, отбежал в сторону. Рузаев спрыгнул за ним, и Одинцову пришлось помогать врачу сойти на землю, вздрагивающую под ногами, как живая.

Вертолет авиаконтроля лежал на боку с поломанными винтами, наполовину погрузившись в черную жижу, выступившую из-под прорванного верхнего слоя торфа, перегной и корневой системы трав. Возле него никого не было видно.

Ивашура первым подбежал к вертолету, рванул дверцу на его пузатом, забрызганном грязью боку, заглянул в кабину.

— Что там? — подбежал Рузаев.

— Похоже, они ушли, никого нет.

Ивашура влез в кабину, пошарил там и высунул голову.

— Аппаратура вдребезги, а на пульте, по-моему, кровь...

И в это время совсем близко, у подножия Башни, до которой было рукой подать, закричал паук.

Одинцов уже слышал крик паука, но издали, с большого расстояния, поэтому он вздрогнул и схватился за диктофон, который всегда носил с собой. Женщина-врач переступила с ноги на ногу, зажав уши.

— Пять секунд, — сказал Рузаев, когда леденящий душу крик стих.

— Шесть, я засек сразу, — быстро проговорил Ивашура. — О, черт, только этого нам не хватало! «Глаз» или выброс — одно из двух. Надо же так напороться!

— Это я сглазил своими разговорами, — сказал Одинцов. — Что же мы стоим? Бегом в вертолет и...

— Больше шансов отправиться в рай без билетов. Нет, придется остаться. Никакая защита не спасет, если нас зацепит гамма-луч или язык мертвого выброса. Будем уповать только на авось.

Одинцов еще раз хотел напомнить свои недавние высказывания о режиме безопасности, но посмотрел на врача и передумал. К тому же он понимал, что они были вынуждены рисковать, идя на помощь пострадавшим.

— Странно, что мы их не заметили, — сказал Ивашура, вспомнил о рации и вдавил пуговку включения. — Связь-два, что нового? Мы, кажется, влипли: только что пауки пропели серенаду предупреждения.

— Мы слышали, Игорь Васильевич. Поднимаю в воздух тревожную группу.

— Ни в коем случае! Осталось минуты две, они не успеют. Вертолет мы нашли, но в нем никого нет. Очевидно, экипаж почти не пострадал и скоро выйдет к оцеплению сам. Пошли навстречу на всякий случай второго врача.

— Понял. Но, Игорь, позволь хотя бы...

— Все! — Ивашура выключил рацию и посмотрел на врача. Женщина казалась внешне спокойной, хотя и мяла в руке снятую перчатку. — Попали мы в переплет, Ирина. Будет о чем детям рассказать.

Врач благодарно улыбнулась, краска вернулась на ее щеки.

— Это когда еще будут дети...

Рузаев сбегал к своему вертолету, пилот которого остался абсолютно равнодушным ко всему происходящему, и принес кинокамеру.

— Началось, — сказал он. — Нам повезло, редко кто наблюдал мини-извержения Башни в такой близости.

Одинцов присмотрелся и увидел, что на голубой с черным стене проступили светлые полосы, засеребрились, засияли, и на землю хлынул водопад искр. Сильно зашипело, к людям принесло волну свежести, мех на шапках встал дыбом, при каждом движении одежда стала потрескивать.

— И вовсе это не «глаз», — пробормотал Рузаев, вскидывая кинокамеру.

— Электрический дождь, — кивнул Ивашура, напряженно вглядываясь в Башню. — Чувствуете, какая электризация воздуха?

Со стены Башни, с высоты метров сто пятьдесят, сорвалась синяя молния и вонзилась в вал у подножия. Резкий щелчок, словно удар колоссального кнута. Еще и еще раз. Снопы электрических искр стали гуще, шипение усилилось, словно из серпентария выползло полчище рассерженных гадюк, сияние постепенно охватывало весь исполинский ствол Башни, поднимаясь снизу вверх.

Кожу на лице стало пощипывать, начали подергиваться мышцы на руках, ногах и спине.

— Первый раз наблюдаю дождь такой силы! — сказал Ивашура и скомандовал: — Быстро в вертолет! — Зубы его замерцали прозрачным зеленоватым светом. — Металлический корпус послужит экраном.

Они побежали к вертолету, при каждом прыжке ощущая болезненные покалывания в нервных узлах. В кабине буйство электричества прекратилось, перестали светиться зубы, нос, пальцы. Пилот только головой покачал, глядя на вакханалию света за стеклом кабины. Видимо, напряженность электрического поля продолжала нарастать, потому что начали светиться трава, камни, упавший вертолет. Красивые изменчивые голубые и зеленые волны сияния накрыли болото мертвым пушистым ковром.

— А где Михаил? — спросил вдруг Ивашура, бросив возиться в углу с каким-то прибором.

— Снимает, — сказал пилот.

Рузаев стоял на упавшем вертолете, окруженный электрическими сполохами, не отрываясь от видеоискателя кинокамеры.

Ивашура ударил ногой в дверцу, высунулся по пояс и закричал:

— Михаил, в кабину! Живо!

Рузаев оглянулся, опустил кинокамеру, и в ту же секунду словно судорога передернула Башню: она искривилась, заколебалась, как мираж, готовый растаять, исказился горизонт. Судорога пробежала от Башни по земле,

перечеркнув оранжевый бок вертолета с человеком на нем, какие-то странные светящиеся фигуры встали над болотом, полетели световые стрелы и копьа...

Вертолет с людьми качнулся, Ивашура едва не вывалился наружу, но пилот успел удержать его за полушубок. Один из светящихся лоскутов воткнулся в лобовое стекло кабины. Жгучий свет залил все вокруг, ослепленные люди попадали на пол, закричала Ирина, и вслед за световым ударом в кабину ворвалась тьма...

Ивашура пришел в сознание первым. Ломило в висках, все тело казалось водянистым и рыхлым, отказывалось повиноваться. Пилот полулежал на своем сиденье с равнодушным лицом, продолжая сжимать в окаменевших руках штурвал.

Зашевелился Одинцов, молча сел, ощупывая лицо. Ивашура нагнулся к врачу, легонько похлопал ее по щеке. Женщина вздохнула и открыла глаза.

— Будто из мясорубки вынули, — пробормотал Одинцов и с трудом встал. Его повело в сторону, и он вцепился в спинку пилотского сиденья.

Ивашура открыл дверцу и выглянул из кабины.

Почва, вывороченные пласты торфа, кочки, трава были покрыты страшным серебристым налетом, словно инеем. В воздухе витали запахи металла и жженого волоса, отчего у всех запершило в горле.

Башня стояла на том же месте, такая же мрачная, темная и ощутимо массивная, вершиной уходящая в пелену облаков.

Ивашура тяжело спрыгнул на землю и дико оглянулся вокруг.

— Ничего не понимаю! Куда он делся? Михаил!

Потерпевший аварию оранжевый вертолет исчез, и вместе с ним исчез Рузаев.

— Не может быть! Куда они подевались? Михаил-ил!..

Издалека послышался нарастающий рокот, и над лесом показались вертолеты. Лейтенант вызвал-таки подмогу.

— Что это было с нами? — тихо спросил Одинцов.

— Мы попали в зону призраков, — отозвался пришедший в себя пилот, будто одним словом мог объяснить все происходящее.

Глава 3

В поисках таинственным образом исчезнувшего Рузаева участвовали пять военных вертолетов и отделение солдат под командованием лейтенанта Кущи, но найти эксперта не удалось. Не удалось обнаружить и разбитый вертолет авиаконтроля, и это обстоятельство заставляло искать нетривиальные объяснения их исчезновения.

В домике штаба попискивал пульт селектора, доносились переговоры исследовательских групп — рации всех групп работали на одной частоте. У пульта селектора сидел хмурый Ивашура и слушал Богаева. У перегородки возле рации спецсвязи устроился радист с наушниками на голове, второй что-то тихо ему втолковывал, иногда оглядываясь на Ивашуру.

Одинцов стоял у окна, сложив руки на груди. Старостин ходил от перегородки до ряда стульев, иногда вздыхая.

— Надо прекратить походы к Башне, — сказал он наконец, останавливаясь у окна. — Иначе будут новые жертвы.

— До сегодняшнего дня жертв не было, — проворчал Богаев. — А исчезновение Рузаева, возможно, вполне объяснимо...

— Конечно, объяснимо: распался на атомы! Подходит такое объяснение?

— Нет, здесь все не так просто, — возразил Ивашура. — Эксперты сделали анализ образцов грунта на том месте, и оказалось, что состав верхнего слоя почвы в зоне появления призраков не соответствует составу окружающих зону почв.

— Ну и что?

Ивашура помолчал.

— Есть идея, но высказывать ее преждевременно. Извините.

В домик вошел Гаспарян, отряхнул снег с шапки, разделся, прошел во вторую комнату, причесываясь на ходу.

— Снимай поиск, — сказал он Ивашуре. — Местность открытая, искать больше негде. Провалиться в болото вертолет с Мишей не мог, мы проверили — там выход глины, толщина верхнего слоя с торфом всего около двух метров.

Ивашура посмотрел на Одинцова, одетого в свитер, тот еле заметно кивнул.

— Хорошо, ты прав. Виктор, передай поисковым отбой.

Радист встрепенулся и потянулся к панелирации. Гаспарян сел, аккуратно поддернул брюки, все молча смотрели на него, будто на вестника беды. Старостин снова зашагал из угла в угол, радист передал в эфир приказ Ивашуры, и в домик вернулась прежняя тишина.

— А что с экипажем упавшего вертолета? — поинтересовался Одинцов. — Причину аварии установили?

— Причина довольно необычная — Гаспарян хмыкнул. — Они летели на высоте трехсот метров и работали с регистраторами полей и частиц, настраивали лазерный спектроскоп. А потом вдруг, по словам пилота, вертолет дернуло к Башне с такой силой, что двигатель заглох. Ну и грохнулись, естественно.

— Что значит «дернуло»?

— То, что вертолет попал в какой-то притягивающий конус. Толчок был так силен, что они пролетели по направлению к Башне не больше четырехсот метров! Побились, конечно, здорово. У пилота сломаны два ребра и разбита голова, у остальных то поломана рука, то выбиты зубы, вывихи, ушибы, содрана кожа...

— Хорошо хоть живы остались! Неужели открыли новое явление? Никто не сообщал раньше ни о чем подобном.

— Вот поэтому я и говорю: следует прекратить вылазки и полеты к Башне, — сказал Старостин. — Мартын Сергеевич, надо пересмотреть режим безопасности исследований, и немедленно. — Заместитель премьер-министра повернулся к Ивашуре: — Игорь Васильевич,

вы же понимаете, что первым делом с нас спросят за людей, за соблюдение норм безопасности, а уж потом за ход исследований. Подходить к Башне опасно, а если до сих пор обходились без жертв, так это чисто случайно, а не из-за мер предосторожности. То, что нас предупреждают пауки, — не довод.

Старостин вытер платком лоб, сел, снова встал. Он был взволнован, раздражен и не скрывал этого.

— Что мне докладывать в Москву? Что такое Башня — вы не знаете, чего от нее ожидать дальше — тоже не знаете. А знать необходимо, иначе проглядим катастрофу.

— Доложите, что есть, — пожал плечами Богаев. — К сожалению, рост Башни вывел ее за пределы чисто научных проблем, добавил социальное и политическое звучание, отмахиваться от этого нельзя. Вопрос эвакуации района из опасной зоны — вопрос социальный, бытовой, психологический, финансовый и так далее. Его надо решать в первую очередь, время не ждет.

На панели рации загорелся глазок индикатора, радист поправил наушники, выслушал и сказал подошедшему Ивашуре:

— Посты наблюдают «глаз дьявола», аппаратура сейсмологов регистрирует подземные шорохи.

Ивашура кивнул, повернулся к остальным.

— Извините, господа, я вас покину. Владлен Денисович, ты тут без меня...

Богаев исподлобья посмотрел на Старостина.

— Хорошо, Игорь Васильевич.

Ивашура кивнул Гаспаряну, они оделись и вышли.

— Похоже, приближается очередная пульсация, — сказал Ивашура уже в кабине вертолета. — Башня активизируется. Больше ничего не нашли?

Гаспарян вопросительно посмотрел на приятеля.

— Ты имеешь в виду Мишины вещи? Ничего. — Он помолчал. Пилот поднял легкую машину в воздух. — Правда, ближе к стене ребята нашли останки двух пауков. Такое впечатление, будто ими выстрелили из пушки. А в стене напротив того места, где упал вертолет

авиаконтроля, на высоте трехсот метров обнаружился глубокий провал, словно часть стены рухнула внутрь.

— Вот как? На высоте трехсот, говоришь? И вертолетчики шли на той же высоте... Совпадение?

— Не знаю, но меня это насторожило. Надо бы дать задание экспертам специально понаблюдать за стеной.

Внизу проплыла дорога с идущей по ней грузовой автомашиной. Лес кончился, началось заснеженное поле колхоза «Жуковский». Башня утрюмо нависала слева, придавая пейзажу гротескную нереальность декорации.

У опушки леса стояли военные палатки, а чуть поодаль, на холме, неторопливо вращала антеннами радиолокационная станция.

Вскоре вертолет пошел на снижение и опустился у кромки леса на другой стороне поля возле штабелей бревен и куч хвороста. В поле уходила цепочка бревенчатых вышек разнокалиберной высоты — от восьми до двенадцати метров. Из окон вышек, обращенных к Башне, торчали стволы стереотруб, кино- и фотоаппаратуры, рога и решетки звуковых антенн, окуляры лазерных дальномеров и спектроскопов.

Ивашура зашел в один из двух передвижных домиков и вскоре вернулся с бородатым физиком по фамилии Меньшов, которого звали Виталием Борисовичем. Физик подал руку Гаспаряну, и они направились к ближайшей вышке.

Верхняя площадка вышки была огорожена и походила издали на скворечник. К ней вели десять пролетов лестницы с заледеневшими ступеньками. Чем выше поднимались люди, тем сильнее становился ветер. У самой площадки он в сочетании с морозом пронизывал одежду насквозь.

На площадке было чуть теплее. В сторону Башни смотрели подзорная труба на треноге, кинокамера и крупнокалиберный пулемет, у которого возились двое парней в танковых шлемах. Третьим оказался профессор Гришин, поглядывающий в окуляр трубы и записывающий что-то в блокнот.

— Константин Семенович? — хмуро удивился Ивашура. — Вы-то здесь как оказались?

— У них аппаратура лучше, — сказал Гришин. — Вот и забрел.

Бородатый Меньшов блеснул зубами.

— Аппаратура у них действительно неплохая, но Константин Семенович явился к нам по другому поводу. Предлагает провести один совместный эксперимент.

Ивашура хмыкнул.

— Интересно. Что же это за эксперимент, который может заинтересовать физика и эколога одновременно?

— Ничего противозаконного, — усмехнулся тонкими губами Гришин, пряча блокнот. — Моя специальность — экология человека. Позволю напомнить, что это направление экологии изучает общие закономерности взаимоотношений природы и общества. Подчеркиваю: природы и человека, а не растительного и животного миров.

Ивашура прильнул глазом к окуляру трубы.

— Вы хотите сказать, что объектом экологии может быть не только популяция или экосистема, но и техносфера?

— Совершенно верно. Техносфера как часть экосферы Земли.

— А в качестве конкретного локального объекта вы избрали Башню, предполагая ее искусственное происхождение...

— С вами страшно разговаривать, вы все знаете наперед!

— Положим, не все, но, по имеющимся данным, человек эту Башню на Земле не строил, выдвигались гипотезы, что она сооружена пришельцами, иными разумными существами.

— Вполне допустимо, однако это мало что меняет. Башня — искусственное сооружение, а значит, часть техносферы, пусть и не земной.

Ивашура вдруг насторожился, поднял руку, призывая к молчанию. От Башни докатился крик паука, ослабленный расстоянием.

— «Глаз дьявола», — сообщил один из наблюдателей.

На стене Башни почти под самыми облаками разгорелся мигающий желтый зрачок, продержался с полми-

нуты и погас. Зазвонил телефон. Меньшов снял трубку, выслушал, буркнул что-то и положил трубку.

— Две тысячи рентген в импульсе, дальность затухания около пятнадцати километров. Это уже пятый «глаз» за сегодняшний вечер. Активность Башни растет не по дням, а по часам.

— Завтра вечером или ночью будет пульсация, — кивнул Ивашура. — Готовьтесь. — Повернулся к Гришину: — Итак, Константин Семенович, что за эксперимент вы предлагаете провести?

— Не один, а целых два. Первый: попробовать опустить зонд с телеаппаратурой на Башню сверху, на ее размытую вершину. А еще меня интересует «зона ужасов». Никакого излучения — ни частиц, ни полей — аппаратура, установленная в самой «зоне», не регистрирует, тем не менее какое-то поле, вызывающее у людей ощущение страха и другие негативные эмоции, существует. Есть датчики, которые могут замерить биотоки, «электрические наводки» в нервных окончаниях и узлах. Надо просто нацепить эти датчики и побродить по «зоне».

— Ну вы и садист, Константин Семенович! — пробормотал Гаспарян.

Физики засмеялись. Гришин тоже улыбнулся.

— Я предлагал в качестве кролика себя.

— Суть ясна, — произнес Ивашура. — Но в последнем случае я не вижу связи с физиками. Скорее это должно интересовать биологов и медиков. Ах нет, простите, понял. Излучение?

Бородач кивнул.

— Нас тоже интересует излучение. До сих пор человечество знало только три вида излучений: электромагнитное, гравитационное и излучение частиц от адронов — протонов, нейтронов, мезонов — до лептонов и разного рода пси, кси и других странных частиц. Если мы не обнаружим в «зоне ужасов» какого-нибудь из перечисленных видов излучений, значит, либо наши теории неверны, либо существует излучение, о котором мы ничего не знаем.

— Может быть, инфразвук или ультразвук?

— Звукорегистраторы молчат, по сообщениям соседей.

Соседями физиков-ядерщиков были физики лаборатории звука.

— Но у них еще есть неиспользованные возможности, — заметил Гришин. — Я был у них, они готовят к запуску в «зону ужасов» какой-то сверхчувствительный звукозаписывающий агрегат.

Ивашура задумался, нахохлившись, спрятал руки в карманы полушубка. Зазвонил телефон. Меньшов снова снял трубку, выслушал и передал трубку начальнику экспедиции. Звонил Богаев.

— Старостин говорил с Москвой, — сказал он с сопением. — Приедет кто-то из первых лиц.

Ивашура молчал.

— Ты слушаешь?

— Да.

— Пульсация скоро?

— Вероятно, ночью. Слушай, Владлен Денисович, что ты за душу тянешь? Выкладывай, что произошло.

Богаев помолчал, прочистил нос и сказал:

— Звонили из метеоцентра. Башня изменила метео-обстановку. Мы-то в спокойной зоне, аналогичной «глазу тайфуна», а в радиусе ста километров начались ураганные ветры, снегопады с градом.

— Разберемся. — Ивашура положил трубку, постоял с минуту, кивнул на пулемет. — А это чудо у вас откуда? И зачем?

— Хотим пострелять по Башне. — Меньшов подождал реакции гостей, но оба умели сдерживаться. — С этой стороны мертвые выбросы появляются чаще, вот мы и решили в момент фонтанирования черной струи выпустить в нее очередь пуль из разного материала. А потом проверим, в какое вещество превратились пули.

Ивашура поманил пальцем Гаспаряна, шагнул к лестнице.

— Так что, Васильич? — сказал ему в спину Меньшов. — Насчет «зоны ужасов» договорились?

— Я подумаю, — не оборачиваясь, ответил Ивашура.

У подножия вышки он остановился, посмотрел на свинцовое небо, подождал Сурена.

— Давай-ка еще раз поищем Михаила. Не верю я, что он погиб.

— Да и я тоже, — оживился Гаспарян. — Миша не такой человек, чтобы пропасть за здорово живешь... — Он осекся, вспомнив странное исчезновение Ивана Кострова.

Ивашура косо посмотрел на него, понял и вздохнул.

— Вот-вот, с пропажей Ивана тоже не все ясно. Есть шанс на его возвращение. Не идет у меня из головы тот случай с ним, помнишь? Сон, когда он попал куда-то в мезозой...

— Как не помнить! Галлюцинации от воздействия инфразвука...

— А если нет?

Гаспарян в замешательстве поскреб подбородок.

— Черт его знает! Ты всерьез думаешь, что он путешествовал во времени?

— С одной стороны, вроде бы чистойшей воды фантастика. Ну а с другой... чем не фантастика эта Башня? Да и вспомни наши странные находки вокруг Башни: часть скелета диметродона, череп зауропода, кости диатримы... Откуда они в Брянском лесу? Или «десантники», не принадлежащие ни к одному из существующих ныне спецподразделений? Да еще с таким оружием. — Ивашура достал бластер, полюбовался и спрятал.

— Насчет «десантников» не задумывался. — Гаспарян глубже нахлобучил шапку, поправил шарф. — Пусть ими занимается полковник Одинцов сотоварищи. Наше дело — Башня. Давно пора пробить туда дырку и посмотреть, что это такое, внутри. Пошли, а то дуба врежу от холода. Все же человек я южный, теплолюбивый.

Они облетели Башню кругом, побывали у биологов, геофизиков и медиков, на вычислительном центре. До того как стемнело, успели еще раз обыскать то место, где пропали Рузаев и разбитый вертолет авиаконтроля, но ничего и никого не нашли. К Башне подходить близко не рискнули: стена ее с этой стороны все еще светилась пятнами, хотя и слабо. К тому же близилась очередная

пульсация, и вероятность всякого рода сюрпризов увеличивалась с каждой минутой.

Шел десятый час вечера, когда Ивашура закончил переключку постов вокруг Башни, оставил в штабе вместо себя Богаева и вышел из теплушки в морозную темь. За ним увязался Одинцов, накидывая на ходу ватник.

Лес вокруг шумел — темный, мрачный, враждебный, замерзший. Призрачное сияние Башни не могло рассеять мрак ночи, и Башня выростала из тьмы чудовищной стеклянной колонной, заполненной жидким светом, чуждой всему лесу, простору, земле. Облака вились вокруг нее живыми змеями, зажигались фосфорно и дымно, исчезали в мутной пелене. Иногда в стенах Башни рождались злые зеленые звезды, вспухали сияющими облачками, расплывались и осыпались вниз золотым дождем. Ветер приносил гулкие громовые раскаты и пронзительный клекочущий свист.

— Светопрествление! — пробормотал Одинцов.

Ивашура оглянулся, но не ответил. Он думал о Рузаеве, Кострове и девушке-журналистке, пропавших без вести. Думал, что мощь и масштабы небывалого явления превосходят все известное в истории человечества, что пауки не зря отпугивали людей от паутинного шатра, что Башня — скорее всего свидетельство какой-то аварии в «паучьем измерении», а не инструмент для контакта иного разума, но разобраться в этом будет не очень просто, если не совсем невозможно. Как говорил Экзюпери: «Истина — это вовсе не то, что можно убедительно доказать». А главное, судя по всему, скоро наступит такой момент, когда вопрос контакта обернется вопросом небывалого конфликта. Недаром появились эти странные «десантники», угрожая всем, кто изучал Башню, и приказывая «не вмешиваться в события». Ивашура знал, что появлялись они и у пограничников, и в палатках ученых, хотя мало кто воспринял их всерьез. Кроме федералов, подчиненных Одинцову. Но и они, похоже, не торопились с выяснением принадлежности шутников.

Золотое сияние Башни заколебалось волнами. Впечатление было такое, будто Башня занавешена развевающимися под ветром ажурными полотнищами. Куски

сияния отрывались от общего полотна и медленноплыли к земле, постепенно истаивая снопами искр. Слева на боку Башни загорелся громадный синий проем «телеэкрана», но из-за сияния невозможно было разглядеть, что он показывает.

И вот началось.

Сначала где-то далеко зародился низкий, едва слышимый звук. Ивашуре показалось, что воздух загустел, завибрировал и эта дрожь вошла в кончики пальцев, в хребет, в череп и еще глубже — в мозг. Появилось ощущение постороннего взгляда, готовящегося нападения, какой-то беды...

От Башни донеслись знакомые крики пауков, ослабленные расстоянием.

— Инфразвук? — коротко спросил Одинцов, склонив голову набок.

— Похоже. Предупреждение и отпугивание одновременно. Держитесь, сейчас начнется пульсация.

Одинцов послушно расставил ноги пошире, в ту же секунду земля дернулась раз, другой, третий... Ивашура устоял, но для полковника серия толчков оказалась неожиданной. Лежа на боку, он увидел, как Башня вспыхнула алым сиянием сверху донизу, скачком увеличила диаметр. Земные недра отозвались грохочущим гулом, заглушившим все звуки. Гул оборвался каменным стоном, лавиной тресков и ударов, и все стихло. Земля перестала дергаться и дрожать. В лес вернулся свист ветра, стали слышны шорохи и скрипы деревьев.

Башня еще некоторое время багрово светилась, потом свечение потускнело, ушло в темноту инфракрасного диапазона. Исчезло и электрическое сияние стен. Башня перестала быть невидимой. Лишь в тучах вокруг ее ствола иногда вспыхивали зарницы, словно напоминающая людям, что она не исчезла.

Хлопнула дверь.

— Игорь? — раздался голос Гаспаряна.

— Здесь я, — отозвался Ивашура.

— Диаметр Башни увеличился на полтора километра.

— В прошлую пульсацию — на два. Что говорят сейсмологи?

— Пять баллов. В Жуковке около четырех. Как обычно. Радиодон тот же, разве что затухание у атмосферников на ультракоротких увеличилось.

— Готовь вертолет.

Гаспарян, спотыкаясь в темноте, удалился к дежурке.

— Зачем вертолет? — спросил Одинцов.

Ивашура долго молчал.

— Посмотрим, не обнаружился ли Михаил.

Одинцов хмыкнул, потер уши — мороз стоял нешуточный, градусов двадцать, — и ушел в теплушку штаба. Через минуту вернулся уже в шапке, с молодым широкоплечим телохранителем.

— Мы с вами, если не возражаете.

— Он лишний, — показал на парня Ивашура.

— А если попадутся эти ваши... «десантники»? Профессионал охраны никогда не бывает лишним.

— Он все равно не поможет. Оружие у вас имеется?

— Кое-что найдем, — уклончиво ответил Одинцов.

— Ну, тогда мы в безопасности, — с иронией проворчал Ивашура.

— Идемте, время не ждет.

Телохранитель полковника вопросительно глянул на своего шефа, и Одинцов успокаивающе кивнул.

— В другой раз, Володя. Мы ненадолго. — Повернулся к начальнику экспедиции. — Я готов.

Ивашура молча зашагал к стоянке машин в сотне метров от домиков экспедиции.

Облет Башни не дал никаких результатов.

Вал дымящейся земли у ее подножия вырос еще на несколько десятков метров в высоту и метров на пятьдесят в ширину. Примерно на полкилометра от него шла полоса изломанного, исполосованного трещинами, рытвинами и буграми верхнего почвенного слоя замерзшего болота и земли полей. Кое-где со стороны западных стен Башни, где располагались топи, проступила сквозь слой торфа вода и разлилась коричневыми лужами, заметными издали по струям пара.

Зона разрушений и изменений рельефа заканчивалась в трех-четыре километрах от стен Башни, и это озадачило Одинцова.

— Я ожидал большего, — сказал он, не отрываясь от окуляров бинокля. — Во всяком случае, землетрясение силой пять баллов в эпицентре создает гораздо больше разрушений. Видел собственными глазами.

Вертолет летел на высоте полутора метра над заснеженной целиной болота — там, где оно не было затронуто расширением Башни. Эллипсы прожекторного света то вспыхивали и искрились на снегу, то темнели на островках травы, черных ледяных зеркала и пластах торфа.

Сделали один круг, потом другой. На третьем Ивашура опустил бинокль и буркнул в спину пилоту:

— Поворачивай домой, Витя.

И они полетели к лагерю, не глядя друг на друга, думая каждый о своем.

После ужина Ивашура, почти не притронувшийся к еде, пожелал всем спокойной ночи и ушел в свой вагончик. Когда он разделся и лег на топчан, в вагончик без стука вошел Михаил Рузаев...

Глава 4

Весть о том, что вернулся пропавший без вести при странных обстоятельствах эксперт Рузаев, облетела лагерь за минуту, и в вагончик, где спали эксперты Центра, набилось много народу. Ивашура, терпевший нашествие до поры до времени, наконец почувствовал холод (дверь почти не закрывалась), перекричал шум и, как был — в трусах, вытолкал всех за порог. В комнате остались он, Богаев, Одинцов, Гаспарян, эксперт Валера, так и не проснувшийся в общем гамае, и Рузаев.

Выглядел виновник торжества как после драки с дикими котами: одежда располосована на ленты и ключья, на лбу и под глазом синяки, на щеке глубокие царапины, такие же царапины на шее и на руках. Невозмутимый, как и всегда, Рузаев напился из чайника, отдышался и

начал переодеваться, словно не замечая взглядов товарищей и затянувшегося молчания.

Ивашура поймал взгляд Богаева и натянул брюки. Гаспарян, бурча, что, мол, выхолодили весь дом, подкинул в печурку сосновых поленьев. На лицо его лег желтый отсвет огня.

Наконец Рузаев переоделся, умылся, залепил царапины пластырем, еще раз глотнул воды и сел у длинного, во весь вагончик, деревянного стола.

— Дайте закурить, — попросил он в пространство.

— Ты же бросил! — удивился Гаспарян.

Рузаев молча взял из рук Одинцова сигарету и закурил.

— К сожалению, кинокамеру я потерял, — сказал он. — А рассказывать не умею.

— Где ты был? — хрипло спросил обретший голос Ивашура.

— Не знаю. Когда появились призраки, я снимал «телеэкрэн».

— Мы же кричали! Не мог снимать из вертолета?

— Дело в том, что мне показалось, будто «телеэкрэн» показывает лицо человека... точнее, лицо Вани Кострова.

В комнате наступила тишина. Потом Ивашура, пряча плескавшуюся в душе радость, сел на свою полку-кровать и посмотрел на Одинцова...

— Только лицо? Какое?

Рузаев поднял недоумевающий взгляд.

— Ну, я имею в виду, живое или...

— Вроде бы живое. Один глаз у него был прищурен, словно он целился. Потом меня что-то ударило по затылку. — Рузаев пощупал затылок, в глазах его снова отразилось недоумение. — Ничего не болит. Вот лоб болит...

— Ты, наверное, перепутал, куда тебя шарахнуло, — вставил Гаспарян. — А то получается — били в затылок, а шишка вскочила на лбу. Кстати, кто бил-то?

— А пес его знает! Говорю же: сзади ударило. Очнулся — кругом светящийся туман и земля под ногами, и ничего больше не видно. Где Башня, где вы, где верто-

лет — не понять. Ну я встал и пошел. Жарко, душно, сыро... Горизонт — вот он, под носом, а дойти невозможно. Шел я, наверное, часа два. Земля теплая, в трещинах, идти легко, тишина — аж в ушах звенит! Ну, потом стал замечать, вроде тени движутся, то впереди, то сзади, а разобрать опять-таки не могу. Побежал за одной и... вот. — Рузаев кивнул на кучу своего рваного обмундирования. — Так и не понял, что за нечистая сила меня крутила. Зацепила, попинала, исцарапала и бросила, причем бесшумно, отчего мне самому взвыть захотелось.

Рузаев передохнул, прополоскал рот глотком воды. Все молча смотрели, как он это делает.

— Ну вот. Потом увидел: вроде как просветление впереди обозначается. Поднялся, побежал и... вывалился прямо на снег! Рядом Башня, все гудит, грохочет! Понял — пульсация. Ну я бегом в лес, пока не нашел лагерь.

— Скажи пожалуйста! — Богаев помолчал, откашлялся. — М-да! Только нечистой силы нам не хватало. Может быть, Михаил, тебе все это померещилось?

Рузаев пожал плечами.

— Не хотите верить на слово — проверьте. Как говорил философ Берджес: «Существует только один заместитель воображения — опыт».

Гаспарян иронически приподнял бровь, хотел вставить какое-то едкое замечание в адрес эрудиции Рузаева, но посмотрел на Ивашуру и передумал.

— Ладно, утро вечера мудренее, — сказал Ивашура. — Предлагаю отложить анализ сообщения Михаила на утро.

Одинцов пожелал всем хорошо отдохнуть и ушел. Гаспарян разделся, нырнул в свой спальник с головой. Богаев посидел еще несколько минут, растерянно поглядывая на Рузаева. Ему хотелось поговорить, но он боялся показаться смешным.

— Поешь, — спохватился Ивашура. — У нас есть банка сгущенки и хлеб. Сурен, куда ты дел сгущенку?

— В шкафу с обувью, — ответил Гаспарян из спальни.

Рузаев подумал и согласился.

— Можно и подкрепиться, оголодал маленько.

— Звонили из местной Думы, — проговорил Богаев, не глядя на Ивашуру. — Толчки от пульсаций разрушают здания города, жертв пока нет, но...

Ивашура молча залез в спальный мешок.

Богаев посмотрел на него с некоторой растерянностью, покашлял в кулак.

— У них тут в десяти километрах газопровод. Боятся, что трубы не выдержат.

Молчание.

— Надо что-то делать, Игорь.

— Надо, — отозвался наконец Ивашура. — В первую очередь надо создать правительственную комиссию, которая была бы правомочна решать все организационные вопросы.

Богаев оживился.

— Я тоже так думаю. Зачем нам одним брать на себя ответственность такого масштаба? Нужна компетентная... — Он замолчал, заметив взгляд Ивашуры, заторопился: — Ну я тоже пойду. Желаю приятных снов.

Он ушел.

Рузаев ел стуженное молоко и прихлебывал из чайника.

— Не думал, что старик так боится ответственности, — глухо проговорил Гаспарян из спального мешка. — Дома, в Центре, он казался мне более решительным. Возраст, что ли, подошел?.. Да минует нас чаша сия!

— Тебе это не грозит, — буркнул Ивашура. — Ты померешь раньше, причем из-за длинного языка. Нигде от вас покоя нет. Михаил, сможешь показать место, где выбрался из тумана?

— Вообще-то не уверен, но попробую.

Ивашура больше ничего не спросил. Рузаев погасил свет в вагончике и лег сам. В наступившей тишине отчетливо похрапывал эксперт Валера, умевший ночью отключаться до состояния полной нечувствительности к внешним раздражителям, потрескивали горящие поленья в печурке да сквозь тонкие стенки просачивался в теплушку равномерный шум леса.

Наутро, после завтрака, Старостин собрался уезжать и перед отъездом собрал в штабе руководителей экспедиции и командиров приданных ей войсковых частей.

— Я убедился, что явление Башни не только уникально с научной точки зрения, — сказал он, — но и представляет огромную опасность для людей и несет колоссальные убытки хозяйству района. Поэтому следует принимать какие-то решительные меры. Первое и самое важное — остановить рост Башни, второе — установить контакт с пауками, потому что именно они, с моей точки зрения, главные действующие лица во всей этой кутерьме. Мнения ученых о том, что такое Башня, я выслушал и понял, что оригиналов среди вас много, а истину вы видите только во сне, да и то не каждый. Примите это не как упрек вашей компетентности. Задуматься и даже просто восхищаться есть чем. Я сейчас уезжаю, а дня через три ждите правительственную комиссию. Она и будет решать, что делать дальше. А пока выслушайте... ну, если не приказ, то указание: к Башне ближе чем на три километра не подходить! Все намечающиеся эксперименты согласовывать прежде с начальником экспедиции Ивашурой. Риск свести к минимуму! Ясно? Но, с другой стороны, ускорьте исследования, сведите накопленные сведения в единую систему. Необходимо знать точно, что такое Башня, прежде чем принимать кардинальные меры. Вопросы ко мне есть?

Ученые и командиры молчали.

Старостин уехал. Одинцов улетел ночью, никого не предупредив. Ивашура передал бразды правления штабом Гришину (Богаев уехал в райцентр), забрал Рузаева с Гаспаряном, и они отправились искать точку выхода Михаила из «тумана».

Вертолетная стоянка по совету Старостина была перенесена на триста метров южнее, на лед замерзшего озера, окруженного редким сосняком. Отсюда было удобнее загружать машины аппаратурой, топливом, держать связь со всеми подразделениями экспедиции и с городом, благо дорога в город пролегла рядом. Сосны здесь росли какие-то жалкие, искривленные, будто пораженные болезнью. Дорога в райцентр огибала озеро

и исчезала в стене мрачного бора, за которым до самого города шло поле озимой пшеницы.

Вертолет поднялся выше сосен, и Башня выросла над лесом геометрически правильной голубовато-серой горой, неправдоподобная и неестественная этой своей геометричностью, расцветкой и размерами. Не труба, не башня, не колонна — конец «земной оси»!

Ивашура включил рацию.

— Пятый, ответьте первому.

— Я вас слушаю, — отозвался командир роты оцепления.

— Отодвиньте посты на четыре километра от Башни.

Ближе никого не пускать до особого распоряжения.

— Принял, выполняю.

— Связь-два, ответьте первому.

— Слушаю, Игорь Васильевич. — Характерный говор Гришина.

— Переключите сеть оповещения на мой канал. Как только наблюдатели заметят что-нибудь подозрительное, пусть дадут знать.

— Хорошо, сейчас предупрежу.

Вертолет приблизился к Башне и пошел вокруг нее на высоте ста метров. Внизу медленно проплывали снежная целина, рощицы хилых осин, желтые и коричневые пятна высохшей болотной растительности, распаханное поле.

— Нет, надо подойти ближе, — сказал Рузаев. — Помню, что бежал по взломанным пластам земли.

Пилот искоса посмотрел на Ивашуру, и вертолет повернул к Башне. Под ним показалась перепаханная катклизмами почва: валы, ложбины, трещины, холмы и провалы с зеркалами черной воды, курившиеся белесыми дымками. Дальше, до подножия Башни, снега уже не было совсем, разрушения ландшафта все больше увеличивались, а потом чел дымящийся, почти двухсотметровый вал почвы, смятой давлением стен Башни.

— Похоже, здесь, — неуверенно проговорил Рузаев.

Пилот остановил машину в воздухе.

Рузаев несколько минут рассматривал местность под вертолетом, никто ему не мешал. Наконец он указал рукой чуть в сторону.

— Кажется, у этой глыбы.

Ивашура кивнул, пилот повел вертолет на посадку. Рузаев первым выбрался из кабины, прошелся возле вздыбленной каменной плиты до трещины в земле, постоял, задумавшись. Гаспарян подошел к нему, заглянул в трещину, хмыкнул, потом подошел к каменной глыбе.

— Гранит, — сказал он, всматриваясь в зернистую поверхность глыбы. — Откуда он здесь, в болоте? Кругом не то что гор — холмов порядочных нет.

Ивашура, оглядываясь по сторонам, приблизился к нему.

— Дропстон. След ледника. В здешних местах таких камней много. Ну что, Михаил? Здесь?

Рузаев, очнувшись, почесал за ухом.

— Не уверен, шибко темно было... Да что нам даст место моего воскрешения? Объяснить, где я пробыл более двенадцати часов, оно не поможет.

— Как знать. Дело в том, что исчез ты тоже в этом месте. Упавший вертолет лежал чуть подальше, вернее, ближе к Башне. А эта глыба была едва видна, одна макушка торчала.

Рузаев снова начал разглядывать местность. Потом кивнул:

— Ты прав. Вертолет лежал левее и ближе к... — Он вдруг замолчал. — Посмотри-ка на бугор. Ничего не замечаешь?

— Где? — быстро спросил Ивашура.

Рузаев вместо ответа бегом направился к незамерзшей полынье в слое буро-коричневой жижи, из которой выглядывал коричневый гладкий пузырь. Гаспарян с Ивашурой подбежали следом. Из жижи рядом с округлым бугром торчал кончик лопасти винта.

— Вертолет! — сказал Гаспарян. — Вот это называется везением! С воздуха черта с два заметили бы! Нарекаю это место Болотом нечистой силы... имени Рузаева!

Ивашура попробовал дотянуться ногой до бока вертолета, но едва не сорвался в яму с жижей.

— Сурен, — сказал он, — принеси-ка шуп из кабины. — Потом вызвал по радиации штаб: — Константин Семенович, мы нашли пропавший вертолет, вызови моих экспертов с аппаратурой, срочно.

— Слушаюсь, — бодро отрапортовал Гришин. — Где вас искать?

— Юго-запад от Башни, увидят. Пусть берут вертолет авиаконтроля, я позвоню в полк.

Ивашура созвонился с авиаполком и попросил доставить группу ученых на вертолете к Башне.

— Подождем, — сказал он, закончив переговоры.

Через полчаса прибыли эксперты с приборами и оборудованием. Найденный вертолет зацепили тросами, и военная машина вытащила его на сухое ровное место.

Ивашура сначала помогал экспертам, потом оставил с ними Гаспаряна, а сам с военными летчиками обыскал сверху всю прилегавшую местность. Им удалось найти часть опоры электролинии с гроздьё изоляторов и половину туши странного зверя, закованного в пластинчатую броню. И то и другое погрузили в вертолет и отправили в лагерь соответствующих лабораторий: биологического и физического анализа.

До вечера возились с разбитым вертолетом, потом и его утащили в безопасное место, подальше от Башни.

Поздно вечером усталый Ивашура провел обычную переключку и поплелся в свой вагончик, мечтая о горячем чае и отдыхе.

В вагончике его ждала целая компания: комментатор радио и телевидения Гибелев, ведущая программы «Время» Вероника Ткаченко, журналисты из Москвы, корреспонденты ТАР и АПН — две девушки и худенький парень в очках, одетый в костюм из коричневого вельвета.

— Здравствуйте, — поклонился Ивашура. — Чем занят?

— Мы по поводу вчерашних событий, — поднялся навстречу Гибелев, худой, с короткой стрижкой, в мешковатом пуловере. Видимо, он был главным визитером. — Несколько организационных и технических вопросов. Разрешите? Днем найти вас практически невозможно.

— Что с вами поделаешь! — Ивашура усмехнулся и прошел к столу. — Задавайте свои вопросы.

— Первый: разрешат ли завтра вести прямую телепе-

редачу с близкого расстояния? Если да, то мы хотели бы, чтобы вы в ней участвовали.

— Не ближе двух километров. Но предупреждаю: помощи от нас не ждите.

— О, конечно, мы сами справимся, не беспокойтесь. Вести передачу будет Вероника, она у нас главный специалист по интервью с учеными.

Вероника Ткаченко, красивая брюнетка, одетая ярко и броско, оценивающе посмотрела на Ивашуру, улыбнулась крупными, умело подкрашенными губами и проговорила, как говорят все москвичи, растягивая слова:

— Вячеслав, как всегда, преувеличивает. Просто мне везет на технических специалистов и ученых.

Голос у нее был хрипловатый, мягкий, выразительный.

— Простите, я не представился. — Ивашура встретил взгляд женщины и подумал, что она умеет держаться, что у нее красивый голос и красивые глаза. — Игорь Васильевич, начальник экспедиции. В неофициозе просто Игорь. Итак, следующий вопрос.

— Что случилось с экспертом вашего Центра Рузаевым? — спросил «вельветовый» корреспондент агентства печати «Новости». — Он пропал и снова появился...

— На этот вопрос я вам не отвечу, — спокойно сказал Ивашура. — Рузаев действительно исчез неизвестно куда во время выхода призраков из Башни, а потом так же неожиданно объявился на том же месте четырнадцать часов спустя. Где он был, в каком измерении, сказать не могу. Не может объяснить этого и сам Рузаев.

— Расскажите, пожалуйста, что такое «призраки», — попросила соседка парня, пухлая блондинка в желтом свитере и джинсах.

— А заодно и об остальных ваших чудесах, — добавил парень, державшийся с подчеркнутой серьезностью. Ивашура, прищурясь, оглядел компанию.

— Неужели вам еще никто ничего не рассказывал? Ну хорошо. А ваш вопрос? — обратился он к последнему члену компании — женщине среднего возраста с лицом строгим, почти мужским, обладающей тяжелым, властным взглядом.

— Курить можно? — спросила та.

Все засмеялись. Улыбнулся и Ивашура, хотя женщина ему не понравилась.

— Конечно, можно. Что же, отвечаю на вопрос о чудаках...

Он сжато рассказал обо всех эффектах, связанных с Башней, показал несколько фотографий, которые оказались под рукой, и в это время пришли Рузаев, Гаспарян и эксперт Валера, возбужденные спором с молодыми представителями Госкомгидромета.

В вагончике сразу стало шумно, журналисты насели на экспертов, разговор стал общим. Ивашура, махнув рукой на отдых, приказал готовить стол.

Поставили чай, достали консервы, Валера сбегал на кухню за стаканами и хлебом, у Гибелева «случайно» оказалась бутылка «Кремлевской» («Вез товарищу в качестве сувенира», — как он объяснил), и первоначальный официальный тон разговора уступил место легкому, застольному, дружескому, с шутками и анекдотами, которыми отличался Гаспарян.

Ивашура больше молчал, говорил скупое, постоянно чувствуя оценивающий взгляд Вероники. Ведущая программы Центрального телевидения тоже говорила мало, но за ее словами незримо присутствовала тактичная сдержанность умной женщины. Ивашура оценил это очень скоро.

Гибелев сначала разговаривал с Рузаевым, потом снова обратился к начальнику экспедиции:

— Ну, а по-вашему, что здесь происходит? Что такое Башня? Вот мы все говорим, говорим, а никто прямо не скажет. Мы встречались с учеными разных направлений, у каждого есть своя точка зрения, и только эксперты вашего Центра уходят от прямого ответа.

— Наверное, потому, что мы привыкли опираться на здравый смысл и логику. — Ивашура иронически прищурился. — Мы скованы цепью фактов, не соединенных между собой. Но и у нас есть кое-какие предположения. Я знаю, в стане ученых преобладает мнение, что с нами начинает контакт иная цивилизация, и многие факты как будто подтверждают это мнение. Вы их тоже

знаете: пауки, не похожие на пауков и живых существ вообще, мертвые выбросы, призраки, сама Башня, наконец! Башня в этой гипотезе представляется космическим кораблем-автоматом, опустившимся на Землю и пробуждающимся от долговременного анабиоза. Есть и другие мнения, что Башня — станция передачи информации из «соседнего измерения», или антимира, вложенного в наш материальный континуум.

Журналисты заговорили все разом, но Гибелев погрозил пальцем, и они умолкли.

Ивашура задумался на несколько секунд, решая, выносить ли на суд гостей то, в чем сам сомневался.

— Я не отношусь к числу оригиналов, отстаивающих заведомо обреченные на успех мысли. По-моему, Башня не связана с пришельцами из космоса или иных измерений, несмотря на нечеловеческие масштабы и всякого рода чудеса. Но вот со временем она каким-то образом связана. Начну с того, что мы уже не раз обнаруживали вокруг башни скелеты и даже свежие останки доисторических животных, двое из наших специалистов видели пейзажи палеозоя, трижды отмечены случаи с несовпадением отсчета времени механическими и электронными часами вблизи Башни, физики зафиксировали нарушение причинно-следственных связей, но главное — случай с Михаилом. По его мнению, он пробыл в тумане около двух часов, а на самом деле отсутствовал четырнадцать часов с минутами и вышел в том же месте, где исчез.

— Что же, по-вашему, Башня — машина времени? — спросила блондинка, не сводящая круглых глаз с начальника экспедиции.

— Определять не рискую, — покачал головой Ивашура. — Машина не машина, однако время вблизи нее течет не так плавно, как в других районах Земли. Наш молодой коллега Валера назвал Башню «преобразователем времени». Якобы Земля вмещает огромное количество цивилизаций, неощутимых друг для друга потому, что каждая из них существует во времени, повернутом относительно другого времени на какой-то угол. Вот с нами и хочет познакомиться одна из соседних цивилиза-

ций, создавшая нечто вроде хрономоста из своего угла времени в наш.

Журналисты снова попытались задавать вопросы, но Гибелев решительно встал и поднял руку.

— Коллеги, пора и честь знать. Уже второй час ночи. Все вопросы завтра, хозяева устали за день больше, чем мы.

— Да я вообще-то готов хоть сейчас... — пробормотал Валера, косивший на Веронику голубые бесхитростные глаза.

Все засмеялись, даже мужеподобная журналистка, курившая одну сигарету за другой. Журналисты и телекомментаторы стали прощаться, Ивашура подал Веронике ее белую шубу, накинул на плечи свой выдавший виды кожаный полушубок и вышел следом.

Шел второй час ночи, и небо вызвездило. Башня на этом искристом фоне выглядела колонной тьмы, перечеркнувшей звездный узор, нематериальной колонной, полной той неестественной черноты, которая бывает голько глубоко в подземелье.

Что-то вспыхнуло там, в вышине, у вершины черной полосы, посыпались искры, словно окалина с проводор от токосъемов троллейбуса. Издалека сквозь тишину — ветер тоже утих, впервые за много дней — докатился гонкий вой. В вагончике зазвонил телефон. Гаспарян, провожавший гостей, нырнул в дверь и через минуту появился снова.

— «Глаз дьявола», первый после пульсации.

— Да, это грандиозное явление! — тихо проговорила Вероника, спрятав руки в рукавах шубки. — В нем есть нечто inferнальное, внушающее слепой ужас. Помните у Пушкина:

А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?..

Глаза Вероники отразили иглы звезд.

— Вы не откажетесь завтра повторить свою гипотезу для телевидения? Или вы смелы только в маленькой компании дилетантов?

Ивашура засмеялся.

— Не откажусь, хотя предчувствую, что меня будут бить коллеги. Заходите к нам в свободное время, тема Башни неисчерпаема. Кроме того, есть и другие темы.

Вероника молча подала руку и пошла по скрипящему снегу к «гостинице» — вагончику для гостей. Остальные, переговариваясь, гурьбой повалили следом. Гибелев пообещал навестить экспертов в ближайшем будущем и догнал журналистов. Они скрылись в «гостинице», и только тут Ивашура почувствовал, что вышел без шапки.

— Морозит, — сказал он, потер уши, бросил взгляд на Башню и поспешил в вагончик, где Рузаев успокаивал Валеру, взволнованного тем, что его будут показывать в телепередаче.

Наутро приехал Богаев, а вместе с ним Глазунов, глава администрации Жуковского района. Ивашура сводил их к Башне, ответил на вопросы, а потом сбежал под предлогом важного эксперимента, оставив новых гостей на попечение директора Центра.

Ивашура и в самом деле решил провести эксперимент, подсказанный академиком Гришиным, тем более что подготовка к эксперименту требовалась минимальная: медицинский контроль, установка биодатчиков на теле, проверка их работы — и вперед, к Башне, гулять по «зоне ужасов».

Своим заместителям Ивашура ничего сообщать не стал, им было не до того: Богаев возился с районным начальством, а Гришин координировал работу всех исследовательских групп, снабжая их перекрестной информацией и материальными ресурсами. Рузаев тоже предложил свои услуги, но Ивашура рисковать не стал.

— Достаточно с тебя одного исчезновения, — сказал он. — Теперь моя очередь. Будешь меня подстраховывать.

Гаспаряна начальник экспедиции отрядил в подчинение руководителю группы радиофизиков для обеспечения трехсторонней связи Ивашуры, медиков и физиков. Перед выходом к Башне Ивашура вызвал по рации Меньшова:

— Привет, Виталий. Нового ничего?

— Башня начинает тихо раскачиваться для очередной пульсации: усиливается радиосвечение, появляются призраки, «глаза», электрические дожди. Все, как обычно. Правда...

— Ну-ну, договаривай.

— Наблюдатели засекали новый провал в стене. Впечатление такое, будто кусок стены всасывается внутрь Башни, причем скачок давления получается такой, что в радиусе километра мелкие камни и щепки тоже всасываются в провал.

— Интересно! Вертолетчики упали именно по этой причине: их чуть не засосало в провал стены. Как вы это объясняете?

— Никак. Гипотез пока нет никаких.

Ивашура помолчал.

- Ну бывай.

— Выходит, гулять у Башни теперь зело опасно, — проговорил бесстрастный Рузаев, шуря глаза на показавшееся солнце. — Кстати, ветер переменился. Вчера он дул от Башни, а теперь дует к ней.

— Не хитри, дипломат, — буркнул Ивашура. — Все равно пойду один. А в дальнейшем действительно прекратим все подходы к Башне перед пульсациями.

Они стояли на вышке, торчавшей над березовой рощицей, которая не сбросила почему-то своего ржавого осеннего наряда. Рядом с вышкой располагались вагончики радиофизиков, а чуть поодаль бригада монтажников устанавливала конструкцию из зеркальных многогранников и ажурных полос.

— Локатор, — пояснил руководитель группы радиофизиков, заметив взгляд Ивашуры. — Вчера получили разрешение на монтаж. Когда начнем?

— Через полчаса, — сказал Ивашура. — Сергей Иваныч, как далеко распространяется электромагнитное поле Башни?

— Километров на сто двадцать. Это по данным недельной давности. В последнее время распределением плотности полей занимались студенты-дипломники, составили карты изолиний. Зайдите, поинтересуйтесь в вычислительном.

— Спасибо, зайду. Меня настораживает, что погода начинает портиться в районах, удаленных от Башни именно на сто — сто двадцать километров. Используйте для записи вертолеты авиаконтроля.

Глава 5

К определенной Ивашурой точке выхода к Башне его доставили на вертолете военные летчики. Один из пилотов, с уважением посмотрев на Ивашуру, обвешанного металлическими коробками и обкрученного ремнями и снарядами антенн, спросил:

— А правда, что Башня — машина времени?

— Кто вам сказал? — осведомился Ивашура, выпрыгивая из кабины на мерзлую землю.

— Да все говорят.

— Когда говорят все, трудно выделить истину из словесного сора. Вы знаете определение чуда?

Пилот смешался, оглянулся на товарища.

— Чуда?.. Вы знаете, как-то не...

— Так вот, чудо — событие, описанное людьми, услышавшими о нем от тех, кто его не видел. Так говорил Элберт Хаббард.

— Ага, понял, — кивнул пилот. — Испорченный телеграф?

— Не телеграф, а телефон. Башня может быть связана со временем, но наверняка это неизвестно.

— Ясно. Простите, еще вопрос. Башню построили пришельцы...

Ивашура фыркнул. Пилот, молодой парень, покраснел.

— Но так говорят...

— Не верьте, — серьезно сказал Ивашура. — Такие башни строят только пауки.

Он помахал пилотам рукой и направился к Башне, лавируя между кочками.

Идти сначала было легко, но через несколько сотен метров пошел бурелом, потом появились трещины, промоины, снег исчез, почва раскисла. Проверив по рации

готовность лаборатории к приему информации, Ивашура передохнул и упрямо полез дальше, через землю, потревоженную недавней пульсацией Башни.

«Зона ужасов» дала о себе знать почти у самой стены Башни, примерно в полукилометре.

Сначала появилось ощущение, будто позади из-под земли вылез кто-то скользкий и недобрый. Ивашура знал, что кругом никого нет, но все же оглянулся. Ветер дул в спину, равномерный и сильный: по данным измерений, он дул к Башне со всех сторон! Выходило, что Башня засасывает воздух всей поверхностью стены, а иногда захватывает песок и более крупные предметы: камешки, ветки, машины, вертолеты...

Ивашура сказал в микрофон рации, что вышел к «зоне», и зашагал дальше, постепенно углубляясь в невидимую «зону ужасов».

Здесь, в непосредственной близости от стены, было тепло, верхний торфяной слой болота вздрагивал и пружинил под ногами, сквозь него во многих местах проступила черная дымящаяся вода, вызывая в памяти жуткие ассоциации с бездонной топью.

К ощущению постороннего взгляда стали примешиваться головная боль, болезненные ощущения в кончиках пальцев, заныли зубы. Ивашуре стало страшно, но страх был не его, не внутренний, а навеянный извне и потому особенно неприятный, неподвластный воле.

Потом появились «фантомы» — зрительные галлюцинации, избавиться от которых было невозможно, даже закрыв глаза. Вокруг поползли извивающиеся тени. Некоторые из них напоминали диких зверей, другие — странные машины, третьи светились ледяным дрожащим светом, превращаясь в удивительные светильники с абажурами в форме человеческих черепов.

Ивашура выбрался на широкую и твердую металлическую полосу — след мертвого выброса. Страх перерос в беспричинный ужас, стали мерещиться зубастые пасти акул и неведомых зверей. Башня превратилась в чудовищного чешуйчатого дракона, готового глотать сверху и проглотить человека целиком... Ивашура не выдержал

и побежал к дракону, стараясь не подвернуть ногу и не упасть.

Металлическая дорожка вывела его к земляной складке, помогла вскарабкаться на крутой горб вспученной земли, и почти сразу же страх исчез, галлюцинации рассеялись, боль в голове затихла. Ивашура постоял с минуту на дрожащих ногах, упиваясь блаженным состоянием покоя и уходящего страха, присел на комель сосны, торчавший из земляной массы. Стена Башни излучала осязаемое тепло, пришлось снять шапку и растегнуть полушубок.

Пискнула рация, вызывал Гришин.

— Игорь Васильевич, не пора ли заканчивать этот рискованный опыт? Не хватало, чтобы руководители экспедиции подавали пример недисциплинированности. Кто санкционировал опасный для жизни эксперимент?

— Не шуми, Константин Семенович, — примирительно сказал Ивашура. — Приду — тогда поговорим. Кстати, сам же меня и подбил, вспомни разговор у Меньшова.

— Я себя уже исказил за тот разговор, старый дурак... Возвращайся, Игорь, Христом Богом прошу...

— Все нормально, минут через десять пойду обратно. Жалко, что не взял с собой аппаратуру, сижу у самой стены. Жарко, спасу нет, и воняет, как в кратере вулкана. Знаешь, только тут, у Башни, можно оценить ее грандиозность и величие в полной мере. Не хочешь испытать?

— Благодарю. — Гришин помолчал, видимо, искал достойный ответ. — Выбирайся быстрее. Может, послать за тобой вертолет?

— Э-э, нет, рисковать все же надо умеючи, вертолетчики подождут меня на прежнем месте. Кстати, непонятно, почему нет ветра. Внизу он был, а на валу нет. Прекратился или просто дует по касательной, а я в застойной зоне?

Гришин не ответил.

Ивашура переключил диапазон рации.

— Сурен?

— Слушаю, — отозвался Гаспарян.

— Что физики?

— Ругаются, но не по-русски, ничего понять нельзя, кроме слова «биополе».

Ивашура невольно засмеялся.

— Пусть ругаются, значит, что-то записали, не зря я тут бегаю по буеракам. Ничего не надо включить-переклЮчить в моем снаряжении? Спроси-ка у старшего...

Молчание, через минуту:

— Все в порядке, твое снаряжение работает нормально.

— Чувствую себя, как конь в упряжке, если не хуже: все тело чешется. Ладно, ждите.

Щелчок смены канала.

— Михаил, как вы там?

— Нормально, — отозвался Рузаев. — Я тут заснял на пленку, как ты бежал — зигзагами, словно под обстрелом. Впечатляющие кадры!

— Точно зигзагами? — удивился Ивашура. — А мне казалось, что бегу прямо.

— Абсолютно. Я видел, как бегает верблюд по пустыне, — очень похоже.

— На тебя бы навесить двадцать килограммов железа, посмотрел бы я, как... Ну, хорошо, продолжай съемку, иду обратно.

Он встал, отломил металлическую веточку металлической сосны, сунул в карман. К стене Башни приблизиться вплотную было почти невозможно из-за плотного потока теплового излучения, но Ивашура все же сумел подобраться, завязав лицо шарфом по самые глаза. Материал стены был крупнозернистым, очень твердым и отливал перламутром. Взять пробу даже с помощью пробоотборника не удалось. Отверстие, извергнувшее недавно удивительную субстанцию мертвого выброса, было затянута синеватой пленкой и располагалось на высоте трех метров. Чувствуя, как жар проникает под одежду, обливаясь потом, Ивашура подпрыгнул и ткнул щупом в синее пятно. И не успел опуститься, как совсем близко неожиданно жутко, тоскливо закричал паук.

Ивашура остуился, больно ударился коленом о металлический выступ, с трудом поднялся и бросился, не оглядываясь, по крутому спуску вниз. «Лишь бы не «глаз дьявола»! — взмолился он на ходу. — И не мертвый выброс! Впрочем, выбросы не повторяются в одном и том же месте... Что же это? О чем предупредил паук?»

Ивашура упал, оглянулся назад. Участок стены длинной около сотни метров накалился до золотого свечения, волны этого свечения отделились от стены и медленно поплыли к земле, шипя и потрескивая, вспыхивая искрами.

Заговорила рация, сквозь хрипы и шум едва можно было расслышать голос Гришина:

— Игорь, в твоём районе начался электрический дождь. Слышишь меня, Игорь? Я дал тревогу.

— Слышу, — повысил голос Ивашура. — Не паникуйте, если связь прервется, — сильные помехи. Дождь наблюдаю, нахожусь в безопасности.

В безопасности он не находился, но не хотел волновать заместителя и радистов штаба.

Электрический дождь продолжался. Со стены срывались целые полотнища электрического сияния, плыли наискосок к земле и распадались на десятки ручьев холодного бело-голубого пламени. Сильно запахло озоном. Над камнями, ветками, кочками, изломами пластов торфа и земли засияли светлые ореолы. Мех на воротнике полушубка встал дыбом. Отовсюду доносились ядовитое шипение и треск, мышцы рук и ног стали произвольно подергиваться, по нервам прошла волна странного щекочущего покалывания.

Ивашура снова полез вниз, оскальзываясь на глыбах глины, падая, проезжая на животе или на спине сразу десятки метров. А уже у подножия вала его настиг один из «тихий» электрических разрядов: удар, всплеск боли в голове, цветное пламя в глазах, сменившееся серой мутью...

Очнулся он от холода. Вокруг было темно, лишь кое-где в этой темноте вспыхивали ненадолго зеленые и желтые звездочки, гасли и тут же появлялись в другом месте. Ивашура вслепую пошарил руками вокруг себя, при-

встал. Он лежал на чем-то очень холодном и упругом, ассоциирующемся с телом мертвого кита. Звезды продолжали вспыхивать и гаснуть, но понять, далеко они или близко, было невозможно.

Ивашура сел на своем упругом ложе, чувствуя легкое головокружение. В затылке застряла тонкая заноза пульсирующей боли, тело плохо слушалось, хотелось снова лечь и поспать.

— Подвал, что ли? — вслух сказал он, пытаясь взбодриться с помощью аутотренинга.

Стиснув зубы, он встал, огляделся. «Куда идти? Везде темно, как в пещере. Куда я попал? Может, провалился в трещину? Непохоже...»

Ивашура вытянул руки вперед и стал продвигаться на ощупь, чтобы не встретиться ненароком с каким-нибудь препятствием. Темнота, тишина, бесшумные звезды в бесконечной дали, странные запахи, оставляющие горьковатый привкус во рту, пружинящее под ногами невиданное покрывало, холод...

Где-то близко (а может быть, далеко) раздалось вдруг отчетливое хриплое рычание.

Ивашура остановился, прислушался, нашарил на поясе нож. Что-то мешало ему, стесняло движения... Ну, конечно, датчики, упряжь антенны, фиксаторы, ремни и прочие побрякушки. К черту!

Стараясь не шуметь, он содрал с себя электронную технику радиофизиков и медиков, с удовольствием почесал места установки датчиков и плотнее запахнул полушубок. Интересно, кто рычал? Похоже на льва, но откуда львы в Брянском лесу?

Ивашура снова двинулся в темноту, вслушиваясь в шорохи, забыв об ушибах и ссадинах, готовый к борьбе с любой опасностью. Прошла минута, десять, полчаса — все та же упругая плоскость пола, мрак и звезды. Что за чертовщина! Куда он попал?! Нет, таких подземелий — со звездами и ровным полом — не существует! Неужели «область Рузаева»? Но Михаил ходил по светящемуся туману, а тут темь — хоть глаз выколи!..

Он качнул тумблером рации, вызвал Грищина, в ответ услышав лишь слабое шуршание фона. На других

диапазонах то же самое: радиоволны застревали во мраке, ни его не слышали, ни он никого не слышал. Хотя вполне могло быть, что его слышали, а он — нет. Проверить Игорь не мог.

Сколько он так шел — неизвестно, но шел долго. Потом почувствовал, как словно продавил телом какую-то прозрачную и упругую пленку, и вокруг все внезапно изменилось. Из тьмы проступили предметы: редкие кусты ольхи, кочки, пласты перепаханной почвы, зубчатый профиль леса в сотне метров, стена Башни в противоположной стороне, перекрывающая половину видимого мира, но все это — интенсивного фиолетового цвета, окруженное удивительным алым ореолом. В сером небе плавало странное тускло-багровое солнце.

Ивашура висел в полуметре над землей, ни на что видимое не опираясь, но одновременно чувствовал под ногами все то же упругое нечто, по которому отшагал не один километр. Осмотревшись, он решил продолжить путь к лесу. Попробовал снова связаться со штабом, но рация лишь глухо шипела и потрескивала. Отмерив несколько десятков шагов, Ивашура вдруг заметил, что на самом деле продвинулся вперед всего метра на полтора. Остановился, снова пошел, потом побежал. Впечатление было такое, будто невидимая дорожка под ногами бежала навстречу с тем большей скоростью, чем быстрее он двигался сам. Пробежав метров сто (по внутреннему счету шагов), он измерил на глаз расстояние, на которое переместился на самом деле, — метров пять-шесть! Заколдованное место! Эдак и до леса не доберешься.

Ивашура упрямо продолжал путь, но продвигался к лесу все медленней и медленней, потом и вовсе перестал приближаться, и это несмотря на то, что он шел с прежней скоростью, каждым шагом отмеряя почти метр! Через полчаса он сдался, вытер вспотевший лоб и сел на упругий слой отдохнуть. Его не хотели выпускать из странного пространственного мешка с удивительными свойствами. «Что ж, отдохнем и попробуем двинуться в обратном направлении. Чем еще нас удивят хозяева Башни? Кстати, кто они? Неужели пауки? Как говорил Валера: «Башня — мост между Землей нашего времени и

Землей, где время течет под углом, а пауки — строители этого моста». Все же мыслит Валера оригинально, этого у него не отнять, как и его рассеянности. Интересно, квантуется ли угол времени? Должен квантоваться, иначе получится дурная бесконечность Земель и цивилизаций. Но чему равен этот квант угла поворота? Градусу? Половине градуса? Минуте? Часу? Надо привлечь математиков, пусть попробуют построить непротиворечивую модель».

Ивашура глянул на часы: шел третий час дня, а он вылетел в десять утра, значит, его прогулка у Башни длится уже больше четырех часов. В штабе, пожалуй, всполошатся, если уже не всполошились, бросятся искать... Правда, вертолетов пока не слышно, может, обойдется легким испугом?

Он встал и побрел к Башне, создающей из-за колоссальных размеров впечатление наклонившейся и вот-вот готовой рухнуть стены. В эту сторону шаги получались нормальными, соответствовали тем усилиям, которые он прилагал. Он шел и смотрел на Башню, и чем ближе он подходил, тем светлее она становилась: от фиолетовой, почти черной до синей и голубой, и наконец в двухстах шагах от ее стен она стала... голубовато-прозрачной, как глыба стекла! В этой глыбе тенями обозначились лестницы, стены, коридоры, какие-то машины, светящиеся фигуры... Ивашура сделал шаг еще и оказался в темноте с мигающими звездами. Пахнуло ледяным холодом, как из морозильника. Невидимые сети упали сверху, сжали руки, ноги, сдавили бока. Ивашура рванулся и... вывалился на холм желтой глины на вершине земляной складки у стены Башни. Рация зашумела, захрипела, чей-то голос пробился сквозь этот шум:

— ... молчите?.. Передают, что датчики... Где?

— Не поднимайте паники! — буркнул Ивашура, прилизав губы к микрофону рации. — Все нормально, возвращаюсь. Который час?

— Без пяти одиннадцать, — ответил далекий Рузаев. — Что там у тебя стряслось с датчиками? Гаспарян звонил мне: мол, ты не отвечаешь.

Ивашура некоторое время соображал.

— И сколько я молчал?

— Минуты три. Физики передают, что их приборы перестали регистрировать сигналы датчиков.

— Успокой их, датчики я снял, потом все объясню.

«Три минуты... — пробормотал он про себя. — А по моему хронометру прошло почти четыре часа! Нет, хватит шутить с господином Случаем! Хорошо, что путешествие закончилось благополучно. А ну как остался бы внутри этого «мыльного пузыря» с чужим временем?!»

Ивашура посмотрел вверх: электрический дождь постепенно терял силу, затухал. Он стал спускаться с вала. У подножия земляной складки наткнулся на труп животного, не то тигра, не то льва, вернее — на переднюю половину трупа, задняя часть туловища отсутствовала...

— Через «зону ужасов» я промчался, не успев даже понять, что это «зона». — Ивашура хмуро усмехнулся и замолчал, вертя в пальцах блестящий камешек.

В штабе, наполненном пульсирующим гулом, зуммерами и свистами радиотелеграфной станции, сидели руководители экспедиции, начальники лабораторий радиофизики и биологии, Меньшов, Гаспарян и лейтенант Куша. По лицу Богаева ходили тени озабоченности и досады. Гришин о чем-то думал, взявшись пальцами за подбородок, радиофизик вздыхал, поглядывая на биолога.

— Наша физика малоприменима для объяснения феномена Башни, — проговорил Меньшов, поглаживая бороду. — Взять тот же «мыльный пузырь» с иным ходом времени: до сих пор наука не сталкивалась ни с чем подобным, нет даже серьезных теоретических работ на эту тему, только дикая гипотеза нашего уважаемого коллеги Валеры о квантовых эффектах и дискретности углового поворота времени. Кстати, я готов принять ее после того, что услышал от Игоря и Миши Рузаева.

Богаев поморщился:

— Господа, не о том говорим. Игорь Васильевич сегодня преподнес нам сюрприз, какого от него не ожида-

ли. Можно ли так рисковать начальнику экспедиции? Мне кажется, нельзя.

— Владлен Денисович, давайте поговорим об этом отдельно, — сказал Ивашура. — Каюсь, виноват, больше не повторится. С этого часа вступает в силу приказ: не приближаться к Башне ближе чем на три километра. Касается всех! Этого достаточно.

Богаев что-то пробормотал, отворачиваясь.

— Меня интересует, — продолжал Ивашура, — что дал науке мой бег по пересеченной местности? Что вы записали и расшифровали?

Радиофизик посмотрел на биолога, тот пожал плечами.

— Результаты обрабатываются, ничего конкретного сказать не могу. Аппаратура записала поступившие с датчиков сигналы, но чем они вызваны — пока загадка.

— То же самое могу сказать и я, — признался радиофизик. — Приборы отметили повышенную ионизацию воздуха в тот момент, когда начался электродождь, но это нормальное явление. Остальные записи — темный лес! Похоже, мы открыли в «зоне ужасов» тип излучений, действующий непосредственно на нервную систему.

Сквозь шумы эфира в комнату пробился чей-то голос.

— Где это? — переспросил радист.

Голос пробормотал что-то неразборчивое, но радист понял.

— Хорошо, сообщу.

— Что там еще? — повернулся к нему Богаев.

— На южном участке стены замечены «телеэкраны», сразу пять штук на разных высотах.

— Ну и что?

— На одном из них был виден человек. Ребята засняли все на кино пленку.

— Что за человек? — быстро спросил Ивашура. — Не напомнил ли он кого-нибудь из знакомых?

— Сейчас спрошу. — Радист потянулся к панели РТС.

— Не надо, проявят пленку — посмотрим сами.

— А кого ты имел в виду? — наклонился к Ивашуре Гаспарян. — На кого должен быть похож человек на «телеэкране»?

— Помнишь рассказ Миши? Ему показалось, что он видел Ивана Кострова.

— Думаешь, Иван в Башне?

— Хочу верить, что он жив.

— А если «телеэкран» — средство наглядной передачи информации, применяемое хозяевами Башни? Для контакта со своей стороны?

— Что вы там шепчетесь? — недовольно спросил Богаев. — Есть что сказать, так говорите всем.

— Чтобы вы потом обвиняли нас в ненаучном подходе? — сказал Ивашура со вздохом. — Сурен предлагает создать специальную комиссию по контактам с пауками или с теми, кто воздвиг Башню.

— Кто, я? — удивился Гаспарян, потом небрежно кивнул: — А-а... Да, было.

Богаев отнесся к этой идее с неожиданной серьезностью.

— А что, надо подумать. Может быть, привлечь специалистов Крымской лаборатории связи с иными цивилизациями? У них составлены какие-то программы...

— Обязательно, — кивнул Ивашура твердо. — Сурен и начнет переговоры. Завтра.

На этом «малый штабной совет» и закончился.

Богаев с лейтенантом взялись за устройство лагеря для прибывающих иностранцев. Директор Центра, сняв с себя ответственность в вопросе общего руководства экспедицией, компенсировал это кипучей бытовой деятельностью, где нужна была только голова администратора-хозяйственника. Гришин поехал с представителями райкома по ближайшим к Башне поселкам и деревням проверить, как идет эвакуация. Ивашура занялся организацией телепередачи с места события. Телевизионщики долго искали место съемки, зато разворачивали и проверяли телекамеры и аппаратуру связи всего четверть часа. Ивашура дважды разговаривал с Вероникой. Ведущая телепрограммы «Время» интересовала его все больше: прямоотой, сдержанностью, живым

умом, да и красотой природа Веронику не обделила. К тому же он чувствовал, что интерес этот взаимный.

Наконец в четвертом часу дня интервью с «начальником комплексной научной экспедиции Игорем Васильевичем Ивашурой» было записано на видеомagneтофон, и Гибелев отбыл на вертолете в Брянск, чтобы в шесть передать запись в эфир через областной центр. Уже была передана прямая телепередача с комментариями Ивашуры, Гаспаряна, Меньшова и других участников экспедиции.

После телесъемки Ивашура побывал в фотолаборатории и просмотрел кадры киноленты с «телеэкрана». Человек, отраженный «экраном», не был похож на Ивана Кострова. Кроме незнакомца, голубой экран показывал еще паука и жуткую черную фигуру, напоминающую кентавра, а также целые вереницы светящихся пятен.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил Ивашура Рузаева, который сам проявлял свою киноплёнку в лаборатории. — Что такое «телеэкран»? Попытки хозяев Башни вступить в контакт с нами?

— Не думаю, — помолчал по обыкновению, ответил Михаил. Промыв плёнку, развесил мокрые ленты на проволоке для просушки, и они вышли из домика лаборатории.

— Мы привыкли, что экраны всегда каким-то образом связаны с передачей информации, — продолжал Рузаев, пока они шли к жилому кварталу экспедиции. — Но давай порассуждаем. Если бы хозяева Башни в самом деле хотели установить контакт с нами, то действовали бы с гораздо большей последовательностью и целенаправленностью. В действительности же все явления, так или иначе связанные с Башней, больше напоминают аварийные утечки опасных веществ, о чем нас и пытаются предупредить пауки. А «телеэкраны» возникают не на одном месте, что диктуется логикой налаживания информационного обмена, а в разных местах и на разных высотах. Многие из экранов мы вообще не успеваем заснять на плёнку. Где же тут установление контакта?

— Логично, — согласился Ивашура.

Они, не сговариваясь, остановились на дороге, уез-

женной вездеходами, и Башня все больше выступала из мглы багрово-коричневой колонной, в глубине которой иногда загорались острые лучики света или шарфы белых искр.

— Светится со вчерашнего дня, — пробормотал Рузаев. — Скоро очередная пульсация.

Помолчали и снова зашагали к вагончикам, от окон которых протянулись по снегу полосы желтого света. Где-то за деревьями тарахтел движок, дающий электричество лагерю экспедиции.

— Аварийные утечки, — задумчиво повторил Ивашура. — Интересная мысль. Михаил, а что, если нам попытаться осуществить идею Вани Кострова?

— Какую именно? — поинтересовался Рузаев. — У него было много идей.

— О контакте с пауками.

Рузаев искоса взглянул на товарища.

— Очевидно, у тебя уже есть соображения, как это сделать практически? Если ты помнишь, мы не смогли поймать ни одного экземпляра. И вообще, не представляю, какой контакт можно установить с пауками, если уже понятно, что это обыкновенные киберы?

— Именно потому, что они автоматы с определенной программой, и не просто киберы, а биокиберы, судя по их повадкам, и можно сделать попытку контакта.

— Био не био, но попробовать, однако, можно. Буду соображать.

— Посоображай, пожалуйста, я тоже поразмышляю, но времени у нас мало... Ты в самом деле видел на «телеэкране» Ивана? — внезапно спросил Ивашура, останавливаясь на пороге штабного вагончика.

Рузаев полизал царапину на пальце, помолчал, потом пожал плечами.

— Не берусь утверждать, однако, по-моему, это был он. Не знаю только, как он мог оказаться внутри Башни.

— И я не знаю. Может быть, их втянуло с вертолетом, может, в момент появления Башни она была открыта сверху, а может быть, их захватили хозяева Башни после падения... Первый вопрос, который я хочу задать паукам: живы ли Иван с Таей?

Ивашура толкнул дверь, и они вошли в освещенное тремя «люксами» помещение штаба.

У стола Богаев разговаривал с Вероникой, одетой в брючный костюм серебристого цвета. Помещение, как всегда, было заполнено голосами переговаривающихся начальников лабораторий, групп, исследовательских отрядов, перекличкой водителей вездеходов и спецмашин, патрулей оцепления и постов воинских подразделений.

Два радиста с наушниками работали на пультах РТС: на них, кроме приема и передачи оперативной информации, лежала забота о связи с руководством района и области, с органами МВД и Федеральной службы безопасности, со всеми научными центрами и организациями Москвы и других городов страны.

Ивашура улыбнулся в ответ на вопросительный взгляд Вероники, прошел к радистам в аппаратную, выслушал несколько сообщений личного характера и вернулся к столу посередине комнаты.

— Через сорок минут перекличка, — сказал он. — Проведу сам. Что у вас нового, Владлен Денисович?

— А что у меня может быть нового? — пробурчал Богаев, вытирая лысину и лоб платком. В комнате было жарко, но директор Центра не раздевался, только распахнул свою знаменитую шубу из шкуры неизвестного науке зверя. — Я теперь не ученый, а простой администратор, так сказать, завхоз экспедиции. Отправил Глазунова и всю его компанию домой, в Жуковку, успокоил, как мог. — Богаев через силу усмехнулся. — Не знал до этого за собой таких способностей. Константин Семенович вернется завтра, звонил откуда-то из Фокина. Иностранцы разместились в полукилометре от штаба, но они полностью находятся на попечении какого-то деятеля из Москвы, так что нам забот поменьше. С продуктами Глазунов обещал помочь, рацион-то у нас не больно разнообразный. Что еще? Телевидение вот интересуется работой Центра и некоторыми его специалистами.

Богаев хитро покосился на Веронику, но та не смутилась, прямо смотрела на Ивашуру, как бы давая понять,

что ничего особенного в ее интересе к отдельным специалистам нет.

— Вы становитесь ворчуном, — сказал Ивашура. — Сами предложили мою кандидатуру в начальники экспедиции, а теперь каетесь? С удовольствием уступлю кресло, тем паче что оно и мне не дает возможности заниматься наукой.

— Ну конечно. А кто ходил к Башне, рискуя... — Богаев посмотрел на Веронику и понял, что сказал лишнее.

— Вот-вот, — оживилась та. — Расскажите, Игорь, пожалуйста.

Ивашура посмотрел на часы.

— Это вам расскажет и Миша Рузаев, а я сейчас буду проводить переключку, сверять планы на завтра. Подождете?

— Непременно.

— Михаил, — позвал Ивашура, — подойди на минутку.

— А я пошел спать. — Богаев вздохнул, сунул платок в карман. — Старик я еще молодой, но разве за ним угонишься? — Кивок в сторону отошедшего Ивашуры. — Вырос парень, далеко пойдет, вот помяните мое слово.

Через час Ивашура закончил вечернюю переключку с руководителями научных отрядов и оставил Рузаева в штабе дежурить вместе со сменой радистов. Сам же оделся, помог одеться Веронике, и они вышли из комнаты в ночь.

Лес со стороны дороги глухо шумел под усилившимся ветром. Звезд не было видно, небо казалось закрытым облаками, Башня почти не выделялась в темноте, но, приглядевшись, можно было рассмотреть странную темно-вишневую стену, нереальную своими размерами, однотонностью и цветом. Аналогий этой стене подобрать было невозможно — ничто на Земле не соответствовало ей, не походило на нее даже отдаленно. До Башни было около двенадцати километров, и все же она загораживала треть небосклона, исчезая в низких быстрой несущихся облаках.

Мороз был нешуточный, с ветром. Ивашура заботливо поправил воротник шубки спутницы, и они мед-

ленно побрели по скрипящему утоптанному снегу к «жилому кварталу» экспедиции. Сквозь шум леса доносился равномерный стук дизеля, дающего свет и жизнь всему лагерю, взревел вездеход, по дороге прошел трактор с волокушей.

На стене Башни под самыми облаками вспыхнул круглый желтый зрачок, помигал, светлея, и погас.

— Красиво, — сказала Вероника, не сводя глаз с темно-вишневой полосы. — Что это было? «Глаз дьявола»?

— Вы уже неплохо ориентируетесь в нашей терминологии.

— Просто все настолько неординарно, что запоминается сразу. Кстати, вас снова ждут журналисты, им не все ясно.

— Вот как? Старые знакомые?

— И старые, и новые. Приехали корреспонденты центральных газет и журналов. Многих я знаю по работе.

Ивашура замедлил шаг, задумался на несколько секунд.

— Знаете что? Давайте посмотрим на Башню сверху. Вы ведь, наверное, еще не видели ее в таком ракурсе?

Вероника посмотрела на него удивленно, в глазах ее отразился свет окон ближайшего домика.

— А можно?

— Разве я не начальник экспедиции?

Вероника засмеялась.

— Богаев назвал вас «волонтаристом с докторским дипломом», и он прав, по-моему.

— Конечно, прав, я волонтарист, даже анархист, если хотите, но, к счастью, обладаю обостренным чувством риска: знаю, когда можно рисковать, а когда нет. Как видите, пока я не ошибался.

— Потому и в «зону ужасов» пошли, что предполагали благополучный исход разведки боем?

— Не предполагал — знал. Не верите? Ей-Богу, не вру! Со мной ничего не может случиться, пока я держу свое бытие в прогнозируемом русле.

— А вы не хвастаетесь часом, волонтарист?

Ивашура улыбнулся.

— Есть немного, из желания понравиться. И так, летим?

— Летим! — без колебаний ответила девушка. — Только сообщите все же о своем решении Богаеву, я его почему-то побаиваюсь. И вообще как-то странно: директор Центра и вдруг — заместитель своего подчиненного... Вы не находите?

— Нет, все закономерно. Богаев стар, через год уходит на пенсию, да и сердце у него слабое, а тут забот невпроворот.

— А как вы с ним в Центре уживаетесь?

— Нормально. Я его уважаю, он меня, надеюсь, тоже.

— Я слышала обратное...

— Чепуха! — Ивашура начал сердиться. — Просто был случай, когда я оказался прав, а он нет. Но я сказал правду: мы уважаем друг друга. Еще раз спрашиваю...

— Да лечу, лечу, не сердитесь, Игорь. — Вероника взяла Ивашуру под руку. — Не хотелось бы пилотов беспокоить.

— Пилотом пойду я. Пойдите минутой, я предупрежу Михаила.

Ивашура бегом отправился назад к штабному домику и вскоре вернулся.

— Все, идемте.

Они пошли к стоянке вертолетов, перебрасываясь на ходу ничего не значащими фразами.

Ивашура первым залез в кабину, включил свет, прогревание и помог девушке подняться.

Двигатель, застывший на морозе, долго не хотел просыпаться, фыркал, бурчал, тряс кабину, но все же завелся. Медленно закружились лопасти винтов, побежали веселей, и вертолет взлетел.

— Я гляжу, все, что мне о вас говорили, сбывается, — сказала Вероника.

— А что говорили? — Ивашура натянул на голову дугу с наушниками, поправил на голове ларингофон и выключил в кабине свет.

— Ну, например, что вы все умеете и все знаете.

— Снова преувеличение. Почему вы избрали профессию телекомментатора? Вам надо работать журналистом.

— А я и так журналист, во всяком случае, три года назад окончила факультет журналистики МГУ.

— Я так и знал, — с сарказмом сказал Ивашура. — Чего еще от вас можно было ожидать?

Вероника рассмеялась.

— С вами интересно, Игорь. Позвольте вопрос...

— Женат ли я? Нет, пока не женат.

— Ну вот. — Девушка с сожалением покачала головой. — Я думала, у вас есть чувство меры.

— Простите, — быстро сказал Ивашура и коснулся руки соседки. — Это со мной бывает очень редко. Простили?

— Я подумаю.

Вертолет облетел Башню кругом, порывы ветра то и дело заставляли его крениться с боку на бок, и приходилось не столько смотреть вперед, сколько прилагать усилия, чтобы удержаться на сиденье.

— Держитесь за меня, — предложил Ивашура. Сам он словно врос в пилотское кресло. Вероника подумала и приняла его предложение.

Вертолет вошел в облака, кабину затрясло.

— Выйдем вверх, тряска прекратится, — пообещал Ивашура.

— Игорь, что будет... — Вероника помолчала. — Что, если Башня не остановит свой рост?

Ивашура, казалось, увлекся управлением машиной и не слышал вопроса. Вертолет наконец пронзил облачный слой и оказался под темно-фиолетовым куполом с великолепным звездным узором. В пяти километрах от него парила утрюмая, светившаяся багровым накалом округлая гора Башни.

— Не знаю, — ответил Ивашура вдруг, словно вспомнив вопрос. — Этим займется специальная комиссия.

— Ну, а ваше мнение?

— Мое? — Начальник экспедиции снова замолчал.

— Ну да, твое. — Вероника не заметила, что перешла

на «ты». — Не верю, чтобы у знаменитого доктора наук Ивашуры не было своего мнения по любому вопросу.

— Мое мнение — придется пригрозить тем, кто в Башне. Как — пока не знаю, — предупредил он следующий вопрос Вероники. — Что-что, а способ пригрозить у нас найдется.

Вертолет поднялся еще выше, и стало заметно, что колонна Башни с высотой как бы теряет плотность, становится зыбкой, прозрачной и постепенно исчезает, теряется в небе, и от этого не только сама Башня, но и мир вокруг становится нереальным, наделенным неведомыми свойствами, пугающим и неземным...

— Хочется закрыть глаза и проснуться... — прошептала Вероника.

Ивашура вместо ответа повел вертолет еще выше и повернул к Башне. Над Башней на высоте пяти километров он остановил движение, вертолет завис.

Только здесь становилось отчетливо видно, что Башня круглая. А в ее глубине, как в стакане рубинового стекла, плескалась и мерцала перламутровая жидкость-сияние.

Они замороженно смотрели минут десять, потом на крошечной панели управления вертолета мигнул зеленый огонек, и в наушниках проскрипел голос Рузаева:

— Игорь, как дела?

— Все отлично, — ответил Ивашура, поглядев на спутницу. — Возвращаюсь.

И они полетели обратно.

Перед тем как лечь спать, Ивашура побродил вокруг лагеря по утоптаным тропинкам, сожалея, что отпустил Веронику, подавил желание вызвать ее снова и, вспомнив разговор с Меньшовым, направился к вагончику ВЦ.

Экспедиции, кроме персоналок, был придан компьютер типа «Вайт Игл», способный работать в режиме разделения времени и транспортируемый в закрытом фургоне. Функции этот передвижной вычислительный центр выполнял аналогичные кустовому ВЦ. Работали на компьютере, включая службу, двенадцать специалистов, нередко в три смены. В этот вечер в фургоне де-

журила смена Бориса Кобцева, укомплектованная молодыми программистами и математиками, не отказывающимися работать в любых условиях.

— Привет служителям культа электроники, — поздоровался Ивашура с начальником смены, с лица которого никогда не исчезала скептическая усмешка, будто он сомневался в способностях машины решать сложные задачи.

— Привет начальству, — прохрипел Кобцев, не отрываясь от клавиатуры дисплея. — По делу или без?

Ивашура покачал головой.

— Ты, Борис, никогда не станешь дипломатом.

— Это почему же?

— Ты прямой, как полет стрелы. Я на секунду. Тут у тебя работали физики, стажеры Меньшова. Где результаты их работы?

Кобцев, не оглядываясь, позвал:

— Константин, выведи ему на контрольный дисплей данные по изолиниям.

Молодой программист, розовощекий, с открытым лицом, подозвал Ивашуру, пощелкал клавишами задатчика программ, и дисплей послушно высветил на экране результаты работы физиков.

По данным, поступающим с датчиков и зондов вокруг Башни, ученые рассчитали линии, соединяющие точки с равными потенциалами: изотермы — с одинаковой температурой, изодинамы — с одинаковой напряженностью магнитного поля, изогравы — с одинаковой силой тяжести, изопикны, изоклины, изохроны и так далее и тому подобное. Картина вырисовывалась интересная, хотя и ожидаемая: вокруг Башни природа сошла с ума, реализуя чудеса, которые нигде на Земле не повторялись с такой частотой и силой. И средоточием этих чудес была сама Башня, порождение жутких по мощи и психологической значимости таинственных и непонятных сил.

— Вот их последние расчеты. — Константин прошелся пальцами по клавиатуре терминала ввода-вывода. — Сейсмопрофилограммы от подвижек Башни.

Ивашура кивком поблагодарил и долго разглядывал

зубчатые профили сейсмогеистов. Башня стала центром сейсмической активности в той местности, где никогда не бывало землетрясений.

— Ясно, — очнулся наконец Ивашура. — Голова крутом... А чем вы сейчас занимаетесь?

Кобцев не ответил, а Константин с виноватой улыбкой, извиняясь за начальника, проговорил:

— Работы много, не хватает времени, захлебываемся. Сейчас машина считает конфигурацию электромагнитных полей и строит график в реальном времени — для прогноза активности Башни. Потом надо будет сделать расчеты закономерности появления «глаз дьявола» и мертвых выбросов, рассчитать безопасные подходы к Башне, точки воздействия, вероятные разрушения... — Константин пожал плечами. — Ну и все такое прочее.

Ивашура кивнул, постоял еще минуту и вышел. Дверь отрезала шум работы ВЦ: писки, шорохи, стрекот печатающих устройств, гудение кондиционеров.

Из-за туч выглянул краешек луны, и на пушистое заснеженное поле упал призрачный зеленоватый отсвет...

Глава 6

Утром Башня вздрогнула. Этот непредвиденный толчок вызвал сдвиги и разрывы почвы в радиусе десяти километров от Башни, и в результате лопнул газопровод на трассе Брянск — Смоленск и оказалась поврежденной железная дорога Жуковка — Брянск. Ивашура все утро занимался ликвидацией последствий аварий. Железнодорожный путь починили быстро, справиться с газопроводом оказалось трудней: газ вспыхнул и образовался огненный факел высотой несколько десятков метров. Аварийные бригады района не смогли утихомирить огненную стихию, пришлось вызвать спецкоманды газового хозяйства области. Лишь к полудню факел потушили и газовые трубы в местах разрыва заключили в надежные бандажы.

Ивашура вернулся в штаб и узнал, что вечером прибывает обещанная Старостиным правительственная ко-

миссия. Богаев, вздыхая, рассказывал, какие разрушения вызвал в городе толчок, и передал просьбу Глазунова предупредить население о толчках заранее.

— Этот толчок никто предвидеть не мог, — огрызнулся Ивашура. — С пульсацией он не связан. Передайте Глазунову: все, что можем, сделаем.

Пока Ивашура знакомился с информацией, поступающей от начальников групп, в штаб позвонили геофизики и сообщили, что у них двойное ЧП: один вездеход втянуло в Башню, а второй попал под струю мертвого выброса.

Ивашура немедленно вылетел к геофизикам, молясь в душе, чтобы несчастные случаи оказались без жертв, но мольбы не помогли — на этот раз ЧП было серьезным.

Начальник группы геофизиков на свой страх и риск снарядил два вездехода для того, чтобы в непосредственной близости от Башни произвести наклонное бурение и взять образцы грунта до глубины в триста метров. Буровики — молодые сильные ребята, бывшие в составе группы, — согласились на рискованную работу, требующую сноровки, быстроты и ювелирной точности, и взялись пробурить наклонную скважину к подземному цоколю Башни за двое суток до начала очередной пульсации.

Они успели установить универсальную буровую вышку и смонтировать оборудование в километре от стены Башни, на границе «зоны ужасов», как вдруг заорал паук, потом другой. Начальник группы имел достаточный опыт работы вблизи Башни, поэтому дал команду покинуть вездеход, отойти от вышки и лечь на землю. Ослушаться его не посмели, и это предотвратило трагедию. Участок стены Башни беззвучно провалился внутрь на площади не менее чем в пять тысяч квадратных метров, раздался свистящий, режущий слух вскрип, и все, что стояло и лежало на полосе земли от этого места на протяжении километра, в том числе вышка и вездеход, оказалось втянутым в Башню.

Не успели люди прийти в себя, как снова закричали пауки. Тревогу вызвал мертвый выброс: черная струя на-

крыла оставшийся вездеход и коснулась начальника, чудом миновав остальных.

Начальник умер, не приходя в сознание, по дороге в лагерь. Ноги у него до колен стали металлическими, сохранив форму, данную им природой...

У тела начальника группы суетились растерянные врачи и биологи, двое из них были академиками с мировыми именами. Ивашура постоял, посмотрел, стиснув зубы, послушал реплики врачей и вышел из вагончика на свежий воздух, в толпу молчавших людей, среди которых были и иностранные корреспонденты. Слова были лишними в этой ситуации, начальник группы знал, на что шел, но это не снимало ответственности за его жизнь с начальника экспедиции.

— Покажите, где это произошло, — попросил Ивашура в толпу.

Переглянувшись, вперед вышли двое парней в стеганках.

— Мы покажем.

— Садитесь в вертолет, пойдём сверху.

Через четверть часа вертолет завис над местом неудачного эксперимента. С двухсот метров была хорошо видна серая, гладкая, отблескивающая металлом полоса, уходящая к Башне, — там, где легла на землю трасса мертвого выброса. Гусеничный вездеход располагался у края той полосы и казался неповрежденным, но, когда вертолет приземлился, все поняли, что он целиком металлический. Все, даже стекла кабины и прожекторов, пластмассовые гусеницы, резиновые когда-то клапаны карманов с инструментом, брезентовый верх, — все превратилось в металл!

Ивашура взял пробы металла, предварительно включив дозиметр: радиационный фон был выше, чем обычно, но в пределах допустимых норм.

Потом они покружили над местом установки буровой, но ничего не нашли. Полоса земли до самой Башни была абсолютно голой — ни камня, ни кочки, ни дерева, ни кустика...

Ивашура понаблюдав в бинокль за черной брешью в стене Башни и дал команду возвращаться. Он понимал,

что полоса спокойного, если можно так выразиться, изучения Башни закончилась и началась другая полоса — постановки важных проблем, нервного напряжения, спешки и в финале — схватка с Башней, сила на силу, если не хватит ума на интеллектуальный контакт. Но здесь не все решали люди...

Глава 7

Ивашура сам отвел правительственную комиссию — одиннадцать человек, в том числе полковника Одинцова и Старостина, к ограждению, которое солдаты отнесли на четыре километра от Башни. Вопросов было мало, все знали о Башне, видели ее на фотографиях и по телевидению. Все одиннадцать человек были сдержанными, немногословными, даже суровыми на первый взгляд людьми, не походили на «кабинетных теоретиков», и было видно, что приехали они в лагерь надолго.

Многих Ивашура знал раньше, с остальными встретился впервые, тем не менее он понял, что все это люди опытные, целеустремленные, знающие жизнь, короче — профессионалы в лучшем смысле слова. Что же, чем шире кругозор ученого, специалиста, тем весомее его точка зрения, тем объективнее подход к любой проблеме.

Биноклей не хватало, их передавали из рук в руки. Пока члены комиссии, ежась под ветром, разглядывали Башню, Ивашура расспросил солдат поста, видели они пауков или нет.

— А как же, видели, — ответил старший наряда, белобрысый флегматичный прапорщик. — Утром двоих и перед вашим приходом целую вереницу.

Ивашура оживился.

— Что же они делали?

— Первые два выходили к ограждению, побегали вдоль него и умчались к Башне, а потом прибежала целая цепочка, след в след, штук десять.

— Девять, — поправил один из солдат наряда. — Я считал.

— Ну девять. Так эти тоже ткнулись в проволоку, остановились и тут же, не поворачиваясь, побежали такой же цепочкой обратно. Будто и не задом наперед бежали.

— Весьма интересно! А вас они заметили?

— Так мы с вышки смотрели, до них метров двести было.

— Триста, — снова поправил любивший точность ефрейтор.

— Покажите место, где они уткнулись в ограждение.

Прапорщик оглянулся на солдата, сосчитавшего пауков.

— Казанцев, покажи.

Тот махнул рукой.

— Тут недалече.

Ивашура сказал: «Сейчас», подошел к Старостину предупредить, что на минуту отлучится, и зашагал за солдатом.

Ограждение было сделано из мелкоячеистой стальной сетки и крепилось к вбитым в землю деревянным столбикам, а кое-где и прямо к стволам деревьев. Поле в этом месте вдавалось клином в лес метров на четыреста, и ограждение было видно издалека. Возле невысокой сосны в нескольких метрах от проволоки стояла вышка, на которой дежурили солдаты поста.

— Часто меняетесь? — спросил Ивашура, кивнув на вышку.

— Через три часа: двое на вышке, трое ходят вдоль ограждения. Смена — через двенадцать часов.

— Участок большой?

— Три километра, дальше в лесу уже другой пост... Вот мы и пришли, здесь они стояли... — Солдат недоуменно нагнулся. — А это откуда?

В сетке ограждения на уровне человеческого бедра светилось аккуратное квадратное отверстие размером в полметра. Края отверстия едва заметно серебрились.

— Что за черт! Неужели пауки вырезали? Тогда куда делся вырезанный кусок?

Ефрейтор поискал квадрат сетки, не нашел и пожал плечами.

— Чудеса, да и только. Пойду доложу.

Ивашура постоял еще немного, потрогал край вырезанного отверстия и задумчиво направился к ожидавшим его Старостину и Одинцову.

Полковник был одет в кожаное пальто на меху, шапку, меховые сапоги. Старостин в своей драконовидной шубе и такой же косматой шапке походил издали на гризли.

— На первый раз достаточно, — сказал Старостин глуховатым голосом, пряча подбородок под шарфом. — Тем более что Башня по заказам чудеса не показывает... — Он не договорил. Издалека прилетел долгий, звенящий, тоскливый крик и замолк на высокой ноте.

Ивашура усмехнулся.

— Видимо, специально для вас спектакль все-таки покажут. Не удивляйтесь. Башня активизировалась перед очередной пульсацией, чудеса случаются все чаще.

— Это не опасно? Паук кричал...

— На таком расстоянии не опасно.

— Не беспокойтесь, друзья, — махнул рукой оглядывающимся на них членам комиссии Старостин. — Здесь безопасно. — Он повернулся к Ивашуре. — Похоже, крики пауков в самом деле предупреждение.

— Сомнений нет, накоплен большой статистический материал. Пауки кричат перед каждым извержением Башни за минуту-две.

Ивашура поднял к глазам свой бинокль, посмотрел и передал полковнику.

— «Флаттер» — так мы это называем. Стена Башни начинает вибрировать. Иногда следом начинается электрический дождь.

Рация, с которой Ивашура не расставался, прочиркала вызов.

— Что случилось? — спросил далекий Гришин.

— Флаттер, — коротко отозвался Ивашура. — Не волнуйтесь, Константин Семенович, мы далеко от стены.

— Ну, слава Богу! Вертолет за вами посылать?

— В один все не влезем, не надо, доберемся на вездеходе.

В бинокль было видно, как громадный участок

стены Башни длиной с километр стал вздрагивать, гнуться, пошел волнами и превратился в гофрированную «стиральную доску». Длилось это около пяти минут. Потом амплитуда волн стала уменьшаться, вибрация стены пошла на убыль и исчезла. Башня стояла все такая же угрюмая, придавившая ландшафт миллиарднотонной тяжестью, голубая и чистая, без обычных пятен в том месте, где только что разыгрался флаттер.

Ивашура задумчиво опустил бинокль, потом снова поднес его к глазам.

— Кажется, я сделал маленькое открытие, — пробормотал он. — Вы не помните, как выглядел участок стены до флаттера?

Одинцов задумался.

— По-моему, там были черные окна...

— А сейчас вся стена чистая! Понимаете?

— Вы хотите сказать, что флаттер очистил стену?

— Не просто очистил. Черные окна в стене — это дыры, проломы, разрушенные места, флаттер починил стену! Я вспомнил, так было и раньше, только почему-то никто не анализировал состояние стены до и после явления.

— Все это хорошо, — проворчал Старостин. — Но я и мои коллеги замерзли. Не пора ли возвращаться?

— Извините, — заторопился Ивашура. — Вездеход недалеко, за деревьями, на дороге.

Привезя гостей в штаб, он оставил их на попечение Богаева и Гришина — знакомиться с обстановкой, имеющейся информацией и документами, а сам нашел Рузаева и слетал в лагерь физиков, к Меньшову, передать образцы металла и почвы — следы мертвого выброса — для масс-анализа и заодно узнать, какими идеями богаты brave ядерщики. По пути спросил Рузаева:

— Ты уже подумал? Времени как будто было достаточно.

— Подумал, — невозмутимо ответил Михаил. — Идем на контакт. Сурена возьмем в компанию?

— Если он изъявит желание. С чего начнем? Теории не помогут, нужны свежие идеи, тем более что сами

пауки на контакт идти не хотят. Удивляюсь, как они пошли на роль сигнальщиков.

— А я не удивляюсь. По-моему, пауки — биомашинны, и только, киберы, автоматы с целевой программой, в которой нет места переговорам с людьми. В контакт мы если и вступим, то не с ними, а через них.

Ивашура в сомнении пошевелил бровями.

— Может, ты и прав. Но тогда вопрос: чьи они, биокиберы? От этого, кстати, зависит и тактика предполагаемого контакта. Не понял?

— Почему не понял? Одно из двух: или пауки — пришельцы и тогда контакт может не получиться, или они киберы землян, людей.

— Не обязательно людей. Гипотеза у Валеры сумасшедшая — насчет множества цивилизаций на Земле, живущих каждая в своем «угловом» времени, но опровергнуть ее никто не в силах, даже физики-теоретики, вплоть до академиков, законодателей философских построений. Понимаешь, то, что пауки начали нас сначала отпугивать от Башни, а потом предупреждать об опасности, навело меня на довольно жуткую мысль. Что, если Башня — следствие какой-то колоссальной аварии? Либо в будущем, либо в прошлом, а может, и в «угловом» времени. Что она связана со временем, можно считать доказанным, взять хоть наши с тобой путешествия внутри «мыльных пузырей» иного пространства-времени, где время течет не так, как в обычном мире.

Рузаев неопределенно хмыкнул.

— Хочешь стать автором еще одной безумной гипотезы?

Ивашура без улыбки качнул головой.

— Нет, с коллегами из Академии науки я делиться этой гипотезой не буду, она — детище моих эмоций, а не знаний. Гипотез и без нее хватает. Надо думать, как сообщить хозяевам Башни, что они у нас и так уже порядком натворили дел, и чем дальше, тем положение хуже.

Вертолет сел у палаток лагеря физиков, подняв снежную пыль.

Ивашура оставил Рузаева у машины и вскоре вернул-

ся с Меньшовым, у которого борода и усы замнделели и покрылись сосульками.

— Сидел на вышке, — прогудел Меньшов, дыша на красные распухшие руки. — Горячая пора, скоро пульсация.

— Хоть отогрейся сходи, — посоветовал Ивашура. — Что нового?

— Колдуем над разгадкой мертвых выбросов, голова кругом идет — столько возможностей заложено в этом явлении!

— Не вздумай подходить к Башне и устраивать незапланированные эксперименты! Знаешь, чем это кончается.

Меньшов помрачнел.

— Слышал и видел. Хороший был мужик Серега, я с ним еще в Москве встречался, приезжали они к нам на консультацию... Не волнуйся, ничего противозаконного не делаем. Постреливаем изредка по мертвым выбросам. Запустили два беспилотных планера с приборами к стене Башни, собираемся поднять серию воздушных шаров с аппаратурой и осуществить идею Гришина — пустить в Башню сверху зонд с кучей датчиков и телекамер. Ветер сейчас удобный, дует все время к Башне. Нового ничего, записали два выброса, флаттер и «телеэкран». — Меньшов несколько оживился. — Любопытно, что «телеэкран» показал нам сначала паука, а потом шар, предполагаем — планету пауков.

Эксперты переглянулись.

— Действительно любопытно, — протянул Ивашура. — Ты считаешь пауков пришельцами?

— А вы разве нет?

— Эксперт отличается от нормального специалиста тем, что делает вывод лишь при наличии системы фактов, — ровным голосом сказал Рузаев.

— Так я вам и поверил, — ухмыльнулся в усы Меньшов. — Как будто вы не живые люди. Каждый из нас при отсутствии информации начинает пользоваться эмоциями, интуицией и фантазией. Спасибо хоть за «нормального специалиста». Это все, что вы хотели узнать, джентльмены?

Ивашура отрицательно покачал головой.

— У тебя не найдется переносной лазер, хотя бы типа ЛКТ-100?

— Поищем. Сами не пользовались, но на всякий случай запросили в отделе снабжения. Зачем он вам?

— А СВЧ-передатчик? — продолжал Ивашура, не отвечая на вопрос.

— Это вы спросите у радиофизиков, у них должен быть.

— Еще нам нужны электромагнитные искатели, пара цериевых батареек, ультразвуковые свистки и щупы.

Меньшов присвистнул.

— Понятно. Задумали проникнуть в Башню, психи! Нет? Тогда не понимаю. А что же ваша контора? Неужели Центр настолько обеднел, что даже щупов не выделяет своим работникам?

— Не гадай, Виталий, у тебя плохо получается, на цыгана ты похож только в профиль.

Рузаев неожиданно хихикнул.

— Игорь вышел из доверия у директора Центра товарища Богаева.

Ивашура нехотя улыбнулся.

— Это точно. Дернула меня нелегкая провести тот эксперимент.

— Тебе не позавидуешь. — Меньшов снял шапку и почесал затылок. — Ты начальник экспедиции и ты же сотрудник Центра, начальник которого Богаев. На твоём месте я бы...

— Дашь ты нам, что просили, или не дашь? — перебил его Ивашура, потеряв терпение.

— Что с вами поделаешь, дам. Только, чур, меня потом не впутывать, буду говорить, что сами взяли. Разрешите идти, господин генерал?

— Идите, поручик! Стойте! Когда наметили полет к Башне сверху?

— Сегодня в шесть вечера, приходите.

— Свободны!

Меньшов неуклюже козырнул, еще более неуклюже повернулся кругом, широкий в своем черном зипуне,

пахнущем костром, и потопал к одной из вышек, возле которой собрались его подчиненные и коллеги.

— Поехали. — Ивашура полез в кабину. — Сейчас к радиофизикам, потом в воинскую часть, хочу попросить у них пневмопистолет для метания сетки-ловушки, а потом к медикам.

Рузаев сделал вид, что ему все равно.

Первую вылазку к Башне отложили на поздний вечер, чтобы не возбуждать излишнего любопытства у прибывшей комиссии вкупе с журналистами, операторами телезаписи и другими неофициальными лицами, переполнившими лагерь экспедиции.

Ивашура свободно владел английским, сносно французским, и в разговоре с приехавшими иностранными учеными и журналистами переводчиков не требовалось. «Пресс-конференции» как таковой не было. Ивашура довел до сведения иностранцев порядок работы экспедиции, распорядок дня, рассказал об основных направлениях исследования Башни и с помощью Богаева, который тоже говорил по-английски, распределил приехавших по лабораториям и отрядам экспедиции. Вновь прибывшим журналистам он пообещал рассказать все подробности на следующий день, дав им сутки на акклиматизацию и предоставив возможность самостоятельной добычи информации у остальных жителей лагеря, прибывших ранее.

Освободившись на полчаса, Ивашура поговорил с Вероникой, определив объем очередной телепередачи, и был неприятно поражен тем, что девушка вдруг попросилась пойти с ним «к паукам на встречу».

— Кто вам сказал, что мы собираемся к паукам? — спросил он, хмуря брови и внимательно разглядывая лицо девушки.

— Никто, — пожала плечами Вероника. — Интуиция, если хотите. Я же вижу, что вы озабочены, а в вашем вагончике — я заходила — Миша Рузаев готовит какие-то снасти и приборы. Я не права?

Ивашура задумчиво посмотрел на носки своих сапог.

— Да, мы идем в пробную вылазку для установления контакта с пауками. Это опасно, и поэтому в другой раз

я бы, не задумываясь, ответил вам «нет», но вдруг подумал, что профессиональное умение формулировать вопросы и ответы может нам пригодиться. Я согласен, но ни одна душа...

— Не продолжайте, — улыбнулась Вероника, и глаза ее просияли. — А ты, однако, смел, Игорь Васильевич.

— Одним словом, анархист, — без улыбки пробурчал Ивашура. — Будь готова часам к десяти вечера. — Он тоже перешел на «ты», не заметив этого. — И оденься соответственно.

— Слушаю и повинуюсь!

Вероника легонько сжала пальцы начальника экспедиции и убежала, унося в глазах свет признательности, радости и чего-то еще, поднявшего в его душе ответную волну радости и желания снова и снова встречаться с этой девушкой.

Он так глубоко задумался, что не заметил подошедшего вплотную Одинцова. Полковник был, как всегда, подтянут, деловит, сдержан и сосредоточен.

— Простите, — сказал он, привычно касаясь пальцами клапана своей шапки. — Не помешал?

— Нисколько, — вздохнул Ивашура, закрывая «дверь в мир своих чувств и желаний». — Слушаю вас, Мартын Сергеевич.

Разговор с Вероникой происходил возле столовой, вагончик которой ничем не отличался от остальных домиков экспедиции, но располагался отдельно и был пристыкован к крытой кухне. У столовой всегда стояли одна или две машины, привозившие продукты из города, сновали люди. Откуда-то тянуло дымом и чем-то сладким, как из кондитерской.

Ивашура посмотрел на часы и увлек Одинцова к штабу. Смеркалось, а он не сделал еще и половины того, что намеревался успеть до десяти вечера.

— Я тут расспросил... — заговорил на ходу Одинцов. — Мнения расходятся. Как вы считаете, Игорь Васильевич, чем может закончиться экспансия Башни? Не может же она расти вечно, должен быть какой-то предел.

— Должен, — согласился Ивашура. — Но мы его не знаем. Как сказал мой знакомый физик: «Наша физика

малоприменима к Башне». По известным законам физики, ни один из земных материалов не способен выдерживать таких нагрузок, которые должно выдерживать сооружение выше одного километра и массой больше одного миллиона тонн. Оно просто рухнет под собственной тяжестью... если только не представляет собой колонну, целиком отлитую из этого материала. А Башня если не полая внутри, то хотя бы имеет пустоты, могу привести расчеты специалистов и наблюдателей. При массе в девяносто миллиардов тонн и высоте в два с половиной километра материал башни имеет плотность бериллия, и тем не менее Башня не разрушается! Может, стены Башни и не стены вовсе, а одна видимость? Скажем, голографический мираж или в крайнем случае неизвестное силовое поле. В одном я уверен почти на сто процентов: Башня каким-то образом изменяет ход времени.

— Почему «почти»?

— Потому что наши с Михаилом путешествия в «пузырях времени» вполне могут оказаться галлюцинациями, продуктом собственного мозга, отреагировавшего на всплеск какого-то излучения. Обратного, к сожалению, никто не доказал.

— Но вы-то сами уверены в путешествии, не так ли? Хотел бы я побывать на вашем месте, честное слово! Испытать на себе хотя бы «зону ужасов».

Ивашура посмотрел на собеседника.

— Ай да полковник! Я думал, что из всех начальников экспедиции только я один не в ладах с дисциплиной.

В глазах Одинцова зажглись иронические огоньки.

— Не обольщайтесь, Игорь Васильевич. Мне это нужно по долгу службы. Впрочем, вас я тоже понимаю. Рисковать вы умеете, надо признаться.

— Стараемся, — в тон полковнику сказал Ивашура. — В «зону» я вас, пожалуй, свожу, но позже, после пульсации. Не возражаете?

Они остановились у домика штаба, дверь которого то и дело впускала и выпускала людей.

— Еще вопрос, — спокойно проговорил Одинцов. — Как вы думаете контактировать с пауками?

Ивашура внимательно посмотрел в проницательные глаза гостя.

— Однако информация у вас здорово поставлена!

— Стараемся, — прищурился Одинцов.

— Боксь, я вас не обрадую. Я не знаю, каким способом следует устанавливать контакт с пауками. Сегодня я намерен совершить первую попытку, а в дальнейшем образую инициативную группу контакта. По-моему, нет смысла доказывать его необходимость?

— Конечно, — ответил Одинцов. — Если вам что-нибудь понадобится из спецснаряжения, обращайтесь ко мне, поможем.

Полковник кивнул и удалился к домику связистов. Ивашура молча смотрел ему вслед, пока кто-то не тронул его за рукав. Гаспарян.

— Тебя к телефону.

— Кто?

— Голос незнакомый и как будто с акцентом.

Ивашура хмыкнул, все еще провожая взглядом прямую спину полковника безопасности, потом прошел в домик штаба, взял трубку радиотелефона.

— На связи.

— Начальник, перестань играть с огнем, — раздался в трубке гортанный тягучий голос. — Все попытки проникновения в Башню будут пресечены самым жестоким образом. Не утомисься — успокоим навеки!

— Кто говорит?

— Мы уже встречались. Вторая встреча будет...

Ивашура выключил телефон, не дослушав. Вошедший следом Гаспарян смотрел на него вопросительно.

— Что там еще? Кто звонил?

— Террорист, — хладнокровно ответил Ивашура. — Требуется, чтобы мы прекратили попытки штурма Башни.

— Федералы, что ли? Безопасность?

— Если бы это была инициатива федералов, высказал бы ее Одинцов. — Ивашура тронул рукоять бластера в кармане. — Скорее всего те, у кого Иван отобрал пушку.

— Что будем делать? Надеюсь, ты не собираешься следовать совету?

Начальник экспедиции слабо улыбнулся в ответ.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль Ивашура занял место в кабине вертолета вместе с Меньшовым, Гришиным и двумя физиками, бережно обхаживающими два зонда с аппаратурой контроля среды и телекамерами. Было решено зависнуть над Башней на безопасной высоте и опустить на тросах на ее размытую вершину два зонда. Запись передачи с телекамер должна была вести по кабелю переносная видеоманитофонная система в кабине вертолета.

— Чуть что — рви когти! — инструктировал Меньшов пилота. — Не жди, пока свалимся в пикирование. Увидишь, что вертолет ведет себя необычно, — сразу давай знать.

Пилот, спокойный молодой человек со шрамом на щеке, молча кивнул головой.

Вылетели по расписанию, ответив службе авиаконтроля. Через десять минут вертолет завис над Башней в сотне метров от ее дрожащей вершины, постепенно теряющей плотность до полной прозрачности.

— Если бы самому туда слазить, — вздохнул молчаливый всю дорогу Гришин.

Меньшов, занятый настройкой, фыркнул в бороду.

— Что это с вами, Константин Семенович? С каждым днем ваши желания все рискованнее и оригинальнее.

— Легче подавить первое желание, говорил Франклин, чем утолить все, что следует за ним, — улыбнулся Ивашура.

— Знаю, — снова вздохнул Гришин. — Но уж очень хочется сбросить покров тайны с апокалиптической Башни.

— Трос не достанет, — сказал один из физиков, — надо опуститься ниже.

— Вываливайте зонд. — Меньшов открыл люк в дне кабины. — Саша, берись за лебедку. Опустим и посмотрим, сколько останется до мерцающего слоя.

Зонд, представляющий собой металлический цилиндр с решеткой антенны и глазками приборов по кор-

пусу и в дне, пошел вниз. Трос кончился на шестьдесят шестом метре.

— Все, дальше придется маневрировать вертолетом.

— Что показывают приборы?

— Небольшое повышение радиационного фона, — сказал Гришин, склонившийся над панелью переносного пульта управления. — Ничего особенного.

— Хорошо, что ни «глаз дьявола», ни мертвые выбросы не разряжаются вверх, — пробасил Меньшов. — Ну что, Васильич, пошли помалу вниз?

Ивашура, поколебавшись, кивнул пилоту.

— Легонько, не торопясь.

Вертолет плавно пошел вниз. Зонд приблизился к границе переходной зоны, где воздух струился маревом, будто нагретый до высоких температур, и вдруг превратился в тонкий стержень, ушедший глубоко в недра Башни. Громыкнуло. Из глубины размытого конца Башни всплыл рой пронзительно-голубых искр, вертолет вздрогнул.

— Назад! — отреагировал Ивашура, но пилот уже сам сделал надлежащие выводы: вертолет с натугой рванулся вверх.

Зонд выскочил из зоны завихрений, странно белый, как будто вымазанный в сметане, из тонкой бесконечной иглы превратился в объемное тело.

— Ничего не понимаю, — проговорил озадаченно Гришин. — У меня все зашкалило! Что там случилось с зондом?

— Подтяни-ка, — приказал Меньшов.

Физик у лебедки послушно заработал рукоятью барабана, заиндевевший трос пополз мохнатой длинной гусеницей. Зонд приблизился. Ивашура тихонько присвистнул.

— Ну и ну!

Зонд изменил форму и цвет, превратившись в гроздь белых «ежей» размером с полметра каждый.

— Что это?! — изумленно воскликнул молодой физик.

Ответом ему было молчание. Более опытные и сдер-

жанные ученые не спешили давать объяснения новому феномену.

— Надо было снимать спуск со стороны, — сказал Гришин. — Не догадались.

— К сожалению, — кивнул Ивашура. — Проверьте радиацию, может, эти «ежи» излучают.

Меньшов высунул из люка дозиметр, покачал головой.

— Почти норма. Но ты прав, эта штука опасна, неизвестно, что от нее ждать. Предлагаю отнести ее в поле, подальше от лагеря. Потом вернемся с оборудованием и посмотрим, чем оброс зонд.

Ивашура хотел сказать, что зонд вовсе не оброс, а изменил форму, превратился в гроздь колючих ядер, но промолчал.

Они опустили сверкающую белую конструкцию на снег недалеко от дороги, чтобы можно было подъехать на вездеходе, оставили вместе с ней трос, и вертолет понесся к лагерю, словно с облегчением освободившись от непрогнозируемо опасного груза.

— Выясните, в чем дело, и позвоните, — отрывисто сказал Ивашура. — И готовьтесь к второму походу, на двух вертолетах и с киносъемкой.

— Сделаем, — прогудел в бороду Меньшов и признался: — Знаете, братцы, а я струсил! Думал, как рванет — костей не соберем! А еще хуже — провалимся в Башню!

Ивашура молча похлопал его по плечу.

В десять вечера начальник экспедиции позвонил Меньшову, и физик сообщил ему о результатах исследования зонда, изменившего структуру.

Зонд перестал быть таковым, он теперь вообще ни на что знакомое не походил. Он жил, если можно так сказать, то есть работал: что-то в нем стучало, позванивало, изредка иголки «ежей» начинали светиться призрачным зеленым светом. Материал его корпуса установить не удалось, как и разобрать или проникнуть внутрь.

— Понимаешь, он растопил снег вокруг, — орал в трубку Меньшов, — но сам холодный! А самое интересное — иногда шары становятся прозрачными, и оттуда

кто-то на нас смотрит! Не видно, кто, но чувствуется. Потрясающий эффект! Кстати, уже прибежали пауки, посмотрели, побегали вокруг и умчались.

— Осторожнее там, — проворчал Ивашура, не зная, что сказать. — Старайтесь изучать его дистанционно, близко не подходите.

— Почему не подходить? Он безопасен, как огурец! Ну и выловили! — Меньшов хохотнул. — Бросил наживку — и выгащил чудовище! Не знаем, что и делать. Зато интересно.

— Поумерь восторги, — сказал Ивашура, невольно заражаясь оптимизмом физика. — Я к вам загляну утром.

Переварив сообщение, он провел обычное селекторное совещание, пожелал спокойной ночи Богаеву, утомленному организационно-хозяйственной деятельностью, и покинул штаб, почти полностью опустевший к вечеру.

В вагончике экспертов его уже ждали готовые к походу Рузаев, Гаспарян и Вероника. Эксперт Валера находился на дежурстве у связистов.

Вероника была одета в альпинистскую тройку: штормовку, непромокаемые брюки, горные ботинки, правда, без триконей. Гаспарян косился на нее с некоторой завистью и удивлением, разбавленным изрядной долей заинтересованности: девушка ему нравилась. Рузаев поглядывал на Веронику с неодобрением, но молчал, зная, что Ивашура решений своих не меняет.

Разобрали снаряжение.

Ивашура взял фонарь, рацию, лазер — длинный прямоугольный брусок в дырчатом кожухе с рукоятью и «консервной банкой» аккумулятора на торце — и метатель сетки-ловушки, похожий на сверхсовременный арбалет.

Гаспарян перекинул через плечо ремень СВЧ-передатчика, через другое — ремень ружья и взял в руки электромагнитный искатель, квадратную рамку на длинной ручке. Рузаеву достались еще один искатель, дозиметр, ультразвуковой свисток и второй фонарь. Веронике доверили нести приборы ночного видения, до-

бытые Ивашурой у вертолетчиков, портативный магнитофон и аптечку.

— Кажется, все, — проговорил Ивашура, осмотрев группу. — Начнем первый этап разведки боем. Вторым этапом будет проникновение в Башню. Выходить по одному.

Они вышли из вагончика во тьму ночного леса, рассеиваемую лишь фонарем у штаба. Ивашура не стал брать вертолет, не желая втягивать в свой рискованный поход лишних, и пять километров до ограждения им предстояло пройти пешком.

Небосвод был скрыт тучами, ветер нес их к излучающей багровый свет Башне. До пульсации оставалось несколько часов, и крики пауков доносились почти каждые пятнадцать — двадцать минут: активность Башни росла. Но именно поэтому Ивашура и решил пойти в разведку — шансы встретиться с пауками увеличивались.

Двигались молча. Ивашура шел впереди, прокладывая дорогу, проваливаясь в снег. Гаспарян шагал следом, помогая Веронике. Рузаев замыкал цепочку.

Через полчаса вышли из леса на поле, по спрессованному ветром насту идти стало легче. Башня показалась вся. Вокруг ее вершины крутилась спираль вспыхивающих зеленоватым светом облаков.

— Такой Башня никогда не была, — заметил Гаспарян. — Да, Миша? То ли пульсация будет мощной, то ли готовится что-то новенькое.

— Увидим, — пробурчал Рузаев.

К ограждению вышли в двенадцатом часу ночи. Ивашура оставил их на короткое время — предупредить патруль — и вернулся.

— Сделаем так, — сказал он, посмотрев на часы. — Растянемся в цепочку и подойдем к Башне километра на два-полтора. Фонари зажигать не стоит, надевать инфракрасную оптику тоже — на фоне Башни и так все видно. Кто заметит паука первым — подает сигнал. При малейшей опасности тоже подать сигнал, мало ли что встретится. Уяснили?

Где-то в темном небе послышался нарастающий ро-

кот, показались белые и красные огни — вертолет авиаконтроля. Он прошел чуть в стороне, над лесом, звук постепенно затерялся в шуме ветра. Эксперты проводили его взглядом.

— Может, Веронику оставим здесь? — предложил Рузаев.

— Нет-нет, — поспешно откликнулась девушка. — Я пойду с вами.

Ивашура встретил ее умоляющий взгляд и повернулся к Гаспаряну.

— Подстрахуешь ее, Сурен. Почему'вы не спрашиваете, что мы будем делать дальше?

— А что тут спрашивать? — рассудительно произнес Рузаев. — Будем ловить паука, а потом спросим, разговаривает ли он по-русски и по-английски.

Вероника засмеялась.

— А что — нет? — оставаясь бесстрастным, спросил Рузаев. — Зачем бы мы тогда брали сетку-ловушку и СВЧ-передатчик?

— В логике тебе не откажешь, — сказал Гаспарян ядовито.

— Ну, ни пуха ни пера, эксперты, — сказал Ивашура.

— К черту! — дружным шепотом ответили все.

Глава 8

Чем ближе они подходили к Башне, тем больше убеждались, что активность ее превысила обычную перед пульсацией. Блуждающие источники радиации — «глаза дьявола» — вспыхивали почти каждые пять минут, правда, все на значительной высоте. Дважды начинались электрические дожди, прижимаемые ветром к стенам Башни. Багровое свечение от стен пульсировало — то отступало вглубь, то усиливалось, и от этого казалось, что Башня то съезживается, то растет в объеме.

Идти стало трудней. Снежный наст утратил твердость, стал рыхлым, влажным, тепловое дыхание Башни уже достигало этих мест. Вскоре в снежном покрове по-

явились прогалины раскисшего грунта, в которых легко можно было завязнуть по пояс и глубже.

В какой-то момент Ивашура вдруг остановился, жестом приказал замереть и прислушался.

— Кажется, начались сюрпризы, чувствуете?

— «Зона», — сказал Гаспарян. — Мы дошли до «зоны», вот и все.

— Какая зона? — спросила Вероника, тщетно стараясь уловить хотя бы посторонний звук, кроме завывания ветра. Ей показалось, что над ними нависла странная призрачная и одновременно тяжелая тень, но это прошло. Осталось ощущение какого-то давления на голову и чувство неловкости во всем теле.

— «Зона ужасов», — пояснил Рузаев терпеливо. — Но это не она. «Зона» обычно начинается в километре от стены, а мы стоим по крайней мере в двух.

— Подождите здесь. — Ивашура прошел вперед с десятков шагов, постоял и вернулся. — Это не «зона» — инфразвук.

— Знакомые штучки.

— Да, это уже серьезно, дальше мы, наверное, не пройдем.

— Что это значит — инфразвук? Извините, что вмешиваюсь...

— Пауки поставили инфразвуковую завесу, — внес ясность вежливый Гаспарян. — Инфразвук, то есть звук низкой частоты, очень нехорошо влияет на организм, поэтому ближе к стене Башни идти рискованно.

— А зачем пауки поставили завесу?

— Не хотят, чтобы кто-нибудь мог приблизиться к Башне. Существует гипотеза, что пауки предупреждают людей об опасности: криками — когда источник опасности локален, инфразвуком — когда опасность... э-э...

— Неизвестно где, — подсказал Рузаев. — Инфразвуком пауки отпугивали нас лишь однажды, когда на месте Башни был еще построенный из паутины конус.

Почва под разведчиками внезапно вздрогнула, по полям прокатился низкий подземный гул.

Эксперты переглянулись.

— Отложим? — с полувопросительной интонацией сказал Гаспарян.

Ивашура на минуту задумался, взглянул на часы и тронул кнопку рации.

— Связь-два, что там у вас?

— Был толчок, — донесся сквозь хрипы и трески эфира тонкий голос диспетчера, — силой три балла. Причины неизвестны. Кто говорит?

— Ивашура.

— Игорь Васильевич, вас искали радиофизики, велели специально передать: плотность полей вокруг Башни растет по экспоненте. Как поняли?

— Спасибо, понял.

Ивашура выключил рацию, щелкнул крышкой дозиметра.

— Хорошо хоть радиационный фон остался прежним, — пробормотал Гаспарян. — Предлагаю вернуться за вездеходом.

— Потеряем время, — сказал Ивашура. — Попробуем подползти еще на пару сотен метров, насколько хватит сил терпеть инфразвук. Вероника, тебе придется остаться.

Девушка хотела было возразить, но уловила холодный блик в глазах Ивашуры и сдержалась.

— Хорошо. Что я должна делать?

— Ждать нас. Вот тебе вторая рация, настроена на общую волну. В случае нашей... Впрочем, мы вернемся, жди... — Он повернулся к экспертам. — Надевайте инфраоптику, попробуем пойти с ней.

Они надели приборы ночного видения, похожие на очки-консервы с резиновыми окулярами и гибкими дугами.

— Ух, здорово! — не выдержал Гаспарян и прищелкнул языком.

— А мне можно? — робко спросила Вероника.

Ивашура без слов помог ей надеть очки. Взору девушки открылась волшебная картина, расцвеченная всеми оттенками коричневого, алого и вишневого цветов.

Башня сияла белым накалом, так что на нее было

больно смотреть. Почва и лес вдалеке были черными или темно-коричневыми, и в этой черноте проглядывали багровые дорожки, прожилки, ручейки, нити, бесформенные пятна...

Ивашура первым разобрался в цветах: пятнами были нагретые участки почвы, дорожками и ручьями — насыпи и гребни пластов вспаханного поля, а вот прожилки и нити... Он шагнул к ближайшей нити, нагнулся, сорвал инфраочки и хмыкнул:

— Паутина!

Гаспарян проследил за нитью паутины и пробормотал что-то по-армянски.

— Пошли, — спохватился Ивашура, снова натягивая дугу очков. — Потом разберемся, что начали строить... — Он не договорил.

По полю плавно мчался багровый шарик, а за ним оставалась тонкая красная нить.

— Паук! — ахнула Вероника. Ивашура сжал ей пальцы, призывая к молчанию, передал Гаспаряну лазер. Потом, не отрывая взгляда от бегущего пятна, достал на ощупь метатель сетки-ловушки, прикинул, куда выкатился шар, и побежал наперерез.

Вероника хотела было крикнуть: «Игорь!» — но вовремя зажала рот ладонью. Гаспарян зачем-то снял с плеча двустволку и взвел курок. Рузаев быстро достал из-под полы кинокамеру и припал к видеоискателю. Гаспарян одобрительно похлопал его по плечу.

Чтобы приблизиться к пауку, не сбавляющему скорости, надо было углубиться в зону, где мощность инфразвука возрастала, но Ивашура не замечал влияния инфразвукового излучения. Когда до паука оставалось около десяти метров, он в два приема вскинул метатель и нажал на спуск. С щелчком пружина метателя выбросила сетку, и та, в падении разворачиваясь в плоскость, накрыла круглое светящееся в инфракрасном диапазоне тело паука. И... ничего не произошло! Паук резко затормозил и замер.

Ивашура тоже остановился, ожидая чуть ли не разряда бластера, потом сорвал инфраочки. Он не сразу привык к темноте, но понял, что действительно поймал

паука. На гладком черном теле с невидимыми сейчас ногами выделялись белесые, громадные, без зрачков глаза, внимательно и с недоумением, как показалось Ивашуре, разглядывающие человека.

Эксперт колебался всего мгновение. Он относился к тем людям, действия которых тем эффективнее, чем труднее ситуация, которые умеют из хаоса мыслей выуживать наиболее оптимальную, мгновенно собраться и принимать решения, основываясь иногда только на показаниях интуиции. В данный момент Игорь вдруг отчетливо понял, что паук не опасен.

Ивашура медленно сделал шаг к пауку, второй, остановился в нескольких шагах. Теперь он видел его полностью. Паук упирался в пашню длинными суставчатыми ногами, перебирая приподнятыми передними лапами-педипальцами. Ивашура обнаружил, что сетка, сплетенная из капроновых канатиков толщиной в полсантиметра, разрезана на две части, но это эксперта не остановило: паук ждал его дальнейших действий.

— Выслушайте нас, — сказал он негромко, но твердо. — Запишите и передайте своим хозяевам. Мы хотим знать, что такое Башня, — это первое. Второе: как долго и до каких пределов она будет расти? Ее рост — реальная угроза нашему миру, и, если Башня не остановится, нам придется применить силу. И третье: известно ли вам что-нибудь о судьбе наших товарищей Ивана Кострова и Таисии Калашниковой? Пока все. Когда ждать ответа?

Паук подождал, все так же задумчиво перебирая лапами.

— Не слышу.

Молчание. Потом какой-то тихий прерывистый писк. Ивашура от неожиданности вздрогнул: паук ответил!

— Повторите, — громче сказал он.

Снова тихий писк паука. Голос паука!

Эксперт махнул рукой напряженно ожидающим его друзьям. Все трое сорвались с места, но Ивашура остановил их жестом.

— Вероника — магнитофон!

Девушка подбежала через минуту (паук на это не ре-

агировал) и передала магнитофон. Ивашура включил запись и осторожно приблизил микрофон к пауку.

— Прощу вас, повторите еще раз.

Паук пискнул, еще и еще раз, присвистнул и вдруг помчался задом наперед по той же дороге, что и бежал сюда, не сводя своих круглых глаз с людей. Исчез, растворился во мраке.

— Уфф! — выдохнул Ивашура и смахнул со лба пот. Тут только он почувствовал неприятное раздражающее тепло в голове, духоту, желание оглянуться, подкатывающую к горлу тошноту: инфразвуковая завеса пауков продолжала действовать.

— Уходим, — коротко бросил Ивашура.

Выключил магнитофон, оглянулся на Башню и поспешил за Вероникой. Он понимал, что поведение паука еще ни о чем не говорит, но верил, что начало положено. Машина это или существо — не суть важно, в любом случае паук должен был записать или запомнить его речь и передать по назначению, и если писк не ответ, то, возможно, хозяева Башни все же ответят на вопросы людей рано или поздно. Главное достоинство метода, который избрал Ивашура для контакта, заключалось в его простоте. Никто еще до сих пор не пытался просто задавать вопросы паукам. Он их задал...

До двух часов ночи они пытались поймать хотя бы еще одного стража Башни, то тщетно: видеть — видели, пауков объявилось необычайно много, но ни один из них не подбирался ближе чем на сто — двести метров и ни один не отреагировал на облучение лазерным лучом. Пауки лихорадочно плели паутину.

Наконец, когда рация заговорила голосом Одинцова, Ивашура повел свою уставшую и продрогшую «комиссию по контактам» домой.

У ограждения их ждал высланный полковником вездеход, и уже через двадцать минут они оказались дома. В вагончике было тепло, уютно потрескивали поленья в печурке, ароматно пах кофе. У стола сидел сосредоточенный, как всегда, Одинцов и читал газету. Когда эксперты ввалились в комнату, он только поднял от газеты голову.

— Ничего, — отвечая на его немой вопрос, сказал Ивашура. — Вернее, почти ничего. Один из пауков выслушал меня, но я не уверен, что он понял и ответил. Пропищал что-то, но что... — Ивашура развел руками и передал магнитофон Гаспаряну. — Завтра утром на анализ, пусть звуковики повозятся вместе с лингвистами.

— Я бы удивился, если бы с первого раза удалось установить контакт, — негромко проговорил Одинцов. — Следующую экспедицию надо подготовить более серьезно и тщательно.

— Вы правы, надо привлечь все научные силы и технику, выигрыш превышает любые материальные затраты.

Они сели за стол, разлили по кружкам кофе. Внезапно пол вагончика заметно дрогнул, издалека прилетел короткий глухой гул, задрожали стекла в окнах.

— Спать не придется, — сказал Ивашура, глянув на часы. — Пульсацию следует ждать часа через полтора-два. Чем больше думаю, тем больше убеждаюсь, что нам повезло с контактом. Пауки плетут вокруг Башни паутины, значит, ожидается что-то более серьезное, чем было до сих пор. Именно поэтому пауков так много.

Он принялся убирать со стола, но вспомнил о Веронике, жестом указал Рузаеву на стаканы и кружки и оделся.

— Я буду в штабе.

— Я с вами, — поднялся Одинцов.

— А я, с вашего позволения, вздремну часок, — сказал задумчиво Гаспарян. — Мой организм не выдерживает более двадцати часов бодрствования, да еще в стрессовой обстановке.

— Вот там фазовый портрет личности по имени Сурен Гаспарян, — проворчал Рузаев, звеня стаканами.

Закрывшаяся дверь отрезала ответ Гаспаряна.

— Друзья? — спросил Одинцов, кивая на дверь.

Ивашура сошел по ступенькам, оглянулся.

— Вы психолог.

— А нам нельзя иначе, — улыбнулся Одинцов.

Дальше шли молча.

Над миром довлел горбатый хребет Башни, заставляя людей держаться в постоянном напряжении, смешанном с восхищением и недоумением. Никто не мог остаться равнодушным, глядя на эту чудовищную геометрически правильную глыбу непонятого назначения и происхождения, попирающую известные законы бытия...

Пульсацию Башни — очередной скачок роста ее диаметра — наблюдали все двести с лишним человек экспедиции: ученые, журналисты, инженеры связи, работники телевидения, обслуживающий персонал лагерей и солдаты воинских подразделений, поднятых по совету Ивашуры. Сам начальник экспедиции ожидал пульсацию в кабине вертолета авиаконтроля, кружившего вокруг Башни на высоте километра. Вместе с Ивашурой в кабине находились Рузаев и Вероника, упросившая взять ее с собой.

Непосредственно перед пульсацией ветер, дувший к Башне, стих, тяжелые облака сразу опустились ниже, придавили землю. Даже в километре от Башни в них вспыхивали электрические разряды, в основном горизонтальные, в виде причудливых лент и полос... Башня продолжала светиться багровым накалом, по ней, как по угасающей звезде, ползли темные пятна, вспыхивали и тут же гасли злые зеленые звезды и ветвящиеся росчерки молний. Иногда откуда-то из таинственных ее недр выметало наружу целые поля долго не тускнеющих искр, среди которых формировались диковинные электрические призраки. Из-под земли то и дело доносились бухающие удары, гул и стоны. Казалось, Башня раздрает тело Земли, раздвигает его, мнет, сверлит исполинским буром, уходя все ниже и ниже, к мантии, к ядру...

Вероника, округлив глаза и замерев, в каком-то суевенном восторге глядела на красочную феерию, окружившую Башню. На вопросы Ивашуры отвечала односложно и невпопад, и тот, оценив ее состояние, перестал ей мешать.

Рузаев работал с бортовыми кинокамерами вертолета, быстро найдя общий язык с наблюдателями — неразговорчивыми офицерами одной из воинских частей. Кроме того, у него была наготове своя кинокамера, с которой он не расставался. Дважды засняв Башню и плывущие над лесом призраки, Михаил вдруг потянул Ивашуру за рукав.

— Посмотри-ка, пауки? Слева по курсу, рядом с насыпью у стены...

Ивашура поднял бинокль.

Черный в призрачном свете вал сдвинутой земли у стены Башни вдруг зашевелился, стал расползаться! В бинокль было видно, что это несется от стены лавина пауков, спасаясь от неведомой опасности. Даже сквозь рокот двигателя донесся долгий заунывный крик, от которого тревожно сжалось сердце.

— Проклятье! — бледнея, проговорил сквозь зубы Ивашура. — Уж если бегут пауки!..

Башня вдруг засияла сверху донизу ярким желтым светом, на миг превратилась в нечеткий смазанный силуэт и тут же снова приняла облик плотной и твердой на вид колонны чуть толще прежней. Тугой удар, словно от сверхзвукового самолета, хлестнул по воздуху, вертолет шатнулся, так что всех прижало к стеклам кабины, но Ивашура успел заметить, как вал земли у выпуклой стены Башни взметнулся гребнем ввысь, сдирая шкуру почвы с щеткой леса, и рухнул на лес, породив новую насыпь...

— Ужас! — беззвучно проговорила Вероника, сжав подбородок пальцами обеих рук.

Вслед за ударом последовал грохот и грозный вибрирующий гул, от которого задрожали стенки кабины вертолета. Машина закрипела, закачалась с боку на бок. Пилоты озадаченно наклонились над панелью управления.

Вертолет продолжал вздрагивать и качаться.

— Что случилось? — прокричал Ивашура.

— Боюсь, как бы винты не пошли вразнос, — ответил старший пилот. — Идем на базу.

И вертолет, вздрагивая при каждом обороте винтов,

словно хромой, отвалил в сторону, оставив за собой тускнеющую колонну Башни, пелену дыма вокруг нее и круговорот переставших светиться облаков.

Ивашура встал поздно, в одиннадцатом часу. Недоверчиво повертев часы перед глазами, он откинул полу спального мешка, сел на кровати. В вагончике никого не было, сквозь оконца просачивался свет хмурого зимнего дня. На столе стояла банка тушенки, в пакете аккуратно были завернуты хлеб, сыр и пачка масла, рядом — накрытый полотенцем чайник.

«Гаспарян, — мелькнула мысль, — аккуратист... Странно, что меня не разбудили. И я хорош, разлегся барином! Как в отпуске. Устал, начальник? Не великовата ли нагрузка?»

Он осуждающе посмотрел на свое отражение в зеркальце на стене, потрогал щетину на щеках.

«Хорош! Таким Вероника тебя еще не видела, и хорошо, что не видела. Вот Сурен постоянно держит себя в форме, любо-дорого посмотреть! Когда он бреется? Вроде никогда его не видели с бритвой в руках...»

Ивашура сделал зарядку, умылся, поел, продолжая недоумевать по поводу своего позднего пробуждения, и помчался в штаб. Там стало известно, что будить его запретил Одинцов.

В штабе было шумно, как и всегда: исследователи продолжали работу, переговариваясь между собой, у двух столов стояли и сидели люди, кто-то входил и выходил, хлопали двери, звонили телефоны.

Дежурил Богаев. Он поздоровался с Ивашурой и снова поднес к губам микрофон, вызывая какого-то «двенадцатого». Рядом разговаривали Старостин и Одинцов, развернув на столе карту района.

— Проспал, — виновато сказал Ивашура. — Со мной раньше такого не случалось.

— Это я не велел вас будить, — сказал Одинцов. — По моим данным, вы недосыпаете уже третий месяц.

— Не жалуясь, — махнул рукой Ивашура. — Но, видимо, вы правы, отдых необходим.

— Я слышал, вы контактировали с пауками, — проговорил Старостин. — Есть результаты?

Ивашура поискал глазами Гаспаряна и Рузаева, но в штабе их не было.

— Я отдал магнитофонную кассету в лабораторию на анализ, но ответа пока нет. Но если даже пленка пуста, считаю, что эксперимент проведен не зря: паук выслушал меня. Причем у меня сложилось впечатление, что он не случайно остановился, разрезав сетку, он меня ждал. Когда я подошел, сетка была разрезана на две части и он в любую секунду мог убежать.

— Я не одобряю этого контакта. — Старостин мельком посмотрел на Ивашуру. — Как и Владлен Денисович Богаев. В основном из-за риска. Только что, сутки назад, у Башни погиб человек, и вы снова идете туда, без надежды на удачу, без надлежащей защиты.

— Мы уже говорили с Игорем Васильевичем на эту тему, — вмешался Одинцов. — Просто такие эксперименты нужно готовить тщательнее.

— К сожалению, времени у нас не остается, в том числе и на «контактерские» экспедиции. Башня начинает реально угрожать городу, последняя пульсация добавила к ее толщине почти два километра. До Жуковки осталось семь, до ближайшей деревни — два, до железной дороги — восемь километров. До газопровода — пять. Понимаете?

— Понимаю, — тихо ответил Ивашура. — Что вы предлагаете?

— Пока ничего. Решать надо, к сожалению, в такой момент, когда мы совершенно не имеем свободы выбора. Я понимаю, к чему вы клоните. Да, в сложившейся ситуации мы ничем не можем ответить Башне, кроме ракетного удара по ней. Предлагайте свои способы ее укрощения, причем как можно быстрее.

— А если оттуда ответят?

— Вы можете предложить другой способ? Мирный? Я проголосую за него двумя руками!

— Мирный — это контакт, попытку которого я сделал сегодня ночью! Но угроза городу действительно велика...

— Газопровод снова разорван, — вставил Одинцов. — В городах области имеются разрушения, а в Жуковке — жертвы среди незвакуированного населения. По-моему, Игоря Васильевича не надо убеждать. Конечно, до нанесения удара еще далеко, и не исключено, что мы успеем к тому времени установить настоящий контакт с хозяевами Башни. По моим сведениям, некоторые ученые разработали — пока в теории — способы остановки роста Башни. Почему бы не применить их на практике?

— Я знаком с этими теориями, — поморщился Ивашура. — Но любое воздействие на Башню непредсказуемо, неизвестно, чем она ответит, особенно... на ракетный удар.

— Но ведь что-то делать надо! — рассердился Старостин. — Простите.

— А где остальные члены комиссии? — спросил Ивашура.

— Работают, — поднял спокойные глаза Одинцов. — Знакомятся с обстановкой в лабораториях, с имеющимися данными, с людьми. Завтра, наверное, соберем научный совет экспедиции, с тем чтобы выслушать предложения ученых. А пока что комиссия в шоке, если можно так выразиться. Более грандиозного явления никто из ее членов не видел, даже атомный взрыв не сравнится с Башней по масштабам и мощи, я не говорю уже — таинственности.

— Игорь, — позвал Богаев.

Ивашура извинился, подошел к переговорной панели.

— Михаил передает, что пауки снова начали ткать свою паутину, уже заткали всю насыпь у стены Башни. А ведь до пульсации еще далеко. — Богаев снял наушники и посмотрел на Ивашуру. Глаза у него были красные, под глазами набрякли мешки, лицо осунулось, пошло складками.

«Здорово сдал Владлен, — подумал Ивашура с состраданием. — Человеку под шестьдесят, давление, сердце — сколько можно держаться? А скажешь об этом прямо — обидится...»

Вслух же он сказал:

— Очевидно, пауки начинают строить защитный барьер, другого смысла в их строительстве нет.

— На, поговори с ним. — Богаев передал наушники Ивашуре, уступил место у панели. — Я пока разомнусь.

— Что там у тебя, Миша? — прижал трубку к уху Ивашура.

— Я нашел стык старой и новой стен Башни, — донесся голос Рузаева. — Высота — всего пять метров от вала. По расчетам, провал стены внутрь произойдет там в самое ближайшее время, слишком много разрывов и трещин. Если мы хотим прорваться внутрь, лучшего места и момента не найти.

Ивашура сделал два шага вперед и назад.

— Сколько времени в нашем распоряжении?

— Часа два-три.

— Возвращайся, будем готовиться.

— Туда? — подошел Одинцов, давая понять, что знает, о чем идет речь.

Ивашура оглянулся, но ни Богаева, ни Старостина в комнате не было — вышли подышать свежим воздухом.

— Есть шанс прорваться в Башню. В вашей власти остановить нас или...

— Помочь. Вы готовы?

— У нас есть два часа на подготовку. Пойдете с нами?

— Кто пойдет еще?

— Только эксперты моего отдела: Рузаев, Гаспарян.

— Плюс я да пара моих ребят. Этого будет достаточно.

Ивашура хотел было отвести кандидатуры «ребят», но посмотрел на затвердевшее лицо полковника и передумал. В конце концов двое профессионалов охраны могли пригодиться при встрече с «десантниками» и внутри Башни.

Через три часа группа на вертолете прибыла к участку стены Башни, где намечался ее штурм. Вертолет сел на узкую полосу между стеной и начинавшейся «зоной ужасов» и тут же улетел обратно. Летчик был военный, поэтому спрашивать о цели полета не стал, хотя экипирована группа была как отряд космонавтов для выхода в

космос: пятнистые спецкостюмы, шлемы с рациями, ранцы с НЗ, оружие — из арсеналов ФСБ плюс аппаратура — из арсеналов Центра.

«Ребята» Одинцова — спокойные, похожие друг на друга, майор и капитан, к заданию отнеслись серьезно и хладнокровно, не выдав своих чувств ни одним жестом. Одного звали Максим, второго Володя. И оба сразу привычно начали свою р а б о т у, прикрыв тыл группы.

— Что дальше? — спросил Одинцов, разглядывая нависающую над головой циклопическую стену Башни, испещренную узором трещин, дыр, ниш и выпуклостей. Хотя «зона ужасов» начиналась в полусотне метров от стены, ее влияние чувствовалось и здесь: казалось, воздух дрожит от неслышного гудения, земля стонет, а стена Башни клонится и вот-вот рухнет на голову.

Ивашура оглянулся на фургон от грузовичка, принесенный вертолетом. Фургон, конечно, не мог обеспечить надежную защиту группы, но внутри него были сиденья и обитые войлоком стены. Десантироваться в Башню предстояло в нем.

— Давайте подтащим наш «батискаф» поближе к стене.

— А потом?

— Потом сядем в него и будем ждать провала стены. Место выбрано таким образом, что при провале нас должно засосать внутрь.

— Принято, — сказал Одинцов.

Ивашура встретил его взгляд и поразился перемене: в глубине глаз полковника читалась мрачная угроза.

— Помощь нужна? — послышался по рации голос дежурного.

— Нет, — очнулся начальник экспедиции, провожая взглядом уходившего Одинцова.

За пятнадцать минут они вшестером перетащили фургон ближе к Башне, оставили на гладком бугре напротив ясно видимых звездообразных трещин с пятнами давних черных извержений, начали было рассаживаться внутри, и в этот момент один из телохранителей Одинцова дал очередь из «АКМ».

Ивашура выкатился из фургона, снимая с предохра-

нителя свой пистолет-пулемет, понимая, что зря стрельбу никто открывать не станет. Он увидел кошмарную фигуру, вылезавшую слева из-за груды камней и земли: две ноги, четыре лапы, голова кобры, пластинчатая броня на туловище. Монстр сделал движение одной из лап, бросая нечто вроде стеклянного шара в телохранителя Одинцова, но тот с не меньшей быстротой и ловкостью расстрелял этот шар в воздухе короткой очередью в четыре патрона. Шар превратился в облачко дыма, коснулся почвы и проделал в ней приличную яму в метр глубиной.

Обезьянозмей вылез на вал весь — ростом с двухэтажный коттедж, а за ним вынырнули три фигуры в странных дымчатых одеяниях, делающих их то совсем невидимыми, то блестящими, как глыбы металла. Ивашура понял, что «десантники» ждали их специально, зная, что готовится экспедиция внутрь Башни. Но выяснять, откуда им стало известно о готовящемся походе, было уже некогда.

— Стрелять по ситуации, — быстро сказал Одинцов. — Я вызываю подкрепление. Или отступим?

— Не успеем, — так же быстро ответил Ивашура. — И у них необычное оружие, от него не убежишь и не увернешься. — Он выгащил свой бластер и сделал один выстрел под ноги шагнувшему к ним монстру. Крикнул: — Стойте, где стоите! Иначе откроем огонь на поражение! Что вам нужно?

— Ничего, — ответил гортанным голосом один из «десантников», ответным ударом уничтожая фургон, из которого едва успел выскочить Гаспарян. Второй выстрел пришелся на Одинцова, но полковник умел не только приказывать и за мгновение до вспышки упал за обломок камня.

Казалось, вот-вот должна была начаться перестрелка, грозившая взаимным уничтожением, но в этот миг неожиданно появились еще действующие лица. С гулом и грохотом на валу у стены Башни появились три черных всадника на громадных кентаврах. С шипением ударили зеленые клинки молний, отбросив «десантников» за пределы видимости и заставив отступить змееголового мон-

стра. Снова сверкнули молнии, врубаясь в тело шестилапого исполина, и тот исчез, спасаясь бегством, вслед за своими соратниками.

Один из всадников оглянулся, сверкнул единственным рубиново светящимся глазом, и тотчас же цепь кентавров тяжелой рысью устремилась вниз по склону вала, спустилась на снежную равнину, подминая копытами кусты и низкорослые деревца, оставляя на снегу огромные круглые черные следы. Взвихрившаяся снежная пыль на мгновение скрыла их, дробный топот удалился, наступила тишина...

Люди молча смотрели им вслед, переглянулись.

— Что это еще за... — начал Одинцов, но Ивашура прервал его:

— Все сюда! Не время задавать вопросы. Будем держаться вместе, плотно, сейчас начнется... — Он не договорил.

Со всхлипом часть стены Башни провалилась внутрь, и страшная сила отрицательной ударной волны дернула всю группу в образовавшийся провал, засосала всех, кроме одного из телохранителей Одинцова, как засасывает мелкие песчинки шланг пылесоса...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВЛАДЫКИ

Глава 1

Павел впервые переступил порог кабинета Ромашина. Комиссар безопасности Евразийского континента понял его состояние, но остался сдержанно-официальным. Прошел к своему столу с черной матовой поверхностью, однако не сел и гостю сесть не предложил. Взглянул на инспектора.

Жданов стоял совершенно неподвижно и смотрел на комиссара-два желтыми глазами, в которых можно было прочесть лишь непробиваемое спокойствие и порой иронию — если нюансы разговора становились понятны обоим до словесного объяснения.

Он был высок, но из-за развитой мускулатуры казался массивным, форму инспектора носил с подчеркнутым щегольством, что говорило о собранности, аккуратности и чувстве собственного достоинства. Лицо у инспектора было несколько замкнутым, лишенным мимики — печать долгой работы в пространстве при отсутствии больших человеческих коллективов, но умный, пронизательный взгляд выдавал в нем характер незаурядный.

— Прощу прощения, — сказал наконец Павел, выдержав оценивающий взгляд комиссара. — Мне не очень ясно, почему меня вызвали в земной сектор.

Павел удивился не зря. Он был инспектором без-

опасности дальних космических экспедиций, а Игнат Ромашин возглавлял отдел безопасности научных исследований УАСС Земли. Служба одна, но разные направления, объекты, задачи. И вдруг его вызывают в Центр, отстраняют от прежней работы и приглашают в наземный сектор...

— Объясню. — Ромашин изменил позу, задумался, не отводя глаз.

«Интересный тип, — в свою очередь, подумал Павел. — Молод, но виски седые, скуп на эмоции, а лицо простое, разве что менее открытое и более твердое, но это уже характер. Выдержка у него, надо полагать, не уступает моей. А кожа подбородка и шеи, похоже, регенерирована — заметны глянцеvitость и слегка розовый цвет...»

— Во-первых, у вас за плечами десятилетний стаж работы в космосе, — продолжил Ромашин, — а космос воспитывает в человеке умение мыслить раскованно, нестандартно, нестереотипно. Во-вторых, по образованию вы физик, что немаловажно, в-третьих, незаурядный спортсмен. Есть и в-четвертых, но об этом поговорим отдельно.

— Звучит интригующе.

— Увы, я вынужден говорить туманно, особенно что касается выбора вашей кандидатуры. Вернемся к главному. Я введу вас в курс дела, дам связь, код выдачи информации. Будете работать по своим планам и своим методам. Сразу отмечу: параллельно с вами будут работать и уже работают другие группы нашего отдела, но пусть это вас не смущает, дублирование необходимо, потому что положение дел требует исключительных мер, каких — не знает пока никто. Теперь я покажу то, из-за чего, собственно, вы находитесь здесь. — Не сходя с места, Ромашин дал команду инку кабинета, и тот в объеме развернул пакет информации о катастрофе в лаборатории времени. Закончилась подача зрелищем хроноквантового ускорителя: двухкилометровая его башня внезапно вспыхнула голубым мигающим светом, с ее вершины сорвалась в небо исполинская голубая молния, вздрогнула земля, чудовищный вихрь ударил во все стороны от

стен башни, вырывая с корнем сотни и тысячи деревьев...

Запись закончилась.

Ромашин изучающе смотрел на инспектора.

— Теперь вы знаете почти все. Главными консультантами для вас будут Атанас Златков, бывший заведующий лабораторией времени, и хронофизик, вернее, инженер-хрономеханик Игорь Марич, непосредственный участник эксперимента. Он единственный... — Ромашин снова изучающе взглянул в глаза Павлу, — кто остался жив из всего персонала лаборатории. Итак, вы видели, как это произошло. Последствия катастрофы плачевны. Повреждена орбитальная станция дальнего обнаружения, она в момент эксперимента проходила над лабораторией. Вокруг башни хроноквантового ускорителя, которую мы называем проще — Ствол, лес и... все остальное уничтожено в радиусе десяти километров. Нарушен тепловой баланс региона. К Стволу подойти невозможно из-за хронопены — темпоральных эффектов, здание лаборатории уцелело, но проникнуть внутрь никому не удалось.

Ромашин помолчал. Павел тоже молчал, потом проговорил:

— Извините, но я все же не понимаю, чем вызван режим бедствия. Эксперимент не удался, произошла катастрофа, нужно провести расследование причин, устранить последствия... Так? Обычная формула работы линейных отделов Управления. Где здесь работа для безопасности?

— Эксперимент не просто не удался, он вышел из-под контроля и... продолжается до сих пор! Хронобур — генератор-инициатор реакции хронораспада — провалился в прошлое на сотни миллионов, а может быть, и на миллиарды лет. Но главная беда в том, что Ствол неустойчив, колеблется во времени, возможно, генератор продолжает работать и уходит все глубже в прошлое. К чему это может привести, неизвестно. Ваша задача — выяснить степень вины человеческого фактора.

Павел безмолвно переваривал сказанное. У него уже скопилось немало попутных вопросов по мере того, как

собеседник продолжал рассказ, но высказывать их вслух было преждевременно. В отделе хранится полный отчет о происшествии, и знакомство с ним наверняка отсечет большинство вопросов.

— Запишите код информационного канала нашего отдела. — Ромашин продиктовал семизначное число. — Вопросы ко мне есть?

— Есть, но задам я их позже, если не возражаете. Могу я начать работу сегодня?

— Можете, я только что хотел просить вас об этом. Ваш кабинет рядом, комната двести семь.

Ромашин поколебался немного, все еще не спеша сесть за свой рабочий стол, затем сказал:

— Возможно, моя просьба покажется вам странной, но... будьте все время начеку. Обращайте внимание на любые мелочи, странности, опасные происшествия и держите себя в постоянной готовности...

Павел ожидал продолжения, не выказывая удивления, и думал, что комиссар знает о случившемся в экспедиции, о его встрече с «санитарами». Но не говорит. Почему? Что за странная манера недоговаривать?

— Хорошо, — кивнул он с непроницаемым лицом. — Я всегда держу себя в форме. У вас все?

Ромашин едва заметно усмехнулся, кивнул, хотя сомнение в его глазах не рассеялось. Он ждал чего-то, а дождался ли — неизвестно.

На столе комиссара вспыхнула гроздь цветных огоньков, зазвучал голос инка:

— Контроль-один, контроль-два — норма, контроль-три — колебания поля, контроль-четыре — граничные эффекты запредельной передачи.

— У меня все, — зачем-то добавил Ромашин, и Павел вышел, коротко поклонившись.

По его мнению, абракадабра, сообщенная инком, могла расшифровываться следующим образом: защиту кабинета кто-то пытался нейтрализовать, чтобы подслушать, о чем разговаривает хозяин кабинета. И неизвестному злоумышленнику это, по всей видимости, удалось

Придя к такому умозаключению и приняв его к сведению, Павел нашел дверь с номером «207», осмотрел

свой оперативный служебный модуль, называемый по старинке кабинетом, и сделал вывод, что кабинеты любой организации стандартны до тех пор, пока не носят отпечаток личности владельца. В этом работал, очевидно, кто-то назидательно-нудный, угрюмый, пожилой, любящий порядок и дисциплину. Этаким педантичный зануда с лысиной в полчерепа.

На стене висели два листка пласт-папира. На первом красовалась надпись: «Прежде чем сделать — подумай!», на втором — пункт номер тринадцать Инструкции УАСС, именуемый в просторечии пунктом «срам», который расшифровывался как «сведение риска к абсолютному минимуму». Интересно было бы взглянуть на прежнего хозяина кабинета. Неужели в отделе есть такие личности? Впрочем, хозяином мог быть и новичок, стажер, заучивавший инструкцию наизусть.

Павел заглянул в кабину метро¹: пусто, чисто, на стенке карта станций выхода, на другой — крохотная панель с одним-единственным индикатором и сенсором включения, игла задатчика перемещения. Вставляешь иглу в гнездо на карте, дуешь на сенсор, и ты за тысячу километров отсюда или за миллион, а то и за сто световых лет...

Павел сел за пульт координатора, посмотрел на часы и повернул ключ подачи питания.

Глава 2

С высоты в пять километров колонна хроноускорителя выглядела блестящей белой трубой, из которой струилось марево нагретого воздуха. Труба торчала посреди черной холмистой равнины, рассеченной надвое голубоватым лезвием реки. На равнине кое-где в низинах сохранились останки деревьев, обугленные пни, угрюмо отблескивали перламутровой глазурью оплавленные ос-

¹ Метро — система мгновенного транспорта (возврат старого термина самого удобного и массового вида транспорта XX в.).

товы зданий. Пятиэтажный куб здания лаборатории у стены Ствола выделялся на черно-сером фоне неестественной фосфорно-снежной белизной.

— Эра Больших и Могучих дел... — пробормотал сосед Павла, щуря глаза с ироническими огоньками в глубине.

Павел покосился на него. Среднего роста, жилист, малоразговорчив, лицо жесткое, волевое, в оспинах мелких шрамов, глаза темно-карие, почти черные. Инженер-хрономеханик Игорь Марич. Впечатление такое, будто его неотступно гложет какая-то мысль.

Их познакомил в кабинете Павла Ромашин, и оба сразу направились к месту происшествия: до Брянска на метро, оттуда в район катастрофы на патрульном кутере.

На небольшой панели управления аппаратом мигнул желтый огонек, звякнул сигнал вызова. Марич, сидевший на месте пилота, тронул сенсор связи.

— Контроль-два, — раздался в кабине грассирующий баритон. — Борт-икс, вы находитесь в зоне работы аварийно-спасательной службы. Ответьте волне «триста».

— Все в порядке, второй, — ответил Марич в желудь микрофона над плечом куртки. — Машина инспектора Жданова, отдел «Б». Вам должны были сообщить.

— Включите автоответчик, иначе вас будут запрашивать каждую минуту. Спокойной работы.

Марич выжидательно посмотрел на Павла. Пора действовать, понял он. Вспомнил строки отчета о предварительном расследовании катастрофы в лаборатории времени.

Расследование, проведенное экспертами УАСС и учеными Академии наук, специалистами хронофизики и физики единого поля, мало что разъяснило. Ни в здание лаборатории, ни в башню хроноускорителя проникнуть не удалось, и отчет изобиловал словечками «предположительно», «возможно», «вероятно». Со времени катастрофы прошло полторы недели, но до сих пор известно о ней немного, в сущности, только то, что рассказал Ромашин.

— Давайте сядем поближе к зданию лаборатории, — предложил Павел.

— Ближе чем на два километра не подойти. Вокруг Ствола установлен защитный барьер во избежание...

— Тогда сядем у барьера.

Куттер плавно заскользил вниз.

— Лаборатория снабжалась энергией централизованно, через земную энергосеть или имела собственный реактор?

— И то и другое. — Марич говорил отрывисто, хрипловато и тихо. — Реактор вмонтирован в Ствол на двадцатом горизонте — стандартный кварк-кессон. Мощности его хватало только на поддержание резонанса в ускорителе, но в настоящее время Ствол излучает в инфра- и радиодиапазонах в два раза больше энергии, чем может дать реактор. Внутренних источников ускоритель больше не имеет, внешние отключены, значит, откуда-то идет подкачка.

Куттер бесшумно спланировал на вершину невысокого холма, покрытого коричневой губчатой массой, похожей на пемзу.

— Вы хотите сказать, что Ствол откуда-то выкачивает энергию скрытно?

— Выкачивает, но не в наше время! Если эксперимент удался, то Ствол в настоящее время является каналом, соединившим наше время с прошедшими эпохами. Выходить будем?

— Пожалуй, на минуту. Потом познакомите с Центром.

Из отчета Павел узнал, что Управлением аварийно-спасательной службы создан специальный пояс защиты вокруг лаборатории. Пояс включал в себя посты наблюдения и контроля за пространством, передвижные генераторы силовых полей, излучатели антимагии, сейсмостанции, установки зондирования горных пород, локаторы и другую технику. Управлял всем сложным комплексом защиты Центр, начальником которого был назначен Атанас Златков, доктор хронофизики, бывший заведующий лабораторией времени.

Марич вылез из кабины и прошелся по голой по-

верхности холма, разминаясь. Из-под ног при каждом шаге всплывали облачка желто-коричневой пыли. Павел вылез следом.

— Расскажите о цели эксперимента. В отчете описаны только его последствия. Вы ведь во время эксперимента находились в здании лаборатории?

Марич отрицательно качнул головой, изучающе посмотрел на Павла. Оспины на его лице потемнели.

— Я был в бункере независимой аппаратуры под зданием лаборатории. Бункер имеет отдельный выход, но сейчас он разрушен. Вы по образованию, простите, кто?

— БИС-мастер.

— А-а... конструктор больших информсистем? Что заканчивали? Рязанский Интех?

— Московский Энгю.

— Неплохо, но все же придется упрощать. Давно известно, что путешествие во времени невозможно без перемещения в пространстве. Земля вращается и движется вокруг Солнца со скоростью тридцать километров в секунду. Солнечная система перемещается в пространстве со скоростью двухсот километров в секунду. Двигается Галактика в межгалактическом вакууме, не стоит на месте скопление галактик... Короче, чтобы попасть хотя бы в прошлый миг и в ту же выбранную точку на Земле, необходимо с небывалой точностью рассчитать, где была Земля мгновение назад, и лишь тогда пробыть хроноскважину. Вы знакомы с расчетами Геделя частных эффектов теории относительности?

— В общих чертах.

— Его расчеты используются и в хронофизике. Мы рассчитали и осуществили геделиану¹ на практике. Посылали зонды в прошлое на сотни лет и возвращали обратно.

— Неужели расчеты так точны?

— Для проникновения в прошлое даже на тысячу лет точности расчетов, конечно, не хватало, но мы обошли

¹ Петля времени, названа по фамилии Геделя Курта, австрийского логика и математика.

это препятствие тем, что ввели самофокусировку хроноскважины.

— И на время эксперимента канал хроноскважины сохраняется?

— Вы хорошо схватываете суть. В ходе эксперимента «стволом дискретного временного пробоя» связываются все миллионы Земель в различные эпохи.

— Что же произошло в последнем эксперименте?

— Мы решили уйти в прошлое на глубину в пять миллиардов лет, к моменту образования Земли. — Марич нахмурился. — Но хронобур почему-то глубже одного миллиарда лет не шел, несмотря на увеличение мощности пробоя, словно напоролся на слой времени повышенной твердости. И тогда возникла идея применить направленную реакцию хронораспада.

— После чего и произошла катастрофа?

— Не знаю. Раз двадцать мы запускали хроноускоритель без ощутимых результатов. На двадцать первый... он включился самопроизвольно.

— Как такое возможно?

— К такому выводу пришли эксперты. Но я в эту гипотезу не верю. В Ствол встроены четыре системы безопасности, не позволяющие ему включаться не только спонтанно, но даже если бы кто захотел включить отдельные его системы. Нет, хронобур был инициирован специально кем-то, кто хорошо знал, чем все закончится.

— Но кому это могло понадобиться?! И для чего? Если все знали, что сверлить время опасно... Хотя, может быть, такие вопросы задавать преждевременно. Однако вы не могли не посчитать для себя, что послужило причиной катастрофы.

— Не люблю гипотез, — хмуро отрезал Марич. — Я не хронофизик-теоретик, а инженер-механик, практик, время для меня осязаемо в металле аппаратуры. Вам лучше поговорить со Златковым, начальником Центра, у него идей много.

— А все же? Разве у вас нет своего мнения?

— Считаю, что хронобур ни при чем. — Тон речи Марича остался прежним. — Башня хроноускорителя

снизу доверху напичкана системами безопасности и контроля, автоматически прекращающими эксперимент при малейшей опасности. Нет, я не знаю, что случилось.

— Что ж, — вздохнул Павел, — и на том спасибо.

Он достал бинокль и принялся внимательно рассматривать белоснежное здание лаборатории с черными провалами окон. Казалось, все помещения заполнены странным черным дымом, не рассеивающимся со временем и не вытекающим наружу.

Вдруг из-за здания выпрыгнуло круглое черное пятно и стремительно помчалось к близкой белой стене Ствола. Павел разглядел паукообразное существо с длинными суставчатыми ногами, двумя парами глаз, глянцевитым эллипсоидом тела. Поглядывающий на инспектора Марич вскинул к глазам свой бинокль.

— Конкистадор, — пробормотал он через минуту. — Автомат обслуживания ускорителя и оборудования лаборатории. Вполне самостоятелен, дитя второго поколения мыслящих автоматов.

Павел повел биноклем в сторону и в километре обнаружил ряд черных труб, направленных на белую башню хроноускорителя. Трубы иногда неторопливо ворочались из стороны в сторону и становились похожими на стволы орудий древних линкоров.

Павел повернулся к ним спиной.

— Поехали. Центр далеко отсюда?

— Почти под нами.

Центр пояса защиты представлял собой подземный бункер с энергохозяйством и собственным киб-интеллектом высокого класса. Зал управления и контроля площадью в триста квадратных метров был занят низкими, зализанными пультами автоматического монитора защиты, аппаратуры наблюдения, контроля параметров среды, связи и передачи информации. Стены зала служили экранами комбайнов оперативной связи и наблюдения, на один из них был выведен геологический разрез земли до глубины в километр в том месте, где стоял Ствол: на фоне коричнево-черных пластов с вкраплениями красных, оранжевых, желтых полос и трещин —

голубоватая круглая колонна, постепенно растворяющаяся в породах равнины на глубине в двести метров.

Людей в зале работало мало — всего пять операторов. Атанас Златков сидел в кресле возле одного из пультов, на рукаве его плотной рубашки выделялся алый ромб с маленьким серебряным сфинксом.

Это был крупный смуглый мужчина с шапкой блестящих черных волос, медлительный и, как показалось Павлу, несколько апатичный. В дальнейшем оказалось, что Златков склонен к быстрым сменам настроения, умеет переходить от конкретной ситуации к сжатой формулировке и абстрактным размышлениям.

— Вы далеко не первый, кто является ко мне с просьбой объяснить причины катастрофы, — сказал он в ответ на вопрос Павла. — Но специалисты вашего ведомства не любят иметь дело с домыслами, им подавай факты, не так ли?

— В общем верно, — согласился Павел, решая, как вести себя с этим известным всей планете ученым. — Вы хотите сказать, что факты, которые знаете вы, в равной мере знают все остальные и что новых фактов не прибавилось. Угадал?

Златков с проснувшимся на мгновение любопытством окинул Павла взглядом.

— Профессиональная интуиция? Впрочем, неважно, новых фактов у меня в самом деле нет. — Он нахмурился, помолчал. — Самый странный из фактов — спонтанное включение Ствола... хронобура. А самый страшный — гибель коллег! Погибли замечательные ученые и механики, готовящие эксперимент... А я вот цел и невредим. И Маричу повезло, он тоже уцелел чудом.

Павел промолчал. Трагедия была настолько свежа в памяти этого человека, что любой вопрос о лаборатории воскрешал события и бередил душу. Но не спрашивать инспектор не мог.

— Ничем помочь вам не могу, — добавил Златков. — Причины самозапуска Ствола неизвестны. Зато известны последствия. Связи с лабораторией нет, внутрь до сих пор пробиться не удастся. Обычные жестко запрограммированные киберы просто не возвращаются, а

конкистадоры не хотят подходить к зданию даже на сто метров. Знаете, что такое конкистадор?

Павел вспомнил биомеханического паука и кивнул.

— Странное название для кибера.

— Так их назвал сам создатель Фелипе Мендоса, вероятно, из-за того, что предназначались они специально для нашей лаборатории и первыми должны были завоевать время. — Златков задумался, хмуря густые широкие брови, нервно побарабанил пальцами по панели пульта. — В результате эксперимента оказались связанными Стволом хроноскважины сотни Земель в различные временные эпохи и в разных точках пространства. На основе тех данных, которыми располагает Центр, я высчитал, что Ствол соединил не менее трех сотен эпох с промежутками в десятки, сотни тысяч и сотни миллионов лет. Сам хронобур, вероятнее всего, провалился глубже пяти миллиардов лет в историю Земли и не вышел из резонанса. С большим трудом мы получаем крохи информации о точках выхода Ствола на поверхность Земли, но помочь конкистадорам не в силах, им приходится самим удерживать Ствол на грани полного распада. Если бы не они...

— Мне говорили, — кивнул Павел. — Произошла бы цепная реакция хронораспада.

— Мы посылаем конкистадоров в Ствол сотнями, возвращаются единицы, да и те почти без памяти. Вероятно, выход из Ствола в реальное время чреват перепадами темпоральных ускорений, стирающими информацию на молекулярном и атомарном уровнях. Мы, конечно, ищем способы проникновения в Ствол человека, но задача исключительно сложная, необходимы опыты на животных, и нужен доброволец, который спустился бы вниз по Стволу и отключил генератор... — Златков покачал головой, чуть поморщился и снова надолго задумался, уйдя мыслями в себя. Павел терпеливо ждал, посматривая на экраны, показывающие пейзажи вокруг Ствола.

— Собственно, это все, что я могу сообщить, — с неохотой проговорил начальник Центра, очнувшись от своих размышлений, скорее всего невеселых. — Наука о

времени, к сожалению, недетерминистская наука. Она не дает однозначных ответов, а предлагает несколько вариантов с разной вероятностью. Коллеги-хронофизики более осторожны в выводах, но они не знают того, что знаю я о работе ускорителя. А я... я боюсь, что генератор хронораспада провалился так глубоко, что нам его уже не достать. Понимаете, на чем висит человечество?

Павел вдруг почувствовал мимолетную неприязнь к этому человеку, наделенному властью и ответственному за безопасность не только отдельного коллектива, но и, может быть, всего рода людского на Земле.

— Если ваши эксперименты со временем так опасны, — тихо произнес он, — то почему вы не объявили мораторий на их проведение?

Начальник Центра откинулся в кресле, побледнел, но глаза его сохранили прежнее равнодушное выражение.

— Прежде чем экспериментировать, ученые создали теорию хронопрокола, или, если хотите, бурения времени. И до последнего опыта теория и практика сходились даже в деталях, так что ни о каком моратории речь не шла. Кстати, за нашей работой пристально следила СЭКОН¹, а эта организация, как известно, применяет свои особые полномочия весьма успешно.

— Простите, я поторопился с выводами. И все же, несмотря на расчеты, контроль и прогнозы, катастрофа произошла. Подвела техника, наука, теория? Халатность конкретного человека?

— Халатностью назвать подобное происшествие нельзя. Чтобы запустить хронобур, надо было знать коды запуска отдельных его систем. Ни один человек из Центра этого не знал... кроме Шкодана и меня. Но я генератор не запускал. Хотя до сих пор уверен: катастрофа не должна была случиться. Если только в эксперимент не вмешался кто-то чужой... Но об этом мы поговорим в другой раз. Извините, меня ждут. Марич в курсе всех событий, в качестве гида он будет незаменим.

¹ СЭКОН — комиссия социального и этического контроля за опасными исследованиями (отдел Высшего Координационного Совета).

Павел кивнул и отошел.

— Неужели вы заставили шефа задуматься о чем-то еще, кроме науки? — с уважением спросил поджидавший его Марич. — Мало кому это удастся.

— Вы с ним не дружите? — спросил Павел.

— А что, заметно?

— Есть немного. За что вы его не любите?

— «Не любите» — слишком громко сказано, скорее мне его жаль. Он теоретик в кубе, для него существуют прежде всего наука, его драгоценные свержоригинальные идеи, а потом все остальное.

Павел промолчал. По его мнению, Златков искренне скорбел о гибели сотрудников, что же касалось его личных качеств — спешить с выводами не стоило.

Инспектор прокрутил в памяти разговор с начальником Центра защиты. Больше всего его насторожила брошенная вскользь фраза о вмешательстве в эксперимент кого-то чужого. Неужели такое возможно? Но кто мог вмешаться? По данным косморазведки, в звездном рукаве Галактики — рукаве Ориона, к которому относится и Солнце, нет цивилизаций, достигших уровня земной. Но, может, такие цивилизации были в прошлом?..

— Спасибо за информацию, — сказал Павел Маричу, выжидательно смотревшему на него. — Сегодня я вас больше пытать не буду.

Инженер кивнул, пожал протянутую руку и, повернувшись, сказал через плечо:

— Буду нужен — найдете меня у прибористов Полуянова.

Павел присел на свободный стул у стены зала, соображая, чем заняться в первую очередь. Ему надо было ознакомиться с отчетом об экспериментах лаборатории начиная с момента пуска хроноускорителя, проанализировать рост энергозатрат, запросить информацию о сотрудниках и конструкторах, а также собрать данные наблюдений за Стволом, параметры среды вокруг него. Кроме того, следовало составить сводку странных фактов о работе ускорителя до катастрофы и после. И все это за один день.

Глава 3

Паук не убежал, смотрел на Павла выпуклыми прозрачно-желтыми линзами глаз размером с детскую ладонь, шевелил двумя парами передних лап и словно прислушивался к словам человека.

— Иди сюда, дурачок, — ласково повторил Павел. — Не бойся, ничего плохого тебе не сделают.

Стоявший рядом инженер Центра Полуянов усмехнулся в усы.

— Не пойдет. Эвристограммы и память у него, очевидно, стерты, работают только узлы механоинстинктов. Он не убежит, но и не пойдет. Придется оглушать радиошумом.

Они стояли в трех километрах от белой колонны Ствола в низинке между двумя пологими холмами. По дну низинки стлался ручей с рыжей водой, кое-где на склонах сквозь корку такыра проклюнулись зеленые стрелки травы: жизнь понемногу возвращалась на черно-коричневый полигон смерти. Оба — инженер и Павел — были в прозрачных пленочных скафандрах, перепоясанные ремнями антигравов.

— Команда «ноль»! — отрывисто произнес инженер, усилив мощность звукопередатчика. — «НОЛЬ»!

Паук вздрогнул, в нерешительности переступил на месте всеми шестью лапами, но выполнять приказ не спешил.

— Я же говорил. — Полуянов снял с пояса сетчатый карандаш радиомаяка. — Хорошо, что сумел вырваться отсюда. За сей подвиг мы попробуем тебя вылечить, дружище.

Всплеск радиоизлучения на определенной частоте заставил конкистадора подскочить вверх на добрых полтора метра, откуда он упал недвижимой массой.

— Забираем.

Они подхватили сорокакилограммового паука, запеленали в пластиковый мешок и упрятали в багажник поджидавшего их неподалеку куттера.

— Вези в лабораторию, Боря, — сказал инженер пилоту. — Мы скоро вернемся на своей малой тяге.

Павел посмотрел на часы: с момента сигнала наблюдателя о выходе конкистадора из Ствола прошло чуть более сорока минут.

Они достали бинокли и принялись рассматривать Ствол.

— Почему он белый? — спросил Павел спустя минуту. — Разве это его естественный цвет?

— Нет, он был голубовато-серым, каркас Ствола — силовое поле сложной конфигурации, а наполнитель — порошкообразная высокомолекулярная кремнийорганика. Никто не знает, почему цвет стен изменился, химиками до сих пор заняты анализами.

— Вы пробовали подойти к стене, взять пробы?

— Анализы можно сделать и на расстоянии, но человеку к стене Ствола в обычных скафандрах не подойти — сработает базисная система безопасности ускорителя.

— Что это значит?

— При автоматических запусках ускоритель уходит в прошлое без людей, и, чтобы не допустить к нему наших хвостатых и бесхвостых предков, а также другую любопытную фауну, дабы сохранить им жизнь, в Ствол вмонтирован контур гипноиндуктора. При приближении к ускорителю всему живому внушается одна из самых простых деадаптирующих реакций: страх.

— И много таких систем безопасности?

— Три. Первая — сигнальная, это обычные предупреждающие световые и радиосигналы, вторая — гипноиндукция, третья — инфразвуковая, отпугивающая.

— И все три линии рассчитаны не на современную эпоху. В наше время от каждого способа есть своя защита.

— Я уже говорил, линии рассчитаны на социальный потенциал наших далеких предков. Разработка защитных барьеров уже оправдала себя как в прошлые запуски, так и в последнем эксперименте.

— Откуда это известно?

— По сведениям конкистадоров.

— Но у них же, сами говорили, при переходе из Ствола в наш мир стирается память.

— Стирается, но кое-что все же удастся восстановить. Поэтому мы знаем почти обо всех точках выхода Ствола в другие времена. Первая из них — двадцать первый век, вторая — двадцатый, третья — десять тысяч лет назад и так далее. Более того, есть подозрения, что в Стволе находятся случайно попавшие в момент хронопрорыва люди. Во всяком случае, о двоих из них мы знаем точно: мужчина и женщина. О других сведения скудные.

— Почему же об этих двоих известны такие подробности?

— Не поверите. — Полуянов опустил бинокль. — Они, вероятно, наткнулись на штабель МК-батарей и прихватили с собой одну обойму. А вы, наверное, знаете, что МК-батарея излучает в радиодиапазоне на сверхнизких частотах. Конкистадоры по пеленгу всегда могут определить точно, где находится МК-батарея. Знали ли бедняги-пленники, что в их руках океан энергии, который им с лихвой хватило бы на всю жизнь?

— И где эти двое сейчас?

— По самым последним донесениям — в мезозое и уходят все глубже и глубже. Пошли отсюда, сейчас будет коррекция.

Не успели они пролететь и сотни метров, как Ствол вдруг приобрел голубоватую окраску, потерял монолитную плотность скалы, стал водянистым, полупрозрачным. Гулкий удар прокатился над холмами, и тотчас же со всех сторон в Ствол вонзились огненно-зеленые стрелы, оставив после себя шлейфы изумрудных искр. Раздалось ядовитое шипение, дерекрывшее все остальные звуки. Вторая волна зеленых молний с шипением и свистом накрыла Ствол. С холмов смело пыль, словно ударами исполинской плети.

Павел заметил, что огненные стрелы вылетали из черных труб, с угрозой глядевших на колоссальную трубу Ствола.

Шипение и свист стихли, на землю легла удивительная, неестественная тишина. Она угнетала, внушала тре-

вогу, противоречила здравому смыслу, потому что такая тишина могла существовать только в вакууме, где отсутствует среда, передающая звук.

Павел оглянулся на спутника, терпеливо ждущего неподалеку. Инженер что-то сказал, но звука не было слышно, словно у Павла заложило уши или отказала рация. Тогда Полуянов махнул рукой вперед и включил антиграв. Павел устремился следом.

Через минуту они выскочили из «мешка» тишины: в ушах словно лопнула пленка, не пропускавшая звуки, и стали слышны шорохи, посвисты ветра, далекие удары, гонг, бормотание громкоговорителей и шумы каких-то машин.

— После разряда хронооптимизаторов — тех черных труб — в зоне разряда вокруг Ствола на полчаса образуется область белого шума, — пояснил инженер. — Молекулы воздуха «вибрируют» по закону фрактала, звуки в этой области гаснут мгновенно.

Они опустились у холма, в склон которого были врезаны двери Центра защиты.

— Последний вопрос, — заторопился Павел, видя, что Полуянов собирается идти по своим делам. — Для чего нужны эти коррекции?

— Ствол все время плывет то в прошлое, то в будущее, — на ходу принялся объяснять инженер, пока они шли по коридору. — Все это из-за несовмещения масштабов Земли сегодняшнего дня и Земли прошлых веков. Вселенная эволюционирует, изменяются все ее параметры, в том числе и физические константы: времени, гравитационная, солнечная, постоянная Хаббла и другие, поэтому и масштабы предметов и явлений в различные моменты истории неодинаковы. По мере развития хроноскважины — «ствола абсолютно свободного времени» в прошлое происходит накопление временных потенциалов, так называемых «производных энтропии», и сброс масштабов — хроносдвиг. Чтобы сбросы были минимальными, мы и прибегаем к коррекции, в нашем времени — внешней, достаточно эффективной: Ствол, как видите, остается неизменным. В других эпохах коррекцией занимаются конкистадоры, там дела, вероятно,

обстоят много хуже. Ну вот, пришли. Заходите, если понадобится.

Павел снял скафандр в специальном боксе и направился в зал контроля, где его должен был ждать Марич.

В зале едва слышно играла музыка, раздавались негромкие голоса операторов связи, наблюдателей, специалистов разных отделов Академии наук. Златкова в зале не оказалось.

Павел пожал холодную и сухую руку хроноинженера. Марич выглядел уравновешенно-угрюмым, у него были красные глаза, словно он всю ночь читал.

— Ну что? — спросил он рассеянно. — Есть новости?

Инспектор не ответил. В обычной для него обстановке, в космосе, он действовал методом отождествления себя с виновником аварии или катастрофы, проходя этап предварительных размышлений в темпе погони, основываясь больше на интуиции, точно угадывая доминантные стороны характеров людей. Но в тех случаях были живы свидетели катастрофы, а то и сам виновник. Случай с лабораторией времени отличался от остальных тем, что из сотрудников лаборатории уцелел только Игорь Марич, не сохранилось ни записи эксперимента, ни упоминаний о его задачах и масштабах, ни каких-либо документов, могущих пролить свет на тайну катастрофы.

Проанализировав полученные сведения, Павел отметил два необычных факта: первый — трижды за историю существования лаборатории во время бурения хроноскважины энергопотребление ускорителя резко увеличивалось и тут же исчезало совсем, второй — полгода назад, в самый разгар штурма миллиардного рубежа, хроноускоритель вдруг заработал сам, ночью. Виновников спонтанного включения не нашли.

— Хотелось бы уточнить следующее, — произнес Павел. — У погибших сотрудников лаборатории остались друзья, которые, возможно, что-то могут рассказать об их поведении, настроении, передать последние разговоры перед катастрофой. Кроме того, интересны их высказывания о новых явлениях, друг о друге. А еще меня ин-

тересует техника защиты от хронопены. Можете дать консультацию?

Марич оценивающе посмотрел на Павла.

— Зачем это вам?

Павел вежливо улыбнулся, ему казалось, что все понятно и без слов. Инженер отвел глаза.

— Приходите сюда завтра к десяти, я вас проконсультирую.

В тоне его проскользнули насмешливые нотки, но Павел не придал этому значения.

«Итак, в экспериментах лаборатории много странного, — подумал он, глядя на белую колонну Ствола в центральном виоме. — Пока что я имею два таких факта, не оцененных по достоинству предшественниками. Надо будет изучить их подробнее и поискать факты в архивах Академии, где хранятся копии всех научных отчетов лаборатории. Куда же запропастился Златков? Он тоже мог бы сообщить мне обо всех необычных событиях в лаборатории. Прячется он от меня, что ли?»

До конца дня Павел побывал в архиве Академии наук, но больше ничего странного в отчетах лаборатории времени не обнаружил.

— Самое страшное из всего, что только можно было представить, — сказал ему, посмеиваясь, работник архива, — то, что время обратимо, что мы можем путешествовать в прошлое, если бурение хроноскважины можно назвать путешествием. Вы согласны?

Павел был согласен, хотя думал о другом. В Управлении он встретился с Ромашиним.

— Наши специалисты в техсекторе уже занимаются скафандрами, — сказал начальник отдела. — Зайдите, поинтересуйтесь. Решение, кстати, уже найдено.

— Комплексы противоядерной защиты?

— Противоядерные коконы в условиях «вспененного времени» не годятся, а капсулы высшей биологической защиты слишком громоздки, в здание лаборатории в них не пройти. По заданиям пятидневной давности техсектор создает спецкостюм, через пару дней он будет готов, я узнавал.

— Прекрасно, зайду обязательно.

В кабине номер двести семь Павел переоделся в вечерний костюм, а когда собрался уходить, позвонил Марич:

— Какие у вас виды на вечер?

— Никаких, — честно признался Павел.

— Тогда жду в Центре у прибористов... Хочу предложить небольшую прогулку к Стволу. Не возражаете?

Павел поразмышлял немного, со вздохом в душе прощаясь с отдыхом, — на лице ничего не отразилось, привычка скрывать настроение и негативные чувства взяла свое — и отверг слабый протест расслабленного тела.

— Ждите.

Спустя полчаса он отыскал в недрах лаборатории Полуянова Марича, одетого в обычный пленочный скафандр, но с какой-то ажурной антенной, обнимавшей шлем. Инженер-хрономеханик протянул увесистый пакет второго скафандра.

— Надевайте на всякий случай, от линии защиты ускорителя он защищает неплохо, особенно если надеть вот эту штуку. — Марич коснулся антенны над своей головой.

В двенадцатом часу ночи вылезли из-под земли на склон холма. Ствол был освещен со всех сторон прожекторами и сиял так, что долго смотреть на него было невозможно.

Спустившись в низину с ручьем, перешли его вброд, с полкилометра шли ровным полем. Павел посматривал на шагавшего молча инженера, но вопросов не задавал. В голову лезли разные вздорные мысли, мозг лениво сопротивлялся им, пока Павел наконец не заставил себя сосредоточиться на цели ночной прогулки.

Их трижды окликали по радио дежурные наблюдатели, пока не вмешался сам Павел. Тогда их оставили покое.

До куба лаборатории оставалось около полукилометра, когда они подошли к яме с уходящими вглубь ступеньками.

— Здесь я вышел... когда очнулся после... того, что

произошло. — Марич говорил глухо, сквозь зубы. В голосе его отчетливо прозвучали рыдание и ненависть.

— Это вход в... — осторожно начал Павел.

— В бункер независимой аппаратуры. И не вход, а запасной аварийный выход. Я уже пробовал войти туда с конкистадором, да и не я один, но мы кое-что не учли. Попробуем еще раз вместе?

Павел на мгновение растерялся, он не был готов к несанкционированному штурму лаборатории, но колебался недолго, чутко ощущая напряжение партнера.

— Идем. Что у вас есть, кроме фонаря?

— «Универсал» и батарея спецснаряжения, как и положено разведчику. У вас в поясе такая же. Я пойду первым, прикрывайте тылы и следите за каждым моим жестом. Вполне возможно, что придется драпать без оглядки. Хронопена — очень скверная штука, и если она прорвется в тоннель...

Марич, не обращая внимания на высветившуюся в воздухе очередь алых букв: «Вход запрещен! Опасно для жизни!», включил фонарь и полез вниз.

Павел кинул взгляд на сияющую гору Ствола, скрепя сердце шагнул на ступеньку из черного базилита и услышал чей-то шепот:

— Вам что, жить надоело?

— Кто это сказал? — негромко, но резко спросил Павел. — Что за шутки?

Эфир притих, потом из шелестящего фона выплыл голос дежурного по зоне:

— Что вы имеете в виду, инспектор?

Павел хмыкнул, представляя, как ухмыляется сейчас неведомый шутник.

— Все в порядке, проверка связи.

Шепот больше не возобновлялся.

Метров сорок они преодолели без труда: здесь уже поработали роботы, подрасчистили завалы и выровняли пол, но потом ход сузился из-за вспучившихся стен, потолок прогнулся так, что местами приходилось чуть ли не вставать на четвереньки. И наконец дорогу преградила металлическая на вид стенка с листком обычного

пласт-папира: «Впереди опасная зона! Кто пойдет дальше — тот кретин!»

Марич рассмеялся, сорвал листок, скомкал и выбросил. Оглянулся. Лицо у него было какое-то заостренное, веселое и злое одновременно.

— Дальше действительно опасная зона, опасная прежде всего неизвестными хроноэффектами. До сих пор удивляюсь, как я ее преодолел, когда выбирался из бункера. Кстати, до него всего метров триста. Но я недаром взял «универсал». — Марич снял с пояса пистолет. — Я выяснил у знакомых физиков, что хронопена боится энергоразряда. Сейчас проверим их гипотезы практически.

Павел молчал. Он не был трусом, но рисковать любил с открытыми глазами, рассчитав последствия рискованного шага и собрав максимальную информацию о препятствии. В данном случае он оказался в глупом положении, с самого начала поддавшись энергичной уверенности инженера в правильности своих действий.

Марич посчитал молчание соучастника за согласие и разблокировал дверь. Казавшаяся металлической перегородка исчезла, оставив вместо себя пылающую алую надпись: «Стой! Опасно для жизни! Проход запрещен!» За перегородкой шел узкий тоннель, одетый в броневой каркас, весь оплетенный паутиной, так что уже в десятке метров все тонуло в белесом туманном мерцании.

Инженер поднял пистолет, проговорил: «Оплели тут все, паршивцы, пройти невозможно!» — и выстрелил. Сверкнуло фиолетово-голубое пламя разряда, и в то же мгновение тоннель изогнулся как живой, в грудь шибануло раскаленным ветром. Павла подхватила неведомая сила и с размаху шмякнула обо что-то упруго-неподатливое...

Когда он очнулся, то увидел, что сидит на холме, прислоненный к глыбе гранита, а рядом — Марич с искаженным лицом. Инженер заметил движение инспектора и улыбнулся криво, словно извиняясь.

— Что случилось? — спросил Павел, сглатывая горькую слюну. — Как я здесь оказался?

— Вышел сам. Разве не помнишь?

— Абсолютно!

Павел с некоторым трудом встал, ожидая болезненных ощущений, но их не было, только ноги казались ватными. Сзади, за глыбой камня, в земле чернело отверстие... нет, не отверстие — матово-черный диск с идеально ровной поверхностью.

— Что это?

— Это? — Марич усмехнулся. — Спросишь завтра у Златкова. Когда мы раковым манером выползли оттуда, эта черная штукавина поднялась из двери, как вода. Помоему, в бункер нам пройти не удастся.

— Кто говорит о бункере? — раздался в наушниках голос диспетчера ночной смены контроля. — Вы, двое у лаборатории, скоро прекратите нервировать спасателей? Что там у вас произошло? В вашем районе возрос радиационный фон.

— Возвращаемся, — буркнул Марич и встал. — Пошли, инспектор, а то эти поспешаи кинутся спасать нас. Не повезло сегодня — повезет завтра. А ты парень ничего, сдержанный. Видел же я, что хочешь остановить, но не остановил. Знаешь, когда я выстрелил, кто-то мне так внятно и громко сказал: «Дурак!» Не ты, случайно?

Павел сдержал улыбку, отрицательно качнул головой.

— Я сразу вырубился, начисто.

— Ясно. Да и голос вроде не твой был... Мне почему-то меньше досталось, хотя я стоял впереди, оглядываюсь — ты качаешься, вот-вот упадешь. Я тебя толкаю к выходу, зову, а ты молчишь, только ноги передвигаешь, как сомнамбула. И — не поверишь — вокруг тебя светится ореол. Вышли — он пропал.

— Ничего не помню.

— Ну, Игорь, вы доиграетесь! — не выдержал диспетчер. — Доложу шефу о вас...

— Не пугай, — перебил его Марич. — Все в порядке. Завтра поговорим.

Больше они не разговаривали. Только прощаясь с Павлом, инженер задержал его руку в своей, но так ни-

чего и не сказал. Если бы Павел догадался его спросить, дальнейшие события повернулись бы иначе...

В своем кабинете он задержался ненадолго. Инк вдруг высветил над столом оранжевый восклицательный знак, означающий нечто похожее на человеческий жест: внимание! Павел остановился посреди кабинета, продолжая переодеваться, сказал негромко:

— Чего тебе?

— Вам звонили только что.

— Кто?

— Абонент не идентифицирован, канал связи нащупать не удалось, были применены спецмеры против пеленга.

Павел мгновенно насторожился, ощущая всей кожей спины липкий угрожающий взгляд. Резко обернулся — никого.

— Крути запись.

Инк включил прослушивание, и в комнате зазвучал незнакомый слегка гортанный голос:

— Инспектор, еще раз предупреждаем: не суй нос куда не следует. Расследуй происшествие тихо, медленно, без рвения — и проживешь долго. Третьего предупреждения не будет.

Запись кончилась.

Павел посидел за столом, раздумывая, сообщать ли комиссару о своих контактах с «санитарами» сразу или погодить, и решил не спешить. Рутинное расследование причин катастрофы явно переходило в фазу активного сопротивления следствию, хотя и на низком уровне. Следовало подождать более грозных шагов «санитаров», чтобы понять, что им в конце концов требуется.

Дома Павел привел свои размышления в систему, попил чаю с малиной и лег спать, справедливо полагая, что мочить его сразу после предупреждения не будут.

Наутро он снова полетел в Центр защиты и не узнал местности вокруг Ствола: угрюмая чернота и ржавые полосы исчезли, холмы, равнина, речные террасы поросли сочной изумрудной травой, преобразившей ландшафт в удивительно опрятный, чистый и веселый уголок природы. Ствол смотрелся на этом зеленом фоне естественно

и даже празднично, не вызывая привычной тревоги, — незатейливая белая колонна диаметром в километр и высотой в два. На Земле много сооружений, больших по масштабам и сложности.

В зале контроля инспектор встретил Златкова.

Начальник Центра казался ушедшим в себя. На приветствие инспектора только кивнул, продолжая смотреть на панель контроля среды.

— Говорят, вы ночью спускались в преисподнюю. Это правда?

— Правда, — смущенно признался Павел. — Глупо и несерьезно, конечно, но так уж получилось.

— Марич умеет заражать своей энергией других.

Павел не ответил, думая, что инженер виноват не больше, чем он сам.

— В бункер независимой аппаратуры пройти, к великому сожалению, невозможно. Хронопена просочилась и туда. А теперь после вашего похода весь тоннель заполнен аморфным временем, субстанцией с максимально возможной энтропией... Вы ко мне?

— Простите, что отвлекаю, — встрепенулся Павел, ощущая себя мальчишкой, которого выдрали за уши. — У меня всего два вопроса.

— Валийте, — без выражения сказал Златков.

— Можете объяснить непосвященному, почему хроноускоритель в ходе некоторых запусков резко увеличивал энергопотребление и тут же уменьшал до нуля?

Златков перестал глядеть на пульт, но глаза его по-прежнему оставались равнодушными.

— Для нас это пока тайна. Теоретики разработали любопытную теорию, но проверить ее оказались не в состоянии.

— Вы можете поделиться идеей хотя бы вкратце?

— Нет ничего проще. В ней утверждается, что Ствол наткнулся на встречную хроноскважину древней цивилизации Земли, основанной предками дельфинов около двухсот миллионов лет назад. — Златков еле заметно усмехнулся, заметив растерянность Павла. — Вы сами этого хотели. Теоретики не скованы цепями здравого смысла, тем более что их расчеты сходятся с фактами.

Другая гипотеза и вовсе экзотична: Земля вмещает бесконечное количество цивилизаций, не имеющих контакта между собой, потому что живут они во времени, повернутом относительно друг друга на определенный угловой квант, а наш Ствол где-то соприкоснулся с таким же Стволом другого временного угла.

Павел невольно покачал головой.

— Вы меня ошеломили. Неужели такое возможно?

— Кто сказал нет? Теоретически можно создать любой континуум с любым ходом времени и даже вообще без времени. Еще сто лет назад считалось, что инвертировать время невозможно, а сегодня Ствол пробурил его на миллиарды лет в прошлое!

— У меня остается последний вопрос. Однажды хроноускоритель включился сам, ночью. Есть мысли по этому поводу?

— Были, сейчас нет. В рамки двух последних гипотез, с которыми я вас познакомил, укладывается и этот случай.

— А в вашу собственную гипотезу он укладывается?

Златков поднял глаза. Глаза у него были все еще равнодушные, но мелькавшие в них иногда огоньки иронии, сарказма, превосходства говорили о том, что бывший заведующий лабораторией времени далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда.

Павел тихонько отошел, посмотрел на часы. Марич обещал прийти в десять утра, но шел уже одиннадцатый час, а его не было. В это время в зале прозвучал гудок.

— В зоне человек! — доложил автомат. — Тревога!

В первый момент Павел, как и все в зале, подумал, что человек вышел из лаборатории, но потом понял: тот шел к зданию, а не от него. Видеокамеры поймали его и показали крупным планом в главном виоме.

Человек в толстом голубом комбинезоне с ранцем и непрозрачным конусовидным шлемом спокойно приближался к Стволу.

Несколько операторов связи начали вызывать незнакомца, в воздух поднялись пинассы аварийного патруля. Но тут неизвестный оглянулся, помахал рукой, словно знал, что за ним наблюдают, и в зале раздался характер-

ный глуховатый, с легкой хрипотцой голос Игоря Мари́ча:

— Не надо меня спасать, Атанас, я все рассчитал. Слишком долго мы ждем, пока изготовят скафандры, пока не отыщется доброволец или не взорвется Ствол. Надо прекращать эксперимент, стрелка которого давно выскочила за шкалу риска. И я надеюсь, что в лаборатории кто-нибудь остался жив.

— Что ты делаешь, безумец! — изменившимся голосом сказал Златков в микрофон. — Ты же знаешь, никто не может пройти по зоне хронопены, где время и пространство квантуются на макроуровне. Никого не спасешь и сам погибнешь напрасно!

— А вот тут ты ошибаешься, — донесся голос Мари́ча. — Польза уже в том, что я хотя бы проверю скафандр, который сделали в техсекторе. Повинись за меня, я его украл, кому-то ведь все равно надо было проверить его в деле.

— Игорь... — Златков замолчал, оттолкнул микрофон и бросил в сторону сквозь зубы: — Он никогда не понимал, что авантюра не сродни риску...

«Вот что имел в виду инженер, приглашая меня к десяти часам, — подумал Павел. — Кто мог предположить, что он способен на такое! Недооценил я его, однако...»

Мари́ч в это время остановился в ста метрах от здания лаборатории, достал из ранца черный кубик, нагнулся, что-то сделал, и куб превратился в паука-конкистадора.

— Я тут взял с собой помощника, — продолжал Мари́ч. — Специально запрограммировал, убрал блок самосохранения, вывел на блок памяти запись своих датчиков, я их нацепил целую кучу. В случае чего он выскочит...

Конкистадор у ног инженера зашевелился, два раза подпрыгнул на месте, словно разминая ноги, и помчался к главному входу в здание. Не добежав с десятков метров, он вдруг засветился оранжевым светом, очертания его исказились, заколебались, будто в струе нагретого воздуха. В следующее мгновение он вырос в размерах вдвое, и следить за ним стало невозможно — паук почти «раз-

мазался» от скорости, человеческих реакций не хватало для визуального наблюдения за ним.

— Он прошел «зону эффектов», — с облегчением сказал Марич. — Я, грешным делом, боялся. До встречи, спасатели! Атанас, передай привет этому парню, инспектору, понравился он мне. Если мне пройти не удастся, он справится.

Все в зале оглянулись на Павла. Тот молчал, ждал, чем кончится происшествие. Идти к Маричу на пинассе или на куттере без защиты было обыкновенным самоубийством. Все понимали это, никто — ни наблюдатели-ученые, ни спасатели — не предвидел такого поворота событий, но ждали, что произойдет чудо и Марич вернется сам.

— Опасайся глухой черноты, — бросил вдруг Златков. — Черной «жидкости», которую ты видел в дыре выхода из бункера. Не подходи близко. Судя по всему, это действительно предсказанное аморфное время.

— Спасибо за предупреждение, я буду осторожен.

Марич снова помахал рукой и шагнул вперед. Его фигура искривилась, оделась в золотой ореол свечения, скачком увеличилась в два раза. Скорость движений тоже возросла, но не настолько, чтобы не видеть, что он делает.

Марич обошел здание лаборатории кругом, постоял у входа и вошел. Он молчал, но скорее всего радиоволны не проходили сквозь слой хронопены, пронизывающей эту лабораторию.

Потянулись минуты ожидания, сложились в часы. Ждали наблюдатели, операторы, ученые, спасатели, пилоты аварийного патруля, готовые лететь хоть к черту в зубы. Марич не возвращался.

Не вернулся он и на следующий день. И лишь через вое с лишним суток из лаборатории выполз конкистадор. Бок его наполовину был снесен, трех лап не хватало, глаза не светились, но он все же сумел пройти границу зоны преобразованного времени, где его подобрали роботы. Однако блок памяти паука-конкистадора оказался пустым.

Глава 4

Инженера Центра защиты Полуянова все знали как прекрасного специалиста, исполнительного и аккуратного человека. Но лишь комиссар-два Ромашин знал его еще и как профессионала-безопасника, инспектора спецпоручений отдела безопасности, руководителя группы «Роуд-аскер».

Они встретились в лаборатории механосистем, где Полуянов работал с конкистадорами, и по очереди влезли в один из боксов, обладающих вакуум-анизотропной защитой. Вскоре к ним присоединился и начальник Центра Атанас Златков, подстрахованный хитрым комплексом охраны по высшему классу операций такого рода под шифром «кольчуга».

— Мы вычислили еще двоих, — сказал Полуянов, проверяя индикаторную панель бокса: зеленые огоньки говорили о том, что их встречу никто не засек и не подслушивал. — Таким образом, на территории Центра находится уже целое подразделение «санитаров», которое контролирует девяносто процентов его деятельности.

— Продолжайте отслеживать их передвижение, — кивнул Ромашин. — Я думаю, они догадываются о нашей осведомленности и готовят новые удары. Но жертв больше допустить нельзя. Как ведет себя новый разыскник Жданов?

— Нормально, не суетится. Хотя с Маричем у него вышел прокол. Но он не знал, что инженер готовит свой штурм, не санкционированный сверху. Зато этот поход заставил «санитаров» занервничать и помог нам выявить их базу. Жданов знает, для чего его готовят?

— Нет, но я не уверен, что он тот, кто нам нужен для формирования команды. Хотя, с другой стороны, его явно подстраховывает Некто, о ком мы пока ничего не знаем. Пусть пока побарахтается сам, а мы посмотрим. Атанас, у вас есть новости?

— Есть, — вздохнул Златков. — Я нашел способ запуска человека внутрь Ствола, хотя способ достаточно рискован.

— В двух словах идею...

— Формирование линии осуществления возможностей, независимой от уже созданной временной ветви. Физико-математический аппарат идеи очень сложен, и я...

— Как произвести запуск?

— Надо построить еще один ХК-ускоритель, так сказать нечто вроде мини-хронобура, хроноквантового стабилизатора.

— «Санитары» сразу засекут строительство.

— А мы можем спрятать его под другое строительство, — заметил Полуянов. — Строители начали монтаж нового хронооптимизатора, почему бы...

— Хорошая идея, — оживился Ромашин. — А для увеличения вероятности успеха мы начнем строить сразу три мини-хронобура, то есть оптимизатора. И все же я хотел бы проверить самый простой путь в Ствол — через здание лаборатории.

— Боюсь, тоннель между лабораторией и Стволом заблокирован, — снова вздохнул Златков. — Но проверить не мешает. Марич, к сожалению... — Он помрачнел. — Скорее всего он не вернется. Кто пойдет следующим?

— Ломотов и Белый, — сказал Ромашин. — Они готовы давно. Их поход в лабораторию засекречен по степени «четыре нуля», и я надеюсь, что он удастся. Если не пройдут они, пойдет Жданов в стиле рекламно-показного шоу, чтобы «санитары» не смогли убрать его при большом стечении народа, рискуя при этом обнаружить себя.

На панели бокса зажегся оранжевый глазок, раздался голос сторожевого инка:

— Зафиксирован поток внимания к данному участку Центра. Время непосредственной угрозы обнаружения — минута двадцать.

— Расходимся.

Златков кивнул и тотчас же вышел. За ним покинул бокс Ромашин. Полуянов проследил по своему каналу, как обоих ведут команды охраны, и вернулся к своей основной работе.

Глава 5

Начальник отдела кивнул на ряд кресел у стола. Павел сел, окидывая взглядом пейзаж видеопласта. Кабинет Ромашина представлял собой каменную террасу на склоне горы: сзади склон становился круче и превращался в вертикальную скальную стену, впереди обозначался обрыв ущелья, за ним хаос серо-синих скал и на горизонте — заснеженные силуэты гор. Стол-пульт, кресла и подставка объемного экрана выглядели несколько странно на этом фоне, словно декорации к спектаклю.

«Памир, — определил почти вслух Павел, — вид с Конгурского перевала. Вон и вершина Конгура слева, не спутаешь. Все же как много говорит картина с видеопласта о характере хозяина кабинета. Мы, оказывается, близки по вкусам».

Ромашин несколько секунд читал бегущие по черной матовой панели световые строки и коснулся сенсора «отбой». После этого он вышел из-за стола и сел рядом с инспектором, глядя на космы облаков, плывущих у вершин гор.

— Разобрались?

Павел покосился на его седую на висках шевелюру.

— В основном. У бывшего заведующего лабораторией есть интересная идея, объясняющая причины катастрофы. Он считает, что в эксперимент вмешался кто-то чужой.

— Это подтверждается фактами?

— Утверждать не берусь, но некоторые факты действительно говорят в пользу гипотезы. По сообщениям конкистадоров — автоматов обслуживания хроноускорителя, оборудование Ствола работает в экстремальном режиме, внутри Ствола находятся люди, но связи с ними нет.

Ромашин кивнул.

— Как вы считаете, Игорь Марич погиб?

— Вероятно, хотя надежда на его возвращение остается. Вполне возможно, что внутри лаборатории время течет медленнее, чем вне здания.

— А не мог он проникнуть в Ствол через выходы лаборатории?

— Не исключено, однако, чтобы это проверить, надо повторить попытку атаки лаборатории. К сожалению, конкистадор, вернувшийся оттуда, пуст, как консервная банка.

Ромашин перевел взгляд на Павла, в глазах его мелькнула тень сожаления и вины. И намек на сомнение.

— Мы надеемся на вас.

— Я это понял. Уже второй день готовлюсь к новой разведке. Завтра или послезавтра буду готов.

— Не торопитесь с разведкой, прежде рассчитайте варианты проникновения в здание. Ошибки быть не должно. И еще. Вы слышали о странных явлениях в атмосфере Земли, в Приземелье и на границах Системы?

— Нет. — Павел не стал рассказывать Ромашину о том, как ходил с Маричем к Стволу в ночь перед его безрассудно смелым шагом. — В последнее время я не слушаю программу новостей.

— Эта информация пока закрыта для всеобщего оповещения, можете узнать подробности по каналам Управления. Вкратце дело вот в чем: две недели назад над Стволом засветилась область стратосферы площадью в десять квадратных километров. Издали очень похоже на северное сияние. Кроме того, на высоте около десяти тысяч километров от поверхности Земли над той же точкой обнаружен «пузырь отталкивания» — зона, не пропускающая через себя ни одно материальное тело. Диаметр «пузыря» — около двухсот километров. Визуально он не наблюдается, никаких аномалий физических полей не обнаруживает, но при попытках преодолеть абсолютно пустое пространство «пузыря» появляются силы отталкивания.

— Занятно, — тихо проговорил Павел.

— Вы находите? Ну и последнее: у полюсов эклиптики, на расстоянии около одной астрономической единицы, объявились «прозрачные дыры» — зоны поглощения вещества. В одну из них засосало несколько автоматических зондов и беспилотный астрономичес-

кий модуль, в другую — станцию СПАС-42. Из пяти членов экипажа спастись удалось троим. Объяснить причины явлений ученые пока отказываются, но нет сомнений, что явления связаны с катастрофой, вернее, с работающим до сих пор Стволом.

— Эта мысль приходит в голову в первую очередь.

— Совершенно верно, не обязательно иметь семь пядей во лбу, чтобы увидеть связь. Явления стали наблюдаемы две недели назад, то есть как раз после катастрофы, а области свечения, отталкивания и поглощения укладываются на прямой, проходящей через Ствол, и «привязаны» к нему, то есть вращаются вместе с Землей. Там сейчас с физиками Академии работают и наши эксперты.

— Только что подумал: они не пробовали прощупать космос дальше по вектору?

— Интересная мысль. Мы предложим проверить. Что ж, степень вашей автономности остается прежней. Готовьтесь к вылазке в лабораторию, восстанавливайте в зале управления обстановку, которая была во время эксперимента. Сможете определить степень опасности работающего Ствола?

— Не знаю, — помедлив, ответил Павел. — Наверное, только при наличии полной информации о положении дел. Пока же Ствол для нас — «черный ящик». Никто не знает, почему он работает и в какие времена проник. Такие вот дела.

Ромашин встал, походил по кабинету и сел за стол.

— Вы мне напомнили... Вам не кажется, что возник парадокс? По свидетельствам конкистадоров, ближайшие точки выходов Ствола в реальное время — двести лет назад, триста, десять тысяч. Почему же нет документов из прошлого, что эти события имели место в Брянском лесу? Ведь для нас-то они уже произошли. Предки должны были отразить их в документах, хрониках, летописях...

— Парадокс и в самом деле существует, но физики объясняют его по-разному. Одни тем, что в силу вступил закон затухания последствий, специфичным проявлением которого и является отсутствие всякого рода упо-

минаний о появлении Ствола в различных исторически́х эпохах. Второе объяснение весьма оригинально. эксперимент закончился в ту же секунду, когда и начался. То есть все, что мы сейчас переживаем, — один из возможных путей развития эксперимента, как бы сон Вселенной. Исчезнет причина хронодвига — исчезнут, как и не было, события, происшедшие после пробоя хроноскважины. Но есть еще более экзотичные гипотезы, например, что Ствол вышел в прошлом в соседних временных углах. Раньше говорили — «в соседних измерениях», именно поэтому история и не сохранила свидетельств его выхода.

— М-да, любопытно. Многовато гипотез, не правда ли?

— В том их и слабость. Хотя истина бывает многолика. Может быть, она и в нашем случае лежит на стыке многих гипотез? Путь к ней один — познание.

Ромашин едва заметно улыбнулся.

— «Тысячи дорог уводят от цели, и лишь одна-единственная ведет к ней», Монтень. Древние философы знали цену мудрым изречениям. Вам нужна моя помощь?

— Пока нет.

— Тогда до встречи. Жду вас через два часа... если ничего не случится. Надеюсь, мир просуществует столько времени.

Они улыбнулись друг другу, чувствуя взаимное расположение, и Павел покинул кабинет начальника отдела безопасности.

В коридоре он наткнулся на спешащего человека. Оба одновременно извинились и, пройдя два шага, остановились.

— Павел?

— Женя!

— Ну, здравствуй, бродяга! Вот не думал встретить тебя здесь. Ты же инспектор космосектора, насколько мне помнится. Или перешел в отдел к наземникам?

— Временно, Женя, временно.

— Понятно. Катастрофа с лабораторией времени?

— Следишь за новостями? Угадал. А ты где сейчас?

— Все там же: испытательный полигон, бригада на-

земного транспорта. Не забыл еще? Ребята тебя помнят, особенно Витольд, он уже начальник монтажно-испытательного корпуса.

— Вырос парень. Я тоже всех помню, передавай привет.

— Обязательно. Что же ты не спросишь, как Люция? Павел слабо усмехнулся.

— Верю, что у нее все хорошо.

Евгений помолчал.

— Ты из-за нее ушел? Ребята долго гадали...

— Из-за себя.

— Понятно. Ну ладно, дело прошлое. Я побежал, меня ждут. Заходи к нам, если освободишься. Кстати, у нас с Люцией дочь, назвали Алевтиной. Люция ушла из бригады, и мы с ней поженились.

Евгений сжал руку в кулак, вскинул вверх прощальным жестом и пошел прочь.

Павел остался стоять, оглушенный новостью, потом медленно двинулся в свой кабинет. Там записал появившиеся мысли на кристалл, прочитал поступившие по запросам сообщения, а сам вспоминал Люцию, пытался представить, какой она стала, какая у нее дочь, почему она вышла за Баранова... Сколько лет они были вместе, в одном отряде, изо дня в день, и каждый раз она была разная: то ласковая и нежная, то чужая и недобрая, дразнящая и насмешливая, ранимая и беспомощная, твердая и сильная, капризная и нетерпеливая... Так и осталось загадкой, какая она настоящая. Был прав поэт, утверждавший:

У каждого свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час.
Но это все неведомо для нас...

И до сих пор личный мир — тайна и долго будет еще оставаться тайной для других. К Люции эти строки, пожалуй, применимы. Почему она вдруг потеряла интерес к Павлу после стольких встреч? Почему Евгений, Женька-простейший, которого она вообще не замечала, вдруг стал ее мужем? Вечный неудачник и неумеха, простой до кретинизма, хороший математик, но плохой спортсмен,

худой и нескладный — и рядом Люция, эффектная, красивая, уверенная в себе... Трудно представить! Невозможно представить! И тем не менее — факт! Факты — упрямая вещь, как говорил мудрец. Правда, выглядит он уже не интеллигентным хлопиком в очках, возмужал, пополнел... Ее влияние?..

Павел очнулся, взглянул на часы и заторопился. Пора было идти в экспертный отдел Академии наук.

Вечером он пошел ужинать в ресторан «Золотой плес» в Брянске. Вспомнил друзей, с какими некогда бывал здесь, много раз — с Люцией, поразмышлял о своей работе, по обыкновению разложил всю полученную информацию по полочкам. Загадок набралось достаточно, чтобы вырисовался один любопытный вывод, и утром он решил встретиться с комиссаром. А когда заканчивал ужин, подумывал, не позвонить ли Евгению, к которому его влекло болезненное любопытство (муж Люции, надо же!).

Баранов позвонил ему сам, прямо в ресторан. У Павла на столе выросла красивая свеча эмкана, развернулась в объем видеопередачи, и он с удивлением увидел перед собой физиономию Евгения Баранова.

— Приятного аппетита, — жизнерадостно улыбнулся испытатель. — Ты не появился у нас, вот я и звоню. Люция жаждет тебя видеть, а также услышать интересный рассказ, и у нас мелькнула мысль: не покажешь ли нам с ней Ствол? Ночью я его еще не видел, как и Люция. А потом посидим где-нибудь, поболтаем.

Павел молча разглядывал лицо бывшего приятеля, настораживаясь все больше, но чувств своих не выдал. Кивнул спокойно:

— Почему бы и не показать. Где вас подобрать?

— Да мы недалеко, возле второго Брянского метро. И одеты соответственно.

— Ждите, буду через несколько минут.

Виом свернулся в нить, погас.

Павел, задумчиво склонив голову, смотрел на стол, пытаясь найти причину внезапного интереса Баранова к хронолаборатории, потом промокнул губы и встал. Че-

рез четверть часа он подогнал к метро комфортабельный куттер класса «сапсан».

Евгений и Люция ждали его в полумраке за живой изгородью из голубых елей. Баранов был одет в серый кокос, Люция — в светящийся спортивный уник, и Павел, знавший ее нелюбовь к спорту и облегающей одежде, еще больше подтянулся.

— Привет, инспектор. — Люция чмокнула его в щеку. — Ты, как всегда, подтянут, силен, в форме. Мы тебя не отвлекаем от работы? Мне кажется, идея чудесная — взглянуть на Брянскую хронолабораторию сверху. Нас туда пропустят?

— Обижаешь, — сказал Павел, прислушиваясь к своим ощущениям, но не решаясь последовать внутреннему совету отказаться от полета. Подумал: успею предупредить Ромашина, если что...

Семейная пара залезла в куттер, Жданов занял место пилота, и они взлетели.

Четверть часа прошло в необязательных разговорах, воспоминаниях, охах и ахах Люции, восхищавшейся ночным пейзажем.

Куттер бесшумно скользил в ночи, обгоняя редких попутчиков, видимых только по мигающим габаритным огням. Под ними проплывали россыпи цветных искр, пятна и полосы света — поселки и кемпинги, зверофермы и фабрики биосинтеза, станции магнитопланов, спортивные базы, дома отдыха, культурные центры. Рассасывание городов уже достигло той степени, когда концентрация зданий воспринималась как отклонение от нормы, и поверхность земли с высоты в три километра напоминала один колоссальный парк, город-лес. Лишь изредка в сиянии и мерцании огней протаивали темные провалы: реки и болота, острова не тронутого цивилизацией леса, заповедные и туристские зоны. На юге постепенно меркло, исчезало за горизонтом голубоватое зарево — центральный район Брянска с его памятниками старины. В нескольких местах подпирали небо белые спицы лифтов, двигаясь назад, исчезая на фоне более яркого свечения каких-то сооружений. На севере, куда стремился куттер, из-за горизонта вырастала ровная

белая колонна, утопающая в разноцветном облаке света. Колонна росла быстро и вскоре заслонила собой четверть небосклона.

— Что это? — прошептала примолкшая было Люция.

— Башня хроноквантового ускорителя, — ответил Павел, жалея, что согласился на эту прогулку. Он так и не понял, чем Баранов поразил Люцию до такой степени, что она вышла за него замуж и даже родила дочь. — Мы называем ее для краткости Стволом.

Куттер поднялся выше и медленно поплыл к исполинской трубе, до которой оставалось километров восемь. В кабине раздался писк вызова, замигал алый огонек индикатора. Павел нажал кнопку связи,

— Борт-икс, вы вошли в запретную зону, запретную зону! — прозвучал характерный голос автомата. — Вход только спецмашинам. Назовите код, ваши позывные, паспорт отдела.

— Код сто семь, инспектор отдела безопасности Павел Жданов, группа «Роуд-аскер».

Через секунду послышался ответ:

— Вход разрешен.

«Сапсан» продолжал двигаться дальше.

— Как строго! — сказал Евгений. — Это и есть тот самый хроноускоритель? По-моему, совсем недавно я видел видеопередачу с места происшествия. Но в натуре это... — он искал слово, — более серьезно. До сих пор неизвестно, что произошло?

Куттер завис над вершиной белой колонны. Пилотам показалось, что они заглянули в глубокий, со светящимися стенами колодец. Вершина Ствола была слегка размыта и дрожала, будто накрытая шапкой нагретого воздуха.

Павел поднял голову и увидел в зените розовое пятнышко света, похожее на летящую по ветру светящуюся паутину. Его вдруг пронзило острое ощущение опасности, будто некий исполин равнодушно навел ему в спину излучатель и положил палец на спуск. В тот же момент колонна под ними загорелась дрожащим желтым светом, гулкий удар обрушился на ушные перепонки, кут-

тер подбросило вверх на добрый десяток метров. Люция ахнула.

Мерцающее облако света скатилось кольцом с колонны Ствола на землю, угрюмые рогатые машины пятились от него прочь. Откуда-то из-за холмов со всех сторон ударили по Стволу зеленые огненные клинки, снова и снова. Адское шипение и треск перекрыли все остальные звуки, а потом наступила полная тишина, словно аппарат провалился глубоко в подземелье.

Павел успокаивающе тронул Люцию за плечо, поднял куттер.

Разгул неведомых непосвященному стихий над ними пошел на убыль, Башня перестала светиться желтым накалом и походила теперь на тлеющую сквозь сизый пепел головешку. Кольцо белого, переливающегося перламутром пламени распалось на облачка и погасло. Со всех сторон Ствол окружали, группируясь в колонны, светляки невидимых в темноте машин.

Тишина внезапно лопнула, словно куттер продавил пленку глухоты, стали слышны многотональные свисты, необычные тоскливые крики, от которых сжималось сердце, голоса команд, звонки и глухой шум, напоминающий гул прибора.

— Я думал, что оглох, — признался Баранов. — Что это было?

— Коррекция масштабов, — пробормотал Павел. — Странно, что нас не предупредили... Ну, идем домой? Больше ничего интересного не увидим.

— Давайте сядем на холм поближе к этому вашему... Стволу! — взмолилась Люция. — Так хочется посмотреть на него с земли. Да хотя бы вон туда. — Она показала на темную громаду энергоконцентратора на холме с западной стороны.

Павел пожал плечами.

— Что ж, пара минут у меня еще есть.

Куттер сел под стеной концентратора, на склоне холма, откуда Ствол казался исполинским ствотом какого-то апокалиптического орудия, нацеленного в небо. Зрелище было захватывающим, и Павел понял чувства

Люции, когда она вылезла из аппарата и тихо произнесла:

— Господи!..

Подождав приятелей в кабине, Павел вылез сам. И тотчас же сработала сторожевая система организма, заставившая его в течение доли секунды включить паранормальный резерв и перестроить нервную систему. Он увидел, как из-за выпуклой стены энергоконцентратора выскользнули две тени (ребятки явно были в маскахалатах «хамелеон»), а снизу, из распадка, вышли еще двое, и все четверо были вооружены — он это чувствовал. Павел напряг зрение. Шедший первым был неизвестен, а вот второй — тот самый «санитар», что угрожал ему в когте Геворка у альфы Рыси. Павел шагнул к стене, боковым зрением отмечая, как его умело взяли в кольцо, отрезая от куттера и замершей в эстетическом восторге супружеской парочки. Было недосуг решать, действовали ли Барановы в сговоре с «санитарами», но все же Павлу показалось, что они находятся в состоянии гипнотического транса.

— Вот и наступил конец твоей самодеятельности, инспектор, — сказал предводитель группы, приблизившись. — Но убивать мы тебя не будем, просто нейтрализуем, подсадим гипнотрансор. Будешь слушаться как миленький, и никаких проблем. Возражения есть?

— Конечно, есть, — сказал Павел и прыгнул к нему, в доли секунды преодолевая расстояние в десять метров.

«Санитар» действовал быстро, но то ли был спесив изначально, то ли верил в свое превосходство, поэтому выстрелить в инспектора из суггестора «слон» не успел. Пробить его костюм Павел не смог, но шейные позвонки сломал.

Приятели «санитара» мгновенно открыли огонь из своих «пушек» — тех же излучателей «слон», накрыли залпом Жданова, и тот вряд ли смог бы долго устоять под натиском ломающего волю излучения, но в схватку вмешалась третья сила.

За спиной Павла с гулом возникла громадная черная фигура на «коне», сверкнули зеленые молнии, взвихрились три столба бледного пламени и дыма. «Санитары»

исчезли. Всадник, глянув на застывшего Павла длинной рубиновой щелью глаза, подхватил с земли оставшегося «санитара», молча повернул кентавра и тяжелой рысью удалился к Стволу. Наступила тишина. Потом зашевелилась находившаяся в столбняке Люция, огляделась. Глаза ее стали изумленными и большими.

— Паша, ты?! Как мы здесь оказались?..

Вышел из ступора и Евгений, но то ли доза гипноизлучения ему досталась больше, то ли организм реагировал сильнее, — его вырвало.

Поддерживая обоих, Павел усадил их в куттер и ответил дежурному по Центру на вопрос: что за взрывы наблюдаются возле западного РЭК? Поднял машину в воздух и услышал на волне интеркома четкий и звучный бас:

— Первый вызывает «Роуд-аскер» сто семь...

Молчание, вернее, равномерный шум других голосов, и снова:

— Первый вызывает «Роуд-аскер» сто семь...

Павел спохватился и наклонился к микрофону.

— Сто седьмой слушает первого.

— Сто седьмой, вас ждут в Центре, срочно ответьте по двадцать второму каналу.

Павел посмотрел на спутника, с трудом избавляясь от мыслей о Люции.

Разозлился, стряхнул оцепенение.

Высадив Барановых возле их дома, он снова полетел к Стволу и вскоре вошел в зал Центра, уже полностью владея собой.

Глава 6

В бункере Центра его ждали Ромашин, Златков и директор УАСС Ив Костров. До этого Павел видел директора всего два раза, и то, что руководитель такой мощной организации, как аварийно-спасательная служба, «снизошел» до посещения Центра, указывало на серьезность происходящих событий больше, чем другие факты.

Ив Костров был среднего роста, нетороплив, скуп на слова, широкоскул и рыжеволос. Твердый рот, пристальный взгляд из-под припухших век, умение мгновенно оценивать собеседника говорили о недюжинном уме и сильной воле этого человека. Павел, здороваясь, встретился с ним глазами и понял, что оценен и взвешен взыскательно и точно — он, инспектор космосектора УАСС, считавший себя неплохим психологом, непроницаемым для других!

— Дела наши не блестящи, — сказал Ромашин, подчеркивая взглядом, что о происшедших только что событиях говорить не следует. — Час назад получен анализ состояния среды вблизи Ствола: изменены все природные параметры, обнаружена широкая гравитационная депрессия, растущая в глубь Земли. Кроме того, открыты более чем странные объекты в космосе, расположенные по вектору от Ствола на расстоянии около ста астрономических единиц от Солнца. Но самое главное, что дальше нас не пропустили! Путь в космос на этом направлении блокирован.

— Как не пропустили? — вяло удивился Павел. — Кто не пустил?

— Не знаю. Мы направили спейсера погранслужбы дальше в открытый космос по тому же вектору, но в световом полугоде от Солнца корабли наткнулись на неизвестное поле, отбросившее их назад.

— Может быть, надо просто обойти эту область?

— Результатов пока нет. — Ромашин посмотрел на директора Управления и замолчал.

— Вы догадываетесь, зачем вам все это говорится при мне? — спросил тот, сдерживая в голосе басовитые гроыхающие нотки.

Павел кивнул.

— Под угрозой жизнь многих тысяч людей, и надо спешить с расследованием причин катастрофы.

Натолкнувшись снова на предупреждающий взгляд Ромашина, Павел пришел к окончательному выводу: существуют два горизонта работы отдела безопасности — официальный, якобы секретный, но доступный разведке тех же «санитаров», и горизонт «глубокого за-

легания», известный лишь немногим доверенным лицам. Этот разговор с директором УАСС вмещался в рамки официального действия, в меру стандартного и предсказуемого.

— Под угрозой существование цивилизации — вот как стоит вопрос! Связь между странными явлениями на Земле и в космосе и экспериментом в лаборатории времени прямая. Нет смысла объяснять, как дорога каждая минута. Мне сообщили, что именно вы близки к финалу расследования, хотя с той же проблемой работают еще несколько инспекторов и экспертов. Руководство Центра готовит экспедицию в хронолабораторию. Рискнете пойти туда... после похода Марича?

Павел выдержал еще один быстрый оценивающий взгляд, но за него ответил Ромашин:

— Справится, я в него верю.

— Необходимо сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить грядущие катастрофы. Покажите мне оборудование Центра и его структуру, — обратился Костров к Ромашину.

Инспектор остался стоять с молчаливым Златковым.

— Ну и ну! — пробормотал Павел. — Час от часу не легче!

— Он еще слабо сказал, — тихо произнес Златков. — Под угрозой существование Вселенной, а не только земной цивилизации! Я боюсь, как бы хронобур не провалился к самому моменту образования нашего Мироздания! Кстати, по последним выкладкам расчетной группы, Ствол ушел и в будущее.

— Ну и о чем это говорит?

— Это открытый хроноклазм, вариант которого никем не просчитан. Ни один запуск хроноускорителя в будущее до катастрофы не дал положительного результата. «Вязкость» времени в направлении будущего оказалась такой, что хронобур выталкивался из времени, как пробка из воды.

Павел помолчал, глядя, как Ромашин что-то рассказывает Кострову.

— Вы как-то сказали, что у вас разработана собственная гипотеза о причине катастрофы...

— Не отрицаю, говорил... Разве Марич не отбил у вас охоту выслушивать бредовые идеи?

— Напрасно вы о нем так...

Начальник Центра пожал плечами.

— Не судите пристрастно о наших отношениях. Он меня не любил, это верно, да и я его не жаловал за несдержанность, излишнюю категоричность, но он прекрасный специалист... был. Жаль, что он пошел на этот безумный шаг без подготовки.

— Вы не ответили.

— Извольте. Но прежде я кое-что вам покажу. — Златков, не оглядываясь, пошел из зала. Павел вынужден был последовать за ним.

Они спустились на этаж ниже, где начиналась епархия инженерно-технического корпуса, свернули к лаборатории Полуянова.

Инженер в компании своих единомышленников, как всегда, возился у стола с недвижимым телом конквистадора, одетый в серый комби техперсонала. Увидев Златкова и Жданова, он оторвался от работы и кивнул на один из стандартных с виду боксов, в которых можно было создавать любые условия для испытаний технических устройств или управлять процессами дистанционно.

Златков вошел в бокс первым, полусогнувшись — высота двери достигала лишь полутора метров. За ним последовал Павел и инстинктивно отшатнулся: показалось, будто он оглох и ослеп одновременно. Но это была только реакция его нервной системы на сенсорную депривацию: бокс обладал абсолютной защитой от внешних излучений. Внутри него царила идеальная тишина и электромагнитных полей.

Златков остановился посреди тесноватого помещения с верстаком у стены и комплектом разнообразного оборудования, искоса глянул на замершего в напряженной позе Павла.

— Проходите, инспектор. Этот уголок Центра организован таким образом, что о его существовании знают всего четверо, вы будете пятым. Бокс окружен фазированной вакуум-оболочкой и нейтронным изолирующим слоем.

— Зачем? — Павел наконец отошел от крышки люка и прислонился к стене, похожей на шкуру слона.

— Чтобы нас никто не мог подслушать.

— В том числе «санитары»?

— Значит, вы знаете? — В бокс вошел комиссар безопасности Ромашин.

Полуянов за его спиной подмигнул Павлу и вышел, аккуратно закрыв за собой люк.

— Что ж, тогда мы не ошиблись в вас, — продолжал Ромашин. Он прошел к верстаку, примостился в уголке. — Прежде всего прошу прощения за те неудобства, которые вы испытали за время своего расследования. Особые извинения — за инцидент на территории зоны, когда на вас напали. Но мы не вмешивались до последнего мгновения, веря в ваш профессионализм и...

— Чтобы не выявлять степень своей осведомленности о деятельности «санитаров», — угрюмо закончил Павел.

— Bravo! — кисло сказал Златков.

— В надежде, что наша помощь не понадобится, — невозмутимо продолжал Ромашин. — И надежды наши оправдались: вас выручили другие... защитники.

— Кто был тот черный всадник?

— А вот на этот вопрос я не отвечаю, потому что и сам не знаю ответа. Черные всадники — мы называем их хронорыцарями — появляются в поле зрения очень редко. По всей видимости, они свободно уходят в Ствол и выходят из него. Но как это происходит, наблюдать не удалось. На контакт с нами они не идут. Хотя явно симпатизируют. Не то что «санитары». А теперь профессор Златков введет вас в курс реальных событий, которые имеют место, а я обрисую ваше положение. После этого вы зададите вопросы, накопившиеся у вас во время следствия... если они еще останутся.

Златков, равнодушно прислушивающийся к речи комиссара, пристроился рядом, все еще не глядя на Павла, пожевал губами.

— Начать, мне кажется, следует вот с чего... Шотландский физик Хью Эверетт Третий в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году от Рождества Христова написал

диссертацию на тему: «Формулировка квантовой механики на основе понятия «относительного состояния», где изложил метатеорию «Фрактала времен», в которой Вселенная в каждый микромомент времени ветвится на параллельные микромиры. Каждый такой мир представляет собой некую комбинацию микрособытий, которая могла бы реализоваться вследствие вероятностной изменчивости мира. Другими словами, каждый такой мир — как бы ветвь колоссального Древа Времен, развивающаяся в момент ответвления уже по своим законам. Таким образом, эвереттовский «Фрактал времен», или «хронодендрит», «Древо Времен», «Фрактал Хроноса» — названий много — и есть наша Большая Вселенная, реализующая все возможные варианты движения материи. Вы следите за моей мыслью? — поднял Златков меланхоличный взгляд на Павла, и в глубине его глаз мелькнул ироничный огонек.

— Слежу, — сухо ответил Павел.

— Отлично. Так вот, мы, люди, живем в одной из ветвей Древа Времен, образующей Метавселенную со звездами, космосом, гравитацией, энтропией и прочими физическими аксессуарами. Ветви Древа Времен могут и пересекаться, и вливаться одна в другую, и мешать друг другу, что весьма печально заканчивается для Метавселенных. Но есть такие контакты ветвей, которые порождают виртуальную последовательность миров.

— И мы как раз живем в одном из таких... виртуальных?

— Он хорошо схватывает суть дела, — подал голос Ромашин. — Потому-то «санитары» и взялись за него всерьез.

— Вы правы, — кивнул Златков, проявляя внезапный интерес к разговору. — Мы живем в одном из виртуальных миров-ветвей. В той же ветви, которая соприкоснулась с нашей, живут другие существа, их мы назвали «хронохирургами» за то, что они решили ампутировать нашу ветвь. Это именно они с помощью своих слуг, тех самых «санитаров», закодированных особым образом людей, включили хроноквантовый ускоритель и контролируют его провал в прошлое нашей Метавсе-

ленной. — Ученый посмотрел на Ромашина. — Вводная часть закончена, мой генерал. Теперь ваша очередь.

— У него, кажется, возникли вопросы, — сказал Ромашин, разглядывая лицо Павла. Тот кивнул.

— Хочу кое-что уточнить по ходу... Итак, Вселенная есть Древо Времен...

— Я лично предпочитаю называть ее Фракталом времен, но это дело вкуса. Древо Времен — это по сути пространство осуществления в с е х возможностей, заложенных вероятностными законами. — Златков помолчал и добавил: — Ветвь Древа, таким образом, есть линия осуществления одной возможности из числа всех заключавшихся в предыдущем узле.

— И сколько это — «всех»?

— Много. Однако число возможностей, реализующихся в каждом мгновении Древа Времен, не бесконечно, иначе не существовало бы ничего невозможного, подчиняющегося каким-либо законам структуризации.

— Каким образом «хронохирургам» удалось прорваться в нашу ветвь, чтобы включить хроноускоритель?

— Точно неизвестно. По-видимому, существуют какие-то иные способы перемещений из ветви в ветвь или же наша ветвь — Вселенная в данное время — касается ветви «хронохирургов».

— Каким образом Ствол может помочь «хирургам» отрезать нашу ветвь от Древа?

Златков и Ромашин переглянулись. Комиссар изменил позу, явно получая удовольствие от беседы. Они со Златковым, вероятно, по-разному оценили способности Жданова, когда тот появился в Центре защиты, и оценка комиссара была точнее.

— По сути Ствол сейчас представляет собой н о в у ю мировую линию, — неуверенно начал Златков. — Иными словами, Ствол... м-м, хроноускоритель... оказался трактрисой времен, пространственно-подобной линией, соединившей узлы «вечного теперь» в истории нашей Вселенной... м-м, а также и Земли. Проще я вряд ли смогу...

— Не стоит, — все так же сухо ответил Павел. Он не любил, когда его держали за глуповатого служаку... ка-

ковых, впрочем, в следственной комиссии было немало. — Теперь давайте перейдем к конкретным вещам, от теории к практике. Что известно о «хирургах»?

— Почти ничего, — сказал Ромашин, развеселившись было, но тут же погасив веселый блеск в глазах. — По нашим эф-прогнозам, «хронохирург» представляет собой разумную систему типа «рой».

— Скорее типа «стая»... что непринципиально, — пробормотал Златков, разглядывая, в свою очередь, Павла с некоторым удивлением.

— Они рассчитали вариант вмешательства в наш виртуальный мир, и при успешной реализации проекта их ветвь из виртуальной станет стопроцентно реальной. Наш же мир просто исчезнет, как сон Вселенной, усохнет, как отпиленная от дерева ветка. Если мы этому не помешаем. А «санитары» как раз и убирают всех, кто потенциально может помешать. Поэтому приходится прибегать к специальным методам защиты вроде этой. — Комиссар повел руками вокруг стен бокса.

— Вы уверены, что «санитары»...

— Обыкновенные люди, только запрограммированные соответствующим образом. Ну, или... не совсем обыкновенные. В основном это профи погранслужбы и службы безопасности. Так что драться с ними придется жестоко.

— Это я уже понял. Какова моя роль в этом деле?

— Вы до сего момента были запасным игроком, запасным исполнителем варианта «Спецназ». Теперь — основной.

Павел молча смотрел на Ромашина, и комиссар, помедлив, добавил:

— До того как мы осознали, кто и зачем работает против нас, погибло двести сорок человек. В том числе две группы инспекторов по особо важным делам. Одна из групп — не далее как вчера ночью, почти в то же время, когда вы гуляли у Ствола. Группа должна была проваться в Ствол.

— Я не знал... — пробормотал Павел. — Моя задача?

— Пройти в Ствол, создать там отряд спецназа и попытаться выключить хронобур. Естественно, при этом

вам будут мешать все слуги «хирургов», а возможно, и сами «хирурги». Но у вас есть и союзники, как мы выяснили. Мы их называем — Те, Кто Следит... за молодым и перспективным инспектором службы безопасности Павлом Ждановым.

Павел порозовел, расценив речь комиссара как издевку, но Ромашин говорил серьезно, разве что с долей грустной иронии.

— Это не черные всадники, случайно?

— Нет, хронорыцари — исполнители более низкого уровня, хотя и очень мощные.

На верстаке вдруг загорелся крошечный оранжевый зрачок, раздался тихий голос инка:

— Фиксирую поток внимания. Время непосредственной угрозы обнаружения — минута тридцать пять.

— Я пошел, — тотчас же встал Златков и первым вылез из бокса.

— Мы еще вернемся к обсуждению ваших доброжелателей. — Ромашин тоже встал. — Работайте, как и прежде, по старым планам, мы вас подстрахуем. Время открытой схватки с «санитарами» еще не пришло, пусть сообщают хозяевам о вялотекущем следствии. Для дальнейшего инструктажа я вас вызову.

— Секунду... извините. Мои друзья, Евгений и его... жена, Люция...

— Они не «санитары», успокойтесь. Кто-то из наблюдателей услышал о вашем желании встретиться, опередил вас и с помощью суггестора внушил обоим интерес к Стволу. Они ничего не знают и не догадываются.

— Спасибо.

— Не за что. — Ромашин дружески сжал плечо Павла и вышел.

Жданов медленно вылез из бокса следом, окунаясь как в воду в бурю звуков, света, электрических и магнитных полей, психологического давления на мозг со стороны всех следящих за инспектором. Он и раньше фиксировал на себе поток внимания, но относил свои ощущения к общему фону тревоги, сопровождающему

катастрофу. Теперь же он точно знал, что за ним наблюдают — очень профессионально, классно, с использованием спецаппаратуры — и друзья, и враги.

Глава 7

Вотдел «Р» Павел прибыл в половине восьмого утра и в первом делом прочитал поступившую информацию. По его просьбе расчетная группа отдела безопасности смоделировала обстановку в главном зале управления лаборатории во время эксперимента. Все было, как обычно: мощность хроноимпульса, работа силового оборудования Ствола, разговоры по интеркому с абонентами. То есть ничего не предвещало катастрофы, и никто из экспериментаторов не заметил ничего необычного. Во всяком случае, за полчаса до катастрофы.

Быстро дочитав остальное, Павел отправился в отдел разработки индивидуальных средств защиты, или «отдел бронемастеров», как его называли в техническом секторе.

Его встретил сам начальник отдела Тишо Алюш, бронзоволицый, с орлиным носом и пронизательными глазами, не то индус, не то перуанец. Одет он был во все красное и коричневое, но, как ни странно, гармонирующее с цветом лица и фигурой.

— Проходите. — Алюш сделал приглашающий жест. Голос у него был гортанный, горловой, и слова он выговаривал очень четко и правильно, как диктор Интервидения. — Это мой кабинет. — Алюш указал на белую дверь с номером один. — Дальше лаборатории: микро-техники, внутреннего обеспечения, газо- и водообмена, утилизации отходов, подгонки, легкой защиты, специальных средств защиты. Нам сюда.

Они вошли в лабораторию. Небольшой прямоугольный зал был поделен на отсеки, соединенные лентой транспортера, из дальней стены вырастали выпуклые щиты с люками и окнами — камеры испытаний. В зале было свежо и тихо, витали приятные травяные запахи.

Алюш провел Павла в самый конец зала, к последне-

му отсеку. В огороженной с трех сторон молочным пластиком комнатке стояли какие-то сложные агрегаты, у которых возились две девушки и юноша. Четвертый работник сидел перед экраном и следил за вспыхивающими в окошках пульта зелеными и красными цифрами.

— Третий цикл заканчиваем, — сказал он тонким голосом. — Показатели в пределах нормы. Приступить к последнему?

— После испытаний. — Алюш повернулся к Павлу, кивнул на экран. — Испытываем ваш скафандр.

Начальник отдела снял с зажимов одной из машин какой-то черный сверток с блестящими полосами и развернул в плоское подобие человеческой фигуры.

— Внутренняя оболочка. Она будет служить фильтром и удалять отходы метаболизма. Управляется биотоками, но есть и звуковое дублирование.

Павел с сомнением потрогал мягкую эластичную пленку.

— А я в нее влезу?

— Не волнуйтесь, она рассчитана на крупногабаритную начинку. К сожалению, готов только первый скафандр, а он в камере.

— Нельзя ли посмотреть на скафандр в натуре?

— Нет ничего проще. Сеня, включи передачу из камеры.

Низкорослый Семен включил видеосвязь с камерой, одна из стен отсека исчезла, и на ее месте появился короткий круглый тоннель, заполненный слоистым голубым дымом. В дыму бродила странная серая фигура с конусом вместо головы. На спине у нее был круглый горб — генератор защитного поля, на поясе — ряд приборов и светящихся индикаторов. Семен поколдовал на пульте, дым в камере исчез.

— Что, конец? — раздался с пульта голос испытателя.

— Еще нет, Лори, — ответил Семен. — Пришел инспектор безопасности, хочет посмотреть, как ты выглядишь в скафандре.

— Ну и как я ему?

— Нормально, как горбатый варан.

Павел покосился на Алюша, смущенного юмором подчиненных, некоторое время рассматривал скафандр со множеством окошек, штуцеров, рубчатых полос и выпуклых ромбов, превративший человека в неизвестное науке существо.

— Выглядит довольно необычно, как панцирь мезозойского пресмыкающегося. Мне приходилось носить все типы скафандров для космических исследований и разведки, но такого я еще не видел.

Он покинул отдел через полчаса и вскоре был уже под Брянском, в зале Центра защиты, психологическая атмосфера которого заставляла его с особой остротой ощущать нависшую над миром грозную непредсказуемую опасность. Знакомого инженера службы Центра — он же работник службы безопасности, гриф, — Федора Полуянова, занимавшегося, по официальной версии, засылкой в Ствол конкистадоров, Павел обнаружил, где и положено, в секторе киберобеспечения.

Помещение отдела напоминало зал «отдела бронемастеров»: те же кубы отсеков, за перегородкой — терминал вычислителя, видеоселектор, в центре — черный круг с манипуляторами. На круге стоял конкистадор, рядом возился Федор Полуянов.

— Извините, что отрываю от работы, — сказал Павел. — Я ненадолго.

— Ради Бога, о чем разговор! — развел руками Федор, сероглазый, плотный, с казачьими усами. — Ваша фирма настолько серьезная, что ее уважают даже специалисты.

— А вы разве не из нашей конторы?

Оба говорили для тех, кто их наверняка слушал, соблюдая законы «легенды», хотя знали о принадлежности друг друга к «глубокому горизонту» агентуры.

— Нет, я из отделения перспективных исследований Академии наук. Здесь, в Центре, много наших работников, да и вообще собрались представители почти всех научных дисциплин. Сами понимаете, случай беспрецедентный.

Полуянов нашел два свободных кресла, и они сели в уголке, чтобы не мешать работающим у пульта.

— Что вас привело к нам сегодня?

— Хочу узнать, что удалось выудить у конкистадоров о работе Ствола.

Инженер оценивающе посмотрел на Павла.

— Вы имеете разрешение отдела контроля на получение этих сведений? Почти вся информация о выходах конкистадоров из Ствола закрыта, даже для инспекторов. Кстати, вы третий, с кем я имею дело.

— У меня карт-бланш. — Павел показал красно-белую карточку с эмблемой УАСС и выбитой на другой стороне надписью: «Павел Жданов, отдел безопасности, неограниченные полномочия». — Из-за чего засекречена информация конкистадоров?

— Тут я пас, могу только предполагать. Мне кажется, ваше руководство опасается паники глобального масштаба. Изменить ход событий мы пока не в силах, всей мощи земной техники не хватит на то, чтобы уничтожить Ствол или хотя бы закапсулировать его от окружающего мира. К тому же есть подозрения, что в катастрофе замешаны чужие.

— Ну, это я уже слышал от Златкова, он давно предположил о вмешательстве в эксперимент иного разума.

— Тогда пойдемте, кое-что покажу. — Полуянов встал и подошел к отдельно стоящему пульту с мыслезадатчиком команд, в два приема вырастил из панели усик эмкана. — За две недели с момента катастрофы из Ствола вышли одиннадцать конкистадоров, последнего мы ловили вместе. Блоки памяти у них были разрушены, однако кое-какие крохи информации о работе систем Ствола изнутри удалось наскрести.

Инженер включил проектор, вспыхнувший вном раздвинул стены помещения. Павел увидел часть песчаного пляжа, нависающую над ним циклопическую сизо-синюю стену, какие-то бурые высохшие растения и россыпь камней. Но не это привлекло внимание инспектора: на переднем плане виднелись полузасыпанные песком матово-черные полусферы, из которых торчали длинные красные хлысты, похожие на удочки, — не то антенны, не то усы, а рядом стояла громадная черная туша, похожая на уродливого металлического кен-

тавра с таким же уродливым черным всадником на спине.

— Одна из самых качественных голографий, полученных нами от конкистадоров, после обработки, разумеется. Видите полусферы с антеннами и это чудище — кентавра? Это главное доказательство того, что в Стволе находятся чужие разумные существа. Полусферы и кентавры не входят в оборудование Ствола.

Подождав немного, Федор сменил изображение.

Низкая темная комната, закопченная и грязная, а может быть, сказалось качество голографии. Посередине круглая колонна с черной дверью, рядом с колонной люди — мужчина и женщина. Лица немного смазаны, но заметно, что они устали.

— По одежде — выходцы из двадцатого века. Как они туда попали — неизвестно.

Снова смена изображения.

Снежная равнина с чахлыми кустиками, а вдали — золотистый купол, похожий на пухлую шапку светящегося тумана.

— Хроноскважина, — пояснил инженер. — Канал непосредственного преобразования пространства во время. Остальные снимки, к сожалению, некачественные, почти ничего не разглядишь. Кроме голографий, мы получили записи состояния некоторых агрегатов Ствола. Нет сомнения, хронобур продолжает работать и удерживать Ствол в состоянии «вибрирующей струны». Состояние это опасно тем, что в любой момент время может «пойти вразнос» — термины условны — и... никто ничего не успеет понять. Мы просто исчезнем, а вместе с нами и обозримая часть Вселенной. Перспектива не из приятных, не правда ли?

— Меня сбивает с толку, что вы так легко рассуждаете об этом.

— Потому что не верю в пессимистические прогнозы. Мы, считавшие себя владыками пространства и времени, разбудили такие чудовищные силы, что наши старшие братья по разуму не могли не вмешаться. Полусферы с антеннами и кентавры с всадниками наверняка являются их аппаратами.

Павел с сомнением покачал головой.

— Что-то вид у них больно непрезентабельный. Вмешательство иного разума я представляю себе не так. Во всяком случае, без применения техники, похожей на нашу. И вообще получается странная ситуация: одни вмешались и породили катастрофу, другие пытаются исправить содеянное первыми. Не объясняем ли мы икс через игрек?

Федор улыбнулся.

— Мыслите вы логично, но... как бы это сказать... слишком прямоугодно.

— Вы хотите сказать: прямолинейно?

— Нет, именно прямоугодно, с применением жестких рамок привычных представлений и взглядов.

— А мне говорили, что я мыслю раскованно.

— Не верьте, польстили.

Они улыбнулись друг другу.

— Последний вопрос, — посерьезнел Павел. — Каким образом конкистадоры пробираются в Ствол?

— Через особые точки. Бывает, что некоторые участки Ствола выпадают из резонанса, тогда в этой точке происходит выброс странной субстанции, нечто вроде черного тумана или жидкости, которую теоретики называют «аморфным временем», и в момент окончания выброса можно успеть проскочить внутрь Ствола. Но нужна исключительная реакция, превышающая даже возможности конкистадоров. По подсчетам, из десяти запускаемых автоматов проходят в Ствол два-три, ну а назад возвращаются и вовсе единицы из сотни, да и те инвалиды.

— Из людей никто не пробовал пройти в Ствол?

— Никто... кроме Марича. Это ведь равносильно самоубийству.

Говорилось это уже на полном серьезе, без подтекста, и Павел оценил слова Полуянова, который знал степень риска и ничем не мог помочь там, в Стволе. Знал он и о том, что Жданов не откажется от похода, став основным исполнителем операции «Хроноспецназ».

— Чем грозит человеку столкновение с хронопеной? Мне много говорили об опасности зоны темпоральных эффектов, но чем она опасна конкретно?

— В зоне хронопены пространство-время становится многосвязным на макроуровне. Время становится «пространственно-подобным», то есть измерение интервала между прошлым и будущим можно свести к измерению длины. Кроме того, рядом сосуществуют области пространства, в которых время течет в разных направлениях и с разной скоростью. При переходе из области в область может произойти распад психики, распад личности. Человек может уцелеть физически, но погибнуть как разумное существо. Но все же, вероятнее всего, он просто превратится в сгусток энергии, во вспышку света.

— М-да... — протянул Павел. — Атаковать Ствол в лоб действительно опасно. Спасибо за предупреждение.

— Всегда к вашим услугам, — поклонился Федор.

Павел вернулся в зал контроля, где в это время проводилась переключка постов наблюдения, и попросил диспетчера выдать ему статистический отчет об изменениях среды вокруг Ствола за последние двое суток.

Полчаса ушло на изучение отчета, выведенного на дисплей. Ромашин не зря обращал внимание инспектора на характеристики среды в месте расположения лаборатории. По отчету выходило, что процесс изменения среды постепенно ускоряется. Самым неожиданным следствием изменений как для метеорологов, так и для исследователей было появление гравитационной депрессии. Поле тяготения вокруг Ствола приобрело форму вогнутой линзы: направление силы тяжести уже не совпадало с перпендикуляром к земной поверхности, и люди вдруг начинали ходить под углом в пятнадцать градусов к вертикали. Летательные аппараты в полете по горизонтали, приближаясь к Стволу, начинали полого скользить вниз, альтиметры давали снижение высоты, а гравиметры упрямо твердили о неизменности потенциалов гравитации.

Со Златковым поговорить не удалось. Пока Павел беседовал с диспетчером, начальник Центра исчез из зала в неизвестном направлении.

Павел соединился с базой УАСС в Калининграде, предъявил свой карт-бланш и попросил подготовить к

полету десантный когг, перебросив его в район Брянска, к станции метро.

Диспетчер кивнул, хотя в глазах его мелькнуло удивление. Павел не стал объяснять ему, что несколько лет проработал пилотом-испытателем полигона УАСС на Сааремаа, и лишь уточнил время прибытия когга в Брянск.

Аппарат, способный совершать «теневые» прыжки внутри Солнечной системы, понадобился ему, чтобы посетить те странные области над Землей, о которых говорил Ромашин. Едва ли того требовал ход расследования катастрофы, и Павел в душе понимал это, но, во-первых, расследование как таковое зашло в тупик, новые факты только добавляли загадок, не объясняя старых, а во-вторых, откуда-то пришло ощущение нереальности происходящего, отстраненности бытия, ненужности и тщетности попыток осмысления событий. С Павлом такое происходило впервые, он сначала с удивлением, а потом и с тревогой прислушивался к себе, пытаясь понять, что послужило первопричиной необычных, новых ощущений, и пришел к выводу, что причин несколько. Он выпал из привычного ритма работы в космосе — это раз. Остался без друзей, которые понимали его с полувзгляда, — это два. И, наконец, получил изрядный психологический шок от избытка информации и того смысла, который стоял за словами «режим бедствия», «катастрофа» и «угроза существованию Вселенной».

Павел вышел из кабины метро в Брянске и отправился разыскивать транспортную площадку грузового орбитального лифта, где должен был дожидаться его когг типа «Коракл» без пилота.

Глава 8

Ромашин знал, что «санитары» следят за ним «в три глаза», но был спокоен: в любой момент бригада сопровождения «кольчуга» могла отвлечь внимание наблюдателей, перекрыть им эфир и пространство, отсечь от подопечного и захватить. Но до этого не доходило,

комиссар умело манипулировал обоями риска и подстраховки и не давал повода «санитарам» считать себя серьезным противником.

В зале Центра защиты Ромашин пробыл недолго, затем зашел в туалет и вернулся в зал. Вернее, вернулся его двойник, в то время как настоящий комиссар по второй транспортной сети, подконтрольной только службе безопасности, переместился в сектор кибернетического обеспечения, где его ждал гриф Полуянов.

— «Санитары» начинают наглеть, — сказал безопасник, поглаживая усы. — Уверовали в свою безнаказанность и делают проколы на каждом шагу.

— А вдруг это стратегический замысел? Может, существует еще один уровень их вмешательства, недоступный нашим экспертам и аналитикам?

Полуянов шевельнул широкими плечами.

— Не исключено, наши эксперты всего лишь люди и тоже могут ошибаться, но и они не лыком шиты и давно пытаются нащупать этот уровень, хотя и безрезультатно пока.

— Итак, две наши обоймы спецназа в Ствол не прошли. Причины?

— А вот это уже уровень вмешательства «хирургов» или по крайней мере их генеральных эмиссаров. Помните выход шестипалых обезьянозмей? По всем данным, именно они контролируют вход в Ствол. Ребята наварались на заставу и...

— За эту трагедию с нас еще спросят. Надо рассчитать точку выхода следующей группы таким образом, чтобы гарантировать стопроцентный успех. Златков говорит, что нашел хорошую идею...

— Она должна сработать. Это не атака Ствола в лоб, это глубокий хронопрокол. Используя этот вариант, можно в принципе доставить пассажира в любой из временных узлов выхода Ствола в прошлое. Правда, масса посылки весьма ограничена, двух человек мы послать не сможем. Зато ни «санитары», ни сами «хирурги» не будут в состоянии перекрыть все горизонты.

— Переходите на разработку этого варианта.

— Программа уже запущена. По «четырем нулям».

Вряд ли «санитары» способны догадаться, что происходит... если только у них нет агента в высшем эшелоне СБ. Одного из них, кстати, телохранителя Златкова, надо держать крепче.

— Это ваша забота. В нужный момент захватите его и нейтрализуйте программу «гипно». Он еще поработает на нас.

— А кто все-таки пойдет в Ствол? Жданов?

— У вас есть сомнения?

— Нет, но... одному ему будет тяжело. Может, я пойду с ним? В крайнем случае за ним?

— Готовьте еще одну отвлекающую группу, он должен пройти чисто. И подстрахуйте во время его похода в лабораторию.

— В лабораторию мог бы пойти и кто-то другой. Зачем рисковать основным исполнителем?

— Внешне он не должен выглядеть основным, а поход в лабораторию на некоторое время отведет подозрения «санитаров» от его особы. К тому же его подстраховывают Те, Кто Следит.

— Хронорыцари?

— Вы же понимаете, что нет. Хронорыцари — исполнители, вроде наших ребят из обоим подстраховки. А вот командует черными всадниками разум классом выше. У вас еще есть что сказать?

Полуянов качнул головой, комиссар без слов вышел. И тотчас же изменились тонкие психоинверсные потенциалы потока внимания, фиксируемого аппаратурой бокса: бригада подстраховки повела своего подопечного.

Глава 9

Получив разрешение диспетчера транспортной инспекции на старт, Павел привычно провел контроль функционирования и поднял машину в воздух. Через пять минут он был над Стволом. Зависнув на минуту на высоте в десять километров, Павел сообщил в Центр о

своих действиях и попросил включить его когг в поисково-опознавательную сеть группы «Роуд-аскер».

Переключив станцию связи на волну интеркома, он стал слушать переговоры пилотов и наземных служб между собой. Голоса были негромкие, буднично спокойные, и Павлу снова на короткое время показались напрасными его тревоги и страхи. Жизнь Земли продолжалась обычными темпами, и даже здесь, в районе катастрофы, где УАСС ввело режим бедствия, не чувствовалось лихорадочной и жестокой спешки, напряжения и тревоги, соответствующих настоящему бедствию, влекущему разрушения, уничтожение природной среды и человеческие жертвы.

Когг медленно пополз вверх. Зеленая холмистая равнина вокруг Ствола отодвинулась, детали и подробности ландшафта растворились на фоне сочной зелени. Ствол превратился в белый карандаш, воткнутый острым концом в землю.

Мимо проскользнул ажурный короб с шариком кабины на торце — излучатель силового поля. В километре висел второй такой же, за ним еще один. Вероятно, пояс силового заграждения. На высоте сорока километров Павла окликнули:

— Эй, кто там лезет напролом? Пилот неизвестного «Коракла», ответьте патрулю заграждения, вы нарушаете режим работы.

Павел притормозил подъем.

— Инспектор Жданов, отдел безопасности, «Роуд-аскер».

Тон патрульного не изменился.

— Будьте внимательнее. Выйдите из зоны риска.

Вскоре Павел оказался в непосредственной близости от первой из странных областей — светящегося слоя площадью в два десятка квадратных километров. На фоне фиолетового купола неба стратосферы она выглядела красивой, зеленовато светящейся паутиной, похожей на интерференционную картину световых волн. Узор паутины медленно и непрерывно менялся, из-за чего казалось, что она то удаляется, то приближается, танцует.

Павел направил когг прямо в ее центр, готовый изменить курс при первых же признаках опасности, но делать это ему не пришлось: аппарат сам собой, без команды, плавно изменил направление движения и отвернул от покрывала. В рубке зазвучал тот же голос:

— Инспектор, вы в опасном районе. Прошу не мешать работе исследователей. Как слышите?

— Прекрасно слышу, — пробормотал Павел сердито. — Чем опасен район свечения?

— В его излучении есть жесткая компонента.

— Машина имеет полевую защиту от всех видов излучения.

— И все же прошу не рисковать. Исследования свечения начались недавно, могут быть неприятные сюрпризы.

— Хорошо, понял.

Когг увеличил скорость и вышел из-под светящейся вуали. Земля на глазах превратилась в пухлый голубовато-зеленый шар.

Десять тысяч километров до следующей загадочной области пространства — «пузыря отталкивания» — когг преодолел за две минуты. Здесь повторилась та же ситуация, что и у зоны свечения: когг изменил траекторию и погасил скорость почти до нуля.

— Вы у зоны-два, — произнес знакомый патрульный. — Диаметр зоны тысяча километров, включите локацию в диапазоне инфра.

Павел послушно включил локаторы и увидел впереди и внизу мерцающую голубоватым светом объемную фигуру. — сетчатый шар. Вокруг зоны установлены радиотражатели, чтобы было видно издалека, догадался инспектор. «Напрасно полетел, — подумал он вдруг, разглядывая на экранчике локатора светящуюся мошкару вокруг тысячекилометрового «пузыря». — Никто сейчас не скажет, связаны ли эти странные образования с работой Ствола, а интуиция не обладает правом проверенного факта. Что из того, что я убежден в их связи? Доказательств-то нет. Доказать эту связь можно, только побывав в лаборатории...»

С полчасика Павел выписывал петли возле громадного

шара, пустого, как и пространство кругом, с сочувствием подумал о суетящихся исследователях, которым предстояло больше разочаровываться, чем радоваться открытиям, и повернул когт носом к Земле. Тоскливое чувство ненужности вернулось вновь и потащило за собой привычную цепь размышлений, конечным итогом которых были злость и боль неведомой утраты: злость на себя, за несвойственные ему переживания, чувство утраты — сугубо конкретное чувство, поводом для которого были воспоминания о Люции.

В Управлении Павла ждало сообщение об испытаниях скафандра и короткая записка комиссара безопасности: «Павел, зайдите, вы мне нужны». Записка была оставлена два часа назад.

Ломая голову, зачем он понадобился Ромашину, Павел привел себя в порядок — он знал, что начальник ценит аккуратность и подтянутость, внешнюю и внутреннюю.

Видеопласт кабинета на этот раз встретил его дубовой рощей, запахом прелой листвы, грибов, дубовой коры. Ромашин сидел за столом, но встал, когда вошел инспектор, исподлобья глянул на него.

— Подождите немного.

Комиссар подошел к стене кабинета и шагнул в нее, как в облако тумана. На миг на стене остался гореть желтый контур его тела, потом исчез. Павел молча ждал, разглядывая обстановку кабинета. Через минуту из стены вышел Ромашин, сел за стол, но сесть гостю не предложил, кивнул на стену.

— Пройдите на контроль.

Павел, не удивляясь, вошел в стену из мерцающего огнями янтарного пластика, точно так же, как и комиссар до этого, пережил неприятное ощущение глухоты, сопровождавшее нырок под колпак абсолютной защиты, и встретил невозмутимый взгляд... Ромашина! Павел невольно оглянулся назад.

— Это двойник, — спокойно произнес комиссар. — Я не должен отлучаться из кабинета, если я там есть.

Он отступил в сторону, и навстречу Павлу шагнул... он сам! Подмигнул, исчез за остающейся твердой на вид

стенной. Павел проводил его взглядом, повернулся к комиссару.

— Я тоже должен быть там... коль уж пришел. Значит, вас пасут серьезно?

Ромашин сел в одно из кресел, стоявшее у столика с фруктами, показал рукой на другое.

— Садитесь, поговорим. Слежки за собой не заметили?

— Заметил, — помедлив, сказал Павел. — Давно.

— Агентурную, визуальную, с применением спецсредств?

— Уровень «санитаров» агентурно-визуальный, но я...

— Чувствуете дистанционку?

Павел поднял на комиссара твердый взгляд.

— Дело в том, что я...

— Паранорм. А в личном деле об этом ни слова.

Павел открыл рот, чтобы оправдаться, но передумал. Ромашин кивнул.

— В принципе это не преступление, паранормы, насколько я знаю, в подавляющем большинстве не любят демонстрировать свои возможности. Что ж, тем лучше... для дела. Если бы «санитары» узнали о ваших данных, мы с вами, наверное, уже не разговаривали бы. Им удалось выбить почти всех паранормов, самых серьезных своих врагов. Я вижу, вы до сих пор сомневаетесь в целесообразности режима бедствия.

— Я почему-то считал, что внешняя сторона этой формы тревоги выражается эффектней. Два года назад я был свидетелем тревоги по форме «Шторм», тогда Управление проводило операцию «Демон». Деталей не знаю, помню только, что где-то в Северной Америке обнаружили неземной аппарат, обладающий способностью изменять реальность мира. За ним прилетели хозяева, и дело едва не закончилось крупной катастрофой. Вот тогда режим бедствия был исключительно заметен: в воздух были подняты все три спасательных флота УАСС.

— Руководителем операции был я. Но мы отвлеклись. Вы говорите, что настоящий режим бедствия со стороны незаметен? Что ж, как мне кажется, это боль-

шая похвала отделу безопасности, да еще из уст профессионала. Наша работа и должна быть незаметной и эффективной. Ну-ка, смотрите.

Ромашин наклонился над столом, стремительно прошелся пальцами по сенсоратуре, в стенах комнаты загорелись ячеи виомов. Каждый показывал свою картину, в основном — рубки спейсеров Дальразведки и погранслужбы, посты связи станций приема аварийных сигналов и посты оперативного дежурства, диспетчерские пункты аварийно-спасательной службы, кабинеты руководителей Управления.

— Вы видите изнутри систему координации Управления по режиму бедствия. Я координатор операции, и на кабинет сведены все цели связи и контроля.

Павел кивнул.

Напротив, в полутемной рубке одного из спейсеров звездного флота, плотный крупнолицый человек с коротким ежиком волос разговаривал с невидимым собеседником:

— В первую очередь эвакуируйте женщин и детей, остальные пойдут во вторую очередь. Потом пройдите по трассе Ориона в ТФ-режиме и прощупайте границу мрака, только без ненужного риска.

В другом виоме в такой же рубке трое космолетчиков работали на общем пульте, переговариваясь на таком узкоспециальном жаргоне, что Павел с трудом понял, о чем идет речь: космолет не мог пробиться в какую-то закрытую неизвестно чем область пространства, его выталкивало обратно.

В третьем виоме разговор шел о свертывании дальних звездных экспедиций и подготовке к эвакуации колоний у других звезд.

В четвертом директор УАСС беседовал с председателем Высшего Координационного Совета Земли о необходимости переброса энергетического моста от энергостанций солнечного пояса в район Брянского леса, к установкам Центра защиты...

Ромашин сделал выпад пальцем в стол, радуга виомов погасла.

— Так-то, — сказал он. — Это наша работа, и пусть

она будет видна только нам. Теперь поговорим о вас. Вспомните один момент: кто сообщил вам о вызове на Землю в наземный сектор службы?

Павел оживил в памяти историю со шлопом грифа Геворка.

— Прима-пилот базового корабля «Рысь». Меня направили туда...

— Я в курсе. И вы ничему не удивились потом?

— А ведь верно! — вспомнил вдруг Павел. — Полет занял полтора часа, и, когда я прилетел, заместитель начальника экспедиции сказал, что я вернулся вовремя. Мол, только что пришло ТФ-сообщение с Земли, чтобы меня отправили в отдел безопасности наземного сектора. Понятное дело, я удивился — как «только что»? Дежурный сообщил мне об этом полтора часа назад! Но разбираться было некогда, и я улетел. Вы хотите сказать, что меня вернули из полета до того, как пришло сообщение с Земли?

— Более того, вас никто не вызывал на Землю.

Павел засмеялся.

— Выходит, я все придумал? Легко проверить.

— Я констатирую факт: вас никто не вызывал. О том, что вы якобы вызваны в наш сектор, стало известно совсем недавно. И я, кажется, знаю, в чем дело.

— Зато я ничего не понимаю!

— Сейчас поймете. Вспомните последнее: сегодня утром вы решили пройти по вектору от Ствола, посмотреть на странные явления: свечение стратосферы, «пузырь отталкивания», так?

— Признаюсь, это было лишним. Нет сомнений, что свечение и все остальное связано со Стволом. Но я не знал, что делать.

— Во время полета вы разговаривали?

— Со службой координации транспорта и патрулем.

— Вас останавливали?

— Дважды: у зоны свечения и у «пузыря отталкивания».

— Что говорилось при этом?

— Дословно не помню, но что-то вроде: «Вы в опасной зоне», «Включите локаторы» и «Не мешайте работе».

— Дело в том, что никто с вами не разговаривал! Во всяком случае, никто из людей. Коррекцию траектории полета осуществляют автоматы, а они не запрограммированы вести переговоры с пилотами всех видов транспорта. Были слышны только ваши реплики и ни слова тех, кто с вами разговаривал.

Павел молча смотрел на Ромашина. Тот слабо улыбнулся.

— Интересно, правда? Хотите верить, хотите нет, но за вами установлено наблюдение. Хотелось бы знать, кто этот неизвестный радатель, волнующийся за вашу судьбу.

Павел оценил скрытый подтекст речи начальника отдела: если бы ему не доверяли, этого разговора не было бы.

— Если все это связано с лабораторией, — продолжал Ромашин, — а иначе все происшедшее с вами теряет смысл, то вывод напрашивается сам собой: кто-то — не люди — назначил вас главным исполнителем по выключению Ствола и печется о вашем здоровье, чтобы, не дай Бог, до похода в Ствол с вами ничего не случилось!

— Даже сказать нечего, полный сумбур в голове! — Павел погладил шею у затылка. — Но почему я? Чем я так понравился моему визави?

— И нас интересует этот вопрос. Вам придется пройти медосмотр в полном объеме и психологическое тестирование. Не возражаете?

— Не очень приятное известие. — Павел поймал себя на том, что хочет почесать затылок, и взял себя в руки. — Я согласен, если это необходимо. Выходит, меня пасут теперь целых три конторы: ваша служба, извините, «санитары» и... Те, Кто Следит. Не слишком ли много для одной персоны? Не пересекутся ли курсы тех, других и третьих, так что в проигрыше окажусь я?

Ромашин погрустнел.

— Гарантий дать не могу. Но, судя по последним событиям, вам ничего не угрожает... в ближайшем будущем. Вот после запуска вас в Ствол... — Комиссар снова стал невозмутим, явно изучая реакцию инспектора. — Но об этом мы успеем поговорить. Задачей номер один

после прорыва будет создание группы спецназа. Задачей номер два...

— Выключение хронобура. Но где я найду исполнителей? Или вы запустите их следом за мной?

— Мы будем пытаться, но вряд ли этот маневр удастся повторить много раз. «Хирурги» сделают все возможное, чтобы нам помешать. И не исключено, что вам придется рекрутировать в спецкоманду тех людей, что бродят по Стволу в разных временных узлах. — Комиссар встал, положил руку на плечо поднявшегося Павла. — Я все понимаю, гриф. Утешать не буду, утверждать, что все кончится хорошо, тоже. В данный момент, уж ты прости, я думаю не о тебе и не о себе. На карту, по словам Златкова, поставлено будущее Мироздания, и что-то мне подсказывает, что он ненамного преувеличил опасность. Конечно, для нас с тобой все равно, что будет со Вселенной, если исчезнем мы сами. Но у нас нет выбора — кого спасать...

— Не надо меня убеждать, — тихо сказал Павел, не заметив, что они перешли на «ты». — Все, что от меня зависит, я сделаю.

Он поднял голову, словно хотел увидеть наблюдателя, но увидел над собой только голубой потолок.

Глава 10

В «отделе бронемастеров» его ждал Алюш, одетый на этот раз в темно-коричневый костюм.

— Вот, — сказал Алюш, подавая Павлу серый толстый балахон, — готов к испытаниям. Вам осталось заказать снабженцам, чтобы в Центр прислали робота-андроида.

Павел взвесил скафандр в руке.

— Килограммов шестнадцать.

— Восемнадцать без генератора поля и батарей. Полный комплект весит сорок один килограмм.

— Ничего не поделаешь, придется таскать.

— Второй обещает быть полегче килограммов на десять.

В Центр прибыли к двум часам дня. Павел отметил появление у Ствола трех фиолетовых конусов. Что-то новое. В зале контроля он нашел Златкова и сообщил о решении провести контрольные испытания скафандра в реальных условиях. Начальник Центра поманил Павла к себе, усадил рядом в пустующее кресло. В виоме виднелись Ствол, холмы и фиолетовые конусы на них.

— Мы разработали метод наблюдения за слоем хронопены вокруг ускорителя. Не хотите посмотреть? Те конусы — антенны хроновизоров.

Златков произвел на пульте необходимые переключения, и картина в центральном виоме изменилась. Пейзаж остался тем же, но холмы, покрытые травой, потеряли цвет, стали серыми, словно присыпанные пылью. Ствол из стройной белой колонны превратился в полупрозрачную неровную скалу, похожую на гигантский сталагмит. Куб лаборатории и вовсе исчез. Но главное, что сталагмит Ствола дышал: форма его изменялась, поверхность то вспухала прозрачными бутрами, то опадала заливанными волнами, с крутых склонов срывались студнеобразные капли, скатывались вниз, разбиваясь на брызги, и постепенно рассасывались до полного исчезновения в сотне метров от подножия «ледяной скалы».

— Хронопена в наглядном изображении, — сказал Златков. — Студнеобразные пузыри — это области пространства с локальным ходом времени. В каждом пузыре время течет по-другому. Если бы хроновизор у нас появился раньше, автоматов мы потеряли бы меньше.

— Благодарю, — сказал Павел. — В свою очередь, предлагаю посмотреть запуск робота в лабораторию. Кстати, не мешало бы включить хроновизор — будет видно, где робот войдет в хронопену.

— Когда будете готовы — предупредите.

Павел отправился в отдел запуска автоматов.

Робот, одетый в скафандр, был уже готов к выходу. Алюш проверял, как он реагирует на команды, усатый Федор натягивал на себя легкий пленочный скафандр.

— Провожу до линии гипнозащиты, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Павла.

— Готов, — сказал Аллош. — Можете начинать.

Павел обошел фигуру в сером балахоне. Вблизи скафандр выглядел более внушительно, чем в первый раз по виому, а его схожесть с фигурой человека только подчеркивала различия, отчего у Павла возникло странное ощущение, будто он знакомится с представителем чужой цивилизации.

— Какова программа?

— Самая простая — пойти и вернуться, — пробормотал уже одетый Федор, застегивая прозрачный куб шлема. — Он обойдет лабораторию, войдет внутрь и попытается проникнуть в зал управления. Встретятся препятствия — вернется. Весь путь будет записываться на видео.

Федор поднял руку и пошел к выходу. Серая сгорбленная фигура потопала за ним. Впечатление, что это неземное существо, усилилось.

Павел проводил необычную пару и вернулся в зал контроля.

В зале собралось человек двадцать работников Центра, которые хотели посмотреть на испытания скафандра, обладающего хронозащитой. Златков занял место главного диспетчера и приказал в течение часа соблюдать в эфире режим радиомолчания. Шум переговоров по общей волне интеркома стал стихать.

Павел занял кресло рядом с начальником Центра и стал наблюдать, как Полуянов ведет робота по берегу ручья.

За километр от Ствола инженер остановился.

— Дальше мне, к сожалению, нельзя. А хотелось бы... Иди, дружище.

Робот в скафандре ожил и размеренно зашагал к зданию лаборатории.

Златков включил хроновизор. Ствол и здание лаборатории превратились в «ледяные утесы», даже отдаленно не напоминающие постройки, сделанные руками человека. По их склонам все так же сползали и падали на землю водянистые капли многосвязного квантового пространства-времени.

Робот дошел до границы темпоральных эффектов и

шагнул в студень. На обычном экране его фигура причудливо изказилась, задрожала, стала зыбкой и скачком выросла в размерах. В виоме, принимавшем изображение от антенн хроновизора, было видно, как робот вошел в одну из жидких на вид капель, разделился на три одинаковых силуэта и, вспыхнув, пропал.

Как сонные мухи поползли секунды, складываясь в минуты, десятки минут. Павел нашел глазами Алюша, начальник «отдела бронемастеров» развел руками: что, мол, я могу сделать? В это время Павла тронул за рукав Ромашин.

— Ждете?

— Ждем. Прошел час с небольшим.

И в это мгновение раздался голос наблюдателя:

— Возвращается!

Полуянов бросился бегом с холма к тому месту, где у равнины запрещенной зоны должен был выйти робот.

В виоме хроновизора длиннорукий урод вынырнул из шевелящейся массы студня в шести экземплярах, сложился в один. В обычном виоме выход робота выглядел иначе: сначала из черного прямоугольника двери главного входа вынеслось размазанное серое пятно, потом робот прошел границу несовмещения времен и превратился в серого горбуна, который неторопливо направился к ожидавшему его человеку.

— Поздравляю, — сказал Ромашин Алюшу.

— Рано поздравлять, — оживился тот. — Посмотрим, что он принесет.

— Он вернулся, а это главное. — Ромашин глянул Павлу в глаза. — Кажется, приближается ваш звездный час?

— Мне пока не объяснили, что я должен делать в здании.

— Все объяснит Златков, лучшего специалиста у нас нет. Вы не торопитесь?

— Как будто нет. Хотел закончить работу со скафандром.

— Что ж, подождем несколько минут.

Они стали смотреть, как возвращаются Федор и робот. Инженер почему-то размахивал руками, забегая

вперед, останавливался, толкал серого робота в толстое плечо, а тот размеренно шагал вперед, не обращая внимания на действия своего провожатого. Наконец Полуянов выдохся.

— Он не отвечает на вызовы и не слушается команд. Что делать? Так мы пройдем мимо лифта в Центр. Разрешите, мои ребятки спеленают и принесут его вниз?

— Действуйте, — буркнул Златков.

На склоне холма показались «ребятки» Федора — два странных механизма, похожих на многоруких и безголовых обезьян. Они ловко окружили невозмутимо шагавшего робота, мгновенно опрокинули его, подняли над собой, заключив ноги и руки робота в захваты, и понесли в Центр. Робот дернулся несколько раз и затих.

Через несколько минут выяснилась причина его молчания: во-первых, антенны связи скафандра оказались съеденными необычной коррозией, а во-вторых, у робота почти полностью отсутствовал энергозапас.

Павел не стал дожидаться, пока ученые разберутся с причинами этих явлений, и вместе с Ромашиным вернулся в Управление.

Глава 11

Заседание Совета безопасности Высшего Координационного Совета Земли проходило в малом конференц-зале УАСС.

С большинством присутствующих, представителями УАСС, погранслужбы, Земплана, ВКС, социальных институтов, Павел знаком не был. Двоих или троих встречал в Управлении, директора УАСС видел в третий раз и лишь Ромашина и Златкова знал достаточно хорошо.

На центральное возвышение зала вошла незнакомая женщина в сари, с пышными седыми волосами, в которых посверкивали радужные капли. Женщина была немолода и некрасива, но взгляд выдавал в ней человека незаурядного и сильного.

— Заседание Совета безопасности объявляется открытым, — сказала она певуче на ингерлинге. — Кворум

соблюден. Прошу помнить, решения заседания имеют силу закона. Экстренное сообщение сделает комиссар Евразийского сектора службы безопасности.

Женщина села за стол, набрала шифр записывающей аппаратуры, приблизила к себе усик киб-переводчика. Ромашин занял ее место. Павел невольно напрягся, до него вдруг дошел смысл слов «Совет безопасности». Решения этого органа чрезвычайного положения не могла отменить даже генеральная ассамблея ВКС.

— Начну с того, что вы уже знаете, — проговорил Ромашин, глядя поверх голов присутствующих. — Две недели назад произошла катастрофа в лаборатории времени, в результате которой погибли пятьдесят шесть человек. За две недели расследования причин катастрофы удалось установить, что хроноускоритель — Ствол, как мы его называем для краткости, — продолжает работать, хотя неизвестно, откуда он черпает энергию. С гипотезами ученых вас ознакомит заведующий лабораторией, доктор хронофизики Златков, я же приведу несколько примеров.

По данным статистического управления, за последние две недели резко возросло количество несчастных случаев как на Земле, так и в Системе, увеличилось число аварий. Кроме того, по данным «Скорой помощи», за те же две недели возросло количество сердечно-сосудистых и нервных заболеваний. Прослеживается прямая корреляция между работой Ствола и негативными явлениями в жизни планеты.

Ромашин посмотрел на Павла и отвел глаза.

— Вокруг Ствола накапливаются нарушения природной среды, погодный баланс расстроен, синоптики с трудом справляются с нарушением погодного равновесия в масштабах материка. Поддерживать равновесие с каждым днем становится все трудней. Нет смысла обвинять СЭКОН в некомпетентности, в том, что она решила эксперименты со временем, не просчитав всех последствий. Главное сейчас — не допустить развития катастрофы.

Начальник отдела снова посмотрел на Павла. «Волнуется, — догадался тот, — за меня волнуется!»

— Однако появились дополнительные факты, заставившие нас задуматься, — продолжал Ромашин. — А именно: мы, то есть человечество, находимся под контролем. Факты проверены, сомнений нет.

Реакция слушателей показалась Павлу забавной: все остались спокойными, задумчивыми, даже рассеянными, словно то, что они услышали, не выходило за рамки привычных представлений. Спустя полчаса Павел понял, насколько ошибался. Ромашин же отлично знал, с кем имеет дело, и сухо, точно, сжато перечислил факты, в том числе и о загадочном вмешательстве в поступки Павла неизвестного лица, позволявшем сделать вывод о контроле над людьми, пусть и не над всем человечеством, но, во всяком случае, над теми, кто так или иначе связан с катастрофой в Брянском лесу.

— И последнее, — сказал Ромашин, оставаясь бесстрастным, как и все остальные. — Вы слышали об открытии необычных явлений, каким-то образом связанных с работой Ствола: свечении в верхних слоях атмосферы, «пузыре отталкивания» материальных тел на высоте в десять тысяч километров над Землей, области поглощения у полюсов эклиптики. Все эти участки пространства укладываются на вектор, идущий из одной точки на поверхности Земли — из района расположения Ствола. Мы проверили этот вектор и дальше в космосе, сначала до расстояния в десять парсеков — не верилось, что дальное действие Ствола распространяется так глубоко в космос, — ничего. Никаких сюрпризов. Семнадцать парсеков — новая область отталкивания размером в полтора световых года. Тридцать четыре парсека — еще одна область поглощения диаметром около семи световых лет! Предел наших космолетов, как вы знаете, сто парсеков, так далеко уходили только одиночные автоматы-разведчики, рискнули и мы. На сто втором парсеке спейсер «Славутич» воткнулся в н и ч т о!

Ромашин кашлянул, отпил несколько глотков сока из бокала.

— Экипажу спейсера удалось спастись на автономном «панцире», их подобрал идущий в кильватере «Тирханкар». Конечно, н и ч т о, пожалуй, слишком сильно

сказано, но то, что увидели разведчики, иначе не назовешь. Звезды впереди исчезли! Сзади все было, как и прежде, впереди — чернота! Корпус спейсера стал таять, испаряться, несмотря на защиту, энергозапас иссяк в несколько минут... Знаю, звучит неправдоподобно, нонсенс, чушь! Но, — Ромашин развел руками, — факт! А потом мы послали разведчиков по другим направлениям, и оказалось, что область пространства в радиусе ста парсеков от Солнца окружена той же субстанцией, в которой бесследно исчезают зонды и беспилотные модули. Млечный Путь исчез, будто почти все двести миллиардов его звезд погасли! Погасли и другие галактики, их свет за пределами двухсотпарсековой сферы умер! Я не знаю, в чем тут дело, никто не знает. Сфера «нормального» пространства уменьшается со скоростью две световые минуты за секунду. Звезды на границе сферы гаснут. Мы свертываем экспедиции, эвакуируем колонии у иных звезд. Паники еще нет, но... — Ромашин замолчал.

«Эра Больших и Могучих дел! — вспомнил Павел ироническое высказывание Марича. — Неужели все это — следствие катастрофы в лаборатории времени?»

— И выхода нет? — раздался чей-то негромкий голос.

— Есть. Надо выключить хронобур — генератор хронораспада. Поскольку тот, кто установил контроль над нами, не навязывает своей воли, своего решения, значит, мы пока действуем правильно.

— Но ведь в Ствол пройти невозможно, вы сами говорили.

— Да, риск смертелен и нет гарантии, что удастся выключить генератор. Но у нас нет иного выхода!

— Уже есть кандидатуры?

— Их несколько, но оглашать список преждевременно. Главное, что все они знают, на что идут, и готовятся соответствующим образом.

На возвышение вышел Златков.

— Не буду утомлять вас теоретическими выкладками, — начал он, более угрюмый, чем обычно. Физик осунулся, под глазами легли тени, глаза сухо блестели. —

Хронофизика пока остается наукой скандальной, ибо многие ее парадоксы каждый теоретик объясняет по-своему. Это касается и последнего эксперимента, закончившегося трагедией. И все же я попытаюсь свести гипотезы физиков или хотя бы большинство из них в одну. Итак, всех волнуют три вопроса: почему произошла катастрофа, чем все это кончится и что делать? Отвечаю по порядку. Катастрофа произошла из-за вмешательства извне. Расчеты специалистов сходятся полностью: с нашими энергиями и техникой проколоть время ниже миллиарда лет мы бы не смогли. Тем не менее это произошло! Другой вопрос: кто вмешался? Тут мнения расходятся. Многие считают, что вмешался иной разум. Есть даже гипотезы вроде той, что вмешались «земляне из другого угла времени». Я же считаю, что вмешались наши потомки, использовав наше оборудование, хроноускоритель для своих целей. Основания так считать у меня есть: доказано, что Ствол проник не только в прошлое, но и в будущее, чего не удавалось ни в одном из прошлых запусков.

Павел встретил взгляд Ромашина, отлично понимая, что откровения Златкова — тщательно отпрепарированная дезинформация для «санитаров», наверняка записывающих речи выступавших на Совете людей.

— Вопрос второй: чем грозит вышедший из-под контроля эксперимент? По-моему, из сообщения Ромашина вы уже поняли ответ. Последствия эксперимента сказываются не только на Земле, но и в глубоком космосе: на расстоянии в сто парсеков от Солнца исчезли звезды и галактики, картина привычной нам Вселенной! Одно из двух: либо это проявление фиолетового смещения — сжатия Вселенной, либо свидетельство того, что мы замкнуты в своеобразной петле времени. Но в том, что мы не исчезли сразу после хронопрокола — Земля, Солнечная система, ближайшее звездное окружение, — я вижу великую надежду! Надежду на то, что не все потеряно и у нас остался шанс что-то сделать. И вместе с нами надеются те, кто все это устроил, виновники катастрофы, наши правнуки. Почему они не могут сами исправить содеянное, я не знаю, надо подумать. Но у нас самих

есть шанс. Вот мы и подошли к третьему вопросу: что делать? Ответ прост: необходимо выключить хроноускоритель. Время само вытолкнет хронобур в нашу эпоху, и все вернется на круги своя... или не вернется!

Златков умолк. Эхо странных и страшных слов перестало метаться между стен, и на зал спустилась первозданная тишина.

— Но для каких целей иной разум или наши потомки использовали хроноускоритель? — спросил самый старый из членов Совета, сидевший впереди Павла.

— Да, — очнулся Златков. — Это лишь предположение, но уж очень хорошо оно укладывается в прокрустово ложе имеющихся данных. Всю информацию, все догадки и гипотезы, теоретический аппарат хронофизики и физики вакуума, общей теории поля, космологии и теории сингулярных состояний я вложил в большой интелмат Академии наук и получил ответ: хронобур провалился в самое начало времени, к моменту рождения Вселенной, и, возможно, именно в этом причина Большого Взрыва, взрыва космического «яйца», породившего нашу Вселенную!

Члены Совета переглянулись, кое у кого впервые промелькнула на губах легкая улыбка. Только Павел да присутствующий на Совете Ромашин знали, что из сказанного Златковым можно считать истиной, а что — нет. Но умудренные опытом члены Совета безопасности не стали доказывать Златкову, что его идея — всего лишь порождение человеческой мысли, пусть и пропущенной через умную машину; каждый из них уже принял решение, и теперь следовало из двух с лишним десятков решений составить одно, самое верное в создавшейся ситуации. Павел внутренне поежился, представив, какое бремя ответственности несут эти суровые, молчаливые, сдержанные люди, знавшие, что от их решения зависят не только судьбы отдельных коллективов, но и человечества в целом. И сейчас от их решения зависели стратегия и тактика всей цивилизации, направление ее усилий и стремлений, всего беспокойного бытия, подчиненного главной цели: уцелеть самой и сохранить среду обитания...

Златков понял реакцию присутствующих, но не обиделся. Он и сам на их месте отреагировал бы так же. К столу вышел Костров.

— Нет смысла лишний раз утверждать, насколько серьезны заявления комиссара Евроазиатского сектора и Златкова. Предлагаю следующее: сконцентрировать усилия лучших умов человечества для разработки способа связи с теми, кто нас контролирует, — с потомками, если это их рук дело, или с иным разумом и наконец сообщить о случившемся всему человечеству. Люди должны знать все! Это главное, что должен решить Совет. Остальное — забота подкомиссий, я имею в виду вопросы энергозатрат, эвакуации, перехода УАСС на всеобщий «Шторм» и так далее. Прошу высказываться...

Спустя час Павел шел с Ромашиным в медцентр Управления, где его ожидали медики-эксперты со своей головомолной аппаратурой. У двери в медцентр начальник отдела придержал Павла за руку.

— Дальше я с вами не пойду. Не знаю, что вам сказать, прежде чем вы... Понимаете? Слова просятся на язык какие-то слишком громкие, трескучие, вроде: «За спиной Земля», «От вас зависит судьба цивилизации»...

Павел невольно улыбнулся.

— Не мучайтесь, Игнат, тем более что судьба мира не только в моих руках.

— Судьба мира... — сказал Ромашин так, что улыбка застыла на губах инспектора. — Помните философское определение времени? Время — это имманентное свойство мира, связанное с характером происходящих в нем изменений. Смысл фразы ускользает, прячется, несмотря на то, что все слова известны и понятны. Теперь мы точно узнали, что время — основа Мироздания! Жаль, что поздно...

— Может, еще не поздно?

— Может быть. Как выразился Златков, есть великая надежда! Надежда на то, что человек одновременно беспомощен и всемогущ. Идите. Буду ждать вас у себя.

Ромашин отпустил руку Павла и направился по коридору к лифту, прочь от двери с надписью «Медицинский комплекс УАСС».

После всесторонней медицинской проверки в медцентре Управления Павел прошел медосмотр и психологическое тестирование в Институте проблем медицины Академии наук, но никаких отклонений от нормы в его здоровье, психике, в работе нервной системы медикам отыскать не удалось.

— Вы не бог хладнокровия, — сказал ему, пожимая руку на прощание, директор Института проблем медицины академик Латышев, — но исключительно уравновешенный, координированный, абсолютно здоровый человек. С чем и поздравляю!

Речь академика тяготела к использованию слов в превосходной степени — видимо сказывалась старая закладка лечащего врача, но после встречи с ним Павел почувствовал себя увереннее и добрее.

Выйдя в девятом часу за пределы института, расположенного в третьем округе Москвы, Павел вспомнил, что голоден, и решил поесть в кафе «Двадцатый век».

Через полчаса он уже заказал ужин и, пока заказ обрабатывался, рассеянно осмотрелся: он бывал здесь часто, и обстановка кафе, искусно сделанная под старину, в стиле далекого двадцатого века, была ему знакома.

Здесь не было сенсорных автозаказчиков, силовых завес и биокабин, рассчитанных на персональное автоматическое распознавание вкуса посетителей, не было синтезатора ароматов, бесшумных киб-официантов, эффекторов условий и видеопласта, создающего для любого посетителя любой пейзаж, не было синтомузыки с психоадаптерами, срабатывающими по настроению посетителей. По небольшому уютному залу со стенами из «кирпича» и «дерева» были расставлены треугольные, круглые, квадратные столики, рассчитанные на группы с разным количеством людей и с разными вкусами. У одной из стен между колоннами на небольшом возвышении располагался эстрадный оркестр, использующий старинные музыкальные инструменты. Оркестр играл что-то современное, но исполнение оставляло желать лучшего, все-таки возможности старинных инструментов во многом зависели от материала, качества

изготовления и профессиональной подготовки исполнителей. Любой синтезатор мог заменить этот оркестр, особенно если музыкант достиг вершин эйфоромузыки, но Павел давно оценил желание распорядителей и оформителей кафе приблизиться к веку вплотную.

Официант — вполне живой и настоящий человек — принес на подносе ужин и расставил на столике.

— Я вас уже заметил, — сказал он. — Нравится русская кухня?

— Все нравится, — признался Павел. — Только никак не могу привыкнуть к живому обслуживающему персоналу.

Официант красиво засмеялся.

— Мне тоже сначала было не по себе. Привык. Ешьте на здоровье и заходите еще.

— Спасибо, непременно.

Павел принялся за еду.

Оркестр начал играть что-то томно-нежное, лирическое, две пары вышли танцевать, но вскоре сели: кафе еще только-только начинало заполняться посетителями.

Павел пожалел, что не может позволить себе отвлечься, отдохнуть, доел жаркое, запил медовым напитком, несколько минут посидел расслабленный, ощущая приятную тяжесть в желудке, потом встряхнулся и прямо из кафе вызвал такси.

В десять вечера он взлетел, направляясь к Брянску, в шестидесяти километрах от которого попилрал Землю Ствол-хроноускоритель.

Над Брянском небо было затянуто тучами. Стемнело, и аппарат словно провалился в яму без дна. Павел, шевеля губами, стал читать вслух стихи, сначала шепотом, потом в полный голос:

Мы честно не веруем в Бога.
Откуда берется тревога?
Друзья, отчего вы скорбите
На звонкой планете своей?..
Мы плавно летим по орбите,
Одни мы над миром владыки,
Нам зверь подчиняется дикий
И травы зеленых полей...

И вдруг слова замерли на его губах — он увидел Ствол.

На горизонте, врезаясь в темные громады ночных туч, дрожал бледный столб света, башня бледного сияния, безобидная и эфемерная из-за расстояния... И надолго врезались в память безмолвие и мрак, разрезанный надвое лезвием призрачно-лунного света...

Утро Павел встретил на Земле Пири в Гренландии — из-за желания умыться снегом. Свое желание он осуществил с лихвой: не только умылся, но и провалился в сугроб с головой на мысе Пири, куда от метро пролегла линия монора, совершенно пустого в такую рань. Возвращаясь, Павел изрядно продрог, с тоской подумал о биатлоне — на лыжи не вставал уже полгода, вернулся домой, сделал зарядку в полном объеме и принял горячий душ.

Завтрак занял двадцать минут, а спустя еще полчаса Павел облетел Ствол на двухместном пинассе и отметил появление у башни Ствола трех передвижных строительно-монтажных комплексов, упирившихся в Ствол, как спицы колеса. Кроме того, стали заметны необычного рисунка серебристые пятна в зеленой траве, похожие на поля изморози. Снизившись, Павел понял, что видит огромные, до десяти метров в поперечнике, паутины со сложным и красивым рисунком. В зале Центра он нашел Златкова.

— У меня создается впечатление, что вы здесь живете.

— Так оно и есть, — хмуро ответил начальник Центра. — Покидаю сей приют, лишь когда нужно провести циклы расчетов на больших машинах. Вы тоже сегодня рано.

— Хотя мне и приказали отдыхать, спать не могу. Из головы не идет мысль, что все события вокруг — ненастоящие, понарошку. С вами такого не бывает?

— Случается. Это оттого, что размах событий вышел за границу человеческого удивления. Каждому природой отмерен определенный запас эмоционального равновесия, заключенного в узком ущелье между двумя сте-

нами — полнейшего равнодушия и стресса от переизбытка впечатлений и переживаний. За первой стеной — болезнь, ибо равнодушие — это предел эмоционального покоя, за второй — смерть или по крайней мере уход в выдуманный, иллюзорный мир, в котором на психику уже ничего подействовать не может, ибо она себя исчерпала.

— Ну, до равнодушия мне далеко, а вот ощущение нереальности, вернее, театральности, если хотите, не проходит. Но простите за лирику. С высоты я видел странные паутины в траве. Откуда они?

— Деятельность конкистадоров. Паутины — это антенны эффекторов хронополья, с помощью которых конкистадоры стабилизируют Ствол во временных координатах в местах выхода Ствола в прошлое. Здесь они не нужны, однако некоторые из вернувшихся автоматов начинают плести свою паутину, прежде чем мы их вылавливаем. Инстинкт опасности у них сохраняется.

— С высоты я заметил монтажные комплексы типа «Геракл». Что за стройка затевается?

Златков хмуро глянул на Жданова, и тот понял, что задал абсолютно лишний вопрос. Оба и так знали, что «Гераклы» будут монтировать под видом хронооптимизаторов установки для запуска объектов в Ствол.

— Затевается монтаж хроностабилизаторов, — буркнул Златков, отворачиваясь. — Попробуем с их помощью нейтрализовать слой вспененного времени вокруг Ствола.

Павел проводил начальника Центра виноватым взглядом, отметил д в и ж е н и е его обоймы прикрытия. Подумал с некоторой тревогой: черта с два сразу разберешь, кто его пасет, где свои, а где чужие...

В десять утра в Центр заявился Ромашин и сообщил, что решен вопрос с дублером. Вторым вслед за Павлом, в случае его неудачи, в здание хронолаборатории должен был идти инженер Центра Федор Полуянов. Поговорили о координации всех служб во время вылазки — вслух, не маскируясь, чтобы «санитары» знали степень перекрытия зоны и не планировали операций по устранению, затем побывали в секторе зондирования, где Федор

Полуянов с товарищами готовил к запуску новую партию конкистадоров...

— Эти должны пройти почти все, — сказал инженер, хлопывая по глянцево-черному боку одного из пауков. — Мы усилили защиту мозга, хотя пришлось пожертвовать полифункциональностью. Они теперь ничего не умеют делать, кроме видеосъемки.

— Какова же их программа? — спросил Ромашин.

— Цель! — бросил Федор повелительным тоном.

Паук что-то тихо проскрипел в ответ.

— Скоростная звукозапись, — пояснил инженер. — Ответ в нормальном диапазоне.

— Цель — установить контакт с людьми, — забубнил конкистадор басом. — Задать вопросы в записи, получить ответы, доставить отчеты...

— Довольно...

Конкистадор послушно умолк.

Павел переглянулся с Ромашинным, в глазах которого мелькнул веселый огонек, и вернулся вместе с ним в зал контроля.

До обеда Златков и его помощник рассказывали будущим десантникам об аппаратуре, оборудовании и расположении помещений лаборатории и Ствола, показывали голографии внутренних интерьеров, разрезы, видеофильмы. Обедать Павел пошел с легкой головной болью: пришлось прокачать через память за короткое время небывалое количество информации. В два часа дня Павел и Полуянов сдали экзамен на знание оборудования и работы главных систем, инспектор в последний раз опробовал скафандр и проверил, все ли взял с собой в первый поход в лабораторию.

Его вывели из подземелья, гурьбой вышли на склон холма: Ромашин, Златков, Федор, инженеры и операторы связи, ученые. Все молчали, прощаться было глупо, и только Златков пробормотал:

— Всего тысяча дней...

Павел понял. Начальник Центра предупреждал о том, что до «конца света» осталось тысяча дней, если судить по скорости сжатия мрака вокруг еще «живой» звездной области пространства с Солнцем в центре.

Глава 12

Громада Ствола заслонила горизонт.

Павел оглянулся, зная, что за ним наблюдают по крайней мере с четырех сторон. До сахарно-белого куба лаборатории оставалось не более двухсот метров серо-коричневой, губчатой, как пемза, площади: трава здесь, вблизи Ствола, так и не выросла.

Скафандр был тяжеловат, хотя и не причинял особых неудобств.

— До встречи, — сказал Павел, шагнув вперед, и остановился, потому что услышал чей-то голос:

— Не ходите туда.

— В чем дело? — спросил Павел. — Кто это сказал?

— Что именно? — отозвался Ромашин. — О чем ты,

Павел?

— Показалось...

Инспектор не страдал слуховыми галлюцинациями даже в моменты наивысшего нервного напряжения, поэтому он интуитивно понял, что его позвали «иные». Он снова шагнул к зданию, но, как ни готов был услышать чужой голос, все же вздрогнул.

— Не ходите, — повторил обыкновенный человеческий баритон.

Павел отключил рацию, чтобы его не слышали в Центре.

— Почему?

— По двум причинам: первая — вы нужны для отключения Ствола, вторая — идти в лабораторию нет смысла, цепи управления хроноускорителем давно прекратили существование. Здание лаборатории в настоящий момент только внешне выглядит зданием, внутри это перекресток пространств с разными свойствами.

— Но это знаете вы, — сказал Павел. — Не мы. Если вы правы, я проверю и вернусь. Я обязан сделать это, понимаете? Почему вы не остановили Игоря Марича?

— Мы предупреждали, но он не поверил.

— Почему же вы уверены, что поверю я? Впрочем, не обо мне речь. Он жив?

— Нет информации.

— Раз уж зашел этот разговор, ответьте на два вопроса. Что произошло на самом деле?

Тихое потрескивание в наушниках, словно неведомый собеседник задумался, стоит ли отвечать. Наконец прозвучал знакомый баритон:

— Родилась новая Вселенная.

— Вы хотите сказать: от ствола Древа Времен ответвилась новая ветвь?

— В определенном смысле.

— Почему в определенном?

— Ветвь только еще наметила свой рост. Все, что вы называете Вселенной, — лишь майя, иллюзия жизни, сон реальной Вселенной. Этот сон еще надо реализовать. Вы все же намерены идти в здание?

— Я не могу повернуть с полпути. Подождите, остался еще вопрос.

— Вы задали даже не два, а три вопроса.

— То были спутники первого. Кто... вы?

Молчание, тихая мелодия в наушниках... тишина...

— Нас еще нет... впрочем, как и вас...

— Не понимаю.

— Думайте.

— Но почему именно я выбран вами для выполнения задачи?

— Вас выбрали не мы, а законы природы. В самом первом, грубом и неточном приближении ответ сводится к закону обратной связи.

— Поясните, пожалуйста.

— Думайте.

— А если я... не сумею выключить генератор? Что тогда?

— Этого не знает никто во Вселенной. Вас зовут, прощайте.

Павел опомнился и включил рацию.

— Все в порядке, иду дальше.

Границы зоны вспененного времени он пересек незаметно для себя, вернее, заметил только по прекращению радиосвязи. Динамики скафандра сразу перестали потрескивать и доносить голоса операторов связи и патруля УАСС.

Как и робот до него, Павел обошел здание кругом, проверяя работу всех систем скафандра. Никаких неприятных ощущений не появлялось, хотя он находился в среде, смертельной для незащищенного человека. У главного входа в лабораторию задержался. На него дохнуло холодом и сыростью, как из подземелья, — реакция на угрюмый мрак за распахнутой дверью. «Перекресток пространств», — сказал голос. Посмотрим, что он представляет собой...

Павел решительно поднялся по ступенькам под козырек входа, включил поясной прожектор и шагнул в вестибюль.

Белые, изъеденные ямками и порами неведомой коррозии гнутые стены, вычурные желоба пандусов, ведущих на галерею, чаша мертвого фонтана посередине, наклонные щиты зеленоватого цвета, расколотые трещинами, куб светомузыкального устройства, серый, в черных потеках, три выхода в коридоры с полупрозрачными створками дверей. Но внимание Павла привлекла ажурная черная колонна, вырастающая из пола и исчезающая в сводчатом потолке.

Павел обошел колонну, пытаясь уяснить, для чего она здесь. Ни Златков, ни второй лектор ничего о ней не говорили. Выходит, колонна каким-то образом обязана своим появлением последнему эксперименту. Что же это такое?

Обойдя вестибюль, Павел вспомнил о Мариче, несколько раз позвал его, сначала по рации, потом через звукопередатчик. Ответом было эхо и серии тихих щелчков в наушниках.

«Что-то незаметно, что здесь «перекресток пространств», — подумал Павел. — Разве что дырчатая колонна — иное пространство? И ничего тут нет опасного, из-за чего не вернулся Игорь... Или я не вижу опасности...»

Он вырастил щуп из универсального инструментария, похожего на пистолет, и, подойдя ближе к резной колонне, коснулся щупом ее стенки. В следующее мгновение пространство вокруг искривилось, наступила короткая невесомость, и Павел оказался внутри колонны,

подвешенный неизвестной силой точно по оси ажурной трубы. Вокруг, куда ни глянь, висели десятки и сотни горбатых фигур в зеркальных балахонах — отражения разведчика в слоях неизвестной субстанции.

Павел осторожно шевельнулся, в наушниках раздался щелчок и вслед за ним женский голос:

— Нуль-вызов принят. Заказывайте выход. Солювелл-три готов к перегибу. Ваша масса?

— Э-э... — хрипло проговорил Павел. — Масса сто тридцать три килограмма... Простите, где я нахожусь?

В голосе незнакомки удивления не прозвучало, только вежливая готовность и доброжелательность.

— Вы в трансгрессе Солювелл-три. Срок выхода три минуты, массу принимаю, код перегиба бам-у-эс-тридцать-тридцать.

— А попроще?

— Трансгресс — парамост пространственных перемещений, перегиб длится три минуты, выходы квантованы, ближайшая точка выхода — Балор-девять, сто два поворота ветви.

— Так далеко мне не надо. — Павел заметил, что голос женщины раздается у него не в ушах, а в мозгу, что говорило не о радиосвязи, а о мыслепередаче. — Солювелл-три — это Земля или Солнце?

— Это одна из ветвей Древа Мира, соответствующая вашей Мета вселенной в пределах двадцати миллиардов земных лет. Больше информации не имею, обратитесь в общий Информ Солювелла-три. Могу предложить перегиб Балора-семь или Солювелла-четыре, код обмена...

— Благодарю покорно. Могу я... э-э... каким-то образом выйти из этого парамоста... транспрогресса... без перегибов и перемещений?

В тот же момент Павел оказался на полу холла рядом с решетчатой колонной, не потерявшей своего мирного вида.

— Вот тебе и труба! — вслух сказал инспектор. — Трансгресс... первая точка выхода — сто два поворота ветви. Что это означает в действительности, хотел бы я знать? Но дойти обратно, наверное, было бы затруднительно.

— Иметь чувство юмора неплохо, — раздался в голове — снова не в наушниках рации — тихий голос, на этот раз мужской. — Но лучше бы вам не терять чувств осторожности и ответственности за свои поступки.

Павел оглянулся на всякий случай, повел вокруг лучом фонаря, но никого не обнаружил.

— Это снова вы? С кем я только что разговаривал?

— С инком обслуживания трансгресса.

— Так эта труба — чье-то метро?

— Через здание лаборатории проходит линия многомерного перегиба временных координат, ваш мозг воспринимает ее как трубу. Не отвлекайтесь.

— Понял, — вздохнул Павел. — Спасибо за совет.

Где-то далеко в глубине здания с тонким звоном лопнула струна — именно такой звук коснулся слуха. Павел вздрогнул, машинально проверил встроенную в пояс и предплечья скафандра аппаратуру звуко- и видеозаписи и направился к двери в коридор, ведущий к лестничной клетке. Ему предстояло подняться на четвертый этаж, в зал управления лабораторией.

Автоматика двери не работала. Павел нашел заслонку ручного открывания, нащупал рычажок и потянул на себя.

Коридор за дверью выглядел странно. Его стены были волокнистыми, как спрессованный дым, и уходили вверх на недостижимую высоту, луч прожектора, казалось, был где-то в километре от пола. Но и пола как такового не было, вместо него во всю ширь коридора пролегла рваная каменная борозда, по дну которой бежал ручей. Струя воды добежала до двери и... исчезала, будто отрезанная невидимым лезвием!

Павел прислушался, но плеска ручья не услышал. Лишь издали, из глубины, долетали иногда странные звуки: потрескивания, мокрые шорохи, удары водяных капель о гулкое дно, звуки лопнувшей струны...

Инспектор выключил прожектор, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, но увидел только светлую щель над головой — там, где исчезали в вышине стены коридора. «Пока ничего особенного, — подумал он, снова включая свет, — кроме непонятного исчезновения

воды ручья. Еще один эффект перекрученного пространства-времени. Меня это в данный момент не касается, надо идти вперед, пока возможно».

— Остановитесь!

— В чем дело?

— Вы пересечете границу совмещенных пространств с иной метрикой и ходом времени.

— Скафандр пока держит...

— Дело не в скафандре. Масштабы движения материи за этой границей... Берегитесь!

Павел мгновенно развернулся, уже понимая, что опаздывает, увидел несущуюся на него жутковатую фигуру — двуногую и четырехлапую обезьяну со змеиной головой, — но увернуться от прыжка чудовища не успел. Обезьянозмей бесшумно прыгнул на инспектора с расстояния в десять метров и столкнул с порога в коридор. Павел с грохотом полетел куда-то вниз, в глубокую пропасть. Стены коридора скачком выросли в исполинские вертикальные горные склоны и отделились за пределы видимости, бугристый вал борозды превратился в горный хребет, конус прожекторного света сузился, ударило в ноги. Ошеломленный Павел, ощутив под ногами твердую почву, машинально шагнул назад — сзади должна была находиться дверь в холл, но все осталось на своих местах. Под ногами — пористый коричневатый бугор, рядом — изломы скал, в сотне метров луч прожектора вязнет в ночной тьме, высвечивая те же скалы и каменные складки. Ни обезьянозмея, ни его труп...

Павел выключил свет и увидел сзади далеко-далеко вертикальный блик высотой в несколько километров.

«Вот это что называется влип! Змей не хотел меня убивать или не мог, он просто столкнул меня в этот подвал... вернее, вытолкнул на «перекресток пространств» со скалами и ручьем в надежде, что я отсюда не выбебрусь...»

Инспектор прислушался. Справа от него слышался равномерный глухой гул, который он поначалу принял за шум в ушах от удара. Павел прошел по каменным волнам метров двести, наткнулся на ребристую серую стену, обрывающуюся куда-то вниз, и посветил в провал. Луч

выхватил из темноты серо-зеленую массу несущейся воды. Река...

— Река! — сказал он вслух, еще не веря догадке. Это не могло быть совпадением: каменная борозда с ручьем в коридоре, хаос скал и река здесь, где он очутился. Коридор не изменился, изменился он, Павел Жданов, превратился в гнома, в Нильса Хольгерссона из древней шведской сказки. Один из темпоральных эффектов в действии, а именно — эффект трансформации масштабов при переходе из одной локальной области многосвязного пространства-времени в другую. Ничего особенного, придется вернуться назад, к двери, перешагнуть магическую черту, за которой располагается обычный мир холла. Однако здесь немудрено и заблудиться... или встретить «санитаров» с обезьянозмеями. Может, Марича тоже столкнули сюда и он до сих пор где-то бродит в скалах?

Павел включил звукопередатчик на всю мощь.

— Игорь! Отзовись!

Многочисленное эхо разбросало пригоршни звуков по каменным склонам, ущельям и долинам и погасло в теснине реки. Павел подождал ответа, вздохнул и зашагал вдоль берега по кромке обрыва в ту сторону, куда река несла свои безжизненные воды...

В холл он вышел через пять часов, если верить хронометру скафандра. Переход прошел мгновенно: Павла ударило обо что-то твердое — ощущение не из приятных, голову пронзила острая колющая боль. Очнувшись от короткого беспамятства, он понял, что стоит в холле на четвереньках. Под руками и ногами множество пластмассовых осколков, на полу желтые лучевидные пятна ожогов.

Он поднялся на ноги, осветил кругом. Дверь отсутствовала, углы стены в местах крепления двери выщерблены и оплавлены.

Павел направил луч в коридор и хмыкнул. Каменная борозда с ручьем исчезла, пол коридора блестел как металлический, зато стены почернели, стали жидкими, по ним ходили волны, вскипали фонтанчиками, проливая на пол черную дымящуюся жидкость.

Павел не рискнул войти в коридор. Две вещи беспокоили его: ограниченность энергозапаса скафандра и то, что за пять часов путешествия по горной стране неведомого мира вне здания могло пройти гораздо больше времени. Ожидающие могли не вытерпеть и послать дублера.

Решетчатую колонну трансгресса в центре холла он обошел на изрядном расстоянии, осмотрел колодцы лифтов — вроде бы целы, — но заходить не стал. Оставалось еще два коридора, и каждый мог привести к цели — на лестничную клетку, а там подняться на четвертый этаж будет несложно.

Но второй коридор отсутствовал вовсе.

Павел поворочал прожектором — луч света вяз в чернильном мраке без единого проблеска. Пустота, да и только, космический вакуум! Ощущение опасности стало острее, сами собой напряглись мышцы тела, захотелось спрятаться под надежной защитой корабельной обшивки — стереотип космонавта, привыкшего мыслить категориями космической спасательной службы.

Павел аккуратно прикрыл дверь, отошел и облегченно вздохнул. Собрался было отдохнуть и перекусить, но звук лопнувшей струны заставил его пить и есть на ходу. Торопясь, он проглотил несколько глотков витаминизированного желе, запил брусничным соком и спрятал мундштук пищеблока.

Последний коридор был нормальным на вид. Прямоугольного сечения, сизый, в голубых разводах «сырости», он исправно, без сюрпризов вывел инспектора к лестничной клетке, но стоило посветить в проем двери, ведущей на лестницу, как сразу стало ясно, что пройти наверх не удастся и здесь. Вместо лестничного пролета взору предстала круглая труба, уходящая вверх метров на сто и обрывающаяся внизу всего в двух метрах. Павлу показалось, что он выглянул из люка космолета в пространство: вверху проплывали звездные россыпи, внизу — две звезды поярче, темно-багровая и желтая.

Из недр здания прилетел металлический стон. Павел невольно вздрогнул, оглянулся: показалось, что кто-то смотрит в спину. Коридор был пуст, но ощущение взгля-

да не исчезало, только ослабело. Из холла донесся тихий отчетливый хруст и треск — кто-то шагал по битой пластмассе. Павел в несколько прыжков преодолел коридор, выскочил в вестибюль. Прожекторный конус выхватил из тьмы знакомый ажурный цилиндр, пустые стены, гладкий пол. Никого.

Хруст повторился. Павел резко повернулся и направил луч в угол. У расколотого техношита топтался на месте шестиногий конкистадор. Три глаза его вспыхнули зеленоватыми бликами в свете прожектора — казалось, паук плачет.

— Ф-фу! — выдохнул Павел, снимая руку с рукоятки пистолета на поясе. — Напугал, насекомое! Ты откуда?

Паук что-то проскрипел.

— Ответь в нормальном ритме.

Снова тихий прерывистый скрип.

— Значит, не можешь. Плохи твои дела. Тогда веди меня в зал управления лабораторией. Живо!

Паук смешно перебрал ногами на месте, тихо свистнул и побежал через холл к первому коридору, где недавно протекал ручей. Теперь в нем не было ни каменной борозды, ни ручья, металлический пол был залит лужами черной жидкости со стен.

Остановившись на секунду, конкистадор снова свистнул, прыгнул в коридор. Гроыхнуло, кибер исчез, и вместе с ним исчез коридор. На его месте образовалась дымная яма, на дне которой сквозь дым всплыл шар планеты в оспинах и шрамах кратеров. Планета больше всего походила на Меркурий.

— Понятно, — сказал Павел, пытаясь разглядеть планету подробней, и его внезапно прошиб холодный пот. Столкни его обезьянозмей сюда — вряд ли он вернулся бы обратно. Хорошо, если это Меркурий, есть шанс, что тебя обнаружат, а если иная звездная система?..

Павел слизнул языком пот над губой и вернулся в нормальный коридор: три двери слева и три справа. И все они открывались в пространства неведомых миров. Первая дверь, которую открыл инспектор, скрывала за собой пещеру, вернее, великолепный грот с зер-

калом воды и сверкающим панцирем натеков и сталактитов.

Вторая выходила на морскую террасу, мокрую от долетающих брызг: прибой яростно и упорно строгал камень террасы, обтачивал гальку, дробил щебень в песок. Море было неземное — как загустевшая кровь, оно искрилось и гнало светящуюся пену. Небо в этом мире было глухим, беззвездным, на горизонте смутно проглядывал тусклый коричневый диск — не то планета, не то светило.

Павел аккуратно закрыл за собой дверь, постоял в задумчивости у соседней, но все же решил удовлетворить любопытство.

За третьей дверью начинался чудовищный фиолетово-черный лес, деревья которого напоминали мохнатые человеческие уши с сотнями крохотных глаз. Лес был полон таинственных звуков и движения.

За четвертой дверью пейзаж был странный, словно вмурованный в толщу стекла или прозрачного желе: что-то полупрозрачное, скользкое, мерцающее медленно ползало, взбулькивало, хрипело, порхали хлопья дыма, рождались и умирали голубые огни, бледные сетчатые тени и пятна.

Пятая и шестая двери не открылись.

Павел потоптался в коридоре и вдруг вспомнил, что галерея перехода из лаборатории в Ствол начинается двумя этажами ниже, с самого нижнего горизонта здания. Он мысленно представил план расположения нижнего горизонта, вышел в вестибюль и снял с пояса пистолет. Лифты не работали, лестницы перестали быть лестницами, и на нижний этаж можно было попасть только через перекрытие, с помощью грубой силы.

Павел рассчитал импульс, способный пробить двадцать сантиметров пластибетона, выбрал точку удара в трех метрах от себя и нажал на спуск. Из длинного дула пистолета ахнуло ажурное пламя разряда, вонзилось в пол, и в тот же миг сильный удар в грудь отбросил инспектора к стене. Ослепительный клубок огня, роняя тающие ключья, метнулся в стену напротив. Пол завиб-

рировал, здание вздрогнуло, шатнулось, гул и грохот всплыли из его недр...

Чувствуя подступающую к горлу тошноту, борясь с неожиданно подкравшейся слабостью — видимо, часть неведомой энергии прорвалась-таки сквозь защиту скафандра, — Павел побрел вдоль стены к выходу, оглядываясь на разгул стихий. За бледной стеной огня он разглядел черный поток, затопивший чашу фонтана и догоняющий его мягкими, вкрадчивыми прыжками.

Когда инспектор вышел из лаборатории, его встретила хмурая беззвездная ночь...

— Все? — спросил Ромашин, подождав минуту.

Павел кивнул.

В кабинете начальника отдела собралось пять человек: хозяин кабинета, директор УАСС, заместитель председателя Высшего Координационного Совета Орест Шахов, Атанас Златков, Павел. Встреча готовилась официально, то есть в расчете на прослушивание ее «санитарами», и говорить приходилось, тщательно взвешивая каждое слово. О том, что Павла столкнул в иное пространство обезьянозмей, инспектор решил на данном этапе не сообщать.

Ромашин оценил его мину, оглядел присутствующих и снова повернулся к инспектору.

— Вы отсутствовали двое с половиной суток. Утром мы намеревались послать спасательную команду. Кстати, почему вы не записали разговор с потомком?

Павел сообразил, что эта информация перестала быть секретной сразу же после его восклицания в начале разговора с Тем, Кто Следит.

— Это был скорее всего не голос, а мыслепередача.

— Поясните, о чем речь, — попросил Шахов. — Я не знаю подробностей.

Ромашин рассказал о таинственном незнакомце, контролирующем действия Павла Жданова.

— А разве трудно было установить, кто следит? — спросил Шахов с неудовольствием. Он не был на Совете безопасности и не слышал гипотезы Златкова.

— Наблюдатель пожелал остаться неизвестным, — с иронией ответил комиссар. — Это качественно иной уровень возможностей, основанный не на технике. Не так ли, Атанас?

Хронофизик медленно перевел рассеянный взгляд на Ромашина, мигнул, и лицо его приняло знакомое тускло-насмешливое выражение.

— Обычно ученые, а тем более спасатели не принимают всерьез гипотез, базирующихся на исключительном стечении обстоятельств. Но в данном случае не существует иных объяснений: вмешались или наши правнуки, или иные разумные существа... что для нас, по существу, одно и то же.

— А по-моему, потомки вмешаться не могли, — сказал Костров. — Своим вмешательством они рискуют изменить собственную реальность, разве не так?

— В известной мере это парадокс, — согласился Златков. — Но и его можно объяснить по-разному. Может быть, в момент проведения эксперимента возникла развилка во времени, и наши наблюдатели из другой ветви мира. Но скорее всего вступил в силу закон затухания последствий, и потомкам на большом отрезке времени не страшны никакие изменения в нашей эпохе. Жданов, как вы уже слышали, задавал вопрос своему визави, но ответ получил расплывчатый. Можно предположить, что наблюдатель не захотел прямо ответить на этот вопрос, предоставив нам самим домысливать сказанное. Вполне вероятно, что Павел совершенно случайным образом оказался закоррелированным в петле времени, в петле рождения и смерти Вселенной. В таком случае никто не вмешивался в эксперимент, просто Вселенная замкнулась сама на себе по цепочке: Земля — Брянский лес — хроноускоритель. Вернее, она еще только замкнется, когда мы выключим хронобур.

Павел с любопытством и тревогой взглянул на ученого. Начальник Центра тонко намекал на свое непосредственное участие в выключении хронобура, как бы отвлекая внимание «санитаров» на себя от основного исполнителя. Делал ли он это по согласованию с комиссаром или нет, роли не играло: он рисковал, и крупно!

— Как вы мыслите осуществить выключение? — осведомился Орест Шахов.

— Предстоит спуститься по цепочке эпох — цепочке выходов Ствола в прошлое — в тот момент истории Вселенной, куда провалился хронобур, найти его и уничтожить. Звучит просто.

— А если удастся выключить, означает ли это, что мир вернется к исходному моменту истории — к началу эксперимента?

— У меня нет ответа на этот вопрос. — Златков опустил голову. — Есть только надежда. Нами задействован весь вычислительный потенциал Академии наук, но прогнозы финала требуют так много данных, что машины превратились в обычных прорицателей, в электронных гадалок. Ответы слишком неопределенны. После выключения мы можем «вывернуться наизнанку» — оказаться в другой Вселенной и с другими свойствами материи, можем прыгнуть в прошлое на несколько миллионов лет или в будущее на столько же — для вечности все едино, что миллион лет, что краткий миг, наплевать ей на то, будет ли вообще существовать человечество. Может случиться, что та Вселенная, в которой мы сейчас разговариваем, исчезнет, а сам факт ее существования окажется фактом виртуальным, иллюзией, сном того первоначального ядра материи, сном сингулярности, взрыв которой и воздвиг космос со всем его содержимым. Это все страшные прогнозы, модели катастроф, исключают нас, род человеческий, как разумную и борющуюся силу. Есть и счастливые прогнозы, например: мир устоит перед натиском энтропии, и мы окажемся там, откуда начали...

Златков помолчал, пожал плечами и криво улыбнулся...

Ромашин подождал реакции присутствующих — все молчали — и встал.

— Атанас прав, высказанные им гипотезы воспринять трудно, но мы должны исходить из того факта, что в пределах ста парсеков от Солнца происходит свертывание пространства. Вселенная ждет, чем закончатся наши попытки обуздать вырвавшуюся из-под контроля сти-

хию, иначе мы давно прекратили бы существование. На худший вариант рассчитывать нечего — это гибель цивилизации, гибель всего сущего, значит, надо подготовить операцию так, чтобы выиграть жизнь. Весь технический потенциал Земли готов работать на нас. Следует немедленно решить, что потребуется для операции, как организовать дальнейшую работу УАСС и Центра защиты.

— Как я понял, через лабораторию в Ствол пройти невозможно, — проговорил Шахов. — Или все же есть шанс?

— Не думаю, — сказал Златков. — Оттуда не возвращаются даже конкистадоры с дополнительной хронозащитой. И у меня есть подозрения, что выстрел Жданова не пройдет бесследно. По теории, выделение энергии в возбужденном хронополе ведет к распаду вещества. Если теория верна, мы скоро убедимся в этом воочию.

Ромашин кивнул.

— Какие у вас есть вопросы? Ко мне? К Жданову?

Четыре взгляда — откровенно изучающий, испытующий, недоверчивый и сожалеющий — уперлись в Павла.

— У вас к нам, Павел?

— Нет, — покачал головой Павел, ощущая неловкость. Ему вдруг очень захотелось проснуться, хотя он точно знал, что не спит.

Ромашин тронул сенсор, кабинет превратился в панорамный виом. Холмистая равнина, отгороженная с одной стороны хвойным лесом, убегала к горизонту, где подпирал небо колоссальный пик Ствола...

Ромашина подняли по тревоге в шесть часов утра.

В шесть тридцать он был уже в Центре защиты, сопровождаемый эшелонем «кольчуги». В императив-зале Центра он встретил бледного Златкова, окруженного бригадой врачей «Скорой помощи». Федор Полуянов и Гена Кузьминов, гранд-оператор Центра, имеющий также вторую профессию, скрытую, начальника экспертной бригады «Роуд-аскер» службы безопасности, стояли рядом, пребывая в явной растерянности.

— Не хочет идти в клинику, — сказал Кузьминов неодобрительно, кивая на ученого.

— Как это произошло? — Ромашин уже знал, что на Златкова было совершено нападение прямо в коридоре Центра, но группа прикрытия успела предотвратить трагедию, ликвидировав двух убийц и боевого робота, замаскированного под конкистадора.

— Пойдемте, покажу. — Полуянов сделал приглашающий жест, но комиссар сначала подошел к Златкову.

— Как самочувствие?

— Нормальное, — попытался улыбнуться начальник Центра.

— Два выстрела в упор из «универсала», — обернулся один из врачей, сворачивающий ненужный теперь медицинский комбайн. — Первый — в грудь, но кокос, усиленный броней, выдержал. Второй — в плечо, распорол мышцы. Все в порядке, мы заштопали, но все же полежать ему необходимо.

— Черта с два вы меня заставите лежать! — оскалился Атанас.

Врач молча развел руками.

— Вот если бы они стреляли в голову... — добавил Кузьминов многозначительно.

«Вот именно, — подумал Ромашин. — Странно, что «санитары» этого не сделали. Что может быть проще выстрела в голову? Только выстрел в грудь...»

— Ясно, что все прекрасно. Может быть, пару часов действительно полежите в комфорте? Здесь же, в Центре.

Златков поколебался немного, потом нехотя проговорил:

— Хорошо, уговорили. До восьми посплю в ваших комфортабельных хоромах. Но не больше!

Поддерживаемый молодыми медиками, он вышел.

— Идемте, — бросил Ромашин Полуянову, но в бункер со спецзащитой вскоре заявили все, кто был нужен: Кузьминов, Полуянов и шеф группы безопасности Центра Георгадзе. Смотреть на трупы «санитаров» комиссар не пожелал.

— Ваше мнение по поводу случившегося?

— Они идут ва-банк, понимая, что терять им нечего, — начал Кузьминов. — Если мы не ответим, погибнут люди, классные специалисты. Много людей.

— Надо срочно брать всю выявленную сеть «санитаров», — поддержал коллегу Полуянов. — Они явно готовят удар, от которого мы, по их мнению, не скоро оправимся, и необходимо нанести удар превентивный. Тогда и запуск агента в Ствол пройдет успешно.

Ромашин задумался, глянул на Георгадзе.

— Вы уверены, что контролируете всю территорию Центра?

— Не только Центра, но и всей зоны. «Санитары», конечно, оснащены очень здорово, но ведь на нашу бригаду работают вся техслужба УАСС и научные центры Земли. В зоне развернут «Аргус», транспортный спецкорпус, филиальная микросеть «Арахна». Над Стволом висит спасательный космофлот...

— И вся эта сила может не сработать при защите «Роуд-аскер» сто семь. — Ромашин имел в виду позывной Жданова.

— «Роуд-аскер» сто семь вне подозрений, — улыбнулся Георгадзе. — Он хорошо сыграл роль недалекого силовика, да и мы подыграли. «Санитары» в первую очередь пасли Белого, Ломотова и Ларина. Они и до сих пор уверены, что это основные исполнители.

— Хорошо. — Комиссар принял решение. — Запуск Жданова — в десять ноль-ноль. Операцию по захвату сети «санитаров» начнем в девять. Готовьте команды перехвата.

Глава 13

Павел стоял на вершине холма спиной к Стволу и посмотрел, как из-за леса поднимается солнце. Травянистая равнина, вывездившаяся одуванчиками, была серой от росы. В долинах между пологими увалами стлался-змеился туман.

Инспектор знал, что силами безопасности только что была ликвидирована довольно мощная сеть помощ-

ников и слуг «хронохирургов», но успокаивало его это обстоятельство мало. Все казалось, что ромашинские аналитики упустили из виду нечто важное, существенное, что еще скажется на задании, и с этим чувством Павел ничего не мог поделать.

— Начинаем, — пискнул наушник рации голосом гранд-оператора. — До запуска хроностабилизаторов осталось десять минут. Техническому персоналу занять места.

Павел еще раз окинул взглядом равнину, конусы хроновизоров, орудийные стволы хронооптимизаторов, два гигантских сооружения — третье скрывалось за Стволом, — напоминающих издали механических слонов с вытянутыми хоботами. Один из «слонов» на самом деле был генератором хроноперехода, уменьшенной копией самого Ствола, но об этом знал очень ограниченный контингент людей.

Нырнув под землю, Павел, сопровождаемый обоей охраны, сел в капсулу пронзающего лифта и через пару минут вышел в предбаннике того самого «слона», где его ждал Полуянов. Павел кивнул в ответ на ободряющую улыбку инженера, начал облачаться в скафандр, почти не прислушиваясь к словам дублера. Перед глазами стояло залитое слезами лицо Люции — она сама нашла его вчера вечером и провела с ним всю ночь, — потом вспомнился обед в ресторане с Барановым... В душе колючкой шевельнулось сожаление: парень был в общем-то ни в чем не виноват...

— Помните: конкистадоры реагируют только на прямой приказ, — бубнил сзади Федор Полуянов, поправляя что-то на поясе скафандра Павла. — На горизонтах, имеющих выход в пространство определенной временной эпохи, установлены хронокапсулы мембранного типа: внешне напоминают обычные лифты. Ими можно пользоваться, но только вниз, в глубь истории. Вверх, в будущее, они не действуют. Как и всякие мембраны, они пропускают материальные тела в одну сторону...

Павел все это слышал не раз, но перебивать инженера, не знающего, чем помочь и что сказать, не хотелось.

— На всех горизонтах Ствола смонтированы ниши

безопасности, — продолжал бормотать Федор, — в них можно не бояться коррекций и временных провалов. На четырех горизонтах в северных коридорах вделаны в стены контейнеры с НЗ: молекулярные синтезаторы воды, блоки с продуктами, подвергнутыми субмолекулярному сжатию, аптечки, оружие...

Павел мысленно включил передачу из зоны, и перед ними развернулся виом с колонной Ствола. С расстояния в пять километров детали на белом с розовыми бликами утреннего солнца теле Ствола не замечались, он казался идеальным цилиндром, мачтой без парусов.

Павел перевел взгляд дальше.

От белого куба лаборатории не осталось ничего, кроме странных, металлических на вид башен, похожих на клыки динозавров. Башни торчали из стометровой воронки в земле, заполненной плотным черным дымом аморфного времени. Воронка постепенно росла в глубину, дым разъедал землю, горные породы, металлы — любое вещество, кроме башен, добавляя работникам Центра защиты новые заботы и тревоги.

— Учти, что все эффекты, о которых говорил Златков, реальны. — Федор встал на колени, проверяя защиту сапог скафандра. — С чем ты наверняка столкнешься, так это с эффектом наслоения и дублирования с упрощением, когда вместо ста этажей горизонта насчитаешь двести, и с эффектом «марафонской дистанции» — коридоры Ствола покажутся чуть ли не бесконечными из-за многократного преломления-отражения в петле времени. Кроме того, могут встретиться полностью разрушенные горизонты, перенесшие протонное вырождение, побывавшие во временном провале. Тебе провал не страшен, пока ты в ТФЗ-скафандре...

Павел посмотрел на фиолетовые конусы хроновизоров. На мгновение защемило сердце, но он заставил себя думать о другом: о своей бывшей работе, о товарищах, ждущих его возвращения, о Люции... Оба так ничего и не решили, несмотря на желание остаться вместе... может быть, напрасно... Потом стал думать о своей судьбе, и снова пришло ощущение беды, невозможной потери, и снова Павел заставил себя переключиться на

иную волну... Интересно, скажет ли хоть что-нибудь таинственный голос? Или, по его разумению, все идет нормально?..

— Мы готовы, — раздался в наушниках голос Ромашина.

До Павла не сразу дошел смысл сказанного.

— Я тоже, — с запозданием ответил он.

Федор, продолжавший что-то говорить, вдруг замолчал, встал с колена, хлопнул Павла по плечу и протянул руку.

— До встречи, Паша. Жди меня там, не рискуй.

— До встречи. — Павел пожал руку, глядя по виому на равнину у Ствола, по которой начинавшийся ветер погнал зеленые волны. Солнце скрылось за растущей пеленой облаков, пейзаж стал утрюмым и холодным.

Федор открыл люк переходной камеры. Павел перешагнул комингс, стал в центре черного круга. Люк сзади хлопнулся, отрезая инспектора от внешнего мира. Черный круг стал медленно опускаться, пока не лягнули кронштейны упора. Поплыли мимо ячеистые стены сбросовой камеры, потом блестящие ребра дюзы, свет померк, вспыхнул вновь — алый, ощутимо густой.

Павел оказался на дне конусовидного помещения, сходящегося, казалось, в точку где-то в бесконечности. Некая сила перевернула инспектора, так что голова его оказалась направленной в вершину конуса.

— Даем предупреждение, — послышался в наушниках чей-то голос.

Над холмами трижды прокатился леденящий душу вопль сирены. И стало совсем тихо, будто в Центре вырубилась связь или отказала рация скафандра.

Павел напрягся, ожидая удара в ноги, как при запуске баллисты в космосе. И вдруг ему показалось, что кто-то большой, как планета, но добродушный, дружелюбно настроенный, посмотрел на него сверху.

— Это... вы? — спросил инспектор негромко, забыв, что его слышат в Центре.

— Да, — раздался знакомый, твердый и спокойный голос. Он мог принадлежать и нормальному, уравновешенному и сильному человеку. Павел даже представил

его лицо, тут же подумав, что у хозяина голоса, возможно, лица нет совсем.

— Что меня ждет? Вернее, что ждет нас всех?

Молчание.

— Не хотите отвечать или не знаете сами?

Снова молчание. Тишина в Центре.

— Тогда ответьте хотя бы, кто вы?

Через минуту последовал тихий и вежливый ответ:

— В лексиконе человечества нет слов, чтобы выразить такое понятие. Оно появится примерно через четыре миллиарда лет после вас.

— Значит, вы все-таки из будущего? Наши потомки?

— В какой-то мере. К сожалению, не существует даже упрощенных аналогий, чтобы вы их поняли. Все гораздо сложнее, чем вы представляете. Извините.

Павлу почудилась в голосе неизвестного грустная нотка. «Мы дети для них, — подумал он, — дети, едва начавшие ходить, изучающие мир и себя на собственных ошибках, с болью, муками и сомнениями... а может быть, и того меньше: не дети — эмбрионы на стадии всеобщего разума. Странно, что они надеются на нас, на эмбрионов... на детей... Неужто не могут справиться с «хронохирургами» сами?»

В наушниках ни звука, будто все вымерло вокруг на многие сотни километров. Центр тоже молчал, и Павел понял, что на этот раз разговор с потомками был услышан всеми. Он вдруг испугался, что короткий звуковой контакт с наблюдателем закончится и давно мучивший его вопрос так и останется без ответа.

— Подождите... последний вопрос... очень важно... Кто такие... что такое... — Павел хотел спросить, кто такие «хронохирурги», но задал вдруг совсем другой вопрос: — Что такое время?!

Неизвестный собеседник инспектора тихо рассмеялся.

— Ну и аппетит у вас, маэстро! Вы явно хотели задать другой вопрос, о «хирургах». Нет? С ними-то вы столкнетесь и узнаете, ваши эксперты правильно восприняли некоторые наши подсказки: «хронохирурги» — разумная система типа «стая». А вот что касается времени... вряд

ли вы подготовлены для восприятия истины. Позволим себе лишь замечание: время в нашей ветви Фрактала времен не величина и не абсолютное условие.

— А что?

Тишина в ответ.

— А почему вы сами не хотите избавиться от «хирургов»? Ведь, судя по вашей реплике, вы тоже жители нашей Метавселенной? Не суть важно, из будущего или из прошлого.

— Попробуйте сами найти ответ, вы сможете. Знаете, что такое эффект бумеранга?

— Эффект, противоположный тому, который ожидался в результате эксперимента. — Павла вдруг осенило. — Уж не хотите ли сказать, что вы... сами виноваты в происшедшем наравне с «хирургами»?! Провели свой эксперимент, так сказать... в будущем или где-то в многомерных пространствах... А может быть, вы и есть «хронохирурги»?!

Прошла минута, другая, и Павел понял, что ответа не услышит совсем. Разговор закончился, с ним попрощались, дали понять, что за него беспокоятся, ждут его прыжка в неизвестность. Эффект бумеранга... Не в том ли он, что человек зачастую беспомощен, когда он всемогущ? Не последствием ли его действий является рождение Вселенной? И не от него ли зависит ее гибель?..

Павел вдруг почувствовал, что его сознанием завладел кто-то огромный и властный. Сознание раздвоилось: одной половиной инспектор понимал, что стоит на площадке хронооптимизатора, другая позволяла видеть все как бы со стороны.

Сначала он увидел Ствол с расстояния примерно в пятнадцать километров: ровная белая тростинка на зеленом фоне. Потом скачком картина изменилась. Ствол провалился вниз, земля из плоскости выросла в голубоватый дымчатый шар, видимый с высоты в десять тысяч километров.

Новый скачок: Земля превращается в искру света и теряется на фоне таких же искр-звезд Млечного Пути. Солнце видится пылающей косматой дырой в золотом ореоле, на него больно смотреть. Еще скачок, и на месте

Солнца возникает грандиозная звездная спираль — Галактика!..

Долго-долго смотрели на эту спираль двое: Павел и молчаливый его гид. Весь обозримый космос был уже темен и нем, и только колоссальная система звезд — Галактика, будущий дом человечества, — сияла торжественно и ярко, словно бросая вызов мраку, и Павлу даже послышались аккорды органа, созвучные этой фееричной, прекрасной и величественной музыке света...

— «Еще дрожит бывшего смутный свет...»¹ — невольно прошептал он.

И вдруг все исчезло. Впереди заслоняла горизонт гора Ствола, сзади над лесом поднималась стена туч.

— Паша, — послышался далекий голос Ромашина, — ты меня слышишь?

— Слышу, — отозвался Павел глухо. — До встречи в другой жизни.

Стартовый автомат досчитал положенное число секунд, швырнул Павла вниз, в шахту времени, и он уже не услышал, как Ромашин, страдающий от того, что ничем не может помочь, пожелал ему ни пуха ни пера.

¹ Дж. Байрон.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОДЧИНЯЕТСЯ ДИКИЙ...

Глава 1

Они собрались в одной из наиболее уютных, если можно было так выразиться, комнате гигантского здания.

Ивашура казался уверенным в себе, а может, и был таким, Гаспарян имел вид только что проснувшегося человека, Рузаев был, как и всегда, невозмутим, Одинцов и его телохранитель Володя также умели держать себя в руках и выглядели деловито-серьезными.

Провал стены Башни втянул их внутрь со скоростью падающего самолета, и всем в тот момент показалось, что не собрать им костей при падении. Но все обошлось, хотя синяков и шишек все же насчитали потом много.

С час они приходили в себя, искали друг друга, подгоняли уцелевшее снаряжение, проверяли экипировку. Лучи света от фонарей выхватывали из темноты странные, крупнопористые, черно-серые стены помещения, куда их внесла сила схлопывания Башни, такие же пол и потолок и не цепляли ни одной детали. Голая комната со звездообразно проломленной стеной — так это выглядело. На противоположной стене — отпечатки их тел. На полу — отпечатки подошв; материал пола напоминал хрупкий рыхлый ракушечник, ботинки оставляли в нем четкие, двух-трехсантиметровой глубины следы.

Справившись с потрясением, группа вышла в поход,

и вскоре обнаружилось, что весь этаж здания, внутри которого они оказались, мертв, представляет собой анфиладу таких же унылых, закопченных, пустых, черных комнат с рыхлыми, готовыми рухнуть в любой момент стенами. Правда, десантники обошли только часть помещений по сторонам двух коридоров, но и так было ясно, что везде их ждет одно и то же. Никто из новоявленных исследователей Башни не знал, что горизонт претерпел протонное вырождение во время сброса хронопотенциала, однако все понимали, что здесь произошло нечто необычное и опасное для жизни. К тому же включенный дозиметр показывал приличный уровень радиации. И когда Рузаев меланхолично произнес вслух: «Надо бы отсюда перебраться в более чистое место», — он выразил общее желание.

Помещение, в котором остановились люди, ничем не отличалось от других, кроме размеров, но одна из его стен пошла трещинами, сквозь которые сочился тусклый дневной свет. И хотя разглядеть через трещины ничего не удалось, было ясно, что в той стороне внутренний двор или же центральное помещение Башни.

— У нас есть ломик, — сказал Гаспарян. — Может, попробуем проколоть дверь?

— Сначала подведем кое-какие итоги и наметим цели, — проворчал Ивашура. — Итак, что у нас, ребята, в рюкзаках?

«Ребята» имели снайперский бесшумный комплекс «ВСС», известный под названием «винторез», у Володи с тремя рожками патронов два пистолета, «макаров» у Гаспаряна и бесшумный «ПСС» у самого Одинцова, «наган» у Рузаева и пистолет-пулемет «бизон» у Ивашуры. Кроме того, у всех имелись кинжалы, а у Ивашуры был еще припрятан бластер с неизвестным энергозапасом. Отыскились и рюкзаки-ранцы с НЗ, аптечкой, флягами с водой и кое-каким сменным бельем. Не удалось найти рюкзак с консервами и вещмешок с аппаратурой разного назначения, укомплектованный самим Ивашурой. Всего вероятнее, они, как и второй телохранитель Одинцова, остались за пределами Башни.

— Не хватает только гранатометов и взрывчатки, —

криво улыбнулся Гаспарян, с отвращением сунув в карман свой пистолет: он никогда не любил иметь дела с оружием.

— Мы не диверсанты, — отрезал Ивашура. — Оружие всем проверить. Мало ли кого встретим... прецедент уже был. Теперь о деле. У нас всего две задачи: первая — выяснить, что это такое, куда мы попали, и вторая — найти Ваню Кострова с журналисткой. Если они еще живы. Ваши соображения?

— Есть и третья задача — выйти живыми обратно, — хладнокровно произнес Рузаев.

— Само собой разумеется.

— И все-таки давайте попробуем потихоньку пробить в стенке дырку и посмотреть, откуда идет свет, — повторил свое предложение Гаспарян. — Ходить по этому мертвому этажу можно долго, до тошноты.

Ивашура глянул по очереди на каждого члена отряда. Одинцов кивнул.

— Можно рискнуть. Все равно других предложений нет.

— А если шваркнуть по стене из бластера? — загорелся Гаспарян. — И шума меньше, и стучать не надо.

— Пожалуй, — с сомнением в голосе согласился Ивашура. — Отойдите от греха подальше.

Все вышли в коридор, встав так, чтобы видеть противоположную стену помещения. Телохранитель Одинцова смотрел на Ивашуру заинтересованно, он еще не видел бластера в действии. Впрочем, остальные тоже ждали представления с нетерпением. Привыкнуть к этому оружию, изготовленному явно не современниками, а то и вообще другими разумными существами, было трудно.

Ивашура достал свой красивый черный пистолет, согретый телом, уменьшил мощность разряда, встал за проем двери, прицелился в сеточку трещин на стене и нажал на гашетку.

Факел прозрачно-лилового огня ударил в стену, пробил ее насквозь, как бумажный лист, разворотив и расплавив края до прозрачного стеклянного состояния, создав красивый хрустальный «бутон» лепестками наружу. В образовавшееся метровое отверстие хлынул ровный

золотистый свет, лившийся с небес, и влетели необычные звуки, напоминавшие густое астматическое дыхание.

Все постояли с минуту, прислушиваясь к дыханию и потрескиванию стен комнаты, потом гурьбой бросились к образовавшемуся окну. Замерли, созерцая страшную картину.

Взору предстала круглая котловина диаметром километров в десять, в центре которой светился ярким золотым светом туманный конус. Астматическое дыхание слышалось оттуда. Вершина конуса истекала в небо дымным столбом, постепенно проходя гамму цветов от желтого до багрового, и на высоте семи-восьми километров расплывалась малиново-фиолетовой пеленой. Долина сплошь заросла лесом и была окружена какой-то стеной. Люди поняли, что это стена здания; внутри которого они оказались.

Рассматривали пейзаж долго. Наконец Рузаев первым сделал открытие:

— Хотите режьте, хотите нет, но это двор Башни!

Гаспарян фыркнул.

— И ежу понятно. Но почему лес без снега? Снаружи-то зима.

— А тут лето, — невозмутимо ответил Рузаев. — Экологическая ниша. А мы, кстати, находимся на пятом или шестом этаже, судя по высоте обзора. Спуститься бы надобно.

— Своевременная мысль, — очнулся Ивашура. — Раз у Башни есть этажи, должны быть и лифты, и лестницы. Давайте искать то или другое, попробуем спуститься во двор.

Бросив по взгляду на необычный пейзаж, они гуськом вышли из помещения с дырой. Володя, напарник Одинцова, смотрел на оружие Ивашуры по-новому, как на желаемую вещь, и полковник, заметив взгляд Ивашуры, подмигнул ему.

— А интересно, что это там светится? — пробормотал Гаспарян, не ведая, что повторил вопрос Вани Кострова, когда тот много дней назад впервые выглянул во двор Башни.

Никто Гаспаряну не ответил. Все вспомнили об Иване, однако лишь Ивашура подумал, что они, возможно, повторяют его путь. И в принципе так и случилось.

Лифт они нашли, пройдя по левому коридору два километра, в круглом помещении, к которому сходились еще два коридора, длинный и короткий. Посреди помещения располагалась двухметровая колонна, или труба, с открытой дверцей, в которой виднелось нечто вроде кабинки лифта с закопченной панелью и квадратиками сенсоров на ней. Но панель они разглядели позже, а пока молча разглядывали труп человека в бликующем, словно слюдяном костюме, лежащий ничком: ноги — в помещении, туловище — в коробке лифта. Правая сторона его костюма пожухла и почернела, рука и вовсе превратилась в сгусток шлака, и стало ясно, что в незнакомца стреляли из оружия, родственного бластеру Ивашуры.

Одинцов первым шагнул в лифт, повернул тело человека на бок и тут же отпустил, выпрямляясь. Лицо незнакомца было сожжено тем же оружием.

— А ведь лежит он здесь недавно, — принохиваясь, рассудил Рузаев. — Труп еще не пахнет.

Ивашура пошарил лучом фонаря по полу и обнаружил следы по меньшей мере трех человек. Судя по всему, люди были все крупные и носили ботинки сорок пятого размера с рифленой особой подошвой, отличной от подошв убитого. Видимо, они гнались за ним и настигли у трубы лифта. Закрыть дверь и включить лифт он уже не успел. Убедившись, что беглец мертв, убийцы удалились коротким коридором.

Ивашура произвольно вытащил бластер, заметив, что и остальные члены группы достали оружие.

— Что будем делать? — понизил он голос.

— Я думаю, искать убийц нет смысла, — ответил Одинцов. — Раз уж мы дошли до лифта, поехали вниз, на первый этаж. В местные конфликты вмешиваться мы не имеем права.

— А если на нас нападут? — хмыкнул Гаспарян.

Полковник остался спокоен.

— Будем действовать адекватно. Помогите мне.

Втроем с Володей и Рузаевым они оттащили труп незнакомца к стене и вернулись в кабину лифта, где Ивашура разглядывал стенки кабины — решетки, сквозь отверстия которых виднелись черные стены лифтового колодца.

— Ну и как это чудо враждебной техники управляется?

Ивашура молча перевел взгляд на панель управления с тускло светящимся квадратиком: в верхней части, на котором был выгравирован значок: два кольца, пересеченные стрелой.

— Все здесь?

— Все, — отозвался Гаспарян, водя лучом света по серо-черным стенам круглого зала. — А все же любопытно, что за пожар здесь случился. Да и пожар ли?

— Поехали. — Ивашура нажал на один из квадратиков на панели ниже светящегося, но лифт не поехал, издав короткий хриплый гудок, от которого все вздрогнули.

— Так, понятно, будем ехать поэтапно. — Ивашура ткнул пальцем в соседний со светящимся квадрат.

С гудком на месте дверного проема возникла прозрачная дверь, сгустилась до цвета бутылочного стекла. Ударило в ноги, хотя по идее должна была наступить потеря веса: лифт ехал не вверх, а вниз. Пассажиров лифта бросило друг на друга, им стало дурно, Гаспаряна едва не стошнило. Выругался Одинцов. На мгновение наступила невесомость, затем вес вернулся, в потолке кабины мигнули зеленовато-голубые светильники — как прожилки в толще плиты, потом потолок засветился весь, и лифт остановился. Ошеломленные разведчики Башни смотрели то друг на друга, то на потолок, то на панель, где светился теперь другой квадрат с цифрой «—10 000».

Дверца кабины стала бледнеть, таять, исчезла. Ивашура шагнул наружу, в кольцевой зал, освещенный вполне солнечным светом, на розовый мраморный пол и резко остановился, так что последовавший за ним Рузаев ткнулся начальнику в спину.

Напротив, шагах в двадцати, стоял, расставив ноги,

знакомый «десантник» в туманно-мерцающем маскировочном костюме, а из его руки смотрел на людей незнакомый пистолет с толстым дулом в воротнике из светящихся планок и игл.

Глава 2

На этом горизонте Иван с Таем уже останавливались. Однажды, чтобы согреться: обширный зал был занят какими-то огромными установками, словно покрытыми черным лаком. Две из них тихо, как трансформаторы, гудели, и над ними крутились голубые и сиреневые огоньки. Пол в зале напоминал черное стекло и был теплым, почти горячим на ощупь, зато потолок отсутствовал вовсе. Вместо потолка на высоте пятнадцати метров колыхалась озаряемая редкими зелено-голубыми сполохами сизая дымная пелена. Запах в зале, как и прежде, витал странный — шоколадный, с привкусом мяты и польни.

— Располагайтесь. — Третий их спутник, Павел Жданов, стартовавший в Ствол с помощью хитроумного метода из двадцать четвертого века, хромя, подошел к гудящей громаде, что-то сделал, и у стены зала вырос ряд низких черных кресел.

Переглянувшись, Иван и Тая с удовольствием устроились в креслах, мягких и удобных. Напротив них из пола выдвинулся черный «лотос», развернулся стол, и на нем появились две знакомые коробки НЗ, фляги с водой и какие-то вычурной формы склянки из фиолетового стекла.

— Завтракайте, — не оборачиваясь, бросил Павел, продолжая возиться в нише, образовавшейся в боку черной установки.

Иван поколебался немного, но преодолел нежелание тела двигаться, встал и, тихо проговорив Таем: «Ешь и пей, я позже», подошел к инспектору.

— Что это за паровоз?

— Комбайн контроля состояния, — ответил Павел. Он уже пришел в себя спустя двое суток после своего

прибытия, но был еще слаб. — Ствол... то есть хроноускоритель, как полностью автоматизированная, самоорганизующаяся система, строился тридцать лет и рассчитан на все случаи жизни. С помощью этих устройств мы можем связаться с любым узлом выхода Ствола в прошлое и проконтролировать работу его подсистем. Но нас сейчас интересует другое — люди.

— Неужели этот комбайн способен определить, есть ли в... э-э... Стволе люди?

— Ствол напичкан видеокамерами и устройствами, фиксирующими изменения его характеристик. Сейчас я настрою контур инка на поиск наших будущих помощников, отдохнем и отправимся за ними.

— Вы сказали — инка? Что это за устройство?

Из-под рук Павла вылетела очередь бледно-оранжевых огней, лопнула с тихим треском.

— Инк — это интеллект-компьютер, — как ни в чем не бывало ответил инспектор. — Так сказать, мозг Ствола. Но он имеет пять степеней защиты, и достучаться до него сложно. Необходима целая процедура. Если бы наши враги, «санитары», смогли к нему подобраться, участь Ствола, да и наша с вами, была бы печальной.

— А как мы доберемся до тех людей... которых еще надо найти?

— Инк откроет нам обратную линию хрономембран. Преодолевать тысячи ступенек подъема по лестницам не придется.

— Это было бы здорово, — с облегчением сказал Иван, понизив голос и оглянувшись на блаженствующую в кресле Таю.

Павел тоже глянул на девушку, едва заметно улыбнулся, но в глазах его явно проступило сожаление. Иван понял инспектора: им предстояла схватка с «хронохирургами», а спецназовец из Таисии получался никакой.

В нише, где копался инспектор, вспыхнула длинная зеленая нить, обернулась много раз вокруг кистей рук Жданова, и тотчас же часть многометрового бока громады плавно и быстро образовала нечто вроде пещеры, внутри которой замигали сотни огней, запульсировали десятки световых нитей, вспыхнули облака цветного

дыма и начали танец текучего формообразования. Павел вошел в пещеру, окутанный золотым свечением, и за его спиной сформировалась стена, сначала тонкая, прозрачная, потом уплотнившаяся до корки черного асфальта. Световой бедлам в пещере перестал быть виден.

Иван оглянулся на Таю. Девушка махнула ему рукой.

— Не мешай ему, иди перекуси. Не знаешь, что в этих фиолетовых пузырьках?

Ответить Костров не успел: со звоном раскрылся фасад комбайна контроля и оттуда выпрыгнули один за другим два паука-конкистадора, держа в передних лапах серые чемоданы без ручек. Молча подскочили к остановившемуся Ивану, сложили чемоданы у его ног и умчались прочь.

— Наверное, парадно-выходные костюмы принесли, — засмеялась Тая. — Открывай, чего стоишь?

— А если это не нам?

— Нам, нам, — раздался голос Жданова, появившегося вовсе не с той стороны, откуда его ждали, а из стены в дальнем конце зала. Инспектор был уже облачен в серебристо-ртутный, бликующий, как жидкое зеркало, костюм. Он подошел к чемоданам, провел над ними рукой, и те сами собой раскрылись. В одном оказались два также спецкостюма, что и на Павле; он называл их кокосами, что означало — компенсационные костюмы спасателей. Во втором чемодане лежали шлемы, похожие на шлемы современных мотоциклистов и рейнджеров одновременно, с узкими выпуклыми черными очками, наушниками и специальными «намордниками», прикрывающими подбородок и нос. Кроме того, там было закреплено оружие: красивые, хищные, грозные на вид пистолеты с толстыми ячеистыми стволами. Пистолеты Павел называл «универсалами», и крепились они на плечах или на поясах владельцев, а управлять стрельбой из них можно было с помощью шлема, который имел плавающий сектор прицела — проектировался на очки — и мысленный спуск-коммандер.

— Надевайте, — кивнул на костюмы Павел. — Это еще не ТФЗ, но защита от всяких неприятных вещей неплохая.

Пока Тая переодевалась за одним из комбайнов контроля, Иван, облачившийся за минуту, быстро съел пару бутербродов и кивнул на фиолетовые склянки.

— Никак не разберемся, что это такое. Вода, соки?

— Вода, но живая и мертвая, — усмехнулся Павел. — Абсолютный биостимулятор «Билайф». Первый компонент мгновенно останавливает кровотечение, заживляет раны, сращивает кости, а второй включает сердце, мозг, заставляет организм работать. Каждому — по флакону.

Только теперь Иван обратил внимание на состояние инспектора: лицо его приобрело естественный здоровый цвет, в глазах появились энергия и сила, движения стали уверенными и скупыми, да и хромота исчезла совсем.

Павел, отлично понявший мимику собеседника, кивнул:

— Да, я уже успел принять дозу, все в порядке.

— А вот и я, джентльмены, — появилась из-за громады комбайна журналистка. — Как вам нравится мое новое платье?

«Платье» смотрелось на девушке великолепно, и Костров, пораженный ослепительным, в полном смысле этого слова, видением, смог лишь подойти и поцеловать Таю в щеку. Правда, не удержался и от поцелуя в губы, чего Жданов «не заметил».

Со звоном открылась пещера в ближайшем комбайне, та, в которой уже побывал Павел. Огней внутри нее стало поменьше, и все они гармонично расположились группами над узкой изогнутой панелью пульта, выросшей из стенки пещеры. Объявилось там и кресло, похожее на самолетное, с гибкими усами и щупальцами.

— Ага, наконец-то нас приглашают к беседе, — сказал Павел с удовлетворением, направляясь к пещере. — Сейчас кое-что выясним.

Иван догнал его, тронул за рукав.

— Павел... извините... а здесь не появятся... непрошенные гости?

— Этот горизонт контролируется подсистемой безопасности, которая пропускает лишь тех, кто знает особый пароль. Я включил ее, когда мы вошли сюда.

Жданов сел в кресло за пульт, по которому сразу рас-

сыпались крохотные огоньки, усики и щупальца обхватили его ноги и руки, а напротив вдруг возникла фигура сурового мужчины в темно-синем костюме, напоминающем форму полицейского.

— Запрос проанализирован, допуск подтвержден, — сказал он приятным низким голосом. — Форма диалога?

— Звуковой диапазон.

— Слушаю и повинуюсь. — Мужчина усмехнулся, и Костров, уже сообразивший, что перед ним фантом инка, поднял брови: отвечал интеллект-компьютер, как живой человек.

— Пытался ли кто-нибудь вмешаться в функционирование жизнеобеспечивающих систем ускорителя?

— И не раз.

— Результаты?

— Повреждено одиннадцать процентов недублированного оборудования. Но в последнее время участились попытки целенаправленного уничтожения компьютерного каркаса Ствола, для чего в кольцо запущены сетевые нейтрализаторы. Кто-то ищет императив-центр.

— И что будет, если найдет? — вырвалось у Таи, вошедшей в пещеру за Иваном.

Инк Ствола в образе умудренного опытом человека посмотрел на девушку, не выказывая недовольства.

— Его просто не существует.

— Инк хроноускорителя представляет собой разумную систему типа «рассеянного сознания», — добавил Жданов. — Его носители — конкистадоры, сотни других автоматов и элементы, встроенные в стены Ствола на всех горизонтах.

Тая захотела задать еще вопрос, но Иван сжал ее плечо, взглядом предлагая не вмешиваться.

— Необходимо провести поиск людей во всех узлах выхода Ствола, — продолжал Павел.

— Конкретные личности? — уточнил инк. — Люди вообще?

— Вообще. Но с видекартинкой: кто, где, сколько, чем заняты.

— Задание принял. Поиск займет некоторое время, ждите. — Фигура инка заколебалась, теряя плотность,

но тут же обрела прежние очертания. — На всякий случай сообщаю, что на горизонт, где мы с вами общаемся, пытаются проникнуть группа вооруженных людей и два автомата неизвестного назначения.

— Покажи.

Инк исчез, на его месте протаяла стена пещеры, образуя двухметровый видеообъем: в кольцевом зале с трубой лифта двенадцать человек в маскировочных «хамелеонах» пытались пробить двери в три коридора, применяя излучатели и взрывчатку. Двери, на вид из рифленной стали, послушно плавилась, разбивались вдребезги, в них возникали пробоины и дыры, но спустя секунды после этого они снова зарастали «металлом» первозданной чистоты.

— Вот этого «десантника» я уже встречал, — прищелкнул Иван к несуетливому движению группы. — В лесу под Брянском.

— И даже отнял у него пистолет, — засмеялась Тая, гордая за друга.

Павел с веселым удивлением посмотрел на Кострова, тот отмахнулся.

— Было дело. Он меня не воспринимал всерьез. Дважды. А пистолет, наверное, типа вашего «универсала», я оставил его начальнику экспедиции.

Павел хмыкнул, одобрительно глянув на фигуру Ивана, повернулся к видеообъему.

— Покажи автоматы.

Картина в виоме сменилась. Видеокамеры были установлены в потолке помещений, и автоматы неизвестного назначения в этом ракурсе походили на выпуклые фасетчатые глаза насекомых. На самом деле это были те самые черепахи с хлыстами, встреченные Иваном и Таей еще в эпоху палеозоя. А одна из них участвовала в инциденте с пауком-конкистадором.

Хлысты черепах, розовые, маслянистые, омерзительно живые, как тараканьи усы, ощупывали стены помещения, оставляя в них глубокие борозды, и раз за разом с силой вонзались в потолок, пробуя его на прочность.

В общей картине откололся меньший объем изобра-

жения, и стало видно, что автоматы пытаются вырезать люк в потолке со светящимися в толще крышки буквами ТФМ.

— Они хотят пройти к нам через хрономембрану снизу, — задумчиво проговорил Павел. — Но до сих пор в разряд врагов эти черепахи не входили.

— Чьи они?

— Неизвестно. Не наши. То есть делали их не люди, не земляне. Но кто и зачем послал их в Ствол, неизвестно. Придется разбираться по ходу дела.

Видеопередача прекратилась. Инк исчез. В пещере тихо закружились прежние огни и световые нити.

— Предлагаю отдохнуть, — сказал Павел. — Поиск может затянуться на неопределенное время, связь с другими точками выхода Ствола неустойчива и требует особых способов обработки информации.

— Да, я бы поспала, — со вздохом призналась спутница Ивана. — Пожалуй, устройсь в кресле.

Жданов сунул руку в твердую на вид панель пульта, так что ладонь скрылась из глаз, и тотчас же рядом с креслами и столом из стены зала выросла пушистая на вид коричневая тахта. Затем сверху упала полупрозрачная накидка, образуя над тахтой шатер.

— Занимайте апартаменты.

— А вы?

— Я еще не закончил кое-какие дела. — С этими словами инспектор исчез в пещере, которая сразу же закрылась.

Иван и Тая смотрели друг на друга.

— Как ты думаешь, он скоро вернется? — задумчиво проговорила девушка.

Иван заглянул в ее мерцающие, ставшие глубокими и манящими глаза и, подхватив на руки, понес к шатру.

Глава 3

Видимо, «десантник» ожидал увидеть кого-то другого, так как, разглядев, кто перед ним, он слегка опустил дуло своего мощного пистолета. Это было ошибкой.

Из-за спины Ивашуры тихо, почти неслышно щелкнул выстрел. Пуля из «винтореза» вонзилась в игольчатый воротник оружия «десантника», отбила руку с пистолетом вниз. В то же мгновение Володя — стрелял он — и Одинцов бросились из двери лифта в разные стороны, держа незнакомца под прицелом, а Ивашура навел на него свой бластер. Несколько мгновений длилась звенящая нервами тишина, затем из-за спины начальника экспедиции вышли вооруженные Гаспарян и Рузаев, спокойно отошли вправо и влево, следуя маневру товарищей, и «десантник» оказался в полукольце пистолетных и автоматных стволов.

Вероятно, он понял, что шансов уцелеть в перестрелке у него нет, потому что предпринял маневр отступления. Комбинезон на нем вдруг пошел радужными пятнами, исчез, а вместе с ним стал невидимым и «десантник» — до горла, видимыми еще некоторое время оставались голова и кулак с пистолетом. Затем исчезли и они. Послышался удаляющийся топот. Никто из людей не двинулся с места, не выстрелил вслед, не собирался преследовать вояку.

— И так будет с каждым! — крикнул Гаспарян с запозданием, надеясь шуткой развеселить компанию, но успеха не достиг.

— Сейчас он приведет целый взвод таких же солдатиков, — хладнокровно сказал Рузаев, — и придется драться всерьез.

— Когда приведет, тогда и будем решать, что делать, — отрезал Ивашура. Поглядел на Одинцова, на его помощника. — Отличная выучка, Владимир! Как и реакция. Спасибо за помощь.

Володя молча кивнул, пряча бесшумный снайперский автомат. Одинцов также опустил «ПС», поставил его на предохранитель, спрятал в карман комбинезона.

— Вообще-то Михаил прав, отсюда надо уходить.

— Осмотримся, куда мы попали, и уйдем.

— Куда?

— Куда и хотели — во двор. Там шансов застать нас врасплох у всех недругов будет поменьше.

Что-то лязгнуло сзади. Все мгновенно развернулись

к лифту, снова выхватывая оружие, но это просто закрылась дверца кабины, заросла, словно ледяной коркой, оставшись полупрозрачной. Сверху вниз по трубе лифта пронеслась цепочка голубых огней, дверь потемнела.

— Кто-то вызвал лифт из подвала, — проворчал Рузаев, не зная, что подвала в здании нет.

— Пошли. — Ивашура первым направился в обход зала с блестящим, под мрамор, полом, такими же стенами и «гранитным» потолком, в толще которого горели белые волокна, создавая впечатление солнечного света, льющегося сквозь трещины.

Два коридора, явно пронизывающие здание Башни по всему ее кольцу, напоминали коридоры административных центров где-нибудь в крупном городе: широкие, светлые, с облицованными «камнем» стенами и полом, с рядами широких черных дверей, створки которых разделялись металлической полосой. Ни одну из дверей открыть не удалось, зато на двух из них после прикосновений «взломщиков» вспыхнули надписи: «Опасно для жизни! Не входить!» и «Без ТФЗ не открывать!» Надписи были сделаны на русском языке, но шрифт был необычным, не все буквы можно было прочесть сразу.

Пройдя по правой и левой ветвям коридора с полкилометра и ничего примечательного не обнаружив, разведчики вернулись в кольцевой зал лифта и углубились в третий коридор, закончившийся тупиком буквально через полсотни метров.

Ничто не говорило о наличии здесь двери или прохода, но Одинцов первым обратил внимание на следы: пол возле тупиковой стены был истоптан. Создавалось впечатление, что сюда часто входили с той стороны, сквозь стену или же замаскированный люк.

Искали проход недолго. Ивашура нашел отгадку после минутных размышлений.

— Если проход существует и нет панели управления, он должен открываться автоматически, с подачи мысленной или звуковой команды. Эй, шеф, открой дверь!

И автомат открывания сработал!

Стена тупика лопнула зигзагообразной щелью, но не раздвинулась, как ожидали люди, а наоборот — левая и

правая части как бы сдвинулись валиком вокруг щели, исчезли, открывая широкий выход наружу. В лицо хлынули желтый свет, морозный свежий воздух и волна незнакомых запахов и звуков. Перед ошеломленными людьми предстал пейзаж внутреннего двора Башни.

В нескольких шагах начинался заснеженный лес, над которым пылало желтое зарево. Но лес был необычным, не таким, каким его видели разведчики с высоты. Тот состоял в основном из хвойных пород, а этот был лиственным: береза, ольха, верба, осина, еще какие-то неузнаваемые деревья с пожелтевшей, но не сброшенной листвой.

Узкая полоска заснеженной, свободной от деревьев земли отделяла стену здания от стены застывшего в оцепенении леса. Снег был разрисован звериными следами, а от коридора, обрывавшегося прямо в снег, без какого-либо крыльца или ступенек, начиналась тропа, образованная странными дырчатыми следами. Казалось, здесь прошагал полк солдат на ходулях. Но виднелись и следы громадных рифленых подошв.

Звуки жизни леса тоже казались необычными.

Сквозь неумолчный далекий рокот и астматическое шипение доносились иногда крики птиц, треск ветвей и еле слышный взлаивающий рев.

Вдобавок ко всему оказалось, что земля снаружи трясется мелкой горячечной дрожью; внутри здания дрожь не ощущалась.

— Куда мы, черт возьми, попали? — высказал общую мысль Гаспарян.

— Предлагаю пройтись посмотреть, что там светится в центре двора, — произнес Рузаев. — Все равно конкретного плана действий у нас нет.

Ивашура и Одинцов переглянулись.

— Он прав, — сказал полковник. — Или у вас есть идеи?

— Именно идеи, — признался начальник экспедиции. — Мы уже пытались контактировать с пауками, надо продолжить это дело. По-моему, только они, автоматы с какой-то целевой программой, помогут нам оп-

ределиться. Или, что лучше, сведут нас со своими хозяевами.

— Это было бы лучше всего! — сказал Одинцов со странной интонацией. — Но мы не видели еще ни одного паука.

— А вы обратите внимание на тропу. Мне кажется, она проделана именно пауками. Пойдем по ней, авось и встретятся.

— Заодно поглядим, куда они протоптали стежку, — добавил Гаспарян. — Не в туалет же они бегают из здания.

— Глубокая мысль, — согласился Одинцов.

Посмеялись, не решаясь выйти на снег, выдыхая облачка пара из ртов, потом Ивашура быстро шагнул вперед и, не оглядываясь, двинулся по тропе к лесу.

Тропа почти не петляла, обходя лишь бугры да крупные деревья. Несколько раз она пересекалась со звериными стежками, а однажды прошла рядом с цепочкой огромных, глубоких и круглых, как таз, следов размером с полметра.

— М-да! — сказал Одинцов, встречая взгляд Ивашуры. — Тут явно прогулялся слон.

— Оружие держать наготове, — тихо приказал тот, и они пошли дальше, готовые к любой неожиданности.

Однако то, что они увидели, пройдя лес, не ожидал увидеть никто.

Местность здесь заметно понижалась, переходя в голую снежную котловину, из центра которой поднимался в небо сияющий золотом дымный конус. Рокот и астматическое шипение исходили из этого конуса, и в такт пульсации света внутри его дрожала и дергалась земля под ногами.

Издали донесся лающий рев — труба пополам с паровозным гудком. Все посмотрели в ту сторону и увидели, как из леса километрах в трех от них вырвалась огромная косматая туша и помчалась к странному костру на горизонте. Мамонт! За ним вприпрыжку кинулась еще одна гигантская фигура, догнала, с легкостью повалила на землю. Рев стих, сменился кашлем. Мамонту удалось вскочить на ноги, отмахнуться хоботом, но ко-

лоссальная обезьяна — издали этот многолапый урод казался гориллой — снова повалила животное и некоторое время что-то делала над его тушей. Затем выпрямилась и развернулась в сторону замерших людей. В бинокль было видно, что голова у нее плоская, змеиная, с капюшоном, как у кобры.

— Если он двинется к нам — отступаем! — быстро проговорил Ивашура.

Может быть, шестилапый монстр и обратил бы внимание на людей, но его отвлекли пауки. Они появились на снежном поле, словно выпрыгнув из сияющего конуса, и понеслись по дуге к обезьянозмею. Тот некоторое время следил за приближающимся отрядом, потом кинулся в лес, обнаружив неслыханную для такой махины прыть. Пауки тут же изменили траекторию движения, скрылись в лесу недалеко от группы разведчиков, не обратив на них внимания.

— Похоже, наша огневая мощь не столь серьезна, как того требует обстановка, — негромко сказал Одинцов. — Эту обезьянку пистолетами и автоматом не возьмешь. Одна надежда на ваш бластер. Может, я его поношу?

Ивашура не ответил.

Постояв еще немного, они двинулись обратно, настороженно вслушиваясь в ставшие неприятными звуки чужой жизни. Все понимали, что в этот раз их подготовка к вторжению в Башню оказалась недостаточной.

Коридор, из которого они вышли, оказался закрытым. Его не удалось открыть ни звуковой командой, ни мысленной, не нашлось и панели управления с кнопками или рычагами. Стена здания в этом месте казалась бетонным монолитом, никаких ниш или окон в ней видно не было.

— Ну и что будем делать, коллеги? — Ивашура оглядел лица товарищей.

— Шваркни по стенке из бластера, и дело с концом, — посоветовал Рузаев.

Одинцов покачал головой.

— Это не слишком корректное решение проблемы.

— Если не найдем другого входа, придется приме-

нить бластер, — решил Ивашура. — Обойдем здание, убедимся, что вход один, и вернемся. Есть другие мнения?

Других мнений не оказалось.

Через час, порядком намучившись ходьбой по бездорожью, пройдя около шести километров вдоль стены здания, они набрали на второй вход в Башню. Дверь здесь заменял помятый лист не то металла, не то какой-то пластмассы, аккуратно закрывающий квадратное отверстие в стене. Видимо, хозяева Башни не смогли воссоздать настоящую дверь и просто преградили путь в здание зверям и птицам, успевшим утоптать снег в этом месте. Поскольку в снегу отыскивались и паучие следы, предполагалось, что именно пауки позаботились о входе.

Лист пластмассы оказался тяжелым, словно из свинца. Его с трудом удалось отодвинуть от стены впятером! Упал он, как массивная плита для перекрытия дома. Из освободившегося коридора, уходившего в темноту, пахнуло сырým теплом и запахом звероптичьего помета.

— Амбре, однако, — сморщил нос Гаспарян. — Может, поищем коридорчик почище?

— Экий ты у нас эстет, — проворчал Ивашура. — Я пойду первым, Володя прикрывает тыл. Вперед, разведчики!

— Не знаю, ждут ли нас великие дела, — вздохнул Гаспарян, — однако неприятные сюрпризы будут.

Через несколько минут они убедились, что Сурен был прав.

Глава 4

Т ае удалось поспать немногим более двух часов, но и этого оказалось достаточно, чтобы она почувствовала себя бодрей и веселей. Поспал и Костров, но меньше — Павел разбудил его уже через час.

Стараясь не разбудить свернувшуюся калачиком девушку, Иван выбрался из-под шатра, умылся водой из фляги, попил тонизирующего сока из тубы НЗ и подо-

шел к инспектору, который раскрыл пещеру в боку агрегата контроля.

— Что у нас плохого?

— Все нормально, — не понял шутки Павел. — Стас выловил сведения о нахождении в Стволе людей. Сейчас посмотрим, кто они и где находятся.

— Кто выловил? Стас?

— А-а... так назвал инка обслуживания Златков, ученый, чью идею воплотили при создании хронобура. Стас — сокращенно «сторож состояния».

В нише над пультом возникла объемная фигура самого Стаса, переместилась правей. Он как бы сел рядом с Павлом в такое же кресло. Сказал деловито:

— Начнем сверху вниз, по мере развития трактрисы. Двадцать третий век.

Стена пещеры как бы протаяла внутрь, показав двор Ствола с рощицей хилых тополей и кленов. На переднем плане горел костер, вокруг которого сидели четверо юношей и две девицы в неммыслимых одеяниях. Примерно так одеваются ряженые в национальные праздники или клоуны-буфф. Лица удалось разглядеть лишь у двоих молодых людей, небритые, грязные, со следами синяков и царапин, и, судя по их выражению, эта шестерка достигла крайней степени отчаяния и страха.

— Похоже, лайферы, — пробормотал Павел. — Не повезло ребятам.

— Кто-кто?

— Лайферы, их еще называют дилайтменами. Прожигатели жизни. Живут, как трава, где хотят, с кем хотят, ничего не делают, получают от этого удовольствие.

Костров присвистнул.

— Выходит, и наши хиппари и рокеры в будущее просочились?

— Такие люди были всегда — отрицающие законы, мораль, нравственные принципы, живущие только сообразно своим желанием и потребностям. Но они редко бывают опасными для общества, вот оно их и терпит. Дальше, Стас, эти не годятся. Можешь помочь им чем-нибудь?

— Одежда, пища, укрытие? Ухода не обеспечу.

— Хватит и того.

Инк послушно сменил картинку.

— Двадцать второй век.

Объем видеопередачи показал кольцевой зал с кабиной лифта хронопереноса и фигуру сидящего у трубы человека с бледным изможденным лицом. Он спал, держа на коленях вполне современного вида карабин с подствольным гранатометом.

— Черт, я его знаю! — подался вперед Иван. — Мы встречались с ним, это Лар... Лаэнтир Валетов. С нами он идти не захотел.

— Где вы с ним встречались?

— Ну как где... — Иван не сразу понял вопрос. — В коридоре... А-а, где-то внизу, в палеозое.

— То есть он, как и вы, спустился по цепочке выходов Ствола в прошлое, а потом сообразил, в чем дело, и решил подняться вверх.

— Ему это удалось, если он дошел аж до узла в двадцать втором веке. А карабин он прихватил явно в нашем времени... в двадцатом веке.

— Стас, отметь координаты, этот подойдет. Давай дальше.

— Двадцать первый век.

Перед инспектором развернулся сложный интерьер куполовидного помещения, напоминающего зал управления атомной электростанцией или синхрофазотроном, хотя и без циферблатов и пультов. Возле высокой решетчатой колонны со светящейся по оси трубой стоял высокий скуластый молодой человек с шапкой русых волос, одетый в блестящий комбинезон, и смотрел прямо в объектив видеокамеры, словно зная, что его видят.

Теперь уже поразился Жданов:

— Вот это сюрприз! Гриша Белый! Живой!

— Вы его знаете?

— Он был запущен в Ствол как основной исполнитель, еще до меня, и мне сообщили, что вся его группа погибла.

— Значит, не вся.

— Стас, он один или еще кто-то есть на том же горизонте?

— Аппаратура отыскала одного.

— Почему же он не связался с тобой?

— По косвенным признакам можно судить о нештучном бое, который произошел во время прорыва группы. Двадцать первый уровень этого узла уничтожен полностью. Вполне вероятно, что ваш коллега был ранен и долго приходил в себя, пока не добрался до медицинского бокса.

— Немедленно дай ему наши координаты, он сам нас найдет.

— Уже формирую линию связи.

— Крути поиск дальше.

— А уже, собственно, почти все. В двадцатом веке, судя по отдельным звукам и гиперэку, в Ствол проникла группа людей, но попала на мертвый горизонт, вылизанный протонным вырождением при хроносбросе. Моя аппаратура там, естественно, не сохранилась. Но хрономембрана сработала, значит, они в скором времени выплывут на нижних узлах трактрисы.

— Ищи! — Павел оглянулся на Кострова. — Не твои ли друзья из команды Ивашуры?

— У меня уже екнуло сердце, — признался Иван. — Если кто и мог прорваться в Ствол из двадцатого века, то это мог быть только Игорь!

— Восторг в твоем голосе объективен?

— Он — лидер! — не принял тона Иван. — Не знаю, читаете ли вы там, в своем будущем, книги, но у Дюма есть роман «Двадцать лет спустя»...

— Я видел этот роман. — Павел по лицу спутника понял, о чем тот подумал, и улыбнулся. — Книги существуют и в наше время, но большинство романов переведено в психосенсорные видеоленты. Их не читают, а смотрят и сопереживают, чувствуют, живут, участвуют в них...

— Понял, здорово, конечно! Ну, так вот, в этом романе есть глава «Ум и сила». В этой фразе — весь Ивашура.

Павел поднял бровь, разглядывая порозовевшее лицо Кострова, но продолжать не стал. Обратился к инку:

— Ты уверен, что разыскал всех, случайно провалившихся в Ствол?

— Еще один человек бродит по этажам одного из горизонтов мезозоя.

Объемный экран показал гиганта в косматой шкуре, в меховых штанах и унтах, бородатого и угрюмого, глядящего из-под козырька руки в даль коридора. В другой руке гигант держал нечто вроде старинного кремневого ружья с шестиугольным стволом.

— Хорош! — прищелкнул языком Иван. — Никак предок наш? И ружье у него — прямо-таки мушкет, карамультик. Как ему удалось спуститься так низко, в мезозой? Вряд ли он пользовался лифтом.

— Загадка, — согласился Павел. — Пусть побудет в резерве. Ему трудно будет объяснить, кто мы и что нам нужно. Однако людей в Стволе, по моим данным, было больше.

— Многие погибли, — тихо проговорил инк, и от его обыденного тона Кострова продрал мороз по коже.

— Что ж, продолжай поиск, может, кто и отыщется. Теперь давай пройдемся по нашим врагам.

— Их гораздо больше, — вздохнул Стас. — Почти на каждом горизонте находятся мобильные группы специально обученных...

— Называй их «санитарами».

— Группы «санитаров» по пять-шесть человек, вооруженных «универсалами» и многодиапазонными переносными ракетными комплексами типа «серая зона». Кроме того, появляются киберы неземного происхождения, как правило, относящиеся враждебно к конкистадорам, планомерно уничтожающие оборудование Ствола.

В объеме экрана появилось изображение черепахи с розовыми усами и гармошковидными ногами. Сменилось на изображение гигантского червя-слизняка, потом на шестилапого обезьянозмея.

— Этот наиболее опасен, — кивнул на него инк. — Владеет неизвестными видами оружия, испаряющими любое вещество, замораживающими и пробивающими электромагнитные экраны. Пока мы разобрались, как с

ним бороться, он со своими собратьями уничтожил около двух сотен конкистадоров.

— Сколько таких обезьян в Стволе?

— Около дюжины.

— Справимся. Что еще?

Видеообъем засиял ярче, и взору представилась водная гладь с мерцающим золотистым конусом на горизонте. Видимо, один из выходов хронобура угодил в море или в озеро, и круглый двор Ствола представлял собой акваторию. Метрах в трехстах от видеокамеры, снимающей этот ландшафт, из воды торчала белоснежная конструкция, напоминающая крыло орла с морозным узором на перьях, а над крылом висел в воздухе туманный шар, похожий на одуванчик. Но каждая тычинка этого одуванчика диаметром в сто метров представляла собой фасетчатый глаз, насаженный на зазубренный кинжаловидный хвост. Веяло от одуванчика угрозой и безжалостной жаждой истребления.

Экран погас.

— «Хирург»? — спросил Павел после недолгого молчания.

— Не знаю, — бесстрастно ответил инк. — Мои камеры поймали его только два раза: в архее — вы только что видели — и в протерозое, где он сражался с хронорыцарями. Кто вышел победителем, выяснить не удалось, горизонт ушел в хронопровал.

— Хронорыцари на нашей стороне, — пробормотал Иван.

Инк оглянулся, и в нише над пультом возникло изображение черного всадника, который когда-то спас Ивана и Таю от неминуемой гибели.

— Да, это он. Всадник Апокалипсиса! Встретишься с таким один на один — разрыв сердца обеспечен. Даже не верится, что они сочувствуют нам. Кстати, каким образом они и все остальные монстры проникают в Ствол?

— Скорее всего посредством трансгресса, — пробормотал Жданов, о чем-то размышляя. — Ствол теперь не только трактриса времен, но и перекресток иномерных пространств. Чего я только не понимаю, так это... Стас, а

ты не пробовал пробить линию связи вверх, в будущее? Ствол ведь ушел и туда.

— Пробовал. Хрономембраны выше нулевого горизонта, то есть выше точки отсчета 2301, заблокированы. Кто-то оттуда не хочет, чтобы по Стволу к ним пробралась всякая нечисть вроде обезьянозмей.

— Этого я и не понимаю. Как можно заблокировать мембрану? Все равно что пытаться преградить путь лучу света прозрачной пластинкой. Но очень жаль! Встреча с потомками многое бы объяснила. Что ж, спасибо за помощь, дружище. Организуй нам «зеленую улицу» к тем, кого удалось найти. Иван, буди свою подругу, пора выступать в поход.

Они вышли из пещеры, и та закрылась. Громада комбайна контроля потеряла былую форму, съежилась, перетекла каплей смолы по полу к соседней, влилась в нее. Костров оторопело посмотрел на то место, где она только что стояла, тронул Павла за локоть.

— Э-э... м-м... А как мы теперь с ним будем держать связь?

— Со Стасом? — Жданов, все еще раздумывая о чем-то, показал за ухом дужку с усиками, плотно прижатую к коже под волосами. — Через эмкан... сетку мыслесвязи.

— Понятно. Хорошо, что есть такой уголок, где всегда можно отдохнуть и никого не бояться.

— Мы сюда не вернемся.

— Почему?!

— Во-первых, потому, что у нас не будет времени на возвращение, а во-вторых, Стас этот горизонт после нашего ухода спустит в хронопровал.

— Зачем?

Павел очнулся от дум, глянул в глаза Ивана.

— Чтобы больше никто не смог выйти на прямую связь с инком Ствола и на его память. Если бы «санитары» узнали о существовании резервного кодированного контура управления хроноускорителем, они бы...

— Уничтожили Ствол?!

— Перекрыли бы все входы-выходы в узлах «выгаивания» Ствола в разные времена. И мы ничего не смогли бы сделать.

Иван разбудил Таю, все трое позавтракали и проверили амуницию. Иван только сейчас обратил внимание, что инспектор, кроме «универсала», вооружен еще одним пистолетом — уж и вовсе устрашающего вида. Кивнул на него со знанием дела:

— Такими комплексами вооружены «санитары»?

— Вряд ли, — качнул головой Павел. — Это «глюк», так называемый «раздиратель кварков».

Тае сказанное ни о чем не говорило, да и Костров не очень представлял себе, как действует «глюк» и как вообще можно разодрать кварки, эти самые загадочные кирпичики материи, из которых состоят элементарные частицы: протоны, нейтроны, электроны и так далее. Но Иван инстинктивно почувствовал, что мощь этого оружия велика. У него, правда, вертелся на языке другой вопрос: неужели строители Ствола рассчитывали на ведение войны, раз напичкали тело хроноускорителя всякими складами, оружием и кодированными бункерами? Но потом пришла мысль, что конструкторы о б я з а н ы были предусмотреть все последствия хронопрорыва в прошлое и что, возможно, лишь один этот факт говорит о разуме тех, кто задолго до строительства Ствола — в прошлом, в будущем? — уже заведомо знал о катастрофе и подготовился к ней.

Они приблизились к гудящей машине одного из комбайнов контроля, и Стас открыл им пещеру выхода.

Глава 5

Лучи фонарей выхватили из тьмы развороченные взрывами стены, разрезанные балки, обломки, воронки в полу, искромсанные, разорванные трупы животных, обломки каких-то ферм, механизмов и аппаратов, рассыпанные ярко-оранжевые баллоны и черные диски. И тянулось это поле боя, насколько хватало световых лучей.

— Мамма миа! — прошептал Гаспарян.

— Судя по запаху, битва произошла дня два назад, — сказал Рузаев. — Но кто с кем сражался и за что?

— Может быть, наши друзья — «санитары» — просто устроили здесь охоту на зверей?

Одинцов покачал головой.

— На охоту это побоище мало похоже. Разрушена целая анфилада помещений, коридоры, кольцевой зал с лифтом... Нет, здесь действительно произошла разборка... кого-то с кем-то, кого не заботили масштабы разрушений.

— По-моему, здесь воевали автоматы. А вот и один из участников. — Ивашура направил луч фонаря в одну из воронок, на дне которой все увидели смятую в лепешку черепаху с безжизненно повисшим хлыстом.

Что-то заскреблось метрах в тридцати от замерших людей. Лучи света метнулись в ту сторону, выхватили из темноты знакомый силуэт паука. Вернее, часть паука, ровно треть — с двумя ногами. Эта треть тщетно пыталась выгащить остатки тела из-под обломка стены.

— Вот вам и второй участник битвы, — прокомментировал Рузаев.

— Что-то я сомневаюсь, — проворчал Одинцов. — Тут гремела артиллерия мощней, чем гранатометы или бластеры.

Некоторое время люди и искалеченный паук смотрели друг на друга, потом паук поднял лапы и проскрипел на почти чистом русском языке:

— Ищите хрономембрану семь. Уходите. Опасность. — Силы механического насекомого иссякли, и оно замолчало, упали безвольно лапы.

— Черт меня побери! Я сплю или он в самом деле что-то сказал по-русски? — оглянулся Гаспарян на Ивашуру.

— Не можем же мы спать все сразу.

— Давайте-ка последуем совету кибера, — предложил Одинцов. — Очень уж здесь неуютно. Однако надо определиться сначала, где искать мембрану семь.

— Придется обшаривать все уцелевшие помещения. — Ивашура покачал головой. — Всего можно было ожидать, но чтобы паук заговорил на русском языке!.. Не мог же он ждать нас специально. Миша, что говорит тебе твоя интуиция?

— Она говорит, что пора домой.

Все засмеялись с каким-то облегчением, словно услышали приятную новость. Потом Ивашура решительно шагнул вперед и, обходя обломки стен и машин, направился к правому коридору, не заваленному полностью, как левый.

Пройти зону разрушения удалось с трудом. Казалось, победители, кем бы они ни были, постарались нагромоздить как можно больше препятствий для возможных преследователей. Но разведчики прошли.

Коридор, уходящий по гигантскому кольцу здания, был одет в «мрамор», как и тот, что вывел отряд во двор Башни. Но он весь был изъеден крупными порами и усеян сантиметрового диаметра дырами, будто стены и пол травили кислотой и сверлили, а может быть, расстреливали из пулеметов. Однако потом вспомнились разящие хлысты-усы черепах, и Рузаев высказал предположение, что здесь развлекались именно они.

Истина оказалась неожиданней и страшней.

Пройдя по коридору несколько сот метров, разведчики наткнулись на открытую дверь, которая вывела их на лестничную площадку. Переглянувшись, решили подняться на второй этаж.

Коридор второго этажа ничем не отличался от первого и был так же «протравлен кислотой». Поднялись на третий этаж, на четвертый, на пятый, обратив внимание, что лес во дворе не меняет облика. А ведь с одного из верхних этажей Башни, куда их занес провал стены, лес внизу был виден совсем другим.

— Этому есть только одно объяснение, — сказал Ивашура, когда они добрались до двенадцатого этажа и остановились отдохнуть. — Тот лифт, на котором мы спустились вниз... перенес нас в прошлое! Отсюда другой ландшафт, мамонты и все прочее.

Никто начальнику экспедиции не возразил, даже Одинцов, едва ли разбиравшийся в науке больше, чем в объеме общеобразовательного курса академии ФСБ. Все понимали, что Башня реально связана с какими-то временными изменениями и способна сыграть роль своеобразной машины времени.

— Есть ли смысл подниматься выше? — спросил полковник, подчеркивая свою миссию советника безопасности группы.

— Есть, — подумав, сказал Ивашура. — Проверим, на какой высоте заканчивается Башня и почему ее верхние этажи кажутся издали размытыми.

Через полтора часа они поднялись на сто семьдесят пятый этаж и, услышав какой-то неясный шум, сначала не придали ему значения. Потом даже самый флегматичный член отряда, коим оказался, конечно, Рузаев, обратил внимание на скрип и шорохи, доносившиеся в коридор из шахты лестничных пролетов.

— Я посмотрю, — тихо обронил Володя, игравший роль арьергарда, и неслышно скользнул к лестничной площадке. А через минуту раздалось тихое стаккато автоматной очереди.

Не стовариваясь, все бросились к лестнице. Вывалившийся навстречу Володя махнул им автоматом:

— Назад!

Левая рука телохранителя Одинцова висела как плеть, комбинезон на руке и плече был исполосован, будто его резали ножом, по ладони стекала кровь и капала на мраморный пол коридора. Гаспарян как зачарованный уставился на бледное лицо Володи, пока тот не приблизился и не добавил торопливо:

— Пули ее не берут, надо уходить.

Тогда разведчики наконец очнулись, прислушались к приближающемуся скрипу, гулу, от которого содрогались стены и пол коридора, к металлическим щелчкам и, развернувшись в цепь, начали отступление.

Они ожидали увидеть кого угодно: обезьянозмея, черепавидного кибера с усами, пауков, кентавра с черным всадником, неизвестный механизм, танк, наконец, — только не того, кто выполз из двери на лестничную площадку. Гигантская тварь, напоминающая слизняка и ежа одновременно, выдавилась в коридор, как паста из тюбика, и, продолжая скрипеть и гудеть, двинулась на людей. Ее иголки по очереди с силой вонзались в пол и стены, создавали сеть отверстий. Металлические щелчки, похожие на выстрелы, раздавались каждый раз при

выстреливании иголки. Пол коридора начинал дымиться еще за пять — десять метров до туши слизняка, словно его цепляло дыхание чудовищной твари.

Ивашура нажал курок «бизона», очередь перечеркнула выпуклый лоб слизняка, проделав в нем дымящиеся дыры величиной с кулак, которые тут же заполнились серой стеклянистой массой. В ответ слизняк метнул в Игоря длинный и тонкий серый луч-иглу, едва не разрезавший начальника экспедиции пополам.

— Отступаем! Бегом!

И они побежали, постоянно оглядываясь, чтобы в случае нужды увернуться от поражающего луча. Слизняк их не преследовал, продолжая работу «по дезинфекции» коридора. Видимо, все этажи здания до сто семьдесят пятого он уже обработал.

Пробежав километра три и оставив монстра далеко позади, беглецы остановились отдышаться в каком-то круглом зале типа фойе с зеркалами во всю стену. Рузаев срезал остатки рукава комбинезона у Володи и перевязал ему руку выше локтя и плечо, пробитое насквозь. Кожа вокруг отверстий отливала серебром, словно ее покрасили из пульверизатора.

— Болит? — поинтересовался Одинцов равнодушно. — В аптечке есть анальгин и антишокер.

— Потерплю.

— А лучи у этой твари, наверное, не горячие, а жутко холодные, — сказал Рузаев. — Рука до сих пор как ледышка.

— Побыстрее лечи, — поторопил его Ивашура. — В здании должны быть еще лестницы и лифты, попытаемся все же добраться до крыши.

Быстрым шагом, почти бегом, они снова двинулись по кольцевому коридору с редкими, теперь уже белыми дверями, пока действительно не наткнулись на еще один лестничный колодец. Полезли наверх, считая ступени: двадцать ступенек — этаж, но через пятнадцать минут остановились. Дальше хода не было, лестница над головой постепенно приобретала прозрачность, превращалась в дымное марево.

Вышли в коридор, пока еще мраморный и чистый.

Слизняк сюда еще не добрался. Потолок в коридоре отсутствовал, вместо него колыхалась серо-серебристая дымная пелена, дышащая зноем.

— Финита! — с облегчением выдохнул Гаспарян. — Теперь ищем лифт — и вниз, на первый этаж. Нового здесь ничего нет, а тварь с иглами-лучами может появиться в любой момент.

Словно в подтверждение его слов из колодца с лестницей послышался далекий гул и свист.

Одинцов, Ивашура и Рузаев переглянулись.

— Оно может быть не одно, — сказал полковник.

— И все же с полчаса в запасе у нас есть. Надо пробраться по ближайшим помещениям этажа, поискать лифт. Первый, кто его найдет, даст остальным сигнал по рации. Мы с Суреном идем направо, вы втроем — налево.

Одинцов взвесил в руке «ПСС» и молча свернул в левый коридор. За ним двинулись Володя и Рузаев. Ивашура так же молча шагнул по коридору направо.

Лифт не удалось найти никому.

Группа Одинцова смогла проникнуть в пару помещений, вход в которые открылся сам собой, как только приблизились люди, и обнаружить два склада белых метровых бочек и металлических на вид, отблескивающих чистым золотом полуметровых коробок, похожих на шлакоблоки.

Ивашуре с Гаспаряном повезло меньше. Им тоже удалось пройти в три комнаты, но две из них были заполнены громадными агрегатами непонятного назначения, а в третьей, треугольной и пустой, в полу светилось выпуклое окно из матового стекла, напоминавшее крышку канализационного люка. На окне были выгравированы буквы ТФМ и значок в виде кольца, перечеркнутого стрелой. Рядом валялась пустая бело-зеленая коробка с буквами НЗ на торце.

— Кто-то здесь был, — кивнул на коробку Гаспарян. — Как ты думаешь, куда ведет этот люк?

— Если это люк, то вести он может лишь на этаж ниже. В крайнем случае попытаемся спуститься, когда

подползет та тварь. Но сдастся мне... — Ивашура щелкнул кнопкой рации. — Мартын Сергеевич, что у вас?

— Неприятности, — тотчас же ответил Одинцов. — По коридору сюда ползут черепахи с усами, а из шахты лестницы уже слышен гул того желеобразного страшилища.

— Направляйтесь к нам, мы обнаружили интересную вещь.

Вскоре показались полковник и Рузаев, согнувшиеся под тяжестью поклажи. Одинцов нес белую бочку, Михаил — три «золотые» коробки. Володя катил бочку перед собой, не забывая оглядываться назад.

— Что ты тут нашел? — Рузаев с грохотом бросил отсвечивающие золотым блеском коробки и подошел к светящемуся окну в полу помещения. — Думаешь, это люк?

— А что еще? Попробуешь открыть?

— Сомневаюсь. Ни ручек, ни петель, ни замка... ухватиться не за что. — Михаил вынул кинжал и задумчиво обошел выпуклое стекло.

Ивашура глянул на Одинцова, рассматривавшего бочки из белого пористого материала.

— Зачем вы их сюда притащили?

— А черт его знает! — почесал в затылке полковник. — Легкие, килограммов по двадцать всего, но внутри явно что-то болтается. Захотелось открыть, понимаешь.

Ивашура обошел бочку и увидел на ее торце надпись: «ПП-2301».

— Знать бы, что это означает.

— Такая же почти абракадабра и на тех кирпичках.

Надпись на «шлакоблоке» состояла из букв УК и тех же цифр — 2301.

— Может быть, цифры — год изготовления? В бочках — мука или какой-нибудь другой сыпучий продукт, в коробках — полуфабрикаты...

— Ну а если там взрывчатка?

Одинцов не успел ответить: недалеко в коридоре раздался выстрел, топот, и в комнату влетел Гаспарян с пистолетом в руке.

— «Санитары»!

— Только их нам и не хватало! — Ивашура достал оба своих грозных оружия: «бизон» и бластер. — Сколько их?

— Я не считал, но двух видел точно.

Володя посмотрел на Одинцова, встретил такой же мгновенный предупреждающий взгляд, выглянул в коридор и исчез. Рузаев было сунулся за ним, но Ивашура задержал его, подтолкнул к линзе окна.

— Твоя задача — открыть.

— А я посмотрю в другой стороне. — Одинцов бесшумно растворился в коридоре, повернув в противоположную от Володи сторону. Вернулся он раньше.

— Черепахи уже близко, ковыряют усами стены. Будем прорываться через «санитаров»? В войне с киберами у нас шансов нет.

— «Санитары» метрах в двухстах, — сказал вошедший Володя. — Человек пять, все в этих комбинезонах-невидимках. Такое впечатление, что они кого-то ждут.

— Ждут, пока нас не выгурят отсюда черепахи.

— Пошли поконфликтuem. — Одинцов посмотрел на Ивашуру. — Посмотрим, что они нам предложат.

— Сурен, останься, подстрахуешь Мишу. — Ивашура первым выбрался в коридор.

Втроем, перебежками, они преодолели закругленные стены, успели заметить какое-то движение в глубине коридора, и тут же огненный клинок с шипением врубился в пол перед ними, мазнул по стене, проделал в ней три дымящихся черных шрама. Еще один снап радужного огня прилетел издалека, пробил стену навывлет.

Ивашура выстрелил в коридор из бластера, откатился к стене. Одинцов и Володя сделали тот же маневр, и все трое рванули по коридору в ту сторону, откуда пришли. Сзади с ядовитым шипением и гулом вспыхнул еще один огненный вихрь, но разведчики были уже вне пределов досягаемости бластеров, а точнее, гранатометов, из которых палили «санитары».

— Слава Богу, живы! — выдохнул выглядывающий из двери побледневший Гаспарян. — Что, не пройти?

— К сожалению, их артиллерия серьезней нашей, — усмехнулся Одинцов. — Ну, что будем делать, коман-

дир? Может, забаррикадируемся здесь вот этими бочками и будем вести круговую оборону?

— Есть! — воскликнул вдруг Рузаев. — Открыл!

Все оглянулись.

Светящееся окно в полу помещения действительно оказалось люком, который вдруг с щелчком откинулся в сторону. А из него показалась голова с огненно-рыжей шевелюрой, с лицом слегка похудевшим, заросшим бородкой, но вполне узнаваемым. Оглядев замерших в шоке разведчиков, голова проговорила голосом Ивана Кострова:

— Ну чего уставились? Живой я, живой, не привидение. Быстро за мной!

Голова скрылась.

Ивашура очнулся, хлопнул от избытка чувств Рузаева по спине и крикнул со сдержанным ликованием и облегчением:

— Все в люк!

— Кто это? — с сомнением в голосе спросил полковник.

— Гарант нашей безопасности, — ответил вместо Ивашуры не потерявший невозмутимости Рузаев.

Когда все спустились в светящийся колодец, Ивашура полез следом, закрыл было люк за собой и вдруг, руководствуясь интуицией, высунулся и выстрелил из «бизона» в бочку, оставшуюся в коридоре. Бочка треснула, и море свирепого фиолетового огня затопило коридор. Игорь едва успел нырнуть в люк и захлопнуть крышку за собой.

Глава 6

На ночь отряд расположился в самой настоящей гостинице, местонахождение которой в Башне-Стволе знал только Павел Жданов, их новый командир. Теперь отряд насчитывал девять человек, и даже сомневающийся, осторожный Сурен Гаспарян почувствовал себя увереннее и значительно повеселел.

Номера в гостинице были одноместные, двух- и

трехкомнатные, чрезвычайно удобные и уютные, насыщенные чудесами кибертехники двадцать четвертого века. Как удалось выяснить, этот горизонт здания действительно предназначался для отдыха повелителей хронобура и охранялся он всякими хитроумными системами безопасности не хуже исторических палат Кремля.

Приведя себя в порядок и искупавшись в великолепной сауне, бывшие исследователи Центра по изучению быстропеременных явлений природы собрались в одном из номеров, превратив его в кают-компанию, и принялись пытать вопросами Ивана и Таю, которые уже знали историю Башни.

Павел Жданов и его приятель из того же времени Григорий Белый не торопили членов отряда, по очереди исчезая в каких-то вылазках на внешнюю территорию здания. Руку Володи в два приема вылечил Павел, и телохранитель Одинцова, слегка обалдевший от всего увиденного и пережитого, то и дело ощупывал плечо, не веря, что оно не болит и что от ран не осталось даже шрамов.

— В общем-то мы уже поняли, что Башня... э-э, Ствол связан со временем, — сказал Ивашура после того, как Иван закончил рассказ, — но, конечно же, не думали, что ситуация столь серьезна. Значит, наша задача — спуститься по Стволу вниз и выключить этот самый... хронобур?

— Не понимаю, из-за чего разгорелся весь сыр-бор, — проворчал Гаспарян. — Какие-то «хирурги» включили хроноускоритель, надо сесть в лифт... ну, или в мембрану, как там ее называют, спуститься в нужное время и выключить бур. Только и делов. Справился бы и один человек.

— Ты забываешь о «санитарах», — точно таким же брюзгливым тоном проговорил Рузаев. — И о прочих тварях, которые очень сильно не хотят, чтобы хронобур перестал работать.

— Так чего мы тогда сидим и ждем?

— Через два часа выступаем. — В кают-компанию вошел Павел Жданов, он слышал последнюю реплику. — Гриша сейчас приведет еще двух наших спутников, мы

их проинструктируем — и вперед. Но одному справиться с выключением хронобура не представляется возможным. Нужен отряд численностью не менее полутора десятка человек. В крайнем случае — в дюжину. Вопросы ко мне лично есть?

— Наш товарищ, конечно, не прав. — Ивашура кинул на Гаспаряна осуждающий взгляд. — Наоборот, мне кажется, даже нашему отряду справиться с заданием будет сложно по причине его профессиональной неподготовленности.

Тая, на которую посмотрел Ивашура, вспыхнула, приняв сказанное на свой счет, но Иван, сидевший за ее спиной, сжал ее плечо, успокаивая, и девушка промолчала.

— К сожалению, вы правы, — спокойно ответил Жданов. — Однако ни одна обойма риска... м-м, ни один спецотряд из нашего времени в Ствол не пробился... кроме кобры Белого. Кобра — это жаргон спецслужб, означает — командир обоймы риска. Как ему удалось пройти, он и сам не ведает. Что касается подготовки, то по мере продвижения к цели мы с Григорием будем учить вас комплексно, с применением гипноиндукционных методов. А чтобы вам было не столь неудобно, помните, что у нас есть еще один очень необычный и сильный союзник.

Павел вскрыл на столике банку тоника, налил в бокал и пригубил.

— Кто же этот таинственный союзник? — небрежно спросил Одинцов, гася в глазах острый огонек.

— Стас.

Гаспарян поморщился.

— Еще один член отряда? Не очень-то впечатляет.

— Это сам Ствол, — улыбнулся Иван Костров. — Вернее, инк Ствола, интеллект-компьютер, его мозг, так сказать, командующий всей техникой хроноускорителя.

— И как же мы будем с ним держать связь? — снова не удержался от вопроса Одинцов, переглядываясь с Володей.

— Мыслепередатчики. — Иван откинул прядь волос за ухом и показал на блестящую дужку и сеточку эмкана.

— Ну, хорошо. — Ивашура пристукнул ладонью по столу. — Разберемся. Теперь ответьте, пожалуйста, что за слизняка мы встретили там, откуда бежали?

— Это машина «хронохирургов», — ответил Павел. — Молекулярный разрушитель. Уничтожить Стаса «хирурги» не в состоянии, иначе давно бы сделали это. Стас — особый компьютер, созданный по типу «рассеянного сознания». Его цепи внедрены во все... — Жданов перехватил заинтересованный взгляд Одинцова и закончил: — Короче, уничтожить Стаса можно только со Стволом. Но вот его молекулярно-атомарные системы связи и контроля, внедренные в материал каркаса Ствола, нейтрализовать можно. Этим и занимается слизняк, выискивая и уничтожая элементы нервной системы Стаса.

— Это означает, что там, где он прошел...

— Стас нас не услышит, а его возможности контроля горизонта будут весьма ограничены.

— Теперь ясно.

В дверь постучали, и в комнату вошли двое: Гриша Белый, сосредоточенный и целеустремленный, и плотный здоровяк с гладким черепом, хмурый, бледный и расслабленно-высокомерный, в котором Иван и Тая узнали Лаэнтира Валетова.

— Здравствуйте, Лаэнтир! — обрадованно воскликнула девушка. — Как хорошо, что вы с нами!

Валетов равнодушно кивнул, не отвечая на приветствие, обвел глазами всех сидящих, нашел свободное кресло, сел и закрыл глаза. Присутствующие переглянулись, шокированные поведением новичка. Не удивились лишь Иван и Тая, знакомые с его манерами.

— Резерва не будет, — сказал Белый, разряжая обстановку. Подойдя к столу, он взял яблоко и с хрустом откусил. Сел возле Жданова, мельком глянув на Валетова. — Там прошелся гориллоид.

Все молча смотрели на него, понимая, что он говорит о гибели людей, предназначенных для формирования отряда.

— Где это произошло? — поинтересовался Костров.

Белый посмотрел на него, помедлил, откусил от яблока и проглотил, не жуя.

— Двадцать второй.

— Сколько их было?

— Шестеро.

— И все?..

— Погибли.

— Как это случилось?

— Да какая разница! — взорвался внезапно Гаспарян, страдальчески искривив лицо. — Как бы их ни убивали, они мертвы! — Сурен опомнился, виновато глянул на Ивашуру, потом на Белого, жующего яблоко с каменным лицом. — Извините...

— Что такое «гориллоид»? — тихо спросил Рузаев.

— Шестилапая гнусная тварь с головой змеи, — ответил Костров нехотя. — По сути — машина убийства, квазиживой организм.

— Ситуация ясна, ждатель больше некого. — Павел Жданов встал, направился к двери. — Через час выступаем. Иван проинструктирует вас, как надевать кокосы, командовать инком костюма, оружием, как пользоваться рациями и аппаратурой НЗ. Пойдем двумя группами по пять человек в каждой. Одной буду руководить я, другой — кобра Белый. Разбейтесь на пятерки сами.

— Э-э, минуту, уважаемый, — остановил его Одинцов. — Вы не сказали, как держать связь со Стасом.

— Связь с инком Ствола будут поддерживать только командиры групп.

— Но ради безопасности группы эту связь необходимо было бы поддерживать всем. Во всяком случае, один из рядовых членов группы эту связь имеет.

— Он не рядовой член группы. — Жданов вышел, за ним выскользнул Белый.

Ивашура с некоторым удивлением оглядел застывшее лицо Одинцова.

— Что это с вами, Мартын Сергеевич? Они знают, что делают. Будет связь необходима, нам ее обеспечат.

— Волнуюсь, — вздохнул полковник, опуская голову и пряча стальной блеск в глазах.

Ивашура глянул на своих подчиненных.

— Какие будут предложения?

— Я бы отобрал в группу всех наших... — начал Гаспарян.

— Подожди, Сурен, — остановил его с досадой Иван. — Разумнее всего оставить сложившиеся группы, с минимальной перестановкой. Я и Тая останемся с Павлом, плюс Лаэнтир... если захочет. — Костров выжидательно посмотрел на бритоголового здоровяка, но тот не пошевелился. — Плюс кто-то из вас. Остальные пойдут с Белым.

— Тогда я тоже пойду с вами, — сказал Гаспарян. — Ваш Павел мне нравится больше.

— Ну и договорились. — Ивашура шлепнул ладонью по подлокотнику кресла. — Ваня, инструктируй; начнем экипироваться.

Через час они выступили в поход, неотличимые друг от друга в своих зеркально-ртутных балахонах с конусовидными шишкастыми шлемами. Попрощались жестами возле колонны лифта — хрономембранной линии узловых переходов, проверили радиосвязь, и пятерка Белого первой исчезла за хрустальной дверью кабины.

Мелькнули бесшумные тени за стеклом, всплыли очереди мерцающих «мыльных пузырей», скользнули вверх, и дверь в кабину растаяла. Первым из пятерки Жданова в нее шагнул Лаэнтир Валетов, произнесший за все время подготовки лишь пару слов. Поколебавшись немного, Гаспарян вошел следом, стараясь выглядеть уверенным и твердым. Но даже попривыкшему к обстановке Ивану стало не по себе, когда дверь за ними закрылась и в наушниках раздался голос инка:

— Рекомендуемый шаг спуска — четыре хроноперехода. Псивеллинг обеспечен пассивно. Выход за шесть нулей.

И тотчас же странная тяжесть легла на плечи, придавив стоявших в коробе лифта, теплый ветер подул снизу вверх, будто люди стояли голыми на сквозняке, и непривычная дурнота затуманила сознание.

«Псивеллинг, псивеллинг, псивеллинг», — прозвучало в голове Ивана, которому стало нехорошо, как

и всем, хотя он и привык уже к езде в лифте. Голова прояснилась, повеяло озоном и запахом мяты. Тяжесть улетучилась, тело стало легким, воздушным, невесомым. Затем наступила фаза торможения мембраны, которую все перенесли значительно легче, и дверь кабины растаяла. Окошко на панели показало букву М и цифры: «— 70 000 000».

— Мезозой, — сказал Иван со знанием дела и подержал Таю под руку, выходя с ней в полутемный зал. — Мы здесь уже были. А где же наш авангард?

Из коридора, в глубине которого что-то мигало, ворочалось, шипело и звенело, донесся дробный цокот, и на пороге возник паук-конкистадор.

— Ждите здесь, — бросил Жданов, направляясь к механическому насекомому, наклонился к нему и тут же выпрямился. Паук исчез, за ним скрылся в глубине коридора и Павел. Издалека прилетел низкий вой, перешедший в ворчание. Иван не увидел, но почувствовал, как вздрогнул Гаспарян, и проговорил ободряюще:

— Добро пожаловать в прошлое, разведчик.

Глава 7

Они стояли тесной группой на каменистом пригорке с живописными валунами и скальными обнажениями и смотрели на золотистый костер на горизонте, горевший ровно и без дыма. Дальше, в низине под пригорком, начиналось болото, переходящее в озеро, на дальнем берегу которого высился утрюмый черно-сизо-зеленый лес, состоящий из гигантских пирамидальных деревьев с красной корой и деревьев с чешуйчатыми серо-зелеными стволами, похожих на сосны.

— Мне так и не сказали, что там светится в центре двора, — изрек Рузаев.

— Раших Ха-Галагалум¹, — пробормотал Ивашура, потом добавил задумчиво: — Наверное, там горит время.

¹ Раших Ха-Галагалум — Первичный Двигатель, огненный туман, с которого началась материальная Вселенная (Каббала).

— Это я понимаю. Время преобразуется в энергию и пространство, что эквивалентно расширению двора и самого здания. Но почему это происходит? Кто инициирует реакцию горения?

— Хронобур, — прозвучал в наушниках голос командира группы. В стене здания позади людей открылся проход, из него выскочил Белый в сопровождении целого отряда пауков метрового роста.

— По сути, — продолжал Григорий, — в центре Ствола, во дворе, как вы называете, расположен хронобур, а вокруг него горит время.

— Тогда зачем нам идти куда-то вниз, искать этот самый хронобур в других временах, если он находится здесь? — удивился Одинцов.

— Хронобур существует в каждом дискретном выходе Ствола, но здесь он нам недоступен. Сквозь слой хронопены, окружающей бур, где время квантуется на макроуровне, не пройти даже в наших спецкостюмах. — Белый снова скрылся в здании.

Одинцов опасливо обошел приблизившегося паука, откинул забрало шлема, жестом попросил Ивашуру сделать то же самое и сказал, понизив голос:

— Игорь Васильевич, в наши планы входили лишь поиск вашего товарища и раскрытие тайны Башни. Поход вниз не планировался.

Ивашура с любопытством глянул в лицо полковника, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Разве у нас есть выбор?

— Компромисс возможен всегда. Для решения же задачи выключения хронобура нужен спецназ, а не наспех сформированная любительская команда. К тому же мне не нравятся наши командиры.

— Это еще почему?

— Они не договаривают чего-то. Хитрят. Себе на уме. Не дали связь с инком...

— Бросьте, Мартын Сергеевич. На их месте я бы тоже не выдал все секреты сразу. У вас есть конкретное предложение?

— Повернуть назад, домой. В крайнем случае послать наверх, в наше время, гонца с инструктажем, как

пробиться в Башню. Заодно отправили бы и девушку, Таю, она-то уж точно не должна рисковать жизнью.

Ивашура покачал головой.

— Предложение дельное, но запоздалое. К тому же я не уверен, что гонцу поверят, — это раз. И вряд ли кто-то из начальства решится послать в Ствол батальон спецназа — это два. Будут год согласовывать, совещаться, колебаться, решать...

— Тут вы правы, — вздохнул Одинцов. — Но и спускаться вниз ради почти нереальной цели — безумие!

— У нас есть в запасе минут сорок, — появился на пригорке Белый. — Садитесь на лошадей, кое-что покажу. Только надвиньте шлемы.

— На каких лошадей? — не понял Рузаев.

Вместо ответа командир группы вскочил на одного из пауков, и тот легко понес своего наездника с пригорка в болото. Хмыкнув, Ивашура взобрался на второго механического паука, обнаружив, что сидеть на нем если и не очень комфортно, то вполне удобно. Паук закинул назад свои передние небеговые лапы, как бы предлагая поддержку. Ивашура вынужден был вцепиться в них, так как паук с места взял приличную скорость.

Через минуту «кавалерийский отряд» мчался рысью по болоту, плыл, не снижая скорости, по озеру и лавировал между деревьями, так же не снижая скорости. Дух захватывало от бешеной скачки и мелькания предметов по сторонам, пока люди не приноровились и начали разбираться в пейзаже. Преодолев за пять минут около десяти километров, всадники взобрались на каменистый вал морены, за которым шла голая скалистая поверхность плато, и остановились.

До золотистого костра было уже рукой подать — километра три, но даже в скафандрах чувствовалось, что пустынное пространство до зоны горения времени раскалено и вибрирует в смертельном для всего живого ритме. К тому же сила тяжести по мере приближения к золотому конусу свечения уменьшалась, а центростремительная сила, подталкивающая всадников к свету, увеличивалась. Однако даже не эти обстоятельства заставили остановиться разведчиков. Они увидели цепь

необычных сооружений, издали напоминающих противотанковые ежи и надолбы из рельсов. Разве что размер надолбов намного превышал свои прототипы: высота каждого из них достигала высоты небоскреба.

— Что это? — спросил Ивашура.

Белый слез со своего «коня», шлепнул его по спине, и паук во всю прыть припустил к сооружениям из серого, как бетон, материала. Скрылся из глаз.

— Это строили не люди.

— А кто же? «Хронохирурги»?

— Нет, наблюдатели. В Стволе сейчас полно автоматов других разумных существ, либо наблюдающих за происходящим, либо пытающихся укротить хронобур.

— Если они пытаются с момента прорыва Ствола в реальность, то плохи их дела, — заметил Рузаев.

На фоне ослепительно желтого основания сияющего конуса загорелся бело-багровый факел, погас, а через несколько секунд прилетел приглушенный расстоянием звук взрыва.

— О, черт! — выругался Белый. — Быстро назад!

— А вы как же?

— Догоню.

Пауки, словно получив неслышную команду, развернулись и понеслись обратно к ближайшему участку кольца здания. Сбросив седоков у стены, они тут же устремились в лес, к Белому. Ошеломленные «конники» поднялись с земли, глядя им вслед, и увидели над лесом далекие бесшумные всполохи.

— Надо идти к нему на выручку, — проворчал Рузаев.

— Отставить! — резко ответил Ивашура.

— Но там идет настоящая война!

— Действительно, Игорь Васильевич... — начал было Одинцов, но в это время из леса на противоположной стороне озера выпрыгнул конкистадор со всадником на спине и в мгновение ока преодолел расстояние до стены здания.

— Не отставать! — будничным тоном произнес Белый, прыгивая с паука и открывая вход в здание.

— А что там произошло? — поинтересовался Ивашура.

— Смотрите! — воскликнул Рузаев.

Из леса за озером вынырнула уродливая косматая фигура, за ней еще одна. Обезьянозмеи спустились к воде, остановились. Одна из них подняла над головой сплетенные лапы, из них ударил огненный поток, вонзился в стену над головами людей, породив в ней натуральный жидкий всплеск, так и застывший в форме водного всплеска от брошенного камня. Но второй раз выстрелить монстру не дали. Метрах в двухстах от обезьянозмей из-за толстых зелено-серых стволов выскочили на берег озера огромные черные всадники на кентаврах и с ходу вонзили в обернувшихся обезьян ослепительные зеленые молнии.

Конец схватки люди уже не увидели. Подстегнутые приказом командира отряда, они скрылись в глубине открывшегося коридора.

У трубы лифта остановились на короткое время.

— Вот что, Григорий, — с вежливым неудовольствием сказал Ивашура. — Мы понимаем, что вы специально тренированы, многое знаете и можете, в то время как мы, по сути, дилетанты, малоопытные рекруты и мишени. Так вот, у нас просьба: информируйте нас о ситуации, почаще объясняйте, что происходит. Мы не солдаты, слепо подчиняющиеся приказу, мы еще и думать умеем, анализировать, сопоставлять факты и хотим знать...

— Я понял, — сказал Белый, не меняя тона. — Учту. Заходите в лифт.

Под шлемом не было видно его лица, но чувствовалось, что приятель Павла Жданова по-прежнему сосредоточен на своих проблемах, мыслях и переживаниях.

Наступила тишина. Никто не двинулся с места. Белый шагнул было к возникшему в проеме коробу лифта, оглянулся. Пауза затянулась, потом спецназовец из будущего умерил свое самолюбие.

— Мы ищем груз, который должны были сбросить в один из узлов-выходов Ствола из моего времени. Здесь его нет.

— Понятно, — сказал Ивашура с некоторым облегчением. — Спасибо за информацию.

Дальше они ехали молча и вышли уже в другой временной эпохе, зашифрованной буквами ВЮ и цифрами «— 150 000 000».

В помещении, где остановился лифт хрономембраны, было темно, однако спутники Белого уже разобрались в управлении своими скафандрами, и аппаратура последних переключилась на инфракрасный и ультрафиолетовый диапазоны. Местный горизонт Ствола был серым и негостеприимным. С залпесневелого потолка на пол падали капли воды, стены тоже заросли мохнатыми бело-зеленоватыми разводами плесени и сырости, а из коридоров в помещение долетали бухающие удары, сотрясающие пол, и приглушенный рокот.

— Включите целики, — сказал Белый, затем, по секундному замешательству определив, что его не поняли, добавил: — Системы наведения оружия. Светящийся крестик полусферы обзора — целик. Огонь открывать при малейшей опасности мысленным усилием. Мощность залпа регулируется инком автоматически.

— А если мы обознаемся и выстрелим... э-э... по своим? — предположил Одинцов.

— Во-первых, в нижних временных узлах нет людей, они так глубоко не опускались.

— А «санитары»?

— «Санитары» не люди, вернее, люди, трансформированные, запрограммированные на решение задачи «хронохирургов». Во-вторых, компьютер костюма способен мгновенно определять, свои это или чужие, и в случае нужды заблокирует выстрел. Вопросы еще есть?

— Никак нет.

Один за другим они проследовали по короткому коридору к выходу из здания. Встретил их тот же двор с зеленоватым небом и золотистым столбом на горизонте, но уже с другим ландшафтом и другим лесом.

Слева от выхода, забаррикадированного древесными стволами, вставали заросли высоких хвощей и папоротников, необычного вида чешуйчатых деревьев с веерными листьями и огромных грибов, похожих на розовые

уши. Справа начинался мелководный заливчик, переходящий за грядой песчаных дюн в обширное водное пространство до горизонта, вернее, до туманно-серой полосы противоположной стены здания-кольца.

Из-за леса донеслись визгливые крики и тупые шлепки-удары, от которых пошла рябью вода в лагуне. Ивашура невольно навел крестик визира на животное, показавшееся из-за песчаной гряды. Громадная туша на слоновьих ногах, с лоснящейся фиолетово-зеленой кожей, с маленькой змеиной головкой на длиннющей шее медленно прошествовала мимо остолбеневших людей, не обратив на них никакого внимания, и скрылась за крылом папоротниково-хвощового леса.

— Диплодок, однако, — сказал Рузаев флегматично.

— Пошли, — бросил Белый, первым спускаясь к воде. — Конкистадоров тут практически нет, придется топтать пешком.

Они перешли лагуну вброд, обходя хорошо видные колдобины, взобрались на песчаную грядку и пошли по ней, обходя огромное озеро, в центре которого светился столб — краевая зона хронобура. Никаких сооружений чужие разумные существа здесь не оставили, костер хронореакции тлел тихо, лишь изредка роняя грохочущие трески, и весь пейзаж казался лирически спокойным и мирным. Поэтому, когда Белый вдруг скомандовал: «Опасность сверху! Бегом к стене!» — расслабившийся Ивашура не сразу разглядел эту самую опасность. А потом думать стало некогда: черные точки высоко над головой, которые люди сначала приняли за птиц этого мирка, спикировали на отряд и превратились в пятиметровых летающих скатов, стреляющих злыми белыми молниями. Оставляя в воздухе черный след, молнии вонзались в песок, в камни и расплескивали их невиданными жидкими воронками, застывающими в момент выплеска удивительно живыми каменно-стеклянистыми, перламутровыми, многометровыми чашами.

Разряды «универсалов» с этими тварями не справлялись, лишь заставляли их промахиваться. Затеяв скоростную карусель, скаты все же никак не могли поразить

верткие цели, открывшие в ответ яростную пальбу. Некоторое время держалось хрупкое равновесие: люди перемещались, прикрывая друг друга огнем, а скаты носились по кругу, поливая очередями молний берег озера. Затем Белый, все время поглядывающий на колонну свечения в центре озера, включил более мощную артиллерию.

Два выстрела из его гранатомета, выдвинувшегося из ранца на спине, в клочья разнесли двух скатов, и в то же мгновение остальные отвалили в сторону, поднялись выше и умчались в небо.

Тяжело дыша, люди смотрели то на превращавшуюся в черные точки стаю, то на берег, напоминавший дымящимися кратерами лунный ландшафт, то на командира группы и молчали. Потом Одинцов сказал с выразительной любезностью:

— По-моему, вы могли уничтожить их еще до атаки, молодой человек. Или я ошибаюсь?

— Мы им были не нужны, — сухо огрызнулся Белый. — Это эсперы, охранники хронобура. Они просто отгоняли нас от озера, приняв за врагов. Видимо, сдох управляющий инк.

— Но они напали с явным намерением уничтожить!

— Я же говорю: инк охраны периметра скорее всего поврежден. Эсперы теперь реагируют на любые цели.

— Почему вы называли их эсперами? — перевел разговор в другое русло Ивашура.

— Название они получили от СПР — аббревиатуры слов «сторожевые перехват-роботы». Сначала их называли «сторожевыми псами», затем прижилось название «эсперы».

— Почему же мы не встречали их на других горизонтах Ствола?

— Потому что они вмешиваются в события в самом крайнем случае — в случае прямой угрозы хронобуру.

— Странно, что они испугались, — заметил Рузаев.

— Они не испугались, — более теплым тоном проговорил Григорий. — Каждый эспер управляется собственным компьютером, который если и не мыслит, как

инк, то способен анализировать обстановку. Я стрелял из «глюка», а таким оружием владеют лишь... э-э... земляне, определяющие качество ответственности.

— То есть доверенные лица?

— Ну что-то в этом роде. Хочу выразить свое восхищение, — добавил вдруг инспектор. — Честное слово, я не ожидал от вас такой сноровки.

Ивашура хотел ответить, что все они прошли неплохую школу спецподготовки, хотя и в разных учреждениях, но передумал.

— Последний вопрос, — сказал Одинцов. — Что мы все-таки ищем? Что за груз должны были послать ваши коллеги?

— Субконтейнер. Кое-какое снаряжение, без которого не обойтись внизу. Но здесь его тоже нет, к сожалению. — Белый побрел к зданию, лавируя между воронками.

Четверо мужчин, родившихся в двадцатом веке, смотрели на высокую фигуру в бликующем балахоне и молчали.

Глава 8

Обе группы встретились в архее — так, во всяком случае, Ивашура расшифровал светящуюся в лифте надпись: «А—2,5 млрд».

За стеной здания расстилалась мрачная, бурая, с черными, багровыми, оранжевыми и желтыми холмами скалистая равнина, сотрясаемая крупной дрожью. На вершинах холмов высились глыбы иссеченных трещинами белых скал, похожих на клыки, в долинах между холмами скопились груды камней. К багрово-черному небу поднимались столбы испарений, шипели и взвизгивали паровые фонтаны. Сквозь дым и пар изредка проглядывал алый светящийся столб на горизонте, откуда растекался по равнине низкий гул, перебиваемый иногда глухими басовитыми ударами.

Пока Ивашура, Рузаев и Одинцов, с одной стороны,

и Гаспарян, Иван и Тая — с другой делились впечатлениями от своих приключений, Жданов и Белый уединились в здании Ствола, в специальном экранированном бункере, который им создал Стас. Разговор шел с помощью мыслепередатчиков и занял всего три минуты.

«Груза нет, — сказал Белый. — Либо его захватили «санитары», либо при посыле он расплылся на протяжении миллиардов лет».

«Стас, контейнер не мог быть перехвачен?» — спросил Павел.

«Гарантировать не могу, но я бы знал», — ответил инк Ствола.

«Но ты ведь контролируешь не все узлы выхода».

«Боюсь, что так. Ниже четырех миллиардов связь с узловыми комплексами неустойчива. Но одно я знаю точно: «хирурги» уже знают о продвижении команды».

«Почему же они ничего не предпринимают?»

«Скорее всего они ждут нас где-то там, внизу, — сказал Павел. — Готовят теплую встречу. Просто так, раз мы уже здесь, нас не взять, поэтому должны быть сюрпризы. Стас, нам нужен не стандартный переход два-четыре хронокванта, а октава. Можешь организовать?»

«Это весьма рискованный спуск, инспектор. Вы же знаете: чем длиннее импульс, тем меньше вероятность точного выхода. Финальный хвост хроноперехода размывается...»

«Мы знаем, что происходит при этом, — перебил инка Белый. — Готовь по меньшей мере три октавы. Мы должны выйти как можно ближе к началу времен, чтобы подойти к проклятому буру. А еще лучше, если ты доставишь нас прямо к моменту ноль-распада».

«Сделаю все, что смогу. Но и «хирурги» сделают то же самое, чтобы перехватить вас во что бы то ни стало».

«Вот поэтому нам и нужен контейнер, посланный вдогонку. Посыл наверняка продублируют, так что ищи. Если груз не захвачен и не расплылся...»

«Возможен третий вариант, — озарило Павла. — Посылка провалилась так быстро и глубоко, что переход никто не успел зафиксировать. В том числе и Стас».

«Если бы у меня была связь с донными узлами хроношахты, я знал бы точно», — ответил инк.

Жданов и Белый вышли в коридор. Бункер за их спинами закрылся и перестал существовать.

«Как твои подопечные?» — спросил мысленно Павел.

«Все они в свое время были облечены властью и ходить по команде не привыкли, но первое впечатление неплохое. Правда, некоторые из них излишне любопытны».

«Не слишком дави им на психику. Люди в те времена, а, по сути, они — наши предки, не были адаптированы к резким изменениям условий существования. Слава Богу, что нам попались именно эти ребята».

Командиры групп вышли из здания, встреченные смехом разведчиков. Видимо, кому-то удалось развеселить всех удачным анекдотом. Но смех стих, как только Павел откашлялся. Восемь фигур в ртутно-струящихся балахонах повернулись к инспекторам из двадцать четвертого века.

— «Хронохирурги» знают, что мы спускаемся вниз, — начал Жданов. — Риск обнаружения групп, а соответственно и степень опасности увеличиваются. Кто не чувствует себя достаточно уверенно для продолжения пути, может остаться или вернуться назад, в свое время.

Общее молчание было инспектору ответом.

— Никого. Что ж, тогда вперед. Особого инструктажа не будет, мы и сами не знаем, с кем или с чем встретимся внизу. Просто будьте готовы к любым неожиданностям.

— Легко сказать... — проворчал Гаспарян, но его никто не поддержал.

На этот раз короб лифта с трудом вместил всех десятерых — он не был рассчитан на перемещение столь габаритного и массивного живого груза. Старт прошел спокойно, чего нельзя было сказать о финише: почувствовали себя плохо не только Тая, но и Гаспарян, Ивашура и Рузаев. Да и остальные не скоро справились с реакцией организма на хронобросок длиной в два миллиарда лет.

Выход из кабины лифта тоже оказался необычным.

Во-первых, кабину окружала огненная завеса, во-вторых, кольцевой зал вокруг колонны лифта отсутствовал. Труба лифта стояла посреди огромного цирка со ступенчатыми стенами, накрытого черной дымной пленой, внутри которой то и дело сверкали молнии и бесшумные фиолетовые сполохи. Дно цирка, напоминающее дымящийся асфальт, изредка вспучивалось, из него стремительно вырастал черный сталагмит, достигал пелены потолка, втягивался в него и пропадал.

— Горизонт заблокирован, — раздался в наушниках всех членов отряда голос Жданова. — Так как без посланного контейнера нам не обойтись, будем пробивать блок и разыскивать груз. Держаться всем в пределах видимости.

Белый вышел вперед, выбрал точку энергетического удара, и его «глюк» распорол стену цирка щелью звездобразных разрывов. Воздушная волна, образовавшаяся от перепада давлений воздуха, едва не сбила с ног Ивашуру, но все же он устоял и помог удержаться кому-то рядом. Затем все ринулись в пролом, подгоняемые ветром в спину, и выпали... в знакомый кольцевой зал, крохотный по сравнению с воронкой цирка, но обнимающий его со всех сторон!

Капсулирующий кокон выглядел как растрескавшаяся зеркальная короста, выросшая на трубе лифта. Однако сквозь медленно зарастающий пролом в коросте все еще были видны гигантский цирк внутри кокона и огненное струение завесы вокруг «той» трубы лифта. Затем зеркальный слой окончательно закрыл дыру, трещины одна за другой исчезли, и взору людей предстала зеркальная и жидкая на вид колонна, перекрывшая доступ к механизму хрономембраны.

Пока Ивашура и его товарищи разглядывали метаморфозы кокона, Белый хладнокровно расстрелял трех черепах с усами, выползших из разных коридоров, а Павел связался со Стасом.

— Ни в одном из нижних событийных узлов Ствола груз не появлялся, — сообщил он, — но нам все же при-

дется выйти в реальность. Назад из глубин шахты нам ходу не будет.

Отряд растянулся в линию и направился к тоннелю, выводящему во двор здания. Коридоры здесь были сплошь из металла, похожего на свинец, стены их пыхали жаром, а воздух, судя по показателям внутренних скафандровых анализаторов, состоял из смеси азота и углекислого газа, кислород составлял лишь долю процента в общей газовой смеси.

Но разведчики, пройдя коротким коридором до тамбур-выхода с косою вставкой ручного управления, не успели выйти наружу. Из зала с закапсулированным неизвестной субстанцией лифтом донесся гулкий взрыв, породивший множественное эхо и заметное колебание всего здания, затем раздался размеренный звук тяжелых шагов, и в конце коридора появился черный гигант с пылающей алым светом горизонтальной щелью во лбу. Задержавшись на мгновение, он стал приближаться, заполняя собой чуть ли не весь проем коридора — пять метров в высоту и столько же в ширину. Люди попятись. К счастью, никто особенно не занервничал и не стал стрелять по размеренно шагавшему исполину, узнав одного из черных всадников, вечно катавшихся на механических кентаврах.

— Пропустите его, — отступил к стене Павел.

Разведчики расступились, во все глаза разглядывая угрюмую лоснящуюся чернотой фигуру. Гигант остановился перед люком, выпростал из-под доспехов толстую культю руки, опустил ее на консоль ручного привода. Автомат контроля, начавший было свое: «Без ТФЗ не выходить!» — умолк. И тут же вся тупиковая стена коридора начала поворачиваться и уходить назад, пока не образовала широкий, совсем не похожий на люк проход. В глаза людей сквозь хлынувшую в коридор пелену дыма выплеснулась волна непередаваемо плотного оранжево-красного сияния, а в уши — через фильтры скафандров, конечно, — хлынул водопад густого рычания и шипения.

Черный всадник шагнул в дым и исчез. Сквозь рык и шкворчание внешней жизни донесся чмокающий

всплеск, затем еще более тяжелые шаги-всплески, и мимо отверстия выхода проплыл огромный черный «конь» со всадником на спине. Топот удалился. Белый и Жданов первыми выглянули наружу, за ними Ивашура, Иван, Тая и остальные. Они увидели кипящее озеро лавы с редкими бурыми и черными островками и оранжево-золотой вихрь в центре озера, расстояние до которого не превышало километра. Черно-серое кольцо здания было видно целиком, вплоть до размытого и светящегося призрачным зеленоватым светом верха.

— Катархей, — пробормотал Павел. — Три миллиарда лет до рождения Христова...

Всадник на кентавре тяжеловесной иноходью мчался вдоль стены здания к поджидавшим его трем таким же наездникам, разбивая копытами багровую корку лавы и оставляя более яркие круги. Постояв немного, все четверо поскакали через озеро к светящемуся столбу дыма в центре, окруженному частоколом раскаленных до вишневого свечения труб разного диаметра, с легкостью перемахнули через него и пропали из глаз.

— Почему бы нам не скооперироваться с ними? — подал голос практичный Рузаев. — Соединить усилия и выключить хронобур, не залезая дальше в дебри времен.

— Да, действительно, — подхватил Гаспарян. — Почему бы не попробовать?

— Мы уже думали над этим, — признался Жданов. — Но всадники на контакт ни с кем не идут, даже с конквистадорами и напрямую со Стасом. Вероятно, это своеобразные роботы, автоматы с ограниченной программой.

— Тогда почему они спасают людей? — поинтересовался Иван. — Спасли нас, когда мы свалились в зону за изгородь из труб...

— Нас тоже, — поддержал Кострова Ивашура.

— Меня, — коротко бросил вечно молчавший Лаэнтир Валетов.

— Не знаю, — проговорил Жданов, умолчав о том, что и его спас от «санитаров» черный всадник. — Может, в их программу введены азимовские принципы робототехники, может быть, они только с виду негуманоиды, а

на самом деле люди из будущего в особых скафандрах, более отдаленного, чем мое время. Не знаю.

— Но груза, кажется, здесь тоже нет, — хладнокровно заметил Белый. — Возвращаемся.

Переполненные впечатлениями, они вернулись в зал с трубой лифта и остановились, пораженные увиденным.

Зеркальный кокон вокруг трубы лифта исчез! Весь свинцовый пол, стены и потолок кольцевого зала были испещрены черными лучами ожогов, а метровая полоса пола вокруг лифта вообще оплавилась и просела. Дверца лифта исчезла, открывая взору внутренности решетчатого короба.

— Здорово он вышел отсюда! — хмыкнул Рузаев. — Как слон из посудной лавки.

— Да-а-а, мощный парень! — покачал головой Гаспарян, выражая общие чувства. — Так легко снять капсулирующее поле... Нет, определенно надо с ними подружиться. Кстати, зачем «санитарам» или... этим, как их... «хирургам» заниматься такими мелочами — блокировкой, капсулированием? Почему бы им просто не уничтожить лифт?

— Потому что они тоже не имеют другого способа преодолевать время, кроме хрономембран, соединяющих узлы событий, выходы Ствола в разные временные эпохи. Поехали, друзья.

Дверь лифта отгородила их от мира катархея, и через невыносимо тяжелые четверть часа хронопикирования разведчики вышли еще на три миллиарда лет ближе к рождению Вселенной.

Глава 9

Ранним утром двадцать первого июля окрестности Центра защиты, расположенного под землей, недалеко от ослепительно белой башни хроноквантового ускорителя, разбудил мощный взрыв. Когда к месту происшествия примчались спасатели, они увидели гигантский

ров глубиной в полсотню метров и длиной в три километра, похожий на узкий конус.

— На этом месте стояла установка хроностабилизатора, — пояснил командиру обоймы спасателей прибывший по тревоге начальник Центра Златков. — Спасать некого, людей внутри нее не было.

— Отбой, — лаконично объявил в эфир кобра спасателей.

В бункере Центра, защищенном от любых мыслимых средств наблюдения и контроля, Златкова встретили комиссар-два Ромашин, директор УАСС Костров и начальник отделения «Роуд-аскер» Полуянов.

— Мы готовы к операции «Жатва», — сказал Ромашин.

— Но «санитары» взорвали хроностабилизатор, — промолвил озабоченный Костров.

— Именно эта их акция и позволила выявить императив-центр «хирургов» в нашем времени. Резидентом «хирургов» является мой третий зам Ковальчак, его советником — замкомандира погранслужбы Гакув. Известны и командиры групп, и исполнители. Все они, профессионалы-пограничники и безопасники, запрограммированы с помощью стационарных гипнолечебных медкомплексов на базе медицинского центра Управления.

Костров прислонился спиной к стенке бункера, он сидел на верстаке, как и Златков. Лицо директора УАСС налилось кровью.

— Начальник медцентра Мануэль... тоже запрограммирован?

— К великому сожалению. — Ромашин отвел глаза. — Его участие в акциях кодирования доказано неоспоримо.

На минуту в бункере установилась тишина. Потом Златков проговорил:

— Осталось девяносто дней... Процесс компактификации видимой части Вселенной ускорился... — Ученый виновато посмотрел на бесстрастного Ромашина. — Я не паникую, просто информирую. Есть надежда... маленькая... Жданов прошел!

Снова в бункере повисла тишина.

— Это подтверждено? — Костров уже пришел в себя, лицо его приобрело естественный цвет. Ромашин понимал директора: начальник медицинского центра профессор Мануэль был его другом.

— Из Ствола вышел конкистадор, — включился в разговор Полуянов. — Жданов вышел и собрал отряд. Они идут вниз. Но... — Командир «Роуд-аскера» в замешательстве погладил свои усы. — Груз они не получили.

Златков опустил голову.

— Запуск прошел нормально, я не знаю причин непрохождения посылки. Если Жданов не получил ее в указанном узле... значит, ее перехватили.

— Не согласен, — возразил Полуянов. — Груз мог уйти глубже определенной точки выхода.

— Что за груз? — осведомился Костров.

— Автономные оболочки типа «голем». Без них им не справиться с задачей выключения хронобура.

— А если запустить вторую посылку?

— Операция разрабатывалась по уровню секретности «четыре нуля», ее не мог засечь ни один наблюдатель «хирургов», но вторую посылку наверняка засекут, и тогда пропадет главное — эффект внезапности. «Хирурги» не дадут ни малейшего шанса нашей команде.

— В таком случае вся наша деятельность — мышьяная возня!

— Не совсем, — усмехнулся Ромашин. — После завершения операции «Жатва» в Ствол пойдет Полуянов. А еще мы надеемся, что нашим ребятам помогут Те, Кто Следит.

Костров поднял брови.

— Кого вы имеете в виду?

Комиссар и Златков обменялись улыбками.

— Конкретных сведений у нас нет, зато мы точно знаем, что за Ждановым наблюдают какие-то могучие покровители, заинтересованные в сохранении нашей ветви Древа Времен.

— Почему же они сами не остановят развитие хроношахты, если столь могучи? Почему не выключат бур?

— Есть несколько вариантов объяснения этого. —

Златков снова стал вялым и хмурым. — Но я лично придерживаюсь одного. Те, Кто Следит — вовсе не из нашей ветви Мира.

Костров некоторое время смотрел на ученого не мигая.

— Им-то зачем следить, подстраховывать кого-то? Ведь если ваша концепция Древа Времен верна, опасность угрожает именно нашей ветви, нашей Метавселенной?

— Ветви могут пересекаться. — Лоб Златкова заблестел от пота. Ученый явно нервничал и чувствовал себя не лучшим образом, хотя причин для волнения не видел даже Ромашин. — Есть подозрение, что ветви пересекались дважды: в нашем глубоком прошлом, что послужило причиной вымирания динозавров, и в недалеком будущем... это пересечение, естественно, только должно произойти. И в том, и в другом случае опасность грозит обеим ветвям. — Златков все больше слабел и бледнел, пока не обмяк на верстаке. Закончил он еле слышно: — Это все, что я могу сказать.

Полуянов быстро достал из стенки бункера аптечку, дал начальнику Центра выпить глоток жидкости из фиолетовой склянки. Буквально через несколько секунд лицо ученого порозовело, он поблагодарил Федора взглядом, отвел его руку, выпрямился, глотая ртом воздух.

— Все в порядке, сейчас пройдет.

— Надо беречь себя, Атанас, — проворчал директор УАСС.

Ромашин пристально смотрел на Златкова, будто оценивая его искренность, потом отвел глаза, переглянулся с Полуяновым, но заговорил о другом:

— Итак, коллеги, пора за работу. Ив, давайте санкцию на «Жатву».

— Начинайте, — тяжело сказал директор Управления. — Формуляр будет переведен на комп службы, как только я доберусь до кабинета. Пойдемте, Атанас, я вас доведу до медиков.

Он и Златков вышли из бункера, и конец разговора оборвала закрывшаяся дверь.

— Твое мнение? — проговорил Ромашин, глядя на дверь.

— Он сопротивляется и потому на грани срыва. Пора браться за него всерьез.

— А если он ни в чем не виноват?

— Извинимся. Цена потерь выше одной человеческой судьбы.

— Ни Костров, ни СЭЖОН не разрешат нам работать с Атанасом в системе гипно. А он что-то знает... и пытается сообщить намеками, потому что в противном случае работает мозговой капкан.

— Как сегодня?

— Это было предупреждение. Ладно, это уже не главные наши проблемы. Не суть важно, от кого «хирурги» узнали о задании Павла, важно, что они предприняли самый простой контрход: заслали в отряд своего представителя. Запрограммированного. В один прекрасный момент он их подставит и...

— Жданов предупрежден.

— Но он не знает, кто из членов команды запрограммированный агент, а аппаратуры распознавания «свой — чужой», которую мы создали специально для такого случая, у него нет.

— В таком случае надо срочно идти к нему на помощь. Я готов. Как только Атанас со своими аналитиками рассчитают траекторию до пересечения с линией движения отряда Жданова, я нырну в Ствол. Один. По каналу, о котором не знает даже Златков.

Ромашин молча протянул руку подчиненному.

Через минуту они покинули Центр защиты. А спустя полчаса началась операция «Жатва», в результате которой были захвачены остатки разведывательно-диверсионной сети «хронохирургов» на Земле две тысячи триста первого года.

Глава 10

Туман был не слишком плотный, однако уже в сотне метров нельзя было разглядеть стен здания. Да и не туман это был, а пыль — гигантское облако пыли и газа,

представлявшее собой зародыш Солнечной системы. Солнцу только еще предстояло разгореться, чтобы миллиард лет спустя из пылегазового диска сформировать планеты, в том числе и Землю.

Ствол выпал в этом времени где-то на окраине пылевого облака, где плотность пылегазовой смеси была невелика, но все же достаточна для того, чтобы скрыть от любопытных взоров космос. Канал свечения — краевая реактивная зона хронобура — светился сквозь пыль красиво, как новогодняя елка сквозь снегопад.

Сам Ствол здесь представлял собой трубу с размытыми краями диаметром в пять километров, открытую с двух торцов. Увидеть ее не удалось, но члены отряда поверили Жданову, что так оно и есть. Они уже ничему не удивлялись, настроившись на решение колоссальной важности задачи, и реагировали на все чудеса сдержанно.

Внутри здания Ствола сила тяжести оставалась прежней, что было удобно всем, ее поддерживали гравигенераторы, контролируемые Стасом. Но вне здания царил невесомость, и Рузаев, ради эксперимента испытывавший этот феномен, долго не мог опомниться после того, как Белый втащил его обратно.

В снаряжении разведчиков были поляризационные бинокли, отсеивающие ореолы и туман, и члены отряда долго разглядывали ажурную сеть, сплетенную неведомыми существами вокруг горящей свечи хронобура. Без биноклей сеть была не видна. Кроме того, внутри кольца-трубы Ствола плавали еще какие-то ажурно-решетчатые конструкции и светящиеся «стрекозиные крылья», не похожие на космолеты или на технические сооружения вообще. А так как на груз, ожидаемый людьми, эти структуры не походили, Жданов первым дал отбой созерцанию «начала космогонии».

— Отдохнем полчаса и пойдем дальше, — сказал он, когда за ними закрылся люк тамбура, отрезавший картину древнего космоса.

Расположились в одной из комнат очередной гостиницы, созданной инком Ствола неподалеку от кольцевого зала с трубой хрономембраны. Гостиница была не

столь комфортабельна, как та, наверху, где уже отдыхали земляне, но все же она дала возможность искупаться, понежиться Тае в ванне с настоящей водой и расслабиться остальным в гостиной за чашкой кофе.

Этот горизонт здания был открыт и пугающе тих. Ни конкистадоров-пауков, ни черных всадников-хронорыцарей, ни черепах с усами, ни других чудовищ люди не встретили. О причинах такой идиллической ситуации можно было только гадать, но у Жданова была своя гипотеза, которую он, правда, не обнародовал: Те, Кто Следит за ним, предусмотрели, где он появится, и подготовили своеобразную чистую экологическую нишу, не допустив просачивания в нее слуг «хронохирургов». Все же на всякий случай Павел расставил по коридорам посты охраны, первыми на которые вызвались встать Одинцов и Володя.

Рузаев, приняв душ, остаться в гостиной не захотел и отправился погулять, пообещав далеко не заходить и смотреть по сторонам в четыре глаза. Зато именно ему посчастливилось сделать открытие, едва не сыгравшее в их судьбе роковую роль.

Расположились разведчики в гостиной с удобствами, но в защитных комбинезонах-скафандрах, называемых кокосами, сняли только гермошлемы. Рации не снимал никто, поэтому, когда Рузаев вдруг подал голос: «Елки-папки!» — устремились в коридор все, даже угрюмый Лаэнтир Валетов, державшийся отчужденно и никогда не принимавший участия в общих сборах.

Открытие Рузаева состояло в том, что коридор, по которому он успел пройти почти полкилометра, оказался буквально заросшим стальными на вид конструкциями, образовавшими своеобразную трубчатую ферму с распорками. Эта ажурно-решетчатая труба по мере углубления в коридор становилась все сложнее и толще, пока не превратилась в сгусток металлической шерсти с красивым, геометрически безупречным рисунком.

— Ну и что? — спросил Ивашура с облегчением, не поняв причин тревоги. — Переполошил только всех. Что тут сверхординарного?

— Но в противоположном коридоре то же самое!

— Подумаешь, — фыркнул Гаспарян. — Пауки небось понастроили заграждения.

— Вы не правы, — задумчиво сказал Жданов, которого вдруг осенила идея. — По-моему, я знаю, что это такое. Не предпринимайте ничего, что бы ни произошло.

Он зарастил шлем, шагнул к трубе-ферме, коснулся ее рукой, и мягкая сила тотчас же подвесила его вдоль оси трубы головой вперед. Вокруг всплыли сотни фигур в зеркальных балахонах — отражения Павла в слоях неизвестной субстанции. В наушниках рации раздался отчетливый щелчок и вслед за ним знакомый женский голос:

— Нуль-вызов принят. Заказывайте выход. Солювелл-один готов к перегибу. Ваша масса?

— Извините, прежде мне хотелось бы кое-что выяснить. Почему этот трансгресс принадлежит Солювеллу-один, а не Солювеллу-три?

В голосе незнакомки (автомат обслуживания трансгресса, вспомнил Павел) не отразилось ни удивления, ни недовольства.

— Солювелл-три принадлежит другой ветви Мира. Код перегиба бам-у-эс-десять-десять. Перегиб длится две минуты, выход квантован с шагом в сто десять лет.

Жданов проглотил ставшую горькой слюну.

— Значит, я могу снова оказаться в своем времени?.. Я имею в виду свою Метавселенную, то есть ветвь Древа Времен.

— Термины весьма условны, вероятность смыслового отклонения велика, но в общем все верно.

— Бог ты мой!.. Извините. Если я правильно вас понял, трансгресс соединяет не времена, а ветви Мироздания, так? Означает ли это, что и Ствол... э-э... трактриса хроноквантового перехода также соединила не времена, а... ветви?

— В пределах соответствия истинности понятий вашего уровня знаний и моего могу ответить утвердительно.

— Бог ты мой! — снова не сдержался Павел. — Простите, пожалуйста, но я очень взволнован! И я, кажется, понял... Значит, Ствол соединил разные ветви, и двадцать второй или двадцатый века, где он вышел в реальность, не принадлежат нашей... моей ветви Времен?

Женский голос молчал, но ответ Павлу был и не нужен, он знал, что его озарение истинно.

— Вот почему наша история не сохранила факт выхода Ствола в прошлое — Ствол просто-напросто не выходил в наше прошлое, он вылезал в прошлое других ветвей Времен! — Павел опомнился. — Еще раз простите за поведение, сеньора. Итак, последний вопрос. Можете ли вы доставить меня и моих товарищей в точку выхода хронобура, то есть инициатора трактрисы, соединившей ветви?

— Код перегиба...

— Подождите, вы хотите сказать, что можете сделать это в любой момент? А если я попрошу вас прежде помочь отыскать некий массивный и высокоэнергетический груз, посланный по линии Ствола из Солювелл-три?

— Информации не имею, но вы можете через меня обратиться в общий Информ Солювелла-один, он даст точный ответ.

— Спасибо огромное! Через несколько минут я так и сделаю, а пока выпустите меня из старт-объема.

В тот же момент Павел оказался в коридоре лицом к своим спутникам, взиравшим на него с недоверием, тревогой и надеждой.

— Кажется, у нас появился шанс выйти в нужную точку времени и пространства, минуя промежуточные этапы. Внизу, на каждом горизонте каждого узла, нас наверняка ждут эмиссары «хронохирургов», а эта штука, — Павел махнул рукой на решетчатые фермы за спиной, — способна доставить нас прямо к цели.

— Что это такое? — спросил в наступившей глубокой тишине Ивашура.

— Трансгресс, парамост времяпространственных перемещений, нечто вроде нашего метро.

— Как метро? — удивился Гаспарян. — Но ведь метро... подземка... вагоны...

— Это другое метро, — буркнул Белый. — Мгновенный масс-транспорт.

— Значит, мы все располагаемся в этой трубе и...

— Не торопитесь, — раздался сзади холодный голос. — Нигде не надо располагаться, вы свой путь прошли до конца.

Все оглянулись. Из-за поворота коридора в пятидесяти метрах вышли Одинцов и Володя с какими-то незнакомыми аппаратами в руках, напоминавшими портативные телекамеры. Их наплечные «универсалы» смотрели прямо в лица разведчиков. Затем из-за спины полковника вышли еще четверо молодых людей в маскировочных комбинезонах («хамелеоны», определил Павел, плюс аннигиляторы, плюс гранатометы, круто!) с еще более странным оружием в руках. Иван узнал в одном из них усатого «разведчика» с отметиной на щеке от ножа. Это были «санитары».

— Мартын Сергеевич! — раздался сдавленный голос Гаспаряна. — Что за шутки?! Как вас понимать?

— Это не шутки, к сожалению, — спокойно произнес Жданов, единственный из всех, кто не потерял присутствия духа. — Я давно ждал чего-нибудь подобного, но подозревал другого человека.

— Вы правы, инспектор, — не менее хладнокровно ответил Одинцов. — Я эмиссар тех, кого вы называете «хронохирургами». — Полковник слегка улыбнулся бледными губами. — Конечно, я человек и не всегда был эмиссаром, но они меня нашли и уговорили, — еще одна беглая улыбка, — стать на их сторону. Мы знали, что готовится операция по обрыву струны... э-э... по выключению хроноускорителя, но не знали конкретных исполнителей. А после вашего исчезновения на подготовку другой команды уже не останется времени. Так что прощайте, Игорь Васильевич...

— Подонок! — выдохнул Гаспарян.

Ивашура не успел ничего предпринять. Тонкий серебряный лучик вылетел из объектива «телекамеры», ко-

торуую держал Володя, и буквально разрезал Сурена пополам, сверху вниз. В абсолютной тишине все заворожено смотрели, как падает Гаспарян — в р а з н ы е стороны. Хлынула кровь. Вскрикнули Тая и Рузаев, бросаясь друг к другу. Включили наплечные турели Жданов и Белый, понимая, что не успеют. Еще мгновение — и началась бы стрельба на поражение, но в этот момент раздался голос смуглого «разведчика»:

— Подождите, эмиссар. Я бы хотел поговорить один на один вон с тем рыжим. Однажды он меня очень сильно огорчил. — Усатый потрогал шрам на щеке. — Не возражаете? А потом выполняйте приказ.

Одинцов немного поколебался, отступил, но потом вдруг выстрелил из «универсала» прямо в воронку трансгресса. Сверкнула тусклая белая вспышка, и решетчатая труба исчезла, освободив коридор.

— Это чтобы у вас не появилось соблазна. Начинай, Мануэль.

— Кажется, я вас тоже знаю, — проговорил Жданов. — Мы с вами тоже встречались в свое время. Вы — начальник медцентра Управления...

— Сейчас это не имеет никакого значения. — Усатый брюнет бросил на пол оружие, снял свой камуфляжный комбинезон и, оставшись в пушистом коричневом трико, поманил пальцем Кострова. — Выходи, парень, доведем наш спор до конца. Помнишь, я говорил тебе, что мы встретимся в других временах?

— Я-то помню, — глухо ответил Иван, снимая скафандр.

— Может быть, поговорите со мной? — предложил Павел. — Все же мы из одного времени...

— А ты умолкни! — Брюнет наставил на Жданова палец. — Твой черед еще не пришел. Эмиссар, отрежьте ему уши, если он вмешается.

— Ваня! — слабо воскликнула Тая, порываясь броситься к Ивану, но Ивашура остановил ее, все еще заторможенно глядя на тело Гаспаряна в луже крови.

Глянул на Сурена и Костров и тут же прыгнул к противнику, полный гнева и боли.

Глава 11

Хоронили Сурена в металлическом ящике, запустив этот необычный гроб в сторону горящего смерча в самом центре облака пыли, за пределами здания. Чудесные препараты — «живая и мертвая вода» — не смогли оживить человека, разрубленного надвое, срастить его половины. Лишь медицина двадцать четвертого века имела возможности, не стопроцентные тем не менее, вернуть к жизни столь сильно искалеченного, да и то при условии немедленной его доставки на операционный стол.

Бой Ивана Кострова с Мануэлем закончился не так, как хотел этот высокомерный, запрограммированный на убийство человек.

Сначала кипевшие страсти, буря чувств в душе Ивана мешали ему драться, гнев слепил глаза и лишал осторожности. Дважды побывав в нокауте от ударов броне-та, владевшего какой-то неизвестной Ивану системой рукопашного боя вполне профессионально, Костров нашел в себе силы успокоиться, собраться. Он сосредоточился на защите и начал теснить противника, раз за разом отбивая его атаки и отвечая точными и резкими ударами.

Длилась их схватка минут пятнадцать, пока Иван не уложил наконец «санитара» ударом в лицо, сломав ему нос. Коллеги Мануэля зароптали, поглядывая на Одинцова, державшего под прицелом отряд Жданова. Снова воздух в коридоре буквально завибрировал от скрестившихся взглядов, полных ненависти и ожидания смерти, но в схватку внезапно вступили новые действующие лица, и баланс сил изменился в другую сторону.

За спинами «санитаров» возникла кружевная тень, одна за другой сверкнули бесшумные неяркие молнии выстрелов, и двое обезглавленных «санитаров» свалились на пол. Третий оглянулся, успев выстрелить в ответ на развороте, но попал лишь по вставшему на четвереньки броне-ту.

Одинцов тоже оглянулся, и этого полусекундного за-

мешательства хватило Павлу и Грише Белому, чтобы сманеврировать и открыть ответный огонь. Выстрел из «глука» превратил бывшего полковника в кляксу копоти на стене, второй то же самое сделал с Мануэлем, дотянувшись до оружия. Бывший телохранитель Одинцова успел-таки выстрелить из «телекамеры»-аннигилятора, ранил Ивашуру в плечо и Белого в бок, едва не разрезав того до пояса, но следующий импульс из «глука» достал и его. Оставшегося в живых «санитара», не сдержав ярости, добил Федор Полуянов. Это его появление и спасло отряд в самый последний момент. Хотя после разговора с инком Ствола Павел пришел к выводу, что тот момент был не последним. В дело готовы были вмешаться и другие силы, наблюдавшие за схваткой вместе со Стасом. Просто Полуянов начал бой раньше.

Раны Ивашуры и Белого удалось залечить быстро и достаточно надежно с помощью эликсира из фиолетового флакона под названием «Билайф». Затем состоялись похороны Гаспаряна, после которых отряд собрался в кольцевом зале у трубы лифта.

— Выхода у нас нет, — ровным голосом сказал Жданов, оглядев ожесточенные, подавленные, усталые лица. — Надо идти вниз, отвечая огнем на огонь, преодолевая препятствия и не думая ни о чем, кроме задания. Еще раз спрашиваю, — никто не обидится, не назовет вас трусом: кто не уверен в своих силах, чтобы идти дальше? Путь назад еще не закрыт.

Все молчали.

— Что ж, — Павел посмотрел на отрешенное лицо Валетова, — спасибо, разведчики, мы не ошиблись в вас. Вперед?

— Эгей, постойте, — остановил его Рузаев. — Вы же говорили что-то о возможности выйти в нужную точку времени...

— Говорил, но тогда перед нами был трансгресс.

— Точно такая же труба торчала и в другом коридоре.

Павел мгновение смотрел на Михаила непонимающе, потом звонко шлепнул себя ладонью по лбу.

— Точно! Я совершенно забыл... — Он чуть ли не бегом бросился из зала, и вскоре весь отряд собрался у

решетчато-дырчатой трубы трансгресса, пересекающего Ствол в данном узле его выхода в реальность одной из ветвей Мироздания.

— Ждите, я кое-что выясню. — Павел дотронулся до ближайшего «швеллера» трубы и оказался внутри стартовой полости трансгресса в окружении своих отражений. Но вместо стандартного: «Нуль-вызов принят...» — женский голос произнес другую фразу:

— Информ Солювелла-один слушает вас.

Павел едва не растерялся, ожидая услышать если и не мужской, то другой женский голос, потом сообразил, что это не радио и не звук, а мыслепередача, не несущая отпечатка личности абонента.

— Из Солювелла-три по каналу хроноквантового бура, соединившего многие ветви Мира, был послан контейнер с весьма важным грузом. Масса груза приблизительно сорок тонн, габариты...

— Достаточно. Ваш груз в виде пакета информации застрял между узлами выхода Ствола. То есть он все еще как бы в процессе перехода. Задержка объясняется вмешательством неизвестных мне сил. Координаты пакета...

— Не надо, я все равно не ориентируюсь. Существует ли способ освобождения груза... э-э... пакета в реальность одного из узлов Ствола?

— Несомненно. Установите контакт с теми, кто задержал груз, и...

— А вы не поможете сделать это? Передать им... тем, кто... тем, кто следит или кто задержал, от моего имени...

— Если вы Павел Жданов, то могу.

Павел рассмеялся, чувствуя себя свободно и легко, но постарался взять себя в руки.

— Я Жданов. Если вы помните, мы уже встречались с вами в трансгрессе Солювелла-три.

— Лично я не встречался (голос женский, а говорит о себе как мужчина), но факт встречи подтверждается, масса и габариты совпадают, параметры контакта тоже. Ваша просьба выполнена.

— Что? Уже?!

Информ Солювелла-один, а может быть, уже авто-

мат обслуживания трансгресса промолчал. Павел сказал торопливо:

— Выпустите меня на минуту.

Спустя мгновение он стоял рядом со всеми.

— Полный порядок. Груз перехвачен, но сочувствующей нам стороной. И я понял так, что скоро нам его... — Павел не договорил.

Из недр здания прилетел короткий грохот, сопровождаемый низким затихающим гулом, от которого задрожали стены и пол коридора. Затем раздались знакомые тяжелые шаги, из-за поворота коридора показалось черное плечо, а потом и весь черный всадник, напоминавший заготовку для скульптуры человека с едва обозначенными руками, ногами и головой. Размеренно шагая, гигант приблизился, остановился напротив цепочки людей, словно разглядывая их всех сразу своим единственным кроваво светящимся глазом. В его облике что-то неуловимо изменилось — исчезла щель глаза, и он, не поворачиваясь, потопал обратно.

— Какой он разговорчивый! — проворчал Рузаев.

Ивашура, стоявший сбоку, заметил, как щель глаза хронорыцаря переместилась с лица на затылок, и сообразил первым:

— Он повернулся... развернулся сам в себе!

— За ним! — среагировал Павел.

Отряд бросился догонять всадника, шагавшего с личной скоростью — километров десять в час, несмотря на внешнюю неуклюжесть и габариты.

Идти пришлось недалеко, до выхода из здания.

Пролом в стене, вернее, многометровый вывал части стены и коридора с панелью управления говорил сам за себя: черный всадник прошел здесь, не тратя времени на расшифровку кода замка. Дойдя до зияющей дыры, он с ходу нырнул в невесомость и пропал в сияющем тумане внутреннего пространства Ствола. В бинокль было видно, как он садится — в невесомости! — на своего кентавра, сливается с ним в одно целое и направляется к противоположной стороне здания, будто едет по дороге, а не летит в Космосе.

Павел повел окулярами бинокля и увидел недалеко сигару долгожданного контейнера, воткнувшуюся носом в стену здания слева от пролома.

— Ура! — сказал он шепотом, словно боясь, что видение исчезнет. Но оно не исчезло. Контейнер был доставлен точно по назначению, а чего это стоило и кому, принципиального значения не имело.

Спустя час Павел собрал команду в зале возле лифта мембраны. Груз — три аппарата, называемые в двадцать четвертом веке «големами» и представлявшие собой защитные капсулы с мощным энергозапасом, — уже был распакован. «Големы» ждали своих хозяев здесь же, в зале, похожие на матово-белые торпеды, внутри которых было ровно столько свободного пространства, чтобы разместилось трое человек.

— Через минуту мы стартуем на Дно Мира, — сказал Павел просто. — По каналу трансгресса, пересекающему Ствол совсем не случайно. Теперь я могу ответить, кто следил за мной, незримо присутствовал и помогал нам во время путешествия по хроношахте. То есть я не знаю, кто они на самом деле и как выглядят, но знаю, что они из ветвей Мироздания, также затронутых виртуальной петлей Ствола, Бича Времен, как справедливо выразился один мой знакомый ученый. Вполне вероятно, что «хронохирурги» хотели с помощью Бича ампутировать вовсе не нашу ветвь Древа Времен, не нашу Метавселенную, а какую-то другую, мешающую им развиваться, а нашу они зацепили рикошетом. Возможна и такая ситуация, что «хирургов» вообще не существует, а есть потенциальная возможность рождения ветви — их Метавселенной, после того как будет отрублена наша ветвь вместе с другими...

— Да какая нам разница! — перебил инспектора Рузаев, еще не пришедший в себя после гибели друга.

Павел замолчал.

— Миша, опомнись, — тихо сказал Ивашура.

Рузаев сморщился и, спотыкаясь, вышел из зала. Тая оглянулась на Кострова и бросилась вслед за Михаилом.

— Извините его, — хмуро проговорил Ивашура. — Сурен был его другом... да и моим тоже.

— И моим, — оскалился Иван.

Павел кивнул.

— Я понимаю. Лекция была действительно не нужна.

— Что нам предстоит делать там, в точке выхода?

— Всего лишь протаранить хронобур. Пройти зону горения времени — «големы» защищены от хронопены специально — и протаранить хронобур. Достаточно в принципе пройти одному «голему».

— Но он же, бур... выйдет из строя?

Павел покачал головой.

— Хронобур — не машина, не механизм или излучатель, он — сгусток тахионных полей, сложная суперпозиция самых немыслимых состояний материи. Войдя в него, мы нарушим баланс его энергоинформационных связей, и цепь выходов Ствола распадется.

— А... мы? — впервые заговорил Лаэнтир Валетов гортанным голосом. — Погибнем?

— Кто вам такое сказал? — поднял голову Белый. — Но, с другой стороны, где вы собираетесь жить, если исчезнут Вселенная, Солнце, Земля?

Валетов отвернулся.

— Еще вопросы будут? — глянул на него исподлобья Павел.

— Разбивайте нас по экипажам. Управление «големов» мысленное? Оружие какое-то имеется на случай встречи с «хирургами»?

— Включившись в контур управления «голема», вы получите всю необходимую информацию, содержащуюся в памяти его инка, так что недоразумений не предвидится.

— Тогда пойдем так, как шли до встречи. Иван и Тая — с вами, Павел, Миша Рузаев — со мной и с вашим коллегой, Федором. Ну, и вы, Гриша...

— С господином Валетовым, — прищурился Белый. — Не возражаю.

В зал вошли присмирившие Рузаев и Тая. Ивашура подошел к ним, обнял за плечи. К друзьям присоединился Иван, затем, поколебавшись, Федор Полуянов.

Белый покачал головой, покосился на Павла и полез в один из «големов», где уже скрылся неразговорчивый Валетов.

Глава 12

Глубокая бархатная чернота...

Бездна...

И в то же время — Дно Мира!

Чувства человеческие отказывались воспринимать то, чему невозможно было подобрать названия. Не существовало ни слов в человеческом языке, чтобы выразить понятия, ни самих понятий. Лишь паранорму, каким был Павел Жданов, приоткрылась часть картины Вселенной, призрачный танец субстанций и вибраций, не нарушающий тем не менее абсолютной черноты, но и он не смог бы выразить свои видения не только на уровне языка, но и на уровне мысли. Вселенная в этом месте — Нигде — только-только начинала инфляционный разбег, еще не существовало ни полей, электромагнитных, гравитационных, прочих, ни элементарных частиц, ни пространства, ни времени — Ничего! Было только движение Материи. Квантовый переход, породивший бесчисленное количество ветвей Древа Времен, только что произошел — благодаря уколу хронобура, созданного людьми, а по сути — той самой ветвью, которую люди считали единственной реальностью, единственной Вселенной. Но сам хронобур вместе со Стволом-оболочкой, поддерживающей его режим, еще не выкристаллизовался, не стал реальным до конца, как бы существуя и не существуя одновременно. Человеческий глаз его не видел. Он видел глубокую бархатную черноту. Бездну!

Все три «голема» вышли из струны трансгресса одновременно.

Потрясение, испытанное всеми без исключения членами экипажей при виде того, чего они не ожидали увидеть, длилось недолго: инки «големов», не знавшие эстетических и прочих колебаний, мгновенно отрезвили пилотов гонгом тревоги. Затем вокруг началась метаморфоза пространственных изменений, вызванная появлением хронобура.

Да, их ждали — аппараты «хронохирургов», квазижи-

вые, псевдоживые, полуживые и вовсе неживые, искусственные организмы — термины были не суть важны. Возможно, сюда начали прибывать и другие космические и времяинвертирующие корабли (сооружения, комплексы, машины, роботы) других разумных существ, но люди в «големах» все же были первыми! И посланники «хирургов», ждавшие появления противника с другой стороны и в другое время, опоздали. Опоздали принципиально.

Да, они перехватили «големы» — на уровне информационного сообщения, однако не успели сформировать Закон, который бы запретил людям действовать, изменяя вероятностные характеристики еще только готовой родиться ветви — Метавселенной.

Собственно действие произошло в ничтожнейшие доли мгновения, но для людей оно длилось бесконечно долго, уместаясь в часы плотного потока событий и непрерывного боя.

Но перед этим раскрыли себя Те, Кто Следил за Ждановым.

Голос прозвучал в голове каждого из команды Павла, как только люди пресытились созерцанием и чувствованием Бездны. Павел сразу узнал этот голос, принадлежащий одному из Тех, Кто Следил за ним.

— Вы все-таки добрались до цели, земляне. Мы рады за вас.

— Кто говорит? — прошептала Тая, невольно сжимая пальцы сидящего рядом в уютном гнезде «голема» Ивана.

— И я рад! — искренне ответил Павел. — Кажется, мы прибыли вовремя?

— О да, расчет был феноменально верен. Через некоторый отрезок длительности движения — можете называть этот отрезок секундами или минутами — вы станете первыми свидетелями Ответвления, или, иначе, рождения ветви Времени, соответствующей вашему понятию начала Вселенной. Что вы намерены предпринять?

— То, что обязаны, — торпедировать хронобур.

— О нет! Вы обязаны его сохранить! Во всяком

случае — в первые мгновения выхода. Кто дал вам задание уничтожить хронобур?

— Какое это имеет значение? Ромашин... комиссар-два... по рекомендации Златкова...

— Златков — э м и с с а р «хронохирургов»! Он запрограммирован ими самым первым. Вся наша операция построена таким образом, чтобы вы дошли до Дна Мира и устранили первопричину его рождения.

— Не... может... быть!

— Увы, инспектор, это правда. Уничтожив хронобур, вы тем самым отсекаете свою ветвь Времени, свою Метавселенную от Древа Времен. Впрочем, как и нашу, которая должна будет ответвиться от вашей.

— Этого... не может... быть! — Павел вдруг понял, что, несмотря на сумбур в голове и бурю чувств, поднятую в душе свалившейся новостью, он сразу поверил обладателю голоса.

— Вы уже знаете, что это правда. Потому что в душе у вас давно появились сомнения — слишком легко и гладко вы добрались до цели. Если бы мы хотели, мы запрограммировали бы вас, как «хронохирурги» кодировали своих слуг, и колебаний вы бы уже не испытывали.

— Но... тогда... почему же вы сами не устраните все препятствия? Не помешаете «хирургам», не уничтожите их, наконец?

— Мы не всемогущие боги, мы только делаем все возможное.

— Черные всадники, хронорыцари, — ваши исполнители?

— И всадники, и черепахи, и многие другие. Они выполнили свою миссию, отвлекли на себя основные силы «хронохирургов». В каждом узле выхода Ствола они обнаруживали себя специально, вынуждая противника сражаться, уводя его от тех мест, где появлялись вы. «Хирурги» ждали... и ждут вас в соседнем квантовом переходе, где основные н а ш и силы делают вид, что готовы защитить вашу команду, как только она появится. И бой там идет нешуточный, он колеблет все Древо Времен!

— Что же нам... делать?

— Противоположное тому, что вы собирались делать. В момент вытаскивания хронобура в данной ветви Предыдущего Древа необходимо защитить его от распада. «Хирурги» же попытаются его нейтрализовать, разрушить. Ваше предоявление даст шанс процессу рождения ветви состояться, начаться, а тогда уже можете и торпедировать хронобур.

— Зачем?

— А разве вы не хотите вернуться? Гарантий мы дать не можем, обратная хроноволна может выкинуть вас в реальность любого узла Ствола, то есть в реальность любой ветви, но мы надеемся, что это будет Земля вашего времени.

«Какого именно?» — хотел спросить Павел, подумав о спутниках из двадцатого века, но сказать уже ничего не успел. Хронобур выпал из траектории своего движения в прошлое.

Чернота вокруг перестала быть абсолютной.

Тонкий, прозрачный, почти невидимый луч света перечеркнул Бесконечность, Бездну мрака. Вокруг луча заворочались чудовищные тени, группируясь в поразительные, больше ощущаемые, чем видимые, асимметричные структуры. Луч света превратился в световой пунктир, один из его штрихов стал разгораться, раздулся в бледное серебристое веретено, налился золотым сиянием. И тотчас же с неслышимым, но потрясшим всю Бездну ударом черные структуры образовали гигантскую, раскаленную до немыслимых температур трубу, которая сформировалась вокруг сияющего веретена осязаемо плотной материальной кольцевой стеной. Это проявился Ствол. В то же мгновение Бездна мрака за его внешними стенами превратилась в жуткое море слепящего пламени...

Несмотря на ожидаемое появление противника, Иван его прозевал. Первой корабли «хронохирургов» заметила Тая, и этого было достаточно, чтобы соответствующим образом настроенные боевые системы «голема» открыли огонь.

Конечно, космическими кораблями эти образования

назвать было трудно; немислимые сочетания фигур, огней, световых линий, черных клякс и полос — вот что представляли собой аппараты «хронохирургов». Но веяло от них таким беспощадным и жестоким холодом, такой смертельной тоской, враждебностью и угрозой, что сомнений не возникло ни у кого. Эти искусственные образования можно было назвать и «хронокиллерами», и «скальпель-аппаратами», и «сторожами границы», но их возможности были намного шире: они могли изменять физические законы, сущность любого процесса, мешающего властелинам данной ветви Мира. Если бы не машины с людьми, также способными изменять законы, все произошло бы так, как рассчитали «хронохирурги». Но люди начали бой за существование раньше, задержав и з м е н е н и е на тот неуловимо краткий миг, который понадобился хронобуру для того, чтобы дать толчок процессу развития новой ветви Времени.

Вряд ли участники этого невероятного боя смогли бы описать его во всех деталях. Длился он долго лишь по их биологическим часам, на самом деле все произошло мгновенно: «големы» выплюнули реки огня, искажившие метрику данного локального района Предыдущей ветви (еще не-пространства и не-времени), сделали прыжок, снова накрыли залпами энергии замешкавшихся «законотворителей» и успели сделать это еще раз перед тем, как совершить последний прыжок — в глубину сияющего факела, зажженного хронобуром.

Люди уже не увидели, как растаял Ствол, как огненное веретено хронобура лопнуло, истекая клочьями радужного огня, и как прынула во все стороны волна и н ф л я ц и и — сверхбыстрого раздувания новой Метавселенной, новой ветви Времени...

Тая открыла глаза.

Она лежала на траве, в тени какой-то изуродованной до неузнаваемости машины, укрытая куском полупрозрачной ткани. Под головой — мягкий сверток из серебристого меха, на ногах — странные сапоги, на теле нечто

вроде пушистого черного трико. Она рывком села, так что закружилась голова.

Поляна в лесу, лето, травы, цветы, пчелы, свежий воздух, упоительные запахи... и тишина, от которой звенит в ушах!

Она встала, все еще чувствуя усталость, с недоумением оглядела разбитую машину, напоминающую половинку гигантского ананаса, увидела поодаль еще две такие же машины, прошептала, сжав виски ладонями:

— Ничего не понимаю!

Издалека долетел звонкий металлический щелчок, похожий на выстрел. Девушка вздрогнула и вдруг вспомнила все! Лавина воспоминаний рухнула на голову, ударила по нервам, взорвала сердце, заставила испуганно озираться и прятаться неведомо от кого, ждать выстрела в спину... Она не выдержала и закричала:

— Иван!..

Легкое лесное эхо вернулось из чащи, на другом краю поляны раздвинулись ветки незнакомых кустов с яркими сиреневыми цветами, и на траву вышел Иван Костров, голый, в одних плавках, мокрый, с полотенцем через плечо. Помахал ей рукой, подошел, улыбаясь.

— Испугалась? Как самочувствие?

— Где... мы?

Костров перестал улыбаться, внимательно посмотрел в глаза девушки.

— Дома... на Земле.

— В Брянском лесу?

— Вряд ли. — Он снова заглянул ей в глаза, притянул к себе. — Так ли это важно, Тая? Мы живы. Вселенная сохранилась...

— Нет, но...

— Я понимаю. Но ты ведь со мной, а с нами друзья. Вместе мы справимся с любыми невзгодами.

— Все живы? — Тая затаила дыхание в ожидании ответа.

— Живы, живы, купаются, тут река неподалеку. Если хочешь, иди и ты, вода — просто блеск!

Тая вздохнула, пряча свой страх в глубине души, гля-

нула на безоблачное небо, на солнце, засмеялась и побежала по траве туда, где слышались мужские голоса и плеск волн.

Иван проводил ее взглядом, потом лицо его изменилось. Он посмотрел назад, на березовую рощу, поднял глаза выше и с трудом разглядел в небе над рощей два размытых, едва видимых планетных диска — серебристый и золотой.

Декабрь 1995 г.

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич
БИЧ ВРЕМЕН

Книга опубликована в авторской редакции
Художественный редактор *А. Г. Сауков*
Технические редакторы
Н. М. Носова, В. В. Шibaев
Корректор *В. И. Викулкина*

Изд. лиц. № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых монтажей 27.07.97.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,8.
Тираж 20 000 экз.
Заказ № 35

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

Отпечатано с оригинал-макета в Тульской типографии,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

индекс: 425

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ИЗВЕСТНАЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ СО СТАЖЕМ КАК «РАМОЧКА»

Серия составлена из бесценных жемчужин фантастико-приключенческого жанра. Аркадий и Борис Стругацкие, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Станислав Лем – из-под их пера вышли поистине «вечные» книги. Яркий талант, высочайшее писательское мастерство, смелые и глубокие идеи, увлекательные сюжеты, запоминающиеся герои – вот что отличает произведения этих авторов. Выпуски серии «КП и НФ» не только украсят книжные полки коллекционеров приключенческой литературы, они доставят истинную радость Вам и Вашим подрастающим детям.

**СЕРИЯ «КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» –
ВЫБОР ЛЮДЕЙ С БЕЗУПРЕЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВКУСОМ!**

**425001 А. и Б. Стругацкие. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах
Цена комплекта 170 000 руб.**

**425011 В. Звягинцев. «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ». В 4-х томах
Цена комплекта 68 000 руб.**

**425046 С. Лем. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 9-ти томах
Цена комплекта 153 000 руб.**

**425031 В. Михайлов. «КАПИТАН УЛЬДЕМИР» и другие произведения.
В 7-ти томах
Цена комплекта 109 000 руб.**

Все издания объемом 450-540 стр.,
цельнотканевый переплет, золотая
фольга, шитый блок.

Вы можете подписаться на всю серию
целиком (индекс 425) или на любое
собрание сочинений в отдельности по
вашему выбору.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВACHEB

**БИЧ
ВРЕМЕН**

